

Совсем

ДРУГОЙ ДРАКОН

РЕЙЧЕЛ ААРОН

Чтобы спасти семью от тирании матери, Джулиус должен наступить на много хвостов. Это не дарит Хорошему Дракону много друзей, но, когда намечается прогресс, возникает новая угроза.

Оказывается, может быть хуже. Драконы Китая прибывают, и Золотой Император требует капитуляции. Джулиус должен выбрать между верностью сестре, которая всегда заботилась о нем, и сохранением клана, за защиту которого он отдал все.

Перевод: Kuromiya Ren

Пролог

Тысячу лет назад

Бессмертные умирали.

Алгонквин лежала на дне своих озер, нити воды безумно искали источник ужасной пустоты, проникающей в нее. Поиски были отчаянными и тщетными, ведь Алгонквин знала, что проблема не могла быть тут. Это был физический мир. Проблемы на этой стороне были простыми, механическими, но смерть, растущая в ней, не была связана с ее рыбой или ее водой, как и землей, что была ее берегами тысячу лет. Это шло с другой стороны, из потока силы, который проносился по миру, какой знали только духи, как волны в море. Так много магии, что ей не было конца. Но она как-то заканчивалась.

С возмущенным воплем Алгонквин покинула берега и погрузилась в разлом, который был ее сосудом в глубокой магии, месте, где рождались духи. Она редко проделывала такой путь, не была ему рада. Как Дух Земли, она принадлежала земле, физическим силам солнца, ветра и дождя. Эта темная дыра ниже магии была лишь ее тенью, сосудом, который придавал форму магии, которая поднималась и становилась Духом Великих Озер. Но она любила это место когда-то, пока не появились Смертные Духи. Пока они не стали такими сильными. Но магическая сторона мира теперь принадлежала им. Даже Алгонквин, которая боролась с ними, когда могла, боялась, приходя сюда. Что бы ни происходило сейчас, это нельзя было решить на освещенной солнцем стороне, так что она смирилась и погрузилась глубоко сквозь тьму сосуда, дающего ей форму и жизнь в царство за ним. Ужасающий хаос, который смертные звали Морем Магии.

Или то, что от него осталось.

Алгонквин впервые поднялась из разлома, который вырыли в магическом пейзаже ее озера, и увидела ничто. Магия не гудела, не было волн. Даже Смертные Духи пропали бесследно, оставив дно Моря Магии пустым, как пустыня.

Она долго билась с ними, и это обрадовало бы ее, но, хоть она ненавидела монстров людей, ничто не могло подавить страх от вида пустого пространства на месте моря. Она выбралась из сосуда, чтобы попытаться понять, что случилось, куда пропала магия, когда она увидела это.

Гора теперь поднималась из земли Моря Магии вдали, где не было раньше горы. Она была прямой и круглой, как столб, но, в отличие от сосудов духов, которые Алгонквин видела, этот тянулся вверх, а не вниз, поднимался так высоко, что она не видела вершину. Но она ее чувствовала. Где-то наверху, вне ее досягаемости на полу высохшей пустыне, смертные творили магию. Не обычные смертные и не обычную магию. Это были самые опасные из их вида, предатели, которые звали себя Мерлинами. Вместе с их ужасными

богами они творили с оставшейся магией, собирали ее и превращали в то, чем она никогда не должна была стать. Что-то твердое и сухое.

То, чего она не могла коснуться.

— Нет! — закричала она. — Стой!

Но ее голос не издал ни звука. Тут не осталось магии, чтобы он разносился. Ни жизни, ни силы. Ужасная пустота давила на нее, как летнее солнце в засуху, и это обжигало ее. Магия Алгонквин стала испаряться.

— Нет, — повторила она, хватаясь за свою воду, пока она исчезала. — Нет! Я не хочу умирать!

Но остановить это нельзя было. Люди как-то остановили поток магии. Остановили море. Без текущей силы оставшееся быстро рассеивалось, оставляя ее в луже, которая быстро уменьшалась.

Оставляя ее умирать.

— Нет, — она всхлипывала, но ее голос стал крохотным. Время текло иначе на этой стороне. В реальном мире растущая пустота тревожила, но была умеренной, с этой проблемой можно было справиться. На этой стороне это была паника. Ее магия исчезала под ней, оставляя ее крохотной и слабой на дне ее сосуда. Когда она поняла, как все было, она ничего не могла сделать. Она не могла кричать, не могла встать. Не могла делать ничего, кроме как смотреть, как она исчезает.

Как она умирает.

Нет! Она была землей, частью самой Земли. Она не могла умереть! Если она исчезнет кто защитит ее рыбу? Кто отгонит драконов и сдержит волну людей? Она не могла умереть. Нет. Она сделает все, чтобы это остановить, что угодно.

— Прошу! — зазвучали во тьме ее последние крики. — Кто-нибудь, помогите!

Я не хочу исчезать!

Ее последняя мольба была мыслью. Пропавшая магия забрала с собой все, даже ее голос. Она была теперь пустой пещерой. Призраком, и даже это было таяло. Она отчаянно просила о помощи. Молилась тьме, обещала что угодно, чтобы не исчезнуть. Не умереть. И когда ее остатки падали в сон без сновидений, что-то прошептало в ответ:

Что угодно?

Она не слышала раньше этот голос. Это был даже не голос. Это было как движение в темноте, и оно исходило издалека. Но это был ответ, и она получила только такой, и Алгонквин потянулась остатками магии, обещая все, если это спасет их. Спасет ее.

Ее крик был каплей воды. Мольба была такой слабой, даже она ее едва слышала. Но ответ был ясным.

Я иду.

Обещание скользнуло дым в пустоте, но Алгонквин уже там не было, чтобы его услышать. Она пропала, пустой сосуд погрузился в подобное смерти ничто, которое смертные десять веков спустя нагло будут звать сном. Хоть она не могла ответить, обещание было дано, и где-то далеко, за стенами измерений, что-то повернулось в пустоте между мирами и стало двигаться.

Глава 1

Брогомор, Великий Пророк Хартстрайкеров, (теперь) самый старший ребенок Бетездь Хартстрайкер, супруг Безымянного Конца, чемпион мира по тетрису уже тридцать три года сидел в конце залитого солнцем каньона глубоко в Дикой местности Нью-Мексико, играл с

малышом-драконом.

— Хорошо, та-а-а-ак, — сказал он, вытащив из мешка рядом с собой еще одну испуганную крысу. — Смотри внимательно. Эта полетит высоко.

Маленький пернатый дракончик щелкнул острыми зубками, ее золотые глаза следили за крысой, Боб отклонился, словно собирался бросить зверька высоко в ясное небо. А потом он повернулся и бросил крысу на землю рядом с собой.

Дракончик не обманулся. Грызун едва упал на песок, и малышка напала на него, проглотила его жестоким укусом.

— Молодец, — гордо сказал Боб, похлопав ее по голове.

Малышка облизнула зубки и заняла позицию. Боб потянулся за следующей крысой, когда на него упала длинная черная тень.

— Драматичен, как всегда, — сказал он, убирая извивающегося грызуна в мешок. Он повернулся и посмотрел на высокую фигуру, щурясь из-за яркого солнца пустыни за ней.

— Кто бы говорил о драме, — ответил Черный Размах, проходя в каньон.

Боб вежливо улыбнулся и раскрыл руки для дракончика, но она лишь фыркнула и отвернулась, побежала по каньону, охотясь на ящериц, которые прятались в стенах из земли.

— Итак, — Боб повернулся к старшему пророку. — Как ты попал сюда так быстро? Экспресс-корабль из Китая? Или ты перестал глупо бояться, что люди увидят твой полет?

— Не угадал, — сказал Черный Размах, наблюдая за охотой крохи. — Мне не нужно было спешить, потому что я не уходил. Я знал, что придется вернуться после случая в тронном зале твоей матери, так что я решил остаться и посмотреть страну. Я не был на этих землях с тех пор, как вторглись европейцы.

— Надеюсь, ты прервал отпуск не из-за меня, — сказал Боб. — Нам нужен доход от туристов. Этот переворот Джулиуса дорого стоит нашему клану.

Черный Размах кивнул, но он не смотрел на Боба. Его глаза все еще были прикованы к юному дракончику в конце каньона, ее хвост подрагивал, как у кота, она ждала, пока ящерица, которую она выслеживала, пошевелится.

— Ты знаешь, что я не могу оставить ее с тобой.

— Я такого не знаю, — сказал Боб. — Она Хартстрайкер.

— Она — пророк, — гневно сказал Черный Размах. — Как и ты. Я не могу позволить чтобы у одного клана были обе силы, которые формируют будущее нашей расы, — он повернулся к Бобу, строго хмураясь. — Отдай ее мне.

Боб сладко улыбнулся.

— Нет.

Холодные глаза Черного Размаха сузились на юном человеческом лице, но Боб повернулся и свистнул. Голова дракончика поднялась от звука, она повернулась, прыгнула в руки Боба с такой силой, что он отшатнулся.

— Хорошая девочка, — гордо сказал он, прижимая ее к себе, улыбаясь Черному Размаху. — Видишь? Она любит меня. Как я могу ее отдать?

Старший пророк не скрывал отвращения.

— Она — не питомец.

— Нет, — согласился Боб. — Но она такая умная. Смотри, — он улыбнулся дракону в своих руках. — Давай, милая. Покажи, чему я тебя научил.

Дракончик низко зарычала, а потом пропала, темное пернатое тело растаяло, как дым. Когда туман рассеялся, Боб держал человеческого ребенка. Маленького изящного младенца с

идеально ровными черными волосами и хищными золотыми глазами, которые не подходили смертному лицу.

— Видишь? — радостно сказал Боб. — Она одарена. Даже Амелия не могла принимать облик человека сразу из яйца, но она с первого раза научилась.

— Еще причина не оставлять ее с тобой, — сказал Черный Размах. — Будь разумнее, Брогомир. Перед ней вся жизнь. Если ты переживаешь за ее будущее, ты не будешь втягивать ее в свои обреченные планы.

— Но потому она мне и нужна, — возразил Боб, сжимая девочку сильнее. — Она — мой козырь.

— Тогда она бесполезна, — сказал пророк. — Мы оба знаем, как закончится эта игра. Я не пойму только, почему ты все еще ее ведешь.

— Думаю, это очевидно, — Боб пожал плечами. — Мы оба видели будущее, но, в отличие от тебя, мне мое не нравится. Отсюда и планы.

— Тебе не нужно больше планов, — рявкнул Черный Размах. — Это не моя вина. Я не заставляю тебя действовать. Ты всегда можешь вернуться, бросить планы и не пострадать.

— О, — Боб улыбнулся шире. — Теперь я понимаю. Это официальное предупреждение? — он радостно рассмеялся. — Я польщен, что ты пришел лично! Эстелла получила только телефонный звонок.

— Эстелла не была такой безрассудной.

— Да, ей всегда не хватало воображения, — согласился Боб. — Но скажи мне честно, мистер Смерть Пророков. За десять веков с этими словами они хоть раз сработали? Хоть один пророк от твоих слов сказал «а он прав» и бросил свои планы?

— Нет, — с горечью сказал Черный Размах. — Но это не значит, что я остановлюсь. Это не просто слова. Это повод моего существования. Я — Дракон, Видящий Вечность. Как мой брат, Дракон, Видящий Начало, я был создан твоими предками ради одной цели: убедиться, что ошибки прошлого, которые уничтожили наш дом и обрекли всех драконов быть беженцами в этом измерении, не повторились. Это мой священный долг, задание, для которого я существую. Но хоть я не могу быть мягким в своей работе, я могу быть милосердным. Я обращаюсь к каждому пророку, когда вижу, что они начинают идти по запрещенной дороге, и предлагаю им свои знания. Я давал им возможность, которой не было у драконов, которые меня создали, выбрать другой путь и избежать разрушений. Этот дар я даю каждому пророку, а теперь даю тебе.

— И я снова польщен, — сказал Боб. — Но...

— Нет, — прорычал он. — Никаких «но». Хватит пытаться быть умным, Брогомир. Послушай. Ты выбираешь будущее, где только один исход, и я не могу его позволить. Мы провели много хороших разговоров за твою короткую жизнь. Я мог бы даже назвать тебя своим другом. Как друг, я умоляю тебя, не делай этого. Не заставляй меня убивать тебя.

Боб вздохнул, посмотрел на красноватую каменистую землю между ними.

— Не каждый день кто-то получает искреннюю мольбу от одного из двух великих драконов, — сказал он. — Я тронут, правда, но, боюсь, мои планы не изменятся.

— Почему? — спросил Черный Размах, его низкий голос дрожал от ярости. — Ты знаешь, что обречен. Мы оба это видели, так почему ты настаиваешь?

— Потому что видеть будущее не равно понимать его, — сказал Боб, подняв голову, чтобы улыбнуться голубке, которая спустилась с ясного неба на его пальцы. — Ты научил меня, что самая большая слабость пророка — его ожидания. Мы привыкаем видеть все до

того, как это случается, и забываем, что нас еще могут удивить. События, которые кажутся несомненным с одной стороны, могут выглядеть иначе с другой.

— Это твоя стратегия? — оскалился Черный Размах. — Спрятаться в моем слепом пятне? Хотя я знал все возможные повороты твоей жизни до твоего рождения?

Боб пожал плечами.

— Что еще у меня есть? Как ты и сказал, ты запланировал все это до моего рождения. Я не могу соперничать с тем уровнем знаний и планирования. Но факт, что мы ведем этот разговор, доказывает, что хотя бы один угол ты еще не видел, и пока это так, у меня есть надежда.

Он склонился и поцеловал пернатую голову голубки, Черный Размах с отвращением отвернулся.

— Порой мне кажется, что ты сошел с ума, — буркнул он. — Но я все сказал. Ты видишь, что грядет смерть, как и я. Если это тебя не заставляет изменить курс, я ничего больше не могу сделать.

— Но все же попытаешься.

— Конечно, — сказал конструктор. — Пока оно не станет прошлым, будущее не определено, — он печально улыбнулся Бобу. — Не ты один можешь надеяться.

Боб улыбнулся в ответ.

— Значит, ты уже не будешь пытаться забрать мою милую? — спросил он, обнимая дракончика, ставшего человеком. — Ведь времени так мало и все такое?

— Я не должен, — сказал Черный Размах. — Это плохой выбор, но... — он притих, глядя на малышку. Она с любопытством смотрела на него. — Я не предвижу вреда из-за твоей опеки над ней, — он пожал плечами. — Можешь оставить ее до конца. Мы оба знаем, что это будет скоро.

— Твоя доброта ценна, — тепло сказал Боб. — Спасибо.

— Если хочешь поблагодарить меня, послушай, — сказал гневно Черный Размах, хмуро глядя на Боба. Он повернулся и пошел прочь. — Мы увидимся еще два раза до конца. Понадеемся, что ты используешь те шансы лучше, чем этот.

— Я всегда стараюсь стать лучше! — крикнул ему вслед Боб, но бодрость казалась пустой даже для его ушей.

Древний конструктор уже ушел, его высокое тело пропало в ярком свете пустыни у входа в каньон. Боб все еще шурился, глядя туда, где он был, когда что-то пронеслось по голубому небу над ним. Что-то большое, двигалось быстро.

Боб бросился в укрытие каньона, прижимая ребенка с золотыми глазами к груди, охотящаяся драконша через секунды пронеслась над ними.

— Это знак, — шепнул он, когда опасность миновала, с опаской глядя из каньона на полоску голубого неба. — Идем, милая. Эта пустыня вскоре станет шумной, нам пора идти.

Девочка щелкнула зубами и гневно указала на мешок крыс, брошенный на земле.

— Позже, — пообещал он, выбираясь из впадины каньона. — Или Боб не твой дядя.

Он долго ждал для этой шутки. К сожалению, дракончик лишь в смятении смотрела, пока он нес ее по скрытой тропе в дальней части каньона и по склону в рощу полыни.

— Тут, да? — спросил он у голубки, летящей сверху.

Птица ворковала, села на изогнутые ветки с шипами, где другая птица уже ждала. Большая, черная, с умными глазами, которые смотрели на голубку как на конец света.

— Не верится, что я дал тебе уговорить меня, — прохрипел Ворон, сделал большой шаг

на ветке от голубки. — Я знаю, играть с огнем — первый инстинкт дракона, но это чересчур. Даже для тебя.

— Ах, — Боб опустил девочку на ноги. — Но если бы ты не думал, что риск того стоит, тебя бы тут не было, да?

— У меня не было выбора, — рявкнул Ворон. — Алгонквин всех нас поймала за хвосты. Даже твое безумие кажется разумным, по сравнению с этим.

Он посмотрел на Боба, словно ожидал, что дракон возразит, но пророк улыбнулся.

— Так все готово?

— Насколько возможно, учитывая обстоятельства, — птица склонила голову, глядя на Боба. — Ты?

Пророк вытащил телефон, идентичную копию древней голубой Нокии, которую он утопил на рисовом поле в Китае, но тут было меньше царапин. Он повернул отливающий зеленым экран, чтобы Ворон видел иконку сообщения в свете солнца. У него накопилось больше сотни сообщений, в основном, от Челси, но новое было важным.

К сожалению — и, наверное, оскорбительно, учитывая источник — сообщение было на китайском. Боб не был в нем силен, не использовал его больше шести веков. Он разглядывал иероглифы пару секунд, сдался и показал телефон Ворону.

Ворон в ужасе посмотрел на него.

— Серьезно?

— Ты говоришь на всех языках, — Боб пожал плечами. — Побудь полезным.

Он снова показал телефон духу, и Ворон утомленно покачал головой, спрыгнул с ветки на плечо дракона, откуда было видно лучше.

— «Мы идем».

Боб моргнул.

— Это все?

— Есть еще обещание смерти тебе и твоему клану, но смысл такой, — сообщил Ворон.

— Чудесно, — Боб убрал телефон в карман. — Да. Я готов.

Ворон встревожился еще сильнее.

— Ты играешь с множеством жизней, Хартстрайкер. Уверен, что это сработает?

— Будущее не определено, — честно сказал Брогомор. — Но я выстраивал эту цепочку домино почти всю жизнь, так что я почти уверен. Но если я не прав, мы все будем мертвы, и я не услышу, как ты скажешь: «Я же тебе говорил».

Ворон склонил голову, на миг Боб ощутил, словно все вороны мира смотрели на него одновременно.

— Не время для шуток, пророк, — буркнул Дух Ворон. — Я сильно рискую, доверяясь тебе.

— Мы все рискуем, — заверил его Боб. — Но мы можем только это. Будущее — движущаяся мишень. Можешь строить тщательные планы, сколько хочешь, но ничего не ясно, пока момент не настал. Даже тогда весь мир может перевернуться за миг. Если будешь следовать моим указаниям дословно — дословно — у нас будет шанс достичь давней мечты.

Ворон моргнул черными глазами.

— Ты — очень странный дракон.

— Чепуха, — сказал Боб. — Я — просто дракон, жадный, беспощадный и нацеленный на результат, как другие. Но поэтому ты можешь мне доверять. Все это для моей выгоды и твоей, что сочетается, как по мне. Кстати о результатах, ты получил приказы, так что пора

лететь домой. Я знаю, что у вас, бессмертных, гибкие отношения со временем, но остальные из нас живут по графику.

Ворон мрачно посмотрел на голубку Боба.

— Ни у кого из нас не останется времени, если это провалится.

— Тогда убедимся, чтобы я не отставал от расписания, — сказал пророк, постучал по голому участку на запястье, где могли быть часы, если бы он их носил. — Прыг-прыг, птичка.

Закатив черные глаза, Ворон раскрыл крылья и улетел, пропав мгновенно. Когда он пропал, Боб посмотрел на дракончика, которая весь разговор каталась в земле у его ног.

— И мы пойдем?

Девочка, как обычно, не слышала его вопроса, но вскинула голову, когда шум двигателя машины нарушил тишину пустыни. Она поднялась по дереву, пока шум становился громче, стала драконом, чтобы забраться сквозь спутанные ветки и лучше рассмотреть джип, полный смертных туристов, который появился на холме.

— Вовремя, — сказал бодро Боб, протянул руку к голубке. Когда он устроил ее удобно на плече, Боб пошел по холму. — Идем, милая, — позвал он. — Пора тебе познать радости автомобилей.

Девочка спустилась с дерева, подняла пыль, пока бежала за ним по холму в пустыне к ничего не подозревающим людям и машине, которая вскоре будет их.

* * *

В это время Джулиус Хартстрайкер, самый младший сын Бетезды Хартстрайкер и основатель недавно появившегося Совета, все еще был на самой неприятной встрече в его жизни.

— В последний раз говорю, — прорычал он, хмуро глядя на мать поверх их трехстороннего стола. — Мы не будем голосовать о распечатывании твоего облика дракона, пока ты не поклянешься на крови, что не попытаешься снова подавить Совет.

— В последний раз говорю: я такую клятву не дам, — Бетезда отбросила блестящие черные волосы. — Будущий мятеж — мое право как дракона. Что делать свергнутой главе клана, если не пытается вернуть власть?

— Ничего, — тихо сказал Иен, его карие глаза сияли от едва сдерживаемой жестокости. — Потому бывших глав клана обычно казнят. Но Джулиус проявил милосердие, ты это приняла. Не рыдай теперь, потому что пора платить, — он указал пальцем на клятву на столе перед ней. — Подписывай. Или больше никогда не будешь летать.

Это был жестче, чем действовал Джулиус, но он молчал. Два часа назад они освободили Челси и «Ф», стали обсуждать печать Бетезды, и его желание терпеть причуды матери давно пропало. Он не ожидал, что она просто примет судьбу — он не был уверен, что Бетезда Хартстрайкер знала, как это сделать — но он не думал, что потребуется пятнадцать раз переделывать клятву «пообещай, что не попытаешься разрушить новую систему, и тогда ты получишь облик дракона», чтобы она ее подписала.

— Мы были справедливы, — напомнил ей Иен. — Но это кончилось. Совет Хартстрайкер останется, и если ты не хочешь оставаться такой, — он указал на ее человеческое тело, — ты перестанешь быть упрямой.

Бетезда гневно посмотрела на него.

— Это вымогательство.

— Тебе стоит привыкать, — прорычал Иен. — Подписывай, матушка.

Бетезда нахмурилась, а потом схватила бумагу со стола.

— Ладно, — прорычала она, вонзила острый ноготь в подушечку большого пальца. — Хотите купол из бетона над кланом? Он будет на ваших головах.

Она прижала рану к бумаге, запечатывая сделку кровью. После этого магия впилась, как ее острые зубы, и все они охнули. Но, когда это закончилось, Джулиус невольно выдохнул с облегчением и забрал у нее подписанную клятву.

— Спасибо.

— Радуйтесь, пока можете, — прорычала она, слизывая кровь с пальца. — Не важно, что вы заставили меня подписать, эта идея обречена. Кланами драконов управляют страхом и огнем, не советами. Если я не могу бунтовать, это сделает кто-то другой. И когда неизбежное произойдет, последним, что вы услышите, будет мое «Я же говорила». А потом я откушу вам головы.

Технически, она уже не должна была так угрожать, но Джулиусу надоело спорить. Он просто написал свое имя внизу кровавого контракта обычной ручкой, так быстро, как только мог, а потом передал его Иену, который сделал так же. Когда их три имени были записаны, магия снова укусила. Но в этот раз магия Совета, а не Бетезды. Магия клана была сильной, но не могла заставить дракона действовать против его интересов. Только клятвы на крови могли заставить, потому они и проходили через это. Теперь ее кровь и их имена были на одном контракте, и они были связаны вместе. Бетезда теперь не могла подорвать власть Совета ее же огнем, значит, они могли продолжать.

— Вот и закончили, — Иен помахал контрактом, чтобы высушить его, а потом опустил в кожаную папку. — Я предлагаю распечатать Бетезду Хартстрайкер. Все за?

Все подняли руки.

— Принято, — Иен хмуро посмотрел на их мать, когда она вскочила с кресла. — Надеюсь, будущие решения Совета не будут такими мерзкими.

— Зависит от вас, — заявила Бетезда. — Голосование и разговоры были вашей идеей. Теперь, если вы закончили, снимите с меня это проклятие. Вы не поверите, как больно крыльям под печатью.

Она радостно оставила его таким на полтора месяца, так что Джулиус ей не сочувствовал. Но, хоть было бы приятно оставить ее страдать, обещание было обещанием.

— Сходим за Амелией.

Бетезда скривилась от упоминания имени старшей дочери.

— Другого никого нет?

Джулиус пожал плечами.

— Если только ты не хочешь еще сильнее быть в долгу перед Свеной. Печать Амелии на тебе слишком сложная для кого-то еще.

— Если Амелия достаточно трезвая, чтобы справиться, — добавил Иен, взглянув на часы. — Почт пять часов.

— Для Ходящей по измерениям всегда пять часов, — с горечью сказала Бетезда. — Но в чем Амелия всегда была хороша, так это в магии под влиянием. Пока она в сознании, мы будем в порядке.

От этой правды Джулиус скривился. Он хотел вскоре заняться этой проблемой старшей сестры. Сейчас алкоголизм Амелии был меньшей из его тревог.

— Надеюсь, она в состоянии справиться. Когда я видел ее в прошлый раз, она выглядела плохо.

Марси умерла и забрала с собой половину огня Амелии.

— Это ничего, — заявила Бетезда. — Я разрешила Амелию надвое, когда она была чуть старше тебя. Это должно было стать примером для ее кладки, но она испортила все, выжив. Если она смогла пережить это, она может пережить все. Я больше переживаю, как бы она «случайно» не запечатала что-нибудь еще, мерзкая змея.

Джулиус не был бы против, если бы Амелия «случайно» превратила их мать в жабу. Но он не мог ничего поделать, встал и махнул с неохотой Бетезде вести.

— Не верится, что нам нужно идти и самим ее искать, — жаловалась она, пока они шли из тронного зала. — Как Фрида и другие посмели бросить свои места! Теперь ничего не работает.

— Уверен, мы выживем без Ф, — сказал Джулиус. — Нам нужно научиться самим всем управлять. А они заслужили летать свободно. Все они.

Он посмотрел на Клык Челси, который все еще лежал, нетронутый, на балконе, где она бросила его, когда прыгнула к горлу их матери, но Бетезда закатила глаза и не заметила.

— Ты сейчас так говоришь, — прорычала она, распахнула деревянные двери, которые быстро установили, временно заменив резные двери, которые Боб сломал, когда пробивался в тронный зал. — Но когда завтра не будет завтрака, ты запоешь иначе...

Она застыла. Двери тронного зала открылись в Зал Голов, длинный туннель, который служил галереей для голов врагов Бетезды, ведущий к золотому лифту, который соединял вершину с остальной горой, включая комнаты Амелии на первом этаже. Но, хоть они были в пятидесяти футах от другого конца, двери лифта уже открылись, и оттуда вышла нервная Катя.

Они заметили друг друга в один миг, потому что, когда белая драконша посмотрела в его глаза, на ее лице проступило облегчение.

— Вот вы где! — завопила она, побежав к ним. — Я всюду искала! Пыталась спрашивать, но никто не работал за столом консьержа. Никто нигде не работает.

Бетезда пронзила младшего сына взглядом, который он игнорировал.

— Мне жаль, что у тебя возникли проблемы, — он прошел к подруге. — Чем мы можем...

— Это Свена? — перебил Иен, пробиваясь вперед. — Она готова?

Нервный взгляд Кати вернулся.

— Вообще-то, она пару минут назад снесла яйца.

Что означало, что теперь Иен был отцом

— Поздра...

— Почему я узнаю только сейчас? — гневно сказал Иен. — Она обещала, что не будет делать это без меня.

— Да, — признала Катя, опустила взгляд. — Но это было до.

— До чего?

Самая младшая дочь Трех Сестер вздохнула. А потом, как солдат на передовой, она выпрямилась во весь рост.

— Совет Хартстрайкеров, — вежливо сказала она, ее голубые глаза посмотрели на каждого по очереди. — Свена Белая Ведьма, Королева Замерзшего моря, приказала мне сообщить вам, что все соглашения и прочие дружеские отношения между нашими кланами теперь разорваны. Более того, отныне Иен Хартстрайкер лишен места супруга и изгнан из нашего клана. И он лишен контакта с детьми Свены, все они теперь будут расти как члены

нашего клана, невзирая на пол.

В комнате было тихо, когда она закончила. Наконец, Иен сказал самым жутким голосом, какой Джулиус когда-либо слышал:

— Что?

— Она больше не хочет тебя видеть, — объяснила Катя.

— Это я понял, — прорычал Иен. — Но это не ей решать. Это мои дети. Она не может прятать их от меня!

— Забудь мелочь! — завопила Бетезда, прошла мимо него. — А защита моей горы? Свена должна защищать нас от Алгонквин. Только потому я пустила сюда ледяных змей!

— Может, тебе стоило это учесть до того, как позволять вашему пророку предавать ее, — рывкнула Катя.

От этих слов Бетезда стала ошеломленной, и Джулиус хоть раз с ней совпал.

— О чем ты говоришь? — спросил он, втиснувшись между Иеном и матерью, чтобы поговорить с Катей прямо, а не за высокими драконами. — Как Боб предал Свену?

— Хочешь сказать, вы не знаете?

— Ясно, что нет, — прорычал Иен. — Мы весь день были на встрече, — он сжал ее плечи. — Что случилось, Катя?

Джулиус думал, что Катя откусит ему руки за такое поведение, но что-то между Бобом и Свенной было таким плохим, что Катя просто выглядела печально.

— Я надеялась, что вы мне расскажете, — сказала она. — Два часа назад Брогомил убил Амелию, Ходящую по измерениям.

Ее слова ударили Джулиуса как кулак.

— Боб... убил Амелию? — она кивнула, и он сжал кулаки. — Невозможно.

— И я так думала, — сказала Катя. — Но Свена видела это своими глазами. Она перенеслась в комнату Амелии, когда Брогомил закончил превращать ее в пепел.

— Но этого не может быть, — возразил Джулиус. — Боб не навредил бы Амелии. Она — его любимая сестра. Он бы не...

— Он это сделал, — гневно сказала Катя. — И теперь моя сестра в ярости. Свена всегда считала Ходящую по измерениям ее единственной соперницей. Убив ее, Брогомил украл ее победу. Это не просто оскорбление между кланами. Это личное, и Свена воспринимает это очень плохо.

Ясное дело.

— Ты не можешь ее успокоить?

— Думаешь, я не пыталась? — Катя гневно выдохнула дым. — Наш клан с трудом восстановился, потеряв Эстеллу и наших матерей. Нам не хватало еще лишиться веры и стать врагами самого большого клана в мире. Свена знает это, но она не слушает. Я еще не видела ее такой злой, — она покачала головой. — Вам повезло, что она не обрушила гору, увидев, как Брогомил сделал это.

— Она видела, как он это сделал?

Катя яростно посмотрела на него, и Джулиус поспешил объяснить.

— Я не говорю, что Свена врет, но Боб — пророк. Он часто делает то, что выглядит ужасно на поверхности, но оказывается хорошим, когда поймешь, что происходит. Может, он просто...

— Тут нельзя ошибиться, — рывкнула Катя. — Если хочешь доказательства, иди в комнату Амелии и посмотри сам.

Она будто бросила вызов, и Джулиус расстроено его принял, обошел Катю и попал в лифт за ней. Остальные драконы последовали, набились в золотую коробку, пока Джулиус снова и снова нажимал кнопку этажа Амелии и Боба.

* * *

— Я не рада так говорить, — прошептала Катя. — Но я же говорила.

Джулиус молчал. Он был слишком занят, смотрел на горстку бело-серого пепла, который когда-то был Амелией, Ходящей по измерениям.

— Был, наверное, серьезный бой, — Бетезда коснулась каблуком луж воды на каменном полу. — Свена выпустила достаточно льда, чтобы потопить военный корабль, — она с подозрением посмотрела на Катю. — Уверена, что твоя сестра сама не убила Амелию?

— Если бы это сделала она, она не винила бы пророка, — гневно ответила Катя. — Она сама тебе рассказала бы.

— И устроила бы вечеринку, а не истерику, — добавил Джулиус.

— Вряд ли Свена хорошо приняла бы смерть Амелии, в любом случае, — сказал Иен. — Даже если бы она ее устроила. Так что... — он опустился на колени у дивана, где на подушках лежала горстка пепла Амелии. — Свена этого не делала.

— Откуда такая уверенность? — спросил Джулиус.

Иен бросил на него испепеляющий взгляд.

— Используй нос. Магия Амелии всюду в этой комнате, но она старая. Самая новая применена двенадцать часов назад, не днем. Амелия не отбивалась, когда ее убили, а Свена вложила в соперничество слишком много, чтобы принять дешевую победу.

Джулиусу не нужен был кивок Кати, чтобы знать, что его брат был прав. Свена была жестокой, беспощадной и гордой, но у нее была своя честь. Она не стала бы убивать соперницу, пока она была беспомощной. Даже ее зимний запах был сосредоточен в середине комнаты, в дюжине шагов от дивана, где умерла Ходящая по измерениям. А запах Боба был всюду. И на пепле Амелии.

Это было самым четким доказательством. Даже Джулиус не мог отрицать, что запах Боба пропитал пепел, словно он запускал в него руки. Даже если он обнаружил останки Амелии после ее смерти, Боб был тут, и раз ничего не удивило пророка, он знал. Он мог и не делать этого, но знал, что Амелия умрет сегодня, и он дал Свене увидеть его. Какой бы ни была правда, он намеренно дал Дочерям Трех Сестер посчитать его виновным, и теперь они все были в беде.

— Почему? — спросил Джулиус у пепла. — Зачем он это сделал?

— Кто знает? — с горечью сказала Катя. — Но мне жаль, что это случилось. Для обоих наших кланов, — она опустила ладонь на его плечо с сочувствием. — Я знаю, что такое, когда твой пророк против тебя.

Джулиус был благодарен, но не думал, что это было так. Эстелла была психопаткой, но Боб... был Бобом. Он был странным, непонятным, но как бы плохо все ни выглядело, он всегда помогал.

Кроме того раза, когда он сказал Джулиусу не освобождать Челси.

— Тут явно творится что-то еще, — сказал Джулиус, запуская пальцы в волосы. — Что-то, чего мы не видим. Какой-то план...

— Конечно, это уловка, — сказала Бетезда. — Это делает Брогомир. Но, что бы он ни делал в этот раз, у нас настоящая проблема. Я подписала клятву, но Амелия и Свена — единственные маги-драконы в мире, которые могли снять мою печать. Теперь одна мертва,

другая — на тропе войны. Как мне снова стать драконом?

— Тебя это тревожит? — закричал на нее Джулиус. — Печать? Твоя дочь...

Он не мог это сказать. Он думал, что попал на дно после смерти Марси, но хоть немного, что ужасно, это его утешало. Он ощущал себя ужасно, но знал, что хуже быть не могло. Он ошибся. Он не только потерял Марси, он потерял и Амелию, единственного дракона, с кем Марси дружила. Он потерял сестру. Потерял подругу, и, если не врать, Боб был причиной. Убил он ее сам или позволил этому случиться, но его брат точно приложил руку, значит, Джулиус потерял и его.

— Почему? — снова прошептал он. — Почему Боб предал нас?

Бетезда фыркнула.

— Добро пожаловать в мою жизнь.

Джулиус не помнил, чтобы когда-то так сильно ненавидел мать, как сейчас. Но, когда он повернулся сказать ей, что ее комментарии не нужны, он увидел Бетезду рядом с собой.

— Мне приятно видеть, как ты получаешь по заслугам, но на кону не только твои задетые чувства, — сказала она. — Я не знаю, что заставило Боба так ударить по нам сегодня, но он хорошо постарался. Амелия мертва, Свена ненавидит нас из-за этого, и мы потеряли обе защиты от магии Алгонквин. Если она сейчас нападет на гору, нам конец.

Джулиус о таком и не подумал.

— Думаешь, она нападет?

Его мать пожала плечами.

— Я удивлена, что она еще не напала. Мы немного потеряли позиции после твоего несвоевременного переворота, так что не сильно угрожаем тому, что она делает в СЗД, но мы все еще самый большой в мире клан драконов, и мы на ее пороге. Поверь, тот молот упадет, и не только он. У Хартстрайкеров много врагов. Никто не пытался веками напасть на нас из-за нашего размера и факта, что мы относительно изолированы в Америках, но недавние события все изменили. Помяни мои слова, когда разлетится новость, что Челси ушла, Амелия мертва, а Боб сошел с ума, и я запечатана. Безопасности нигде не будет. Мы будем по шею в драконах, жаждущих откусить хоть немного от нашей территории. Алгонквин даже не придется поднимать водный палец. Ей нужно лишь выждать, и другие кланы одолеют нас за нее.

— Все не может быть так плохо, — возразил Джулиус. — Мы подавлены, да, но у нас еще есть Конрад, Джастин и сотня других Хартстрайкеров. Если созвать всех на гору...

— Мы дадим Алгонквин мишень побольше, — заявил Иен. — Это если семья ответит на зов.

— Раньше отвечали.

— Да, когда Бетезда звала, — сказал Иен, глядя на их мать, которая выглядела ужасно самодовольной. — Я уверен, что Совет — верный путь для долгосрочной стабильности Хартстрайкеров, но мы еще не там. И даже матушке было бы сложно собрать Хартстрайкеров на горе в таких условиях. Если ты не заметил, все убежали закреплять свои территории.

Джулиус заметил. Было сложно не заметить, как гора, созданная для сотен драконов, вдруг опустела.

— Мы объясним ситуацию и попросим их вернуться.

— Ни один дракон не будет рисковать бросать свои территории без защиты, пока все не определено, — возразил Иен. — Ты освободил Челси, мы не сможем их заставить.

— Это хорошо, — сказал Джулиус. — Мы не должны полагаться на страх.

— Милые слова, которые нам не помогают сейчас.

— Почему это проблема? — раздраженно спросил Джулиус. — Алгонквин объявила войну всем кланам. Мы должны объединяться против нее, а не биться между собой.

— Не глупи, — рявкнула Бетезда. — Это лучшее время для боя. Сила Алгонквин грозная, но мы — драконы Америк! Единственный клан, близкий по численности или территории, Золотая Империя, но никто не нападет безумно на Китай. Две недели назад я бы сказала это и о нас, но ты ударил в спину, и волна Алгонквин нависла над нами, так что мы истекаем кровью изнутри и снаружи. Мы всегда были вкусной мишенью, но теперь мы еще и сильно ранены, и ни один дракон не упустит раненую добычу.

От ее слов Джулиус скривился. Он еще никогда нее слышал мать такой мрачной. Но, хоть было соблазнительно отмахнуться от обреченности, ведь Бетезда любила преувеличивать, но он не думал, что она перегибала в этот раз.

— Что нам делать?

— Что мы можем? — сказала она, опускаясь на край бархатного дивана рядом с прахом ее старшей дочери. — Все кончено. Я уже приняла, что Брогомор меня предал, но этим ударом он сбил весь клан. Мы не можем биться, защититься. Остается только уйти в безопасное место и отстроиться.

Он уставился на нее в ужасе.

— Покинуть гору Хартстрайкер?

— Мы не можем остаться, — сказала она, махнув на пустую комнату. — Магия Амелии была нашей первой защитой, но все ее чары пропали с ее смертью. Я в ее комнате. Это уже доказывает, что защита была разбита.

Джулиус не мог тут спорить, но...

— Это наш дом! — закричал он. — Мы не можем его бросить.

Бетезда пронзила его самым едким взглядом.

— Да, может, тебе стоило подумать об этом до того, как ты все испортил.

Он думал, что на него уже не действовали оскорбления его матери, но в этот раз она ударила близко. Он не запечатал мать лично, не убил Амелию, но слабость Хартстрайкеров была виной Джулиуса. Даже если так не было, он был теперь одним из глав клана. Он должен был уберечь всех, и он пытался понять, как это сделать, когда Иен вдруг сказал:

— Мы ничего не бросаем, — прорычал высокий дракон. — Плевать, сколько врагов против нас, я выбирался на вершину двух кланов не для того, чтобы потерять оба за один день, — он хмуро посмотрел на Джулиуса и Бетезду. — Вы будете делать все, чтобы защитить нас, а я верну Свену, — он хмуро посмотрел на Катю. — Веди меня к своей сестре.

Белая драконша оскалилась.

— Во-первых, ты уже не на вершине нашего клана, так что не приказываешь мне. Во-вторых, ты не хочешь сейчас быть рядом со Свенной. Она только потеряла Амелию и отложила яйца. Она съест тебя заживо.

Иен тоже оскалился.

— Веди меня к ней, Последняя.

На жуткий миг Джулиусу показалось, что будет кровь, но Катя вздохнула.

— Твои похороны.

Иен повернулся, пошел по пустому коридору, когда-то полному магических ловушек Амелии. Покачав головой, Катя пошла следом, потянувшись к Джулиусу, проходя мимо.

— Мне жаль, что все так обернулось.

— И мне, — сказал он. — Я не могу все выразить словами.

Последнее было до боли правдиво. Не было слов, чтобы описать непонятную трагедию вокруг него. Глядя на горстку пепла, которая когда-то была его смеющейся умной сестрой, Джулиус ощущал себя так, словно ничего не осталось. Смерть забрала Марси, Амелию, отношения Иена и Свены, забрала даже Боба, оставив ему только эгоистичную мать, разбитый клан и гору, которую он не мог защитить.

Утешало лишь осознание, что он чего-то не видел. Что-то большее, ради чего Боб работал, чтобы все стало хорошо. Иначе его брат не стал бы бросать все, для чего работал. Пока что он верил, что Боб не был безумным, что его безумие имело причину, и Джулиус хотел заставить пророка объяснить ему, для чего он это делал, даже если это будет последним, что он сделает.

Но сначала нужно было позаботиться о сестре.

Они умирали жестоко, так что драконы обычно не устраивали похороны. Многих уносил ветер после их поражения, но если пепел можно было собрать, обычно кто-то близкий к погибшему — спутник, наследник, даже любимый смертный — получал задание. Но, кроме Марси, которая тоже была мертва, у Амелии не было любимого смертного, а из спутников у нее был только Концепт Гор, но Джулиус не знал, как связаться. В другое время он надеялся бы, что Боб хороший, но теперь это было невозможным. Он не доверял Бетезде сестру, так что Джулиусу приходилось делать работу самому.

Сосудов тут было много. В стиле Амелии, по всей ее комнате валялись бутылки от алкоголя, включая дорогого вида бутылку виски, лежащую на полу у дивана, где она умерла. На дне даже осталось несколько капель, но Джулиус не осмелился вылить их. Он считал, что капли были уместны, запах алкоголя мог немного отвлечь от запаха смерти, и он осторожно пересыпал прах Амелии в бутылку.

Когда он собрал ее, как мог, закупорил бутылку и выпрямился, держа бутылку в руках, словно священный предмет, пока его мать смотрела с отвращением.

— Для чего это? — спросила она, стряхнув ладонью остатки праха с дивана, чтобы сесть удобнее. — Ее душа уже погасла. Тут только физическая пыль.

— Это все еще была она, — упрямо сказал Джулиус. — Амелия заслуживает лучшего, чем быть брошенной тут.

Бетезда явно думала, что это было глупо. Но она, наконец, придержала язык. Хорошо, потому что Джулиусу надоел этот разговор. Ему хватило матери на пять жизней, и он оставил ее с отвращением, прижимая к груди прах Амелии, вышел из логова сестры и направился к пещере, которая занимала вторую половину этажа в горе.

Комната Боба.

* * *

Джулиус не знал, что ожидал найти. Может, намек. Может, послание, которое объяснит, почему Боб поступил так. Когда Джулиус, наконец, открыл дверь пророка, он нашел лишь мусор.

Пещера Боба была бардаком. Технически она была того же размера, что и комната Амелии, но огромная пещера ощущалась крохотной и забитой, потому что от пола до потолка были собраны кучи вещей. Бесценные картины поверх старых стиральных машинок. Горды золотых монет лежали рядом со сломанными птичьими клетками и коробками винтажных частей автомобилей. В шкафу были шахматные доски, и каждая была открытой,

и везде не было белого короля, а в ванной была куча чучел птиц, включая набитого дронта, украденного, похоже, из музея.

Он не понимал, для чего был весь этот бесполезный мусор, но после часа поисков в кучах Джулиус стал серьезно сомневаться в адекватности брата. Хорошо было только то, что тут было чисто. Пыли немного было, но ничего хуже того, что было в его комнате. Хотя его комната не была набита до потолка.

Когда поиски привели Джулиуса к двери, он был давно готов сдаться. Если Боб и записывал планы, их тут не было. Лучшими из находок были клейкие заметки, покрывающие вещи, как конфетти. Но, хоть записок было много, попытки понять бред, который написал Боб, были почти хуже, чем если бы он ничего не нашел. Даже когда появилось его имя — а оно возникало до ужаса часто — контекст не был полезным. Там было что-то вроде «Оставь Джулиусу намек» или «Проверь обувь Джулиуса: ледяные условия».

Даже когда записка казалась важной, не было ясно, когда это должно было произойти. Яркие записки висели на случайных предметах по всей пещере, не было смысла или намеков на то, когда их написали. Много раз он находил записки, которым на вид были века, и там говорилось о чем-то недавнем, например, записка на потолке над ванной была с напоминанием о концерте, который прошел две недели назад. Но были и новые на вид записки о событиях, которые произошли десятки лет назад.

Он подозревал, что смятение имело смысл, Боб говорил о пророках, что они жили в будущем и настоящем, но это не помогало ситуации. Джулиус из полезного нашел только коробки с содержимым его комнаты.

Это был единственный хороший сюрприз сегодня. Шесть дней назад Боб заявил, что продал все вещи Джулиуса, чтобы купить Джастину билет в СЗД. Но, хоть коробки были запечатаны и готовы к отправке на аукцион, ничто еще не было продано. Это означало, что Джулиус мог вернуть вещи, включая копию Ледяной Скорби. Он нашел и свою одежду, книги, компьютер, даже простыни. Все было тут, но, что странно, это не ощущалось как его.

Это было сложно описать. Бетезда выгнала его полтора месяца назад. Времени не хватило, чтобы его вещи перестали им пахнуть, но казалось, что все это было из другой жизни. Дракон, который касался и хранил эти вещи, никогда не был в СЗД. Он не отстаивал свои взгляды, не говорил «нет» семье. Он не встретил Марси. Он не был Джулиусом, потому что он только сменил костюм, который Фредрик одолжил ему, на любимые джинсы и футболку, а остальное оставил, закрыв в ящиках. Он прошел к старому креслу в центре пещеры и рухнул.

В кресле Боб, похоже, проводил больше всего времени, когда был тут, потому что от него пахло им сильнее всего в комнате. Джулиус вдохнул знакомый запах, вытащил телефон, махнул ладонью в облаке интерфейса перед собой, чтобы открыть архив.

Современные телефоны обычно не сохраняли историю вызовов. Такое обычно оставалось в облаке. Хоть раз паранойя Джулиуса помогла ему. Хоть он поменял три телефона и много сетей за последние два месяца, он загружал и сохранял всю переписку с тех пор, как покинул дом, включая загадочные сообщения и звонки от Неизвестного, то есть Боба. Он хотел прочесть все сообщения пророка, надеясь найти что-то, что объяснит эти трагические события, но когда Джулиус нажал на иконку архива, его отвлекла большая папка. Та, где он хранил все сообщения от Марси.

От ее имени боль вернулась с мощью. Собрание Совета и обнаружение пепла Амелии расстраивало, но это хотя бы отвлекло. Но теперь он не был отвлечён, смотрел на

автоматически созданный текст последнего звонка Марси с ее полета в СЗД. Она сказала ему, что скоро вернется, и чуть не сказала что-то еще.

Все расплывалось перед глазами. Тонкий черный телефон выскользнул из его пальцев, упал на колени рядом с бутылкой с пеплом Амелии, он прижал ладони к глазам. Не сейчас. Он не мог разваливаться на части, когда клан, за изменения в котором он так боролся, был на грани разрушения. Этот Совет был его идеей. Он обещал семье лучшее будущее, когда свергал Бетезду. Он не мог отступить. Как-то нужно было, чтобы это сработало. Иначе ради чего были все их страдания?

Он все еще говорил себе это, набирался смелости поднять телефон и попытаться снова прочесть сообщения Боба, когда холодная ладонь опустилась на его плечо.

Джулиус вскочил с воплем, чуть не опрокинув кресло, повернулся и увидел за собой Челси.

— Не делай так!

— Прости, — сказала она, выглядя удивительно робко. — Я шумела.

— Так сложно было заговорить? — выдохнул Джулиус, держась за грудь, опускаясь в кресло. — Что ты тут делаешь? Ты же должна быть свободна.

Вместо ответа Челси схватила из кучи мусора в углу раскладной стул, потрянула его, чтобы раскрыть, и опустила его перед ним.

— Я пока не могла уйти, — сказала она, садясь. — Когда я спрыгнула с того балкона, я кое-что оставила.

Джулиус нахмурился.

— Твой меч? — если это была ее проблема, это было легко исправить. Клык Челси все еще лежал там, где она его бросила, на балконе наверху. Но его сестра качала головой.

— Я больше не трону ту штуку. Даже если бы я хотела, он сам не позволит мне. Все Клыки Хартстрайкеров служат цели. У меня Клинок Защитника — для защиты клана. Кроме тебя и Ф, я не могу придумать ни одного Хартстрайкера, которое я стала бы спасать, если бы они умирали передо мной, так что Клык Защитника не примет меня в ближайшее время.

— Рад знать, что я среди тех, кому не позволят умереть, — Джулиус нервно улыбнулся. — Но если ты не о Клыке, тогда что...

— Мое яйцо, — прорычала Челси, ее зеленые глаза опасно сверкнули во тьме. — Оно было утром в моей комнате, а теперь его нет. Обычно я винила бы Бетезду, но эту тайну я смогла скрыть от матери. Ты, Фредрик и Боб — единственные, кто знали.

— Я его не брал, — испуганно сказал Джулиус. — Я не...

— Знаю, — сказала она. — Фредрик тоже. Даже если бы он коснулся его без моего разрешения, у него не был шанса. Он улетел с братьями и сестрами, когда ты сломал печать Бетезды и освободил их.

Даже со всеми трагедиями Джулиус смог от этого улыбнуться. Фредрику было хорошо. Он и другие Ф заслужили немного радости после всего, что они пережили. Но, если Фредрик не трогал яйцо Челси, Джулиус тоже, оставался один подозреваемый.

— Думаешь, Боб забрал твоё яйцо?

— Больше никому, — с горечью сказала Челси. — И это не худшее, что он сделал сегодня.

Джулиус опустил взгляд, печаль надавила на него с силой.

— Ты слышала об Амелии.

Челси кивнула, и Джулиус глубоко вдохнул.

— Ты знаешь... почему? Ты знала Боба лучше многих. Ты можешь объяснить, что могло его заставить это сделать? Я думал, Амелия была его любимой сестрой.

— Она была куда больше, — сказала Челси, отклоняясь на стуле, пока подбирала слова. — Амелия заботилась о Бобе с самого начала. Он был слабым в его кладке, как ты. До того, как начались его видения, Бетезда уже списала его. Она съела бы его, но Амелия украла Боба и убежала, потому что он прожил достаточно, чтобы узнать, что он — пророк. После этого Бетезда с радостью приняла его, но несколько первых десятков его жизни его растила Амелия.

— От этого все даже печальнее, — сказал он. — Звучит так, словно она была ему как мать.

— Во всем важном так и было, — Челси пожала плечами. — Она растила его и защищала. Она даже научила его магии. У него Клык Мага, не забудь. Тот меч должен был принадлежать Амелии, но Бетезда не подпускала ее к черепу Кетцалькоатля. Она доверяла Бобу. Несмотря на его верность Ходящей по измерениям, Бетезда не дала бы пророку ускользнуть из ее когтей. Когда она поняла, что его сила была настоящей, она стала следовать его совету дословно. Думаю, она приняла твой мятеж мягко, потому что знала, что за ним стоял Боб.

Если жестокость прошлой недели была мягким приемом Бетезды, Джулиус не мог представить другого варианта. Но слова Челси помогли объяснить необычное уныние Бетезды, когда она поняла, что Боб предал клан. Их мать была всякой, ужасной для многих, но она не сдавалась легко. Хартстрайкер была известна стойкостью, не только количеством детей, потому что ее внезапное желание сдаться и убежать казалось странным. Теперь Джулиус понимал. На Бетезду повлияли не угрозы, а то, что придется справляться без пророка.

— Думаешь, он нас предал?

Челси нахмурилась, обдумывая вопрос.

— Нет, — сказала она, наконец. — Но только из-за того, что слово «предательство» означает, что он изначально был на нашей стороне, а Боб был только на своей стороне. Нет трагедии, ударившей по клану, какой Боб не видел, из какой не извлек бы выгоды. Он знал, что случится со мной, до того, как я полетела в Китай, и я уверена, что он предвидел смерть твоей смертной задолго до того, как тебя выгнала матушка. Хороший брат — тот, который заботится о клане. Он предупредил бы нас, увидев такие катастрофы. Ты предупредил бы нас, но Боб — нет. Он не поднял и пальца, чтобы спасти нас, потому что Боб — не хороший. Он — дракон, а драконы заботятся о себе.

Джулиус закрыл глаза. Он хотел это отрицать, особенно о Марси, но было сложно спорить, когда Боб каждый раз говорил Джулиусу такое. Он всегда говорил, что Джулиус был всем хорошим у Хартстрайкеров, и теперь правда ударила его по лицу. Джулиус не понимал, почему так глупо думал иначе.

И все же...

— Я все еще не могу поверить, что он убил Амелию, — упрямо сказал он. — Даже если он ужасный эгоист, в этом нет смысла. Почему он так много вложил для помощи мне в изменении нашего клана, если он собирался все разрушить в тот же день, как мы получили Совет Хартстрайкеров?

— Согласна, — сказала Челси. — В этом нет смысла, но в том и проблема. У пророков нет смысла. Они не следуют обычной логике. Все их планы строятся на том, что мы не увидим еще десятки лет. Может, случится что-то такое, из-за чего смерть Амелии будет

казаться потом гениальным решением, но пока это не произойдет, нам нужно признать, что мы не можем знать.

— И все? — гневно сказал Джулиус. — Ты хочешь, чтобы я принял, что плохое случается, и ничего не делал?

— Я не говорила ничего не делать, — рявкнула она. — Почему я тут, по-твоему? То, что я приняла то, что я могу никогда не понять, почему Боб забрал мое яйцо, не означает, что я позволю ему сохранить его!

От того, как она это сказала, он стал нервничать сильнее.

— Ты не думаешь, что он навредит ему, да?

— Я научилась не преуменьшать Пророка Хартстрайкеров, — прорычала Челси. — Он знает, что я защищу то яйцо любой ценой, значит, пока оно у него, он держит меня за горло.

Он о таком не подумал, но, когда Челси указала, Джулиус вспомнил столкновение у лифта, когда Боб приказал ему не освобождать Челси. Он, конечно, сделал это, но не подумал, что поражение могло быть в плане Боба. Боб все видел. Он мог не знать точно, что Джулиус откажется, но пока такая возможность была, у него был запасной план. Что-то, чтобы убедиться, что Челси останется под его контролем, что бы ни сделал Джулиус. Что-то, от чего она не сможет уйти.

— О, нет, — прошептал он, прижав ладони к лицу. — Нет, нет, нет. Он взял его в заложники.

— Да, — глаза Челси были злыми. — Мне жаль, Джулиус. Я хотела бы, чтобы мы были такими хорошими, как хочешь ты, но правда в том, что Боб не так отличается от матери. Как она, он может быть очаровательным, когда ему это нужно, но когда нужно получить то, чего он хочет, он беспощаден, как любой дракон. Включая меня. Потому я тут.

Джулиус в смятении посмотрел на нее.

— Что?

— Ты — его стержень, — сказала она, глядя на него, как хищник в темноте. — Я не знаю, почему, но все его недавние планы строились вокруг тебя. Думаю, последний план тоже такой. Потому, пока мое яйцо не вернется ко мне, я не выпущу тебя из виду.

Он в ужасе глядел на нее.

— Ты не можешь думать, что я останусь орудием Боба после этого.

— Твои намерения — не мое дело, — она встала. — Но ты — его орудие, и это делает тебя и моим, потому что пророки, хоть они и знают будущее, не боги. Они могут творить все, манипулируя другими, и раз все нити Боба связаны с тобой, это делает тебя его слабостью. Что бы ты ни говорил, рано или поздно он появится и толкнет тебя в нужную сторону. Когда это произойдет, я буду там. Я найду его, заберу свое яйцо любым методом.

От ее тона холод пробежал по спине Джулиуса. Он еще не видел сестру такой грозной, и это о чем-то говорило. Джулиус не знал, что было последней каплей — угроза яйцу или отнятие с трудом полученной свободы до того, как она ощутила ее — но Боб явно пересек черту, и Челси собиралась заставить его заплатить за это кровью.

— Ты же не убьешь его?

— Если он меня не заставит, — холодно сказала Челси. — Но я уже не пешка на его доске. Он и Бетезда держали меня за горло почти всю мою жизнь. Теперь, благодаря тебе, я свободный дракон, и я не потерплю опасности для того, что я люблю.

От каждого ее слова Джулиус сильнее вжимался в кресло. А он думал, что день не мог стать еще хуже. Он злился на Боба, но не хотел смерти его брату. Особенно, от руки Челси.

Было уже слишком много смертей, трагедий. Создание Совета было для того, чтобы в семье больше не было убийств. Но он не мог мешать Челси. Она имела право злиться из-за этого, и хоть он хотел отговорить ее от жестокости, он ощущал злость, окружившую ее как жар, и инстинкты, которые спасали Джулиуса от ярости дракона много раз, говорили, что лучше не давить. Он так и сделал. Опустил голову перед сестрой.

Податливость, как всегда, сработала. Когда стало ясно, что он не собирался бороться, ярость Челси угасла, оставив ее... не спокойной, но уже не на грани кровопролития, что было уже хорошо.

— Рада знать, что мы друг друга поняли, — сухо сказала она, снова садясь.

— Ты — моя сестра, — ответил Джулиус с искренней улыбкой. — Я буду всегда помогать тебе, как смогу. Обещаю, я позвоню, как только Боб свяжется со мной, так что тебе не нужно оставаться и следить. Я ценю общество, но ты теперь свободна. Ты должна наслаждаться этим, а не нянчиться со мной.

Может, ему показалось, но на миг Челси выглядела тронутой. Но мягкие эмоции пропали, когда он заметил их, оставив беспощадного дракона, который смотрел на него. Она покачала головой.

— Не могу. Пока мое яйцо не будет в безопасности. Я ценю предложение. Кстати, у меня подарок для тебя.

Он растерянно моргнул, но Челси уже шла по лабиринту заваленной комнаты Боба к двери.

— Это не так много, — она схватила что-то с пола коридора снаружи. — Я захватила это по пути в благодарность за то, что вмешался, даже когда я просила этого не делать, и... за все.

Ее голос был ровным, но слова все еще заставили Джулиуса выпятить грудь.

«Спасибо» было тяжело произнести любому дракону, особенно гордому, как Челси. Он пытался придумать ответ, который его разъяренная сестра не отгонит, как банальность, когда Челси повернулась, и стало видно потрепанную тканевую сумку, которую она держала в руках. Знакомую тканевую сумку.

Сумка Марси.

— Где ты это взяла?

— В СЗД, — Челси прошла к нему. — Я вернулась утром после нашего побега. Надеюсь забрать ее тело, но Земля Восстановления кипела, как муравейник, который пнули. Я смогла забрать только это. Я планировала использовать это как рычаг, чтобы вытащить тебя из кровати, но ты смог сам. Я думала не давать сумку тебе после этого. Я не знала, будет ли еще больнее, но я хотела бы это, будь я на твоем месте, так что...

Она умолкла, пожав плечами, протягивая сумку. После почти минуты Джулиус взял ее дрожащими руками, зажмурился, когда пальцы скользнули по знакомой бежевой ткани, испачканной внизу кровью. Кровью Марси. С запахом Марси.

Все попытки вести себя прилично пропали. Он прижал сумку к груди, всхлипнув, сжался в комок в потрепанном кресле Боба. Он был таким растерянным, даже не заметил, что Челси приблизилась, пока ее ладонь не легла на его спину.

— Я похоронила ее, — тихо сказала она. — Я не могла сделать больше, чем неглубокая могила. Знаю, это слабо утешает, но ты хотя бы можешь знать, что она не лежит открыто.

Его сестра была права. Это не утешало.

— Марси заслуживала лучшего.

— Да, — согласилась Челси. — Так всегда, но... так заканчивают смертные, Джулиус. Что бы мы ни делали, как бы ни старались, они всегда умирают. Мы можем лишь помнить, и я думала, что тебе помогло бы, если бы у тебя было что-то физическое.

Джулиус не знал, как можно было помочь с этой болью, но он не отпустил сумку.

— Спасибо, — прошептал он, сжимаясь сильнее.

Она прижала ладонь к его спине. А потом, как тень, в честь которой была названа, Челси пропала, оставив его одного. В этот раз Джулиус был рад. Хоть он не мог отвлечься от боли, ему нужно было побыть наедине с сумкой, от которой пахло Марси. Нужно было посидеть там, где никто не мог его видеть, и он мог быть пустым.

И он стался в брошенном кресле Боба в их горе, которая вскоре будет брошена, держась за воспоминание о человеке, который никогда не вернется.

Глава 2

— Позволь уточнить, правильно ли я поняла, — медленно сказала Марси. — Я мертва.

— Верно, — сказал ее отец.

— Этого я и боялась, — буркнула она, отклонила голову и посмотрела на бесконечную тьму.

Она не знала, как долго они тут были. Казалось, она плакала вечность, но слезы со временем высохли. Теперь она и ее папа просто стояли возле друг друга в бесконечной тьме, где было не по себе, и Марси не хотела тут быть.

— Так где мы? — спросила она, поворачивая голову, пытаясь найти хоть что-то, отмечающее, что они не стоят в бесконечной пустоте. — Это что-то вроде лимба или...

Ад был следующим вариантом, потому что она отказывалась верить, что эта холодная тьма была раем, но ее отец опередил ее:

— Мы внутри твоей смерти.

Она повернулась к нему.

— Что это значит? Ты говоришь «моя смерть», будто это место. Смерть — еще одно измерение?

Алдо Новалли рассмеялся.

— Не знаю. Теоретическая магия была твоей областью, *карина*. Этот старик знает, что видел.

Ответ был так похож на ее папу, что Марси невольно рассмеялась, хотя ее смех был нервным.

— Если я — эксперт, мы в беде, потому что я ничего не вижу.

— Потому что ты еще не открыла глаза, — сказал Алдо. — Попробуй снова.

В этом не было смысла. Если ее глаза были закрыты, как она видела отца? Но пробуждение в смерти требовало открытого разума, и Марси подавила все причины, почему это не могло быть, и заморгала, пытаясь открыть то, что уже должно быть открытым.

Эффект был мгновенным.

— Ого, — прошептала она, отшатнувшись.

Марси не знала, что случилось, но пока она моргала, бесформенная пустота отступила, как штора, и стало видно странно знакомую сцену. Она стояла на дорожке, ведущей к трехэтажному дому, скрытому под Небесными путями, где они с Джулиусом жили в СЗД. Потрясенно глядя туда, Марси понимала, что это не мог быть их дом. Во-первых, крыльцо и входная дверь были уже целыми, а не разбитыми мечом Конрада, а, во-вторых, она была мертва. Но дом ощущался как настоящий. Даже больше, как картинка, улучшенная так, что

выглядела красивее, чем в реальности, и, пока она туда смотрела, Марси поняла, почему.

Это был не их дом. Это было ее воспоминание о нем. Воспоминание об их доме, каким она его любила, вплоть до восстановленной машины ее папы, припаркованной на обычном месте спереди. Бетонные пути сверху были пустыми и тихими, такого не бывало в СЗД, где машины всегда ехали из Подземелья к Небесным путям, во все часы. Тут все было неподвижным. Не было сирен, света фар в щелях, мерцания оранжевых фонарей, гудящих во тьме. Не было звуков или движений. Дом тихо стоял в бетонном убежище спутанных дорог, окна бодро горели, приветствуя ее дома.

— Ладно, — Марси повернула голову к папе. — Я все это выдумала, или тут так и было?

Ее отец хмурился, серьезно размышлял над ее вопросом, как всегда делал.

— Думаю, всего понемногу, — сказал он, наконец. — Это твоя смерть, Марси. Все, что остается от твоих двадцати пяти лет — твои знания, воспоминания, люди, на чьи жизни ты повлияла — собрано тут. Даже я тут как часть твоего воспоминания.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Марси. — Ты — это ты, или я говорю с плодом своего воображения?

— Думаю, я — это я, — Алдо Новалли пожал плечами. — Я помню твою мать, свое детство и день, когда ты родилась. Но я помню и то, что не мог знать. То, что ты испытала после моей смерти, включая то, как ты жила в грехе с тем драконом.

— Я не жила в грехе! — завопила Марси. Она не знала, что смущало больше: то, что ее отец получил ее воспоминания, или то, что она говорила ему правду. У нее не было таких отношений с Джулиусом, что было трагедией. Она жила бы в грехе сильнее, если бы знала, что умрет.

От этой мысли снова захотелось плакать, и Марси отогнала ее. Она потратила достаточно времени на эту трагедию, и она не могла позволять себе забыть, что у нее была миссия: найти Призрака и понять, как сделать то, что нужно было, чтобы стать Мерлином. Потому она взяла духа за руку и позволила ему утянуть ее в смерть. Не для того, чтобы рыдать из-за утраченных возможностей, как настоящий призрак. Но, пока она говорила себе взять себя в руки, Марси заметила, что что-то было не так.

Ладно, многое было не таким, но это показалось особенно странным. Пока в загробной жизни — или что это было? — все выглядело почти так же, как когда она была жива. Черная пустота была новым, но когда она смогла открыть глаза, все, что она увидела — дом, машина, гравий, ее папа — выглядело хорошо или лучше, чем она помнила. Она была даже в той же белой футболке, в какой умерла, хотя, к счастью, без дыры, которую в ней создала Эмили Джексон. Но, хоть Марси была рада, что ее грудь уже не была ужасным месивом, она тускло сияла, что показалось ей важным.

— Видишь это?

Алдо нахмурился.

— Что?

— Значит, нет, — Марси опустила ладонь на свет. Тусклое сияние было не ярче свечи, не могло сравниться с ревом силы, который она помнила, но оно было в верном месте...

Стараясь не надеяться слишком сильно, Марси надавила на грудь, давила не только ладонью, но и магией, ментальной ладонью, которой она хватала силу для заклинаний. Да, тусклый свет мерцал, когда она его коснулась, и Марси закрыла глаза и расслабилась, но не мышцами. Она попыталась убрать напряжение внутри: узел внутренней магии, который она

сплела на балконе, когда Свена направила в ее магию мощную магию Амелии.

Тогда безумный узел-оригами был самозащитой, чтобы огонь Амелии не поглотил ее. Теперь она словно пыталась расплести узлы на нити. Это было медленным делом, магия была холодной, безжизненной, и Марси переживала, что зря тратила время. А потом, когда она была уверена, что расплетала пустую клетку, узел поддался, и что-то красивое и пылающее выскользнуло из ее груди и упало на ладонь Марси.

Когда Свена только передала в нее огонь Амелии, она будто проглотила солнце. Магия в ее ладони теперь выглядела как угасающая спичка, но это была не магия Марси. Магия менялась, пока она смотрела, огоньки плясали и преобразовывались в ее ладони, пока огонь не сменился драконом. Крохотным пернатым драконом размером с ее ладонь, который сиял как угли.

— Теперь ты это видишь? — спросила она, поднимая дракончика к отцу.

Алдо Новалли кивнул, глаза были огромными.

— Что это?

Марси не успела назвать очевидное, дракончик пошевелился, встряхнулся, как собака, а потом посмотрел красивыми янтарными глазами.

— У нас получилось?

От вопроса Марси вздрогнула. Крохотное существо в ее ладони не было похожим на сильную драконшу, которую она знала, и она не могла понять. Но уверенный голос все вернул на места.

— Амелия?

— Она самая, — гордо сказала маленькая огненная змейка, глядя на себя. — Хотя не во плоти. Но это я! И, судя по виду, я успешно проникла в смертную загробную жизнь, — она усмехнулась, показывая стену белых острых зубок. — Посмотрим, как это сделает Свена.

Если Марси и сомневалась, что это была Амелия, эти слова развеяли сомнения. Но, хотя ее личность уже не была под вопросом, у Марси было много других вопросов.

— Что ты тут делаешь? — завопила она. — Я мертва!

— Вообще-то, мы обе мертвы, — заявила Амелия. — Таким был план. Я поместила огонь в тебя, и когда ты умерла, я проникла в твою душу, а потом в место за смертью.

— Место за смертью? — повторила Марси, хмурясь. — погоди, ты знала, что я умру?

Красный дракончик бросила на нее взгляд.

— Ты смертная. Без спойлеров, но...

— Я бы скоро умерла, — рявкнула Марси.

— О, в этом не было уверенности, — призналась драконша. — Но мой брат — пророк, у меня есть источник. Но не злись! Я помогу тебе тут.

Марси не поверила в это.

— Ты умерла, чтобы помочь мне? — недоверчиво сказала она, а потом помрачнела, поняв, что она сказала. — погоди, ты тоже мертва? Серьезно?

— Серьезно, — сказала ей Амелия. — Я — пепел на другой стороне, — она хлопнула огненными крылышками. — Это то, что осталось от меня.

Марси уставилась на нее.

— Почему?

— Потому что я увидела шанс сделать то, что больше никто не мог, — гордо сказала драконша. — Даже Боб не может видеть, что происходит тут, так что детали чуть размыты, но у тебя еще есть хороший шанс стать первым Мерлином, даже когда ты умерла. Ты уже

сделала самое сложное — попала сюда. Осталось только завершить дело, и это можешь сделать ты.

— Спасибо за доверие, — сказала Марси. — Но как мое становление Мерлином поможет тебе? Ты все еще мертва?

— Ах, но я еще горю, — Амелия указала на нее сияющим пером. — Помнишь, я говорила, что, пока есть хотя бы капля огня, дракон может жить? Ты видишь теорию в действии. Может, я лишь доля того, кем была, но пока я горю, ядро Амелии, Ходящей по измерениям, Величайшего мага-дракона, живет. Что важнее, я живу тут, на другой стороне, где еще не было ни одного дракона. Кстати... — она повернула голову и посмотрела на дом, машину и тихую дорогу, тянущуюся вверх. — Ого, смерть у смертных всегда такая огромная?

— Нет, — тихо сказал Алдо Новалли. — Не всегда.

Амелия дернулась от его голоса, чуть не выпала из пальцев Марси.

— Кто это? — завопила она, поднявшись по руке Марси.

— Он — мой отец, — сказала Марси, не зная, почему драконша заметила его только сейчас. — Папа, Амелия, Ходящая по измерениям. Амелия, это мой папа, Алдо Новалли.

Алдо одарил ее чарующей улыбкой, но Амелия все еще глядела на него, словно он был невозможным.

— Как твой папа оказался в твоей смерти?

— Это долгая история, — сказал Алдо. — Если вкратце: я умер, был забыт и восстановлен, чтобы помочь дочери найти путь.

Звучало загадочно для Марси, но Амелия выглядела так, словно это объяснило все тайны вселенной.

— Теперь понимаю, — она одобрительно кивнула. — Умный кот.

— Хотела бы я, чтобы объяснили и мне, — возмутилась Марси. — Потому что я не знаю, что происходит.

— Все очень просто, — быстро сказала Амелия. — Мы в твоей смерти, да? Да. Ты знаешь, где твоя смерть?

Марси покачала головой.

— Мой папа сказал, что это след, оставленный жизнью, но не назвал место.

— И не мог бы, — сказала Амелия. — Современные смертные ничего не знают о смерти, хотя он был прав насчет следа. Это место, — она махнула когтем на дом, дорожку из гравия и парковку, — это кратер, оставленный влиянием твоей жизни. Это твой след на мире, как огромные ямы, вырытые общими страхами и надеждами людей, из которых появляются Смертные Духи, но в масштабе одного человека. Пока понятно?

Марси кивнула, огляделась на стену дороги, ведущей вверх. Теперь она видела, что, в отличие от настоящего СЗД, туннель не вел наружу.

— Значит, это след, оставленный моей жизнью, — сказала она, повернувшись к Амелии. — Но на чем я оставила след?

— На магическом пейзаже, конечно.

— Погоди, — Марси склонилась к ней. — Существует настоящий магический пейзаж? Место, где у духов свои сосуды?

— Он самый, — Амелия кивнула. — Чтобы понять, что это означает, тебе нужно сначала понять, как магия входит в мир.

Она ждала этого всю жизнь.

— Расскажи мне.

Амелия улыбнулась и встала на задние лапки, сжала передние лапки вместе.

— Как многие другие измерения магии, это царство — две половинки, соединенные как бутерброд: физический мир и магический. Классический пример — две стороны монеты, но куда проще представить измерение как лист бумаги: две стороны, но все еще одно целое. Морщинка на одной стороне — гора, допустим — вызывает равное, но противоположное явление на другой — в Мире Духа. Понятно?

Марси закивала. То, что Амелия объясняла, было похоже на несколько уже популярных теорий, но это не объясняло...

— Откуда у людей магия? — спросила она. — Если есть две стороны, то мы живем в физической. Откуда наша магия?

— Откуда и вся магия, — объяснила драконша. — Отсюда. То, что ты считаешь себя живущей на одной стороне, не означает, что ты не касаешься другой. Помни, это не отдельные места. Мы говорим о двух половинках целого. Как естественные обитатели этого измерения, люди, как все магические существа, существуют сразу в двух половинках, у тебя есть физическое тело и магическое...

— Душа, — взволнованно закончила Марси.

Амелия нахмурилась.

— Мне никогда не нравился этот термин, потому что он намекает на одну жизнь в другой. Точнее описать, что у тебя два тела — физическое и магическое — которые пересекаются, обитают в одном месте в разных измерениях. Но ты можешь звать это душой, если так для тебя лучше.

— Конечно, я буду так это звать, — глядя Марси сияли. — Ты говоришь о доказательстве существования жизни вне наших физических тел! Ты знаешь, как это серьезно?

— Серьезно, — согласилась Амелия, недоверчиво глядя на нее. — Но я не понимаю, почему ты так рада. Ты связана с духом смерти, который вызывает армии призраков. Какое еще доказательство души тебе нужно?

— Это могли быть отголоски, — сказала Марси. — Каждая бумага, которую я читала, говорила, что «призраки» — лишь следы, которые люди оставляют в живой магии, когда умирают. Даже с Пустым Ветром я не могла ничего доказать, ведь мертвые, которых он возвращал, не были общительными. У них были цели, но не было личностей или признаков независимых мыслей, так что он все еще мог реагировать на эхо эмоций, которые люди оставили в магии, когда они умирали, а не на индивидуальные души. Но это другое.

Она прижала ладонь к животу, где ее пробил выстрел Эмили.

— Я знаю, что умерла, но я — еще я. Я тут, думаю и говорю с тобой. Если я смогу понять, как доставить доказательства на физическую сторону, это изменит все, что мы знаем о смерти и своей смертности! — это точно обеспечит ей Нобелевскую премию.

— Конечно, — сказала Амелия. — Если сможешь вернуться, это все раскроет, но ты все еще думаешь слишком узко.

Марси уставилась на нее.

— Как изменение концепта человеческой смертности может быть узким?

— Ты всегда это знала, — драконша пожала плечами. — Есть причина, по которой душа — концепт в каждой культуре. Идея только физической жизни — современное заблуждение, вызванное магической засухой. Теперь магия вернулась, и вскоре кто-нибудь обнаружит то,

что было общим знанием для многих людей. Лично меня больше интересует твоя смерть, — она подняла взгляд на пещеру из путей. — Это место огромное.

— Да? — спросила Марси, потому что рядом с бесконечными полями и другими мифическими пейзажами, которые якобы существовали в загробной жизни, ее домик казался скромным.

— Да, — сказала драконша. — Конечно, я не видела раньше эту сторону, но мне казалось, что, если ты не человек, чья жизнь не оставила огромный след — герои, великие правители, любимые артисты, страшные диктаторы и прочие — смерти смертных обычно темные. Без обид, но я ожидала что-то намного меньше. Ты не знаменита, умерла юной, так откуда все это пространство?

Марси не знала. Но ее отец улыбался.

— Потому что ее хорошо помнят.

— Ясное дело, — сказала Амелия. — Но кто помнит?

Марси не знала. Она отсекала связи со старыми друзьями, когда убежала из Невады, чтобы защитить их от Биксби. Даже после его смерти она была слишком занята, чтобы связаться. Многие из них даже не знали, что она была в СЗД, еще и мертвой. Команда ООН знала, что это были два человека и дух-ворон. Оставались драконы, но кроме Амелии, был лишь один дракон, который знал ее не как «ту смертную»...

— Джулиус.

Амелия усмехнулась.

— И теперь ты знаешь, почему твоя смерть мне так интересна. Ясно, что Джулиус очень плохо воспринял твою смерть, но что поразительно, он любил тебя достаточно, чтобы вырезать тебе хорошую смерть — будем честными, если кто из Хартстрайкеров и мог влюбиться в умелую смертную, так это он. Повлияло то, что он — дракон. Все мы знаем, драконы — не часть этого мира. Мы — беженцы. Не местные, как сказала бы Алгонквин. Мы можем быть в физической половине этого измерения, потому что физичность — общее почти во всех мирах, но магически мы несравнимы. Потому мы функционировали во время засухи, подавившей духов и других магических существ. Мы работаем по другой системе, мы сами создаем свою магию. Потому мне пришлось уцепиться, чтобы пройти сюда через тебя. Как не местная, я не разделяла эту часть твоего измерения, так что мне нужно было казаться внутри мага.

— Внутри мага, — повторила Марси. — Но если все это правда, то как память Джулиуса обо мне формирует мою смерть? Если драконы не могут трогать эту сторону, как это произошло?

— Не знаю! — взволнованно сказала Амелия, хлопая крылышками. — Все, что я знаю, говорит, что воспоминания Джулиуса не должны были повлиять на тебя тут, но они явно важны. Другого объяснения, почему твоя смерть так огромна, хотя больше никто тебя не помнит, нет. Это место сделал он, и это поднимает мощные возможности.

Амелия сказала это как лучшее, что могло быть, и с точки зрения теории магии такое могло быть. Если за этим стоял Джулиус, то они стояли в дымящемся пистолете, который доказывал, что драконы могли управлять естественной магией этого мира хотя бы одним способом. Но, хоть обнаружение улик невозможного было самым восхитительным, Марси было сложно сравниться с энтузиазмом Амелии насчет метафизического воплощения печали Джулиуса из-за ее смерти. Одно дело — надеяться, что парень, которого ты любишь, любил тебя в ответ, но узнать правду так, когда все, что у них могло быть, было уже трагично

потеряно.

— Мне нужно вернуться.

— О, абсолютно, — согласилась Амелия, поднявшись по руке Марси. — Я рада, что нашла доказательства теории, над которой работала веками, но мы пришли сюда не сидеть и любоваться. Ты будешь Мерлином, а я пойду с тобой, так что бери свой конвой, и мы пойдем!

— Амелия! — прошипела Марси. — Не говори так о моем папе!

— Почему? — сказала она, взглянув на Алдо, который весь разговор о теории провел в необычной тишине. — Для этого ты тут, да? Призрак — Дух Забытых Мертвых, и раз мы поняли, что Марси — не забыта, это делает ее недосягаемой для него. Но все пары духа/Мерлина, о которых я слышала, начинались с жертвы. Прости, если я спешу с выводами, но мертвый отец — серьезная плата Пустому Ветру. Думаю, память о мертвом папе — цена за вашу связь. Теперь эта смерть разлучила вас, Пустой Ветер выпустил его как проводника. Значит, его работа — вести нас, и нет ничего оскорбительного в том, чтобы попросить мужчину выполнить свою работу.

— Оскорбительно то, что ты обращаешься с моим отцом как с одноразовым предметом! — рявкнула Марси, глядя на дракончика, прежде чем повернуться к ее отцу. — Прости, папа.

— Все хорошо, — сказал Алдо. — Она права. Меня послал сюда Пустой Ветер, чтобы я привел тебя к нему. Я должен делать так, как говорит дракончик. Но Дух не может видеть нас тут, и пока я не вернусь к нему на службу, я хотел выполнить свою работу как твоего отца и убедиться, что ты знаешь, что у тебя есть выбор.

— Выбор? — Марси уставилась на него. — Какой выбор? Остаться мертвой?

— Да, — тихо сказал он, убрал челку с ее глаз. — У тебя произошло многое с тех пор, как я тебя покинул, *карина*, прости за это. Отец должен защищать ребенка, а не делать его жизнь сложнее.

— Ты ничего не сделал, — Марси покачала головой. — Биксби не пришел бы за мной, если бы я просто оставила Космолябию в Неваде, а пророки, Призрак и помощь Джулиусу были моим решением.

— Знаю, — сказал он. — Ты всегда была амбициозной. Это не первый раз, когда ты откусила больше, чем можешь прожевать, но убивать себя ради курсовой — не то же, что быть убитой.

Она закатила глаза.

— Пап...

— Нет, — строго сказал он, сжав ее ладони. — Они убили тебя, *карина*. Все эти духи, драконы и монстры просят слишком много. От нас обоих.

Марси виновато опустила взгляд.

— Прости. Я не должна была тебя забывать, но только так можно было победить Ванна Егеря, спасти Джулиуса и...

— Знаю, — сказал Алдо. — У меня твои воспоминания, не забывай. Я знаю, почему ты приняла свои решения, и я не злюсь за то, что стал забытым. Ты сделала, что должна была, и живые должны быть выше мертвых. Потому я хочу, чтобы ты обдумала свои решения тщательно, потому что она многое тебе не говорит.

Он посмотрел на Амелию, та оскалилась.

— У тебя так звучит, словно я пытаюсь обмануть ее.

— Это так? — спросила Марси.

Амелия была возмущена.

— Конечно, нет! Он просто хочет, чтобы ты оставалась мёртвой, чтобы он остался с тобой, а не возвращался к Пустому Ветру.

Глаза Марси расширились. Она посмотрела на отца, но он не отрицал этого.

— Не думаю, что потрясает то, что я предпочел бы остаться в теплом мирном месте с моей дочерью, чем возвращаться в пустой холод бога смерти, — сказал Алдо. — Но это о Марси, не обо мне. Я — ее отец. Я переживаю за нее в жизни и смерти, что больше, чем я могу сказать о тебе, — он прищурился. — Ты была бы рада позволить ей умереть, если бы это дало тебе то, чего ты хотела.

— Я не «давала ей умереть», — гневно сказала Амелия. — Это был просчитанный риск!

— Ты ей о нем не сказала.

— Потому что это все испортило бы! — завопила драконша. — Если бы я предупредила ее, эти знания могли повлиять на ее решения и испортить годы планов Боба. Я не могла так рисковать, и я знала, что все будет хорошо. Марси понимает лучше многих драконов, что величие не достигается легко. Потому что я все поставила на нее, — она посмотрела на Марси. — Да?

Марси вздохнула. Она была польщена, что Амелия была высокого мнения о ней, но...

— Я бы не хотела умирать, — честно сказала она. — Если бы был другой путь.

— Его не было, — Амелия вонзила коготки в кожу Марси. — Все Мерлины попадают сюда через своих духов, а ты связана с духом Забытых Мертвых. Смерть всегда была твоим билетом. Мы с Бобом только направляли все, чтобы ты умерла в верное время и нужным способом, чтобы я могла пойти с тобой.

— Ты использовала ее, — сказал гневно Алдо.

— Она тоже меня использовала! — завопила Амелия, выпятив грудь. — Иначе почему я такая мелкая? Марси высосала мои силы до угольков перед смертью, но разве я жаловалась? Нет! Я позволила ей брать то, что ей было нужно, потому что такая дружба: использовать и быть использованной взамен.

Алдо Новалли открыл рот, чтобы возразить, но Марси опередила его.

— Хватит, — она подняла ладони. — Я ценю то, что ты заступаешься за меня, папуля, но что сделано, то сделано. Амелия права. Я использовала ее, и хоть я хотела бы знать заранее, что меня ждало, я не делала бы иной выбор в конце. Я все еще умерла бы, так что это мы выяснили. Я бы хотела сосредоточиться на том, как не быть мертвой, а не спорить, чья это вина.

— Но это я пытаюсь тебе сказать, — отчаянно сказал Алдо. — Ты пришла в это, думая, что сможешь уйти снова, но это не так. Это смерть, конец смертного. От такого просто так не вернуться.

Холод сдавил грудь Марси.

— Но должен быть способ, — сказала она. — Зачем умирать, чтобы стать Мерлином, если не способа вернуться?

Ее отец вздохнул.

— Я не так много знаю о метафизике измерений, как твоя подруга, но я летал с Пустым Ветром долго, и...

— Серьезно? — перебила Амелия. — Она забыла тебя неделю назад.

— Неделя — долго время в месте, где время не имеет значения, — ответил Алдо,

упрямо глядя на Марси. — Я знаю, что ты пришла сюда, думая, что смерть — это порог. Другие заставили тебя верить в это, может, для них так и есть, но мы не духи, *карина*. Мы смертные, и для нас это не так просто.

— Но это возможно, — сказала Марси, сжимая кулаки. — Я перестала бороться за свою жизнь, потому что Призрак сказал, что смерть — путь к становлению Мерлином. Хочешь сказать, он врал?

— Нет-нет, — Алдо покачал головой. — Он был прав. Для тебя это единственный путь, но он непростой.

— Я такого и не ожидала!

— Знаю, — он сжал кулаки. — Ты никогда не уходила от трудных заданий, но я не думаю, что ты осознаешь разницу тут, — он поднял взгляд, вздохнув. — Думаю, лучше всего показать тебе. Идем со мной.

Он повернулся и прошел в дом. Взволнованная и любопытная, Марси пошла следом, поднялась на крыльцо, Амелия держалась за ее плечо.

Теперь она знала, чьи воспоминания построили место, и пересечение порога дома, который она делила с Джулиусом, ранило больше, чем Марси ожидала. Казалось невозможным, что она ощущала такие сильные чувства к месту, где она провела так мало времени, но за недели, пока она жила тут с Джулиусом, это здание стало домом. Их домом. Но, пока она думала, что не променяла бы время тут ни на что в мире, Марси поняла, что так и сделала. Джулиус был там, когда она умирала, кричал ей остаться, держаться. Но она этого не сделала. Она отпустила его, чтобы пойти за Призраком в смерть, думая, что это было временно, что она вернется. Теперь она следовала за отцом по скрипящей лестнице, и Марси стала гадать, не совершила ли она ужасную ошибку.

Когда они поднялись на третий этаж, она поняла, что они направлялись к ее мастерской на чердаке, но ее отец не повернулся на последней площадке. Он открыл окно, задрал панель и закрепив ее ржавым рычагом, чтобы выбраться на наклонную крышу. Ему пришлось выползти. Это была самая высокая часть старого дома, острая черепица тянулась под почерневшим бетонным дном въездов. Марси нервно выползла за ним, держась за крошащуюся бетонную черепицу, чтобы не соскользнуть. Когда она схватилась крепко и смогла поднять взгляд, она решила спросить папу, почему он привел ее сюда, но обнаружила, что это не требовалось. Правда была перед ней.

— Ого, — прошептала она.

В реальном мире спираль рампы над их домом встречалась и формировала Небесные пути. Но тут рампы просто исчезали, оставляя круг тьмы на вершине пещеры, которая мерцала, как вода.

— Что такое? — спросила Марси, осторожно двигаясь вдоль крыши на корточках по краю, как можно ближе к кругу.

— То, что лежит дальше, — сказал ее отец, садясь рядом с ней. — Помнишь, как Амелия сказала, что твоя смерть была ямой в магическом пейзаже? — он указал на тьму. — Это вход. Там твоя пустота встречается с остальной.

Глаза Марси расширились.

— Так эта черная штука — магическое измерение?

— Мы уже в магическом измерении, — Амелия вытянулась на плече Марси, чтобы лучше видеть в бурлящей тьме над их головами. — Помни, твоя смерть — лишь царапина на магическом пейзаже. Тебе нужно остальное. Вид из земли.

Глаза Марси стали еще шире.

— Погоди, — медленно сказала она. — Ты хочешь сказать, что эта темная вода — магия? Магия, настоящая манасфера, место, где Тектоническая Магия и вся живая магия поднимается из Моря Магии?

— Да, — Амелия забавно посмотрела на нее. — Я не объяснила это раньше?

Она говорила, но слышать, что ты была в магическом пейзаже, где у духов были сосуды, и откуда происходила вся магия, было далеко от того, чтобы видеть это своими глазами. И не только видеть. Так близко Марси ощущала силу, исходящую от перевернутого пруда. Черное вещество выглядело как вода, но гудело силой, как напряженный провод, это не было похоже на мягкую туманную магию, с которой она работала, когда была жива. Это было настоящим: чистая, нефильТРованная и сосредоточенная магия, которая наполняла духов и оживляла их.

— Это поразительно! — завопила она, вскакивая на ноги. — Все разговоры о магии, ведущей себя как вода, не были просто метафорой. Это настоящее. Это тут! — она подпрыгивала на носочках. — Я могу дотронуться?

— Только если хочешь потерять руку, — сказал ее отец, оттянув ее. — Это я хотел тебе показать, карина. Мы тут в безопасности, но снаружи не наш мир. Пустой Ветер выпустил меня, чтобы я привел тебя к нему, но для этого тебе придется покинуть убежище своей смерти.

— И? — сказала Марси. — С чего мне хотеть сидеть тут?

— Потому что ты можешь сидеть, — отчаянно сказал он, опустив ладонь на крышу под ними. — Твой Джулиус дал тебе великий подарок. Благодаря его воспоминаниям, твоя смерть большая и уютная, и из-за того, что он дракон, так будет долгое время. Если бы ты хотела, ты могла бы веками оставаться в покое и безопасности. Это сокровище, Марсиваль. Другим так не везет.

Ей не нужен был упавший тон его голоса в конце, чтобы знать, о чем он.

— Ты говоришь о своей смерти, да?

Алдо опустил взгляд, вздохнул.

— Биксби был тщательным, — сказал он, проведя рукой по сидящим волосам. — Когда он убивал кого-то, он делал так, что по человеку не скучали, и я не был исключением. Когда я проснулся... после того, что случилось в пустыне, моя смерть была не глубже ямы, в которой они меня бросили, и пока время шло, она стала уменьшаться.

— Как это: уменьшаться?

— Как тебе и кажется, — печально сказал он, глядя на круг, где магия собиралась, как смола. — Наши смерти — лишь царапины, крохотные трещинки, которые наши жизни оставили на большом мире. Некоторые больше других, но все мы забыты в конце, и без памяти живущих, держащих наши смерти открытыми, они со временем смываются.

— Смываются? — повторила она с дрожью. — Исчезают?

Он кивнул.

— Я знаю, что ты не собиралась оставаться, но я не хочу, чтобы ты отбрасывала такое сокровище, как это, не зная его ценности. Когда я умер, у меня ничего не было. Ямка в земле, и даже она закрывалась, меня забыли все, кроме тебя. Я был на грани того, чтобы пропасть, когда появился Пустой Ветер. Он сказал мне, что ты послала его, что было хорошо, потому что, учитывая его лицо, я никогда бы...

— Погоди, лицо? — сказала Марси. — У Призрака есть лицо?

— Ужасное, — ее отец поежилась. — Но как иначе? Он — воплощение худшего страха людей.

Она нахмурилась.

— Он не так плох. Есть вещи хуже смерти.

— Есть, — согласился он. — И Пустой Ветер — один из них. Умереть страшно, но ты сама видела, это не означает, что все потеряно. Если нас помнят, какая-то наша часть всегда будет оставаться. Если ты забыт, все доказательства твоей жизни пропадают с Земли, будто тебя там никогда не было... — он покачал головой. — Это конец, Марсиваль. Это забвение, смерть после смерти.

— У тебя он звучит как злодей, — упрямо сказала Марси. — Он не злой!

— Я его таким и не звал, — ответил Алдо. — Я просто говорю тебе, какой он. Это определение, не осуждение, хотя для многих это, уверен, спорный вопрос. Доказательство нашей незначительности всегда неприятно, так что и Пустой Ветер такой. Потому он прячет лицо. Он не хочет, чтобы ты боялась его.

— Я не боюсь, — упрямо сказала Марси. — Я никогда не боялась Призрака, — потому он доверял ей, но ее отец качал головой.

— Ты испугаешься, — упрямо сказал он. — Ты не хочешь, но если увидишь его так, как видят мертвые, будешь бояться. Не из-за того, что ты не храбрая — ты храбрее всех, кого я знаю — но бессмертный или смертный, никто не хочет быть забытым.

Марси все еще не была убеждена.

— Если он такой страшный, почему ты пошел с ним? Только из-за меня?

— Это помогло, — сказал Алдо. — Но, если честно, я принял его предложение, потому что у меня не было выбора. Когда он пришел ко мне, твои воспоминания были единственным, что удерживало мою смерть. Я был на спине в неглубокой могиле, лицом к лицу с этим, — он взглянул на переливающуюся тьму со страхом в глазах. Марси не понимала.

— Это просто магия, — сказала она. — Сильная, да, но мы маги. Это мы делаем.

— Делали, — сказал он. — Когда нас защищали физические тела. Тут такой роскоши нет, и, как ты сама ощущаешь, это не та магия, с которой мы работали.

— Я ощущаю, что она куда опаснее, — согласилась она. — Но я брала силу драконов. Я могу это выдержать.

— Ты не можешь, — раздраженно сказал он. — Я говорю тебе, тут мы укрыты. Мы смотрим только на каплю на дне Моря Магии. Вся магия в мире — то, что полилось в ночь возвращения и дополнительное, что появилось с тех пор — над нами. Даже если бы тебя еще могло защитить физическое тело, сила порвала бы тебя на части. Сейчас ты — обнаженная душа, и если ты коснёшься этого, ты можешь полностью сгореть.

— Тогда как мне выйти? — спросила она. — Ты сказал, что мне нужно покинуть мою смерть, чтобы вернуться к Призраку, но как это сделать, если прикосновение к такому убьет меня? Снова.

— Не убьет, — сказал ее отец. — Если ты не одна. Если ты хочешь покинуть это место, тебе нужна помощь духа. Это их мир. Они — разумная магия, значит, они могут двигаться свободно с потоками. Если принадлежишь одному, он может тебя защитить, но хоть Пустой Ветер признает тебя своим хозяином, он не может забрать тебя, потому что тебя помнят. Потому ты вне его владений, и он не только не может защитить тебя от магии, он не может и найти тебя.

Призрак говорил нечто схожее, когда она прибыла, но Марси не понимала.

— Он не может просто прийти в мою смерть?

— Твоя смерть — крохотная капля на дне черного бесконечного моря, — напомнил ей Алдо. — Даже если бы он знал, куда именно идти, есть шанс, что ты сгоришь, пройдя в дыру, чтобы добраться до него. Я знаю, что ты решительна, Марси, но есть разница между тяжелым путем и невозможным, и я боюсь, что ты попадешь на последний.

— Это не может быть невозможно, — упрямо сказала Марси. — И то, что Амелия тут доказывает, что у меня есть шансы. Она не рискует жизнью из-за невозможного.

— Точно, — согласилась Амелия. — Я не делаю ставки, если это не важно. Кстати, Боб дал нам четкие пятьдесят на пятьдесят.

Марси чуть не задохнулась.

— Пятьдесят на пятьдесят? Пятьдесят процентов шанс смерти?

— Ты уже мертва, — напомнила ей Амелия. — Но почему ты расстраиваешься? Шансы хорошие.

— Не для моей жизни! — завопила Марси. — Это как бросать монету!

— Именно, — сказала драконша. — У тебя есть шанс совершить то, что твой отец назвал невозможным. Это чудо, как по мне.

Марси опустила голову со стоном. Не на такой ответ она надеялась, когда она говорила с Амелией. Она решила, что это ничего не меняло в конце.

— Я ценю то, что ты говоришь мне правду, — сказала она отцу. — Я понимаю, что побег не гарантирован, но что за варианты есть? Сидеть тут вечно?

Алдо улыбнулся.

— Это было бы так плохо?

— Да, — сказала она, ее возмутил такой вопрос. — Смерть — не вариант.

— Почему? — спросил он. — Ты сама сказала, что есть то, что хуже смерти, и твоя смерть лучше многих. Я не встречал твоего Джулиуса, но, судя по твоим воспоминаниям, он не забудет. Даже если он полюбит кого-то еще, он будет беречь память о тебе всю жизнь. Его драконью жизнь. Учитывая, как странно течет время на этой стороне, ты можешь оставаться тут в безопасности практически вечно. Лучше — ты будешь не одна. Обычно люди одни в своей смерти, как в своих головах, но Призрак нарушил правила, послав меня сюда, и ты принесла Амелию. У тебя есть безопасность, общество и весь мир, который можно сделать таким, как ты хочешь. Я знаю, что не ради этого ты умирала, но твоя смерть — рай по всем меркам, и рай нельзя просто отбросить.

В тех словах была глубокая правда. С момента, как она открыла глаза, Марси не считала это место постоянным, думала, что это была еще одна ловушка. Но теперь она посмотрела с крыши и дала себе представить, как было бы жить тут. Амелия, конечно, будет не рада, но ее отец будет счастлив. Даже когда они выводили друг друга, она и ее папа всегда были хорошей командой. Они могли снова быть вместе, работать в ее мастерской на чердаке. Ей нужно было закончить множество экспериментов, куда менее опасных, чем путь, который привел ее сюда. Со временем она может даже научить отца методологии. Что важнее, они будут вместе, и ее отец не вернется к Пустому Ветру.

Это было заманчиво. Марси верила, что ее дух не был злым, но описание ее папы не было приятным. Теперь она это понимала, и Марси видела, почему Алдо так настаивал, чтобы она осталась тут. После всего, что он пережил, наверное, тут для него было как рай, и она не знала, сможет ли жить с собой, если заберет это.

Если только...

— Гипотетически, — медленно сказала она. — Если я уйду, ты можешь остаться?

Поддерживать тут все за меня?

Алдо вздохнул.

— Хотелось бы. Но это твоя смерть, Марсиваль. Из-за тебя все это существует. Без тебя в них воспоминания твоего дракона — просто воспоминания.

Жаль.

— Уйти и вернуться тоже не выйдет, да?

— Думаю, да, — неловко сказал он. — Но я не знаю всего. Я знаю лишь то, что знаешь ты, и то, что я узнал, наблюдая за работой Пустого Ветра. Судя по тому, что я видел, смертные получают только одну жизнь и одну смерть.

— Значит, второго шанса нет.

— Смерть очень сложно обмануть, — сказала Амелия. — Но это не значит, что нельзя это сделать.

— Знаю, — Марси посмотрела на дыру снова. — Но Джулиус всегда находил обходные пути. Просто я... — мертва, закончило она мысленно. Мертва и застряла между папой и тяжелым местом. Но, хоть это ее расстраивало, что-то в словах ее отца беспокоило ее. — Ты сказал, что был внутри Пустого Ветра, когда он работал, — она посмотрела на него. — Что это была за работа?

— Поиск и спасение Забытых Мертвых, — ответил сразу же Алдо. — Когда человек забыт всеми, он становится частью владений Пустого Ветра, что значит, он слышит их голоса и приходит к ним. Если им везет, он находит их до того, как смерть заполняет их, и их разрывает магия. Потому он — ветер. Он должен быть быстрым.

— Это неправильно, — сказала Марси. — Если всех забываю, что Пустой Ветер — вс... смерть. Других вариантов нет?

Алдо покачал головой.

— Я не знаю.

— Но это безумие, — сказала она. — Призрак — один дух, и он появился полтора месяца назад. Что происходило с душами людей до этого?

Ее отец беспомощно пожал плечами, но когда Марси посмотрела на Амелию, та была задумчива.

— Очень хороший вопрос, — сказала она. — Я изучала смерть смертных в последний раз до исчезновения магии. Я не попадала на эту сторону, но я знала несколько богов смерти.

Рот Марси раскрылся.

— Ты знала богов?

— Так мы звали Смертных духов тогда, — объяснила Амелия. — Я не знала тогда Пустого Ветра, но — не удивительно, ведь смертные всегда были одержимы темой — в Море Магии было полно духов, связанных со смертью, забирающих души людей из их смертей и уносящие их в нужное место. Я пыталась соблазном выманить больше информации, но засуха ударила, и все духи пропали. Раз я не могла добыть информацию, и мне не нужно было переживать из-за смертности, я бросила тему и продолжила путешествия по измерениям. Чтобы выбраться из этого места без магии. Но теперь мне интересно, что случилось с душами людей во время засухи?

— Меня поражает, что загробной жизнью управляют Смертные духи, — сказала

Марси. — Смертные духи созданы нами, и ты сказала мне, что человечество создает своих богов.

— Как-то так, — сказала Амелия. — Но то, что ты их придумала, не делает их слабее или безопаснее. Люди всегда создавали своих монстров. Но не драконов, конечно. Мы прибыли сами.

Марси кивнула, голова кружилась. Этого было много, но от этого ей еще сильнее захотелось уйти отсюда. Она была на границе многих тайн. Нужно было потянуться чуть дальше, узнать еще немного, и все встанет на места. Это явно было видно по ее лицу, потому что ее отец вздохнул.

— Ты хочешь уйти.

Это был не вопрос, но Марси кивнула.

— Прости, папуля, но я умерла не для того, чтобы оставаться в безопасности и неведении. Мы многое потеряли во время засухи, так много знаний, которые людям нужны, если мы хотим выжить, и я думаю, что могу быть на грани понимания. Алгонквин говорила, что магия исчезла тысячу лет назад не без причины. Она думает, что это сделали Мерлины. Я не знаю, правда ли это, но если возвращение Смертных духов означает возвращение богов, которые спасают души мертвых — это серьезно. Это стоит риска тем, что осталось у меня в смерти. И я не могу оставаться тут, зная, что я живу в доме, построенном на скорби Джулиуса. Я не хочу, чтобы он любил меня, когда я мертва. Я хочу, чтобы он любил меня, когда я могу этим насладиться. Я хочу свою жизнь, и если для этого нужно рискнуть душой, я готова. Я знаю, чего хочу. Я всегда знала. Меня сдерживает лишь то, что случится с тобой.

Она не хотела, чтобы слова звучали как обвинение, но, к ее облегчению, отец выглядел радостно, а не оскорбленно.

— Мы всегда приглядывали друг за другом, да, карина?

— Конечно, — она сжала его ладонь. — Ты — мой папа.

— А ты моя девочка, — прошептал он, сжимая в ответ. — Потому я должен был попытаться. Я знал, что ты не захочешь остаться. Ты всегда шла вперед, но я старался тебя уберечь. Если хочешь это пройти, я не буду тебя останавливать. Я перестал управлять твоей жизнью годы назад, как и моя жизнь — не твоя ответственность.

— Конечно, моя, — гневно сказала она. — Ты — мой отец, и ты в укрытии моей смерти. Если я уйду, и это рухнет, что будет с тобой?

Алдо выглядел оскорбленно.

— Может, я мертв, но я все еще взрослый. Конечно, я хотел бы остаться с тобой в этом раю, но какой отец променяет счастье дочери на свое? И ты не бросаешь меня в забвение. Мне всегда есть куда идти. Я же забыт.

— Нет! — закричала Марси. — Я снова тебя помню. Я не должна была изначально тебя забывать!

— Ты сделала, что должна была, карина, — сказал Алдо. — И если ты серьезно хочешь уйти, тебе придется сделать это снова.

Марси уставилась на него.

— Что?

— Как сказала драконша, меня послал Пустой Ветер, чтобы я был твоим проводником, — терпеливо объяснил он. — Мне нужно вернуться к нему, чтобы сделать работу. Он не может найти тебя сам, но если тыпустишь меня, я снова буду его, а Пустой Ветер всегда находит свое. Я не ушел уже, потому что хотел убедиться, что тебя не толкнут к

решению, пока ты не знаешь варианты. Когда я увидел твои воспоминания, я переживал, что драконы использовали тебя, но я должен был знать лучше, — он рассмеялся. — Ты всегда делала, как хотела. Ни смерть, ни драконы, ни духи не могут этого изменить. Какой шанс был у меня?

Он улыбнулся ей, но Марси упрямо покачала головой.

— Я не могу снова тебя забыть. Ты — мой отец. Ты меня растил, учил магии. Когда мама ушла, ты остался. Ты любил меня, — ее голос задрожал. — Я уже потеряла тебя дважды. Я не могу потерять тебя еще раз.

— Уже потеряла, — он погладил ее щеку. — Я мертв, Марси. Я уже пожил. Лучше, у меня была ты.

— И я тебя забыла! — закричала она, снова ощущая к себе отвращение, но ее отец качал головой.

— Ты отдала меня, — сказал он. — Есть разница. Я тут не из-за того, что ты забыла меня, но из-за того, что моя память была тебе так дорога, она смогла связать бога. И не ошибись, это сделала ты. Я жил внутри Пустого Ветра. Я видел его гнев, ужас, каким он мог легко стать. Ты ему не позволила. Ты уперлась ногами и заставила его придерживаться благородной части его цели. Ты сохранила ему разум, оставила его безопасным, потому он смог отпустить меня. Он никогда еще не отпускал душу, которую забрал, но он сделал бы куда худшее, чтобы вернуть тебя. Забытые мертвые постоянно кричат ему, умоляют мстить за них, исправить неверное. Но, хоть они громкие, твой голос сильнее. Мертвая или живая, ты — его Мерлин, голос его совести. Ты помогаешь ему быть не просто бездумным рабом страхов и эмоций, создавших его, и хоть я хотел бы остаться тут навеки с тобой, ему ты нужна сильнее.

Марси отвела взгляд. Она хорошо помнила, что случилось с мертвыми на Земле Восстановления Алгонквин, как она оттащила Призрака от края, но она смутилась, услышав все это от папы. Хоть она кривилась, он был прав. Призрак мог быть наглым, как кот, каким притворялся, но когда все было плохо, он держался за нее. После того, как Эмили выстрелила в нее, он умолял ее сильнее, чем Джулиус, чтобы Марси не бросала его. И потому она взяла его за руку. Не из-за того, что она видела путь к становлению Мерлином, а из-за того, что, хоть она хотела остаться с Джулиусом, она знала, что ее дракон мог жить без нее. Призрак не мог. Он был ее духом, ее ответственностью, и Марси должна была вернуться к нему, несмотря на шансы.

— Ладно, — прошептала она, поднимая взгляд. — Что мне нужно делать?

Алдо посмотрел на их соединенные ладони.

— Отпусти меня.

Марси скрипнула зубами. Даже когда он ей сказал, разжать ладони, держащие его за руки, ощущалось как предательство сего, что было ей дорого: семьи, детства, старых мечтаний. Ее отец был большей частью ее жизни до СЗД, и Марси не знала, как в жизни останется смысл без него. Но, пока она смотрела на свои пальцы, пытаясь набраться смелости разжать их, Алдо склонился и прижался лбом к ее лбу.

— Все хорошо, карина, — прошептал он. — Даже если ты не помнишь меня, я всегда буду помнить тебя. В жизни глупостей и неудач ты была единственным, что я сделал правильно. Ты — моя дорогая, и я всегда буду гордиться тобой.

Марси закрыла глаза, вздыхая.

— Ты не упрощаешь.

— Ты никогда не упрощала, — он рассмеялся. — Но пора отпустить, — он склонился и поцеловал ее в щеку. — Прощай, Марсиваль.

Она не могла ответить. Все ее прощания прозвучали всхлипами, она разжала ладони.

Как только ее пальцы ослабли, тепло ладони ее отца сменилось холодом, который резал, как нож. Когда она опустила взгляд, она увидела только нить.

Она была тонкой, как паутина, сияла на ее коже, как бело-голубой лунный свет. Марси склонилась ближе, чтобы осмотреть ее, когда капли теплой воды полились на ее ладонь вокруг нити. Слезы, запоздало поняла она. Ее слезы, из ее глаз, в чем нее было смысла. Марси не помнила, как заплакала, но ее глаза были мокрыми и опухшими, а грудь болела, словно ее сдавило. Что-то явно произошло, но она не помнила, что. Она знала, что потеряла что-то очень важное, но пока Марси не поняла, что, ледяная нить на ее ладони стала дрожать.

— Что это означает? — спросила Амелия, обошла руку Марси, чтобы рассмотреть.

— Не знаю, — Марси вытерла глаза, подняла нить с ноющей ладони. Нить была ужасно холодной. Как могила. Как...

Ее тело содрогнулось. Что странно, Амелия тоже содрогнулась, дракончик подпрыгнул, как испуганная ящерица, потом поднялась по руке Марси, чтобы скрыться в ее коротких волосах за ухом.

— Ты это ощутила?!

Марси кивнула, посмотрела во все стороны. С тех пор, как она проснулась в смерти, она и Амелия были единственными, кто двигался. Теперь ветер поднялся, поднял пыль с дорожки из гравия в неподвижности.

— Ого, — Амелия зацепилась хвостом за шею Марси. — Что будет теперь?

— Откуда мне знать? — сказала Марси, вставая на ноги. — Ты — эксперт!

— Эксперт по теории, — исправила ее драконша. — Я не была мертвой на практике.

Марси закатила глаза, но критика безрассудства подруги могла подождать. За их короткий разговор ветер стал ураганом. На земле поднималась воронкой пыль, огни в доме дико раскачивались там, где дверь осталась открытой. Даже припаркованная машина сала сдвигаться в сторону по гравию дюйм за дюймом. Марси не видела, на сколько дюймов, потому что лежала на животе, держась за черепицу изо всех сил. Но когда она посмотрела, чтобы убедиться, что Амелию не сдуло, красный дракончик смотрела на потолок, ее янтарные глаза расширились.

На вершине пещеры посреди жуткой черной дыры, ведущей наружу, тянулась ладонь. По крайней мере, это было похоже на ладонь. Было сложно сказать, она еще не пробила обсидиановую поверхность. Вместо этого магия натянулась, как резина, и нечто отчаянно сжимало сквозь стену влажно мерцающей черноты. Это уже должно было пугать, но в миллион раз хуже было то, что это все происходило над головой Марси, и ладонь следовала за ней, куда бы она ни двигалась. Она гадала, стоило ли бежать к подвалу дома, когда увидела что-то мерцающее в центре тьмы. Она поняла вдруг, что это нить сияла во тьме, как лунный свет, тянулась к середине ладони.

И Марси знала, что делать.

— Крепко держись, — сказала она дракону на своем плече, села на корточки. — Я прыгаю.

— Прыгаешь? — в панике сказала Амелия, глядя то на ладонь над их головами, то на пропасть в три этажа. — Нет, нет, нет. Прыжок с крыши — очень плохая идея, когда нет

крыльев.

Она не спорила, но дыра была расположена так, что Марси не могла дотянуться рукой, стоя на ногах. Было слишком далеко, и крыша была со склоном. Ей придется прыгнуть, и ветер помогал ей, ударил по стене дома перед ней. Марси была уверена, что ветер поднял бы ее, если бы она упала, и раз поток уже стал поднимать крышу с дома, она не видела повода медлить. Прыжок, или ее подбросят, и Марси схватила холодную нить и спрыгнула с крыши, когда гвозди перестали выдерживать.

Как только ее ноги оторвались от крыши, она поняла Амелию. Дыра казалась близкой, но ладонь, тянущаяся сквозь тьму, была куда больше, чем она понимала, потому что теперь, когда она двигалась к руке, Марси видела, что дыра, к которой она прыгала, была на несколько футов выше, чем она понимала, так что теперь она летела над пустотой. Но, когда Марси задумалась, можно ли было умереть в своей смерти, ветер подул вдоль дома, поймал ее, как сеть, и направил к тянущейся ладони.

Как только она оказалась близко, Марси сжала огромный палец. И тут же пожалела.

Когда она коснулась тьмы, магия, какой она никогда не ощущала, взорвалась в ней. Это напомнило ей первый раз, когда она потянула магию Джулиуса, но в миллион раз хуже. Она словно подключилась к солнцу. Попала в сверхновую. Шок был таким сильным, что она не могла заставить себя отпустить, даже когда ее ладонь стала таять на ее глазах, ее пальцы исчезали в тени света солнца. Она в ужасе смотрела туда, но ладонь сжала ее тело в ловушку.

Марси была уверена, что умрет. Снова. Сильная магия была вокруг нее, ее тело таяло, как сахар в воде. Но когда она была уверена, что стала пылью, холодный шок убрал все остальное, и ладонь потянула ее сквозь дыру во тьму, а потом в ледяные объятия.

— Поймал.

Голос был таким громким и радостным, что она едва узнала его, но холод после этих слов ощущался как дом.

— Я тебя поймал, — Призрак крепко ее обнял, и все растаявшие части соединились. — Я нашел тебя, Марси.

— Я знала, — прошептала она, открывая глаза против холодного ветра. Она подняла голову и посмотрела на духа...

И увидела его лицо.

Глава 3

Джулиус резко проснулся.

Он все еще сжимался в комок в кресле Боба, сжимая сумку Марси. Он не чувствовал угрозы, но сердце колотилось в груди. Обычно так бывало после плохого сна, но он не помнил такого. Он списал это на стресс, натянул выше одеяло, чтобы уснуть, когда вспомнил, что у него не было одеяла, когда он засыпал. Он пытался сонно понять, как оно магически появилось на нем, когда услышал тихий звон фарфора рядом с ухом.

Джулиус вскочил с кресла. Он рухнул на ноги, согнул колени, сжимая сумку Марси под рукой, прах Амелии был под другой, ладони были подняты для защиты от того, что было с ним в комнате. Когда он стал озираться в поисках угрозы, он увидел только знакомого высокого дракона в безупречном черном костюме, пытающегося опустить большой поднос с завтраком на заваленный стол Боба.

— Доброе утро, сэр, — сказал Фредрик, не отрывая взгляда от подноса, который устраивал на углу стола. — Хорошо спали?

Джулиус глядел на него полминуты, а потом рухнул в кресло.

— Не делай так, — выдохнул он, держась за грудь, его бедное сердце пыталось вырваться из него ударами. — Что ты тут делаешь?

— Подаю завтрак, — сказал Ф, установив поднос. — Или пытаюсь. Со всеми проблемами на горе и без Ф рядом, чтобы проверить посещение, почти никто из работников-людей не явился на работу утром. Кухня была заброшена, и мне пришлось работать с тем, что я смог найти. Я не такой хороший повар, как моя сестра, но, думаю, я справился.

Глядя на тост, джем, яйца и другие части завтрака, Джулиус думал, что Фредрик не просто «справился», но это его сейчас не очень тревожило.

— Я не о еде, — рявкнул он, поднимаясь снова. — Что ты тут делаешь? Ты должен быть свободен!

— Я свободен, — резко сказал Фредрик. — Потому я тут.

Джулиус хотел спросить, что он имел в виду, но дракон опустил грациозно на колени. Его ладони легли на пол, и Фредрик поклонился, голова была так низко, что короткие волосы задели камень у ступней Джулиуса.

— Великий Джулиус, — серьезно сказал он. — Мы в долгу перед вами сильнее, чем можем отплатить. Вы боролись за свободу моей кладки против воли Брогомира и самой Хартстрайкер. Благодаря вам, мы летали свободно как драконы впервые в жизни. Но, хоть я рад, я не могу расслабиться, зная, как много мы вам должны. И, как старший, я клянусь на своем огне и жизни, что буду служить вам верно, пока не отплатю долг нашей кладки.

Он поклонился ниже, когда закончил, прижался лбом к полу, а потом плавно поднялся на ноги. Он уже повернулся к подносу, стал расставлять тарелки, пока Джулиус искал голос.

— Издеваешься?

— Уверяю вас, нет, — Фредрик поднял белую фарфоровую чашку. — Чай или кофе? Вы не говорили, что предпочитаете, и я принес все сразу.

— Ни то, ни другое, — рявкнул Джулиус. — И я не хочу, чтобы ты служил мне! Я сделал все это, чтобы вы могли жить свободно!

— Я и живу, — сказал гневно Ф, хмуро глядя на него. — Потому я тут. Я знаю, что не могу жить, не отплатив такой долг.

— Но долга нет. Ты не в долгу передо мной...

— Вы освободили нас от рабства у Бетезды длиной в шестьсот лет, — Фредрик в ужасе смотрел на него. — Что вы хотите, чтобы я сделал? Убежал и игнорировал наш долг?

— Да! — закричал ему Джулиус. — Беги! Улетай! Радуйся свободе. Для этого я вас освободил, чтобы вы могли отсюда сбежать. Если хочешь мне отплатить, так и сделай.

Когда он закончил, Фредрик выглядел опасно оскорбленным.

— При всем уважении, сэр, ваша оценка долга — шутка. Весь клан знает, что вы отпустили Бетезду практически бесплатно. Но, хоть мягкое сердце — ваше право как главы клана, я не настолько лишен гордости, чтобы принять такое для себя или своих братьев и сестер. Потому я поклялся на своем огне, а не предложил вам долг. Я знал, что вы откажетесь, что вы попытаетесь быть хорошим. Но дело не в доброте, Великий Джулиус. Моя кладка, может, и на дне Хартстрайкеров, но у нас всегда была честь. Я не позволю вам издеваться над ней сейчас вашей неуместной жалостью.

Джулиус вздохнул так сильно, что было больно.

— Я не о том...

— Вы дали мне свободу, — перебил Фредрик. — Но я был слугой всю жизнь. Я знак

только это. Разница, что сейчас, благодаря вам, я сам выбираю службу, и я выбираю отдать ее вам. Если не хотите, чтобы я служил таким образом, я найду другой, но я отплачу свой долг, пока не решу так сам, и вы не имеете права остановить меня.

Он рычал, когда закончил, а его глаза — которые казались ярче обычного этим утром почему-то — прищурились до опасных щелок. Так другие родственники смотрели на Джулиуса, когда хотели пригрозить съесть его, только еще хуже, потому что теперь он был без печати, и Джулиус впервые ощутил, каким большим драконом был Фредрик.

Это не удивляло — Ф были довольно высоко в алфавите Хартстрайкеров — но открытие все еще было больше, чем он был готов, и тот факт, что в облике человека Фредрик был куда выше, чем он, не помогал. Самый старый Ф нависал над ним во всем, и хоть Джулиус ненавидел идею долга, особенно, когда нужно было служить, он не мог выбраться отсюда без боя, в котором он не может победить.

Это было не совсем правдой. Он все еще был с Клыкком. Но, хоть меч остановил бы физическую атаку Фредрика, он не мог решить настоящую проблему — драконью гордость. Фредрик приравнивал мягкость к жалости, и он будет бороться всеми силами, чтобы уменьшить бремя. У Джулиуса оставалось два варианта: бросить вызов брату или сдаться и принять его службу. Первый было глупо обдумывать, но хоть от второго Джулиус ощущал себя плохо, ему нужно было признать, что было приятно, когда на его стороне был дракон. И поднос с завтраком выглядел заманчиво.

— Ладно, — он обмяк в кресле. — Я принимаю твою службу, но если ты будешь работать на меня, у меня есть правила. Первое — не кланяться. Ты дракон в новом клане Хартстрайкер, и ты не будешь ни перед кем склонять голову. Второе — хватит геройств, — он постучал пальцами по мечу на боку. — Это защищает меня от угроз, но ты можешь пострадать, и я говорю тебе сейчас, что для оплаты долга ненужные раны не будут считаться.

— Я бы так не делал, — возмутился Фредрик. — Но ваш Клык защищает вас только от других Хартстрайкеров. Как ваш слуга, я имею право защищать вас от врагов вне клана.

Джулиус не собирался биться с внешними силами, так что это казалось неплохим компромиссом.

— Договорились, — кивнул он. — Что-то еще?

— Да, — Фредрик скрестил руки на груди. — Я поклялся служить вам и вашим интересам, но за короткое время, которое я вас знал, вы показали почти суицидальный уровень отсутствия интереса к своему здоровью. Раз вы ужасно судите то, что для вас лучше, я буду игнорировать приказы, которые вам не на пользу.

Джулиус прожил с драконами достаточно долго, чтобы знать, что это было опасно открытым соглашением, но он не мог указывать Фредрику, что делать. Что бы он ни говорил, Ф будет делать по-своему, и Джулиус не хотел ему приказывать. Из-за этого не стоило спорить, и он снова кивнул, протянул руку.

— Добро пожаловать на борт.

Ф пожал его руку с торжествующей улыбкой, опустил голову достаточно низко, чтобы это не считалось поклоном, а потом повернулся к подносу с завтраком.

— Печенье или тост?

— Все сразу, — рьяно сказал Джулиус. — И чай. Не люблю запах кофе.

Это было ложью. Джулиус любил запах кофе. Особенно, кофе Марси, в чем и была проблем. Даже слабый запах из графина с крышкой на подносе Фредрика вызывал

воспоминания, с которыми он не мог мириться после прошлой ночи, и он отвернулся с гримасой.

— Убери его, пожалуйста.

Фредрик с интересом приподнял бровь, но промолчал. Он взял графин и унес его в коридор, пока Джулиус наливал себе чай и добавлял много сливок.

Дальше завтрак был удивительно приятным. Хоть Фредрик настаивал, что был посредственным поваром, его яичница с беконом была куда лучше, чем Джулиус мог сделать сам. Еды было много, что было хорошо. Джулиус не ел нормально с того раза, как Фредрик кормил его после боя с Грегори. Но, что ощущалось неправильно, что его обслуживал один из драконов, которых он так старался освободить, виноватая часть Джулиуса была очень рада, что Фредрик был тут. После конфликтов и печали было приятно находиться в обществе, и как только он перестал рычать на Джулиуса о долгах, Ф снова стал собой, деловитым и хитрым. Даже в странном окружении заваленной комнаты Боба Джулиус смог расслабиться впервые за долгое время.

Пока он не услышал знакомые шаги в коридоре.

Джулиус закрыл глаза, вздохнув. Он едва успел опустить вилку, как кто-то стал стучать в дверь комнаты Боба, словно пытался ее выбить. Фредрик даже не успел дойти туда, как дверь распахнулась, и Джастин ворвался в комнату.

— Вот ты где, — прорычал он, шагая к Джулиусу. — Я всюду искал... — он умолк, увидев поднос и Фредрика, а потом его глаза расширились. — Так не честно! — закричал он. — Почему у тебя еще есть Ф? Больше ни у кого нет!

Фредрик напрягся, и Джулиус прижал ладонь к лицу.

— Джастин...

— Я вызвался служить Великому Джулиусу, — сказал Фредрик, его презрительный голос мог резать. — Остальные в моей кладке свободны делать, что хотят.

— О, хорошо тогда, что я — рыцарь Великого Джулиуса, — Джастин бодро прошел к подносу. — Это маффины с черникой?

Он потянулся к выпечке, но Фредрик стукнул его по руке.

— Я служу только Великому Джулиусу, — сказал он убийственным тоном. — Если хотите поесть, кухня внизу.

Джастин оскалился в ответ, и Джулиус прыгнул вмешаться, пока что-то не откусили.

— Можешь взять мой, — он протянул Джастину свою тарелку. — Я не смогу съесть все, будет обидно, если работа Фредрика испортится.

— Лучше в урну, чем ему, — прорычал Фредрик, когда Джастин взял тарелку. — Хоть он ваш брат, но я теперь могу сказать, что Рыцарь Хартстрайкеров — избалованный, неблагодарный...

— Вот как? — Джастин посмотрел Фредрику в глаза, взял маффин с тарелки Джулиуса и сунул в рот. — Хочешь показать свободу, Фредди? Я в игре. Я готов в любой момент, где угодно. Я выиграю, будешь готовить мне месяц.

На жуткий миг Фредрик выглядел так, словно примет вызов, но он не смог. Джулиус сжал Клык раньше, чем Ф зарычал, и оба дракона застыли на месте.

— Хватит, — твердо сказал он, хмуро глядя на них. — У нас уже много врагов. Давайте не будем помогать им, откусывая части друг от друга.

Драконы не были рады, но оба расслабились достаточно, чтобы магия Клыка отпустила их. Джулиус держался за меч еще немного, на всякий случай. Когда он убедился, что никто

ничего глупого не делает, он повернулся к Джастину.

— Зачем ты искал меня?

— Мне нужна причина? — сказал Джастин, делая паузу, чтобы сгрести все с тарелки Джулиуса в рот и проглотить за раз. — Я — твой рыцарь. Мое место рядом с тобой. Я бы прибыл сюда раньше, но тот доктор не выпускал меня из лазарета.

Это тревожило. Да, Челси поранила его в бою в казне, но то было дни назад, и это был Джастин. Обычно он восстанавливался от всего за сутки.

— Почему ты все еще был в лазарете?

— Ничего серьезного, — Джастин схватил еще маффин с подноса, пока Фредрик не остановил его. — Я просто использовал много огня на Ванна Егеря, так что я немножко медленнее восстанавливаюсь, чем обычно.

Он поднял футболку, и Джулиус охнул. Торс Джастина был в бинтах, на некоторых еще были капли крови.

— Нам нужно вернуть тебя в кровать.

— Нет уж, — Джастин бросил маффин в рот, опустил футболку. — Во-первых, кровати нет. Лазарет пустой, как и вся гора, потому что Ф отвечали за врачей. Во-вторых, мое место с тобой. Рыцарь все время рядом с главой клана. Ты не упрощаешь дело, прячась тут, — он фыркнул и потянулся к тарелке с беконом. — Я должен посадить тебя на поводок.

Джулиус переживал, но невольно улыбнулся. Джастин странно это показывал, но было приятно знать, что он волновался.

— Тебе стоит присесть, — он встал с кресла Боба. — Больно даже смотреть на тебя.

Джастин закатил глаза.

— Нет. Я не слабак, как ты, который сидит каждый раз, когда течет кровь. Мне нужно быть настороже. Конрад ушел, из бойцов остался только я. Если ты умрешь при мне на пустой горе, я не смогу жить.

Последнее было в стиле Джастина, и Джулиус не сразу понял другие его слова.

— Конрад ушел? Когда?

— Прошлой ночью, — сказал Джастин. — Не знаю, что на нее нашло, но матушка серьезно настроена на эвакуацию горы. Она послала Конрада в Вашингтон прошлой ночью, чтобы помочь Дэвиду подготовить нашу запасную позицию на случай беды.

Джулиус впервые слышал о запасной позиции.

— Почему мне никто не сказал? — гневно завопил он. — Бетезда не получала приказ об эвакуации. Это решение Совета!

— Тебя не было рядом, — Джастин пожал плечами. — И эвакуировать почти нечего. После гневного ухода Челси, смерти Амелии, исчезновения Боба, освобождения Ф и побега остальных на свои территории гора Хартстрайкер пустая. Даже работники-люди отлынивают. Матушка тут, потому что она еще не закончила перемещать казну в сейфы внизу.

— Ясное дело, — прорычал Фредрик. — Бетезда ничего не может поставить выше своего золота.

— Но она должна была сказать мне, — рявкнул Джулиус, но без пыла. Кроме гордости и факта, что это был их дом, не было повода оставаться на горе Хартстрайкер, если ее было некому защищать, и хоть он злился, что она не обсудила это сначала с ним, Вашингтон был неплохим ходом. У них были там союзники, благодаря месту Дэвида в конгрессе, и в столице США крупная атака будет считаться актом агрессии против США, не только

Хартстрайкеров. Они не могли просить места лучше, чтобы залечь на дно.

Он хотел, чтобы это не ощущалось как побег.

— Эй, — Джастин понизил голос. — Я знаю, что обидно отступить, но не все так плохо.

Конрад может справиться с Бетездой, но я отвечаю за тебя, и впереди наш день рождения.

Джулиус удивленно моргнул. Со всем происходящим он забыл о дне рождения, пока Джастин не упомянул это.

— При чем тут это?

— Ни при чем, — Джастин пожал плечами. — Но двадцать пять — рубеж, и если мы должны сбежать, то почему не в веселое место? Я думал о Вегасе. Я знаю, ты ненавидишь азартные игры, но еда отличная, и девушки...

— Не Вегас.

Джулиус уставился на него.

— Почему?

Потому что Марси была из Вегаса.

— Просто не там.

Его брат скрестил руки на груди.

— Это из-за твоего человека, да?

Джулиус не ответил, рыцарь зарычал.

— Нельзя ныть из-за нее вечно.

— Прошло всего три дня, — напомнил ему Джулиус.

— Да, но ты знал, что это произойдет, — рявкнул Джастин. — Она смертная. Смерть ее ждала.

Джулиус стиснул зубы.

— Хватит, Джастин.

— Нет, — гневно сказал он. — Это глупо. Ты — дракон. Я не дам тебе тратить время, страдая из-за...

— Я сказал: хватит!

Слова прозвучали ревом, от которого все вздрогнули, включая Джулиуса. Он не знал, что мог так звучать. Но при этом он не хотел извиняться. Он не мог больше прятаться в своей комнате, но воспоминание о смерти Марси все еще было свежей раной в его груди. Если Джастин продолжит тыкать в нее, Джулиус не сможет сдержаться.

— Я не поеду в Вегас, — сказал он спокойнее. — Я не отправлюсь никуда, пока...

Громкий шум прервал его. На горе загудел в колонках высокий вой, проникая сквозь камень. Аварийные лампочки включились через секунду, наполняя пещеру Боба красным сиянием, перемежающимся с яркими белыми вспышкам.

— Что это? — закричал Джулиус, закрывая уши от до боли громкого шума.

— Паническая тревога, — отозвался криком Фредрик.

Джулиус побледнел. Он еще не слышал раньше паническую тревогу.

— Что это означает?

— Что нужно паниковать, — сказал Джастин, схватил Джулиуса за руку и потянул к двери. — Нам нужно поскорее в бункер.

— Разве не нужно убежать? — потому что если нужно было паниковать на горе, полной драконов, бункер не помог бы.

— Нет времени, — сказал Джастин, потянув брата в коридор. — Фредрик?

— Делаю, — Фредрик пронесся мимо них по сверкающему коридору к лифту, а потом к

тому, что выглядело как пустой участок на стене. Пространство оказалось не пустым, когда Фредрик нажал на трещину в камне.

— Вот, — он открыл стену, узкая лестница вела вниз.

Джастин усмехнулся.

— Ф всегда знает норы, — сказал он, толкая Джулиуса внутрь. — Шевелись.

Джулиусу не нужно было повторять. Он уже бежал по лестнице за Фредриком. Джастин следовал за ним, замер только, чтобы закрыть тайную дверь, сирена гудела за ними.

* * *

Они несколько раз меняли туннели, следуя за Фредриком по лабиринту тайных проходов, которые пересекали нормальные коридоры и лестницы, пока не остановились у лифта. Не очень хорошего. Это была жуткая стальная коробка на кабеле над открытой шахтой, тянущейся вниз. За все годы на горе Джулиус такого не видел. Он даже не знал, где они были после стольких поворотов, но он не тратил время на вопросы. Он просто шел за братьями, миновал открытую решетку лифта, держался у Джастина, когда он нажал на одинокую красную кнопку, чтобы начать спуск.

Даже спуск во тьме на тошнотворной скорости занял минуту падения, а потом лифт остановился с рывком. Когда стальная решетка поднялась, камень коридора снаружи был даже не того цвета, что гора сверху, и Джулиус решил, что они были еще глубже, чем подземный туннель, где были комнаты Челси и Ф. Глубже, чем он ходил, ниже корней горы.

— Это безумие, — прошептал Джулиус, Джастин вывел их. — Я знал, что бункер был глубоко, но не так глубоко.

— Потому что он не так глубоко, — Фредрик отошел, и Джастин прошел мимо, ввел код в панель рядом с металлической дверью в конце короткого туннеля. — Аварийный бункер на четверть мили выше нас. Это глубокий бункер.

Джулиус уставился на него.

— Сколько у нас бункеров?!

— Когда все хотят тебя убить? Их мало, — сказал Джастин, свет над дверью стал зеленым. — Внутрь.

Тяжелый засов едва покинул замок, Джастин распахнул толстую металлическую дверь, словно она была из картона, и стало видно огромную комнату, которая выглядела как что-то между пещерой и Центром управления полетами НАСА.

В отличие от других комнат на горе Хартстрайкер, вырезанные из камня, чтобы подходить нуждам драконов, эта была будто сделана природой. Стены плавно изгибались, вода стекала в углу, сталактиты висели с потолка над головой. На полу были сталагмиты, но они были срублены, чтобы создать пол для огромного массива компьютерных консолей, кругов контроля заклинаний. Человеческих, что странно.

— Почему мы используем человеческую магию для чар? — спросил Джулиус, когда Джастин толкнул его внутрь.

— Потому что Бетезда не доверяет нам с этим, — объяснил Фредрик, озираясь на пустые стулья. — Хотя где маги, которые должны ими управлять, сейчас — никто не знает.

Это звучало плохо.

— Нам не нужно кого-то вызвать?

— Нет времени, — Джастин прошел к одной из больших консолей. — Придется смириться без...

Он умолк, стальная дверь за ними открылась снова, Бетезда ворвалась в комнату.

Тревога, видимо, разбудила ее, потому что она была в кроваво-красной длинной кружевной ночной рубашке, которая просвечивала. Ее волосы были идеально расчесаны, так что это могло быть платье. С его матерью было сложно понять.

— Я должна была знать, что мне не повезет прийти сюда первой, — буркнула она, увидев Джулиуса. — Я надеялась не впустить вас, — она хмуро посмотрела на Джастина. — Почему ты всегда такой быстрый?

— Потому что я делаю свою работу, — Джулиус тыкал машину перед собой. — Как эта штука работает?

— О, позволь, — рывкнула Бетезда, задрала кружевную юбку, поспешила по пещере, чтобы занять место Джастина перед центральной панелью управления. — Фредрик, — сказал он, пока она опускала ладони на кнопки. — Я не знаю, почему ты еще тут, но если не хочешь умереть, я предлагаю взять дроны.

Он уже был перед консолью с названием главного производителя дронов, напечатанным спереди, и казалось, что Фредрик уже делал это. Он остановился, когда Бетезда отдала приказ. Это заметили.

— Что ты творишь? — прорычала она.

— Что хочу, — прорычал Фредрик, глядя на нее с чистой ненавистью. — Я служу теперь Джулиусу. Не тебе.

— Ты не серьезно.

В ответ Фредрик хмуро смотрел, и Бетезда прижала ладонь ко лбу.

— Seriously, — простонала она, закрыв глаза. — Чем мы стали?

— Лучше без тебя, — сказал Фредрик, еще раз ядовито глядя на мать. Он повернулся к Джулиусу. — Что прикажете, сэр?

Джулиус прикусил губу.

— Эм, что ты умеешь? — он не знал, как это все работало. Он не знал о такой комнате еще пару минут назад.

Ф повернулся к большой консоли перед ним. Она загорелась, когда его ладони приблизились, бросая паутину интерфейса дополненной реальности в воздух над ней. Фредрик погрузил пальцы в управление, и экраны на стенах загорелись, множество камер показывали материал из пустыни.

— Работает, — Джулиус усмехнулся. — Молодец, Фредрик. Спасибо.

— Все в моей кладке умеют использовать системы безопасности горы, — он пожал плечами. — Но не за что, сэр.

Бетезда издала звук отвращения, но сдержала комментарии, сосредоточилась над управлением в дополненной реальности над своей консолью.

— Я возьмусь за периметр, Фредрик, а ты — на первом квадрате. Я хочу знать, что вызвало тревогу.

Только когда Джулиус кивнул, Фредрик послушался, открыл большую карту пустыни вокруг горы Хартстрайкер и махнул ладонью над юго-западной частью. Через миг карта наполнилась крохотными зелеными точками, которые стали двигаться в унисон, а экраны на стенах стали показывать материал камер из той части пустыни.

— Дроны поднялись.

— Хорошо, потому что все остальное не работает, — прорычала Бетезда, хмуро глядя на парящий интерфейс перед ней. — Не понимаю. Я недавно проверяла сенсоры...

Она утихла, посмотрев на картинку на самом большом экране перед ними. Кадр был с

высоты, покачивался, так что явно был снят дроном, но то, что камера показывала, было сложно различить. Джулиус видел, что что-то летело над западным краем воздушного пространства Хартстрайкеров. Несколько чего-то двигалось очень быстро, но их движения не имели смысла. Они не парили, как самолеты, не хлопали крыльями, как птицы, и не парили на ветру. Они извивались в ясном пустынном утре, как угри, плотной формацией.

— Что это? — спросил Джулиус, щурясь, глядя на экран. — Какой-то водный дух?

— Не глупи, — сказала Бетезда с бледным лицом. — Это драконы.

Это не могло быть правильным.

— Но они без крыльев, — он указал на змеящиеся силуэты. — Что за драконы без крыльев?

— Китайские, — ответил напряженно Фредрик.

Глаза Джулиуса расширились. Его клан был изгнан из Китая, и он не обращал внимания на китайских драконов, кроме того, что возникало в новостях. Даже теперь, когда он знал, на что смотрел, извивающиеся силуэты на экране не выглядели как драконы. Они были слишком длинными и компактными, их узкие тела легко скользили в утреннем воздухе, как шелк в море. Но, чем дольше он смотрел, тем больше сходств находил. Они двигались не так, как он привык, но у них были головы и зубы драконов, а еще когти на лапах. И они были красивыми. Очень красивыми, но смертельно опасными, какими могли быть только старые и сильные драконы.

Даже на расстоянии, глядя через камеру дрона, он видел силу, мерцающую на яркой красной, зеленой и синей чешуе, похожей на рыбу. У некоторых даже были гривы, большие пучки цветной шерсти, от которых они были похожи на львов. У других были длинные рога, которые торчали над головами, как изогнутые вилки. Без крыльев они могли летать плотной формацией, вся стая двигалась как косяк рыб, и было невозможно понять их количество, пока они неслись в утреннем небе к горе.

— Они летят к нам, — сообщил Джастин.

— А куда еще? — раздраженно сказала Бетезда. — Тут есть только мы, — она ударила кулаками по консоли. — Я же сказала, что к нам вторгнутся!

— Не будем спешить с выводами, — сказал Джулиус. — Мы еще не знаем, что это вторжение.

— О, перестань, Джулиус! — завопила она, разворачиваясь. — Даже ты не можешь быть таким наивным. Я сказала тебе сегодня, что мы сбежим, и драконы из другой страны появились в нашем воздушном пространстве. Что они тут будут делать? Скажут «привет»? — она нервно посмотрела на экран. — Я рада, что Челси тут нет.

— Почему? — он вдруг ощутил подозрения. — При чем тут она?

— Я бы хотела рассказать, — ответила его мать. — Но ты заставил меня поклясться на моем огне, что я сохраню эту тайну, так что придется страдать от иронии. А пока нам нужно показать, что раненый клан — еще не мертвый клан.

— Джастин?

Рыцарь вскинул голову, и Бетезда грозно улыбнулась ему.

— Покажи этим змеям цену пребывания на земле Хартстрайкеров.

Слова едва вырвались из ее рта, и улыбка Джастина стала такой же, как ее.

— Понял, — он прошел к черной и опасной на вид консоли в дальнем углу. Эту он явно умел использовать. Пальцы двигались в дополненной реальности, пока весь интерфейс не загорелся злым красным светом. — Снаряды заряжены.

— Снаряды? — сказал Джулиус. — У нас есть снаряды?

— Ясное дело, — сказала Бетезда, красный интерфейс появился и на ее консоли. — На чьей ты горе?

Он не успел ответить, она махнула ладонью в узле меню в воздухе над ее консолью, рисуя на силуэтах драконов на экране сверху красные мишени. Она была в процессе, когда Джулиус дошел до нее.

— Матушка, стой! — взволнованно закричал он, сжимая ее руку. — Нельзя просто сбивать любого дракона, прилетевшего на нашу территорию!

— Конечно, можно, — она вырвалась из его хватки. — Это наша территория. Они сделали бы то же самое, если бы мы прилетели в Пекин.

Наверное, это было правдой. И все же...

— Мы даже не знаем, почему они тут! Разве мы не должны хотя бы сделать предупредительный выстрел или...

— И потратить шанс на неожиданную атаку? — она закатила глаза. — Ты точно не подходишь для войны.

— Но...

— Ты можешь спросить их о намерениях, когда они будут на земле, — снисходительно сказала она. — А пока что...

Она опустила кулак на консоль с кровожадной улыбкой, сирены снова взвыли, предупреждения о запуске снарядов вспыхнули на каждом мониторе в комнате. Земля над ними загудела через миг, но, пока Джулиус готовился к неизбежному реву ракет, все вдруг затихло.

Торжествующая улыбка пропала с лица Бетеды.

— Что случилось? — осведомилась она, склонившись над консолью. — Почему они не запускаются?

— Отменено, — Джастин кивнул на каскад сверкающих сообщений с предупреждениями в дополненной реальности. — Похоже, ошибка системы.

Рыча, Бетезда оттолкнулась от центральной консоли и прошла к его. Оттолкнув Джастина с дороги, она вонзила ухоженные ногти в мешанину команд снарядов, сжала сообщения об ошибках и вытащила их ближе, чтобы прочесть, что пошло не так. Чем дольше она смотрела, тем растеряннее была.

— Это невозможно, — сказала она, наконец.

— Что невозможно? — голос Джулиуса стал выше.

— Это! — закричала она, указывая на интерфейс. — Это не ошибка системы. Все снаряды просто столкнулись с ошибкой, и даже не с одной и той же. Если бы во всех было одинаково, я решила бы, что это хакер или баг, но уникальная фатальная ошибка на каждом из ста сорока четырех снарядов одновременно? Так не бывает! Шансы...

Она застыла, зеленые глаза расширились.

— О, нет, — прошептала она, глядя на драконов на экране. — Нет, нет, нет.

Она стала ругаться, изрыгать крещендо брани на впечатляющем количестве языков. Вспышка потрясла Джулиуса сильнее панической тревоги, потому что, хоть его мать часто срывалась, она редко ругалась. Это было низко, по ее словам, вульгарно. Но она сейчас себя превзошла, и хуже было то, что Джулиус не знал, что ее так вывело. Драконы приближались, но выглядели так же, как и перед ее попыткой атаки. Он смотрел на красивые силуэты на экране, пытаясь понять, когда солнце из-за вершины горы Хартстрайкер озарило что-то

сияющее и золотое в центре стаи.

— Что это? — он прищурился, глядя на золотую искру, ослепляющую даже через камеры.

— Конец пути, — с горечью сказала его мать, снова заговорив на английском. — Это, мой глупый сын, Цилинь. Золотой Император, что уместно, ведь нам императорская крышка.

Он удивленно смотрел на экран.

— Но я думал, Золотой император никогда не покидал Китай?

— Так и есть, — прорычала Бетезда. — Потому я злюсь. Хотя это объясняет, что случилось с моими снарядами.

— Как его присутствие связано с ошибками снарядов?

Его мать посмотрела на него как на безумца.

— Ты спал на уроках политики драконов?

— Я ходил на уроки! — завопил Джулиус. Иногда. Когда он не прятался, чтобы не быть боксерской грушей для других «Дж» или не стать подопытным на тренировке заклинаний. — Но мы не особо долго рассматривали Китай, раз нашей семье запрещено быть в той стране.

Бетезда закрыла глаза.

— Да что же... Ладно, — она прошла вперед, шпильки стучали яростно по камню, пока она не остановилась у стены мониторов и постучала ногтем по стае драконов. — Видишь этих разноцветных драконов? — сказала она снисходительно. — Это члены Двадцати Священных кланов, изначальных кланов драконов Китая, которых завоевал тысячи лет назад первый Золотой Император. Я думала, что с ними всеми разобралась. Знаешь, обычно сила вторжения состоит из солдат. Но нам не повезло, ведь они привели босса.

Она встала на носочки, указала на блеск золота в плотной формации драконов.

— Теперь ты понимаешь? Это не просто попытка использовать нашу слабость. Это — Золотой Император, Цилинь. Величайший дракон Китая, Дракон Удачи, Живое воплощение всей удачи...

— Я слышал титулы, — перебил Джулиус. — И я понимаю, что оно тут — это плохо, но...

— Ты не понимаешь, — рявкнула Бетезда. — Потому что иначе ты знал бы, что это не просто титулы. Меня называют Хартстрайкер из-за моего поступка, но Цилинь зовется «Живым Воплощением всей удачи», потому что он такой. Он — дракон удачи. В прямом смысле. Так он завоевал всех драконов Китая, не потеряв ни одного своего. Так он завоевал людей Китая меньше, чем за три дня, после возвращения магии, и так он держался шестьдесят лет без мятежей. Дело не в том, что он поразительный генерал или гениальный тактик. Это потому, что так работает его магия. Все, чего он хочет, — власть, империя, богатство, другие драконы — его фортуна дарит ему, и теперь он приметил нас.

Она говорила это как неоспоримый факт, но Джулиус все еще не мог это осознать.

— Как такое возможно? Он какой-то пророк?

Бетезда фыркнула.

— Конечно, нет. Пророки видят будущее и используют знания, чтобы события сложились в их пользу, но их магия не меняет события. Они могут лишь видеть, не давить. Цилинь — наоборот. Он не видит будущее, как и все мы, но его магия двигает будущее, как глину, управляя событиями вслепую, чтобы он всегда получал то, чего хочет. Потому все

снаряды в нашем арсенале выдали разную ошибку, когда я решила сбить его с неба. Это просто неудача.

— Ты сказала, что Цилянь приносит удачу.

— Неудача врагов — удача для тебя, — сказала она. — А Хартстрайкеры — точно враги Циляня. Как думаешь, кто изгнал нас из Китая?

Если бы был шанс, Джулиус спросил бы: почему? Что заставило Циляня так ненавидеть их клан? Но он бился об стену Китая слишком много раз, чтобы тратить дыхание. То, что случилось в прошлом, останется пока там. Он больше переживал о том, как выжить в следующие несколько минут.

— Нам нужно узнать, почему они тут.

— Что узнавать? — спросила Бетезда. — Они — второй по величине клан в мире. Мы — первый, и мы уязвимы, — она пожала плечами. — Для меня это вполне очевидно.

— Но откуда они узнали, что мы уязвимы? — спросил он. — Мы не сообщали в прессу.

— Потому что это Цилянь! — закричала она. — Ему не нужно разведывать данные для победы. Когда он выбирает день, тот день становится верным, потому что он так работает. Ему нее нужно пытаться. Все, чего он хочет, просто случается.

— Тогда нужно что-то сделать первыми, — сказал Джастин, сжимая Клык. — Пойти туда и...

— Нет, — сказал Джулиус. — Мы так не можем сделать.

Его брат опасно оскалился, и Джулиус вздохнул.

— Я не сомневаюсь в твоих способностях, Джастин, но осмотришь. Нас всего четверо. Трое, если не считать запечатанную Бетезду. А нам нужно еще хотя бы сто, чтобы биться с силой того размера.

— Он привел много, — согласился Фредрик, все еще приклеенный к экранам дрона. — Я пытался посчитать по головам. Плотная формация усложняет дело, но там около пятидесяти драконов. А то и больше.

— Пятьдесят? — потрясенно сказал Джастин. — Когда я слышал, во всем Золотом Дворе было восемьдесят два. Он взял всех драконов Китая?

— Так мы хотя бы знаем, что он воспринимает нас всерьез, — отметила Бетезда. — Как приятно от этого будет, когда он насадит наши головы на колья.

Джулиус вздохнул.

— Ты не помогаешь, мама.

— А ты? — она хмуро смотрела на него. — Если ты так уверен, Джулиус, что нам делать? Мило поговорить с ними?

— Вообще-то, — сказал он, — это я и планирую сделать.

Глаза Бетезды расширились, а потом опустила голову на ладони.

— Я знала это, — простонала она. — Мы обречены.

— Мы не обречены, — возмутился Джулиус. — Успокойся на миг и послушай. Я могу не понимать магию Циляня на сто процентов, но я видел достаточно, чтобы понять, что такое не разгромить. Он еще не напал на нас. Если твои слова о его силе — правда, матушка, то его удача могла бы легко заставить те снаряды взорваться над нами, а не просто не сработать. Этого не случилось, значит, мы нужны Циляню живыми, по крайней мере, сейчас. Мы можем с этим работать, — он смотрел на плотную формацию драконов на экране. — Думаю, лучше всего для нас выйти и узнать, чего он хочет.

— Он хочет наш клан, — сказала Бетезда. — И ты говоришь нам отдать его!

— Что еще нам делать? — закричал он. — Мы не можем биться. Остались только переговоры.

— Если нет власти, это не переговоры, — сказала его мать, но уже не так недовольно. Она звучала подавленно, что было почти хуже. — Это будет капитуляцией.

— Нет, если мы сыграем верно, — упрямо сказал Джулиус, выпрямляясь. — Я проходил всю боль, создавая Совет, не для того, чтобы теперь сдаться. Мы тут одни, но наш клан еще жив.

— Пока что, — сказал Джастин.

— И все же это важно, — твердо сказал он, глядя на мать. — Как я и сказал, если бы Золотой Император хотел нам смерти, мы бы уже погибли. Мы еще живы, значит, он хочет чего-то еще. Это сила, если мы можем это использовать, так что нужно попробовать. Что мы теряем?

Бетезда обмякла у консоли.

— Я не знаю, жалкий ты или случайно гениальный, — она покачала головой. — Но я не собиралась бежать...

Она умолкла, вздохнула, а потом выпрямилась, расправила плечи и отбросила блестящие черные волосы.

— Ладно, — она посмотрела на Джулиуса свысока. — Ты победил. Давай поговорим. Мы хотя бы умрем лицом перед врагом.

— Мы умрем, как должны Хартстрайкеры, — гордо сказал Джастин, вытаскивая меч.

— Хватит, — гневно сказал Джулиус. — Никто не умрет, и ты не идёшь с нами.

Джастин застыл.

— Что ты сказал?

Слова прозвучали жутким рыком, и Джулиус инстинктивно отпрянул. Он знал это выражение лица брата. Он не знал, что будет потом, ведь обычно он уже сдавался, но не в этот раз.

Его брат был храбрым драконом, но он был ранен, в меньшинстве и мог начать бой, если его жизнь зависела от этого, а так и было. Все выглядело плохо, но если Джастин придет туда, он почти точно умрет. Джулиус не хотел так рисковать. Не из-за такой глупости. Не когда он уже так много потерял.

Ему было плевать, будет ли Джастин ненавидеть его вечно, он не позволит ему пойти на их смерти. К сожалению, он не мог легко объяснить это брату. Даже если он мог заставить Джастина признать, что он слишком сильно ранен для боя, он будет настаивать, что пойдет с ними, потому что он был идиотом. Но Джастин был важен для выживания кладки «Дж» с момента их вылупления, а Джулиус, в отличие от других качеств дракона, хорошо умел выживать. Он использовал знания сейчас, используя весь опыт, с мольбой глядя на старшего брата и произнося слова, которые никогда не подводили:

— Мне нужна твоя помощь.

— Конечно, — сказал Джастин. — Ты видел, как много там драконов? Они съедят тебя заживо без меня.

— В том и дело, — сказал Джулиус. — Они попытаются меня съесть, если ты там. Без тебя, думаю, у нас будет шанс.

Джастин моргнул.

— Еще раз?

— Ты — сила клана, — объяснил он. — Рыцарь Харстрайкеров. Если ты отправишься

туда, им придётся биться, но мы с Бетездой — другие. Она запечатана, а я — слабак. Если мы пойдем туда, нападение на нас будет ниже достоинства Циля. Это даст нам шанс на разговор, в чем и смысл затеи.

— Но ты — глава клана, — прорычал он. — Я — твой рыцарь. Мой долг с тобой.

— Твой долг — защищать клан, — сказал Джулиус. — Мы не можем рисковать тобой, Джастин. Без Челси Боб творит непонятно что. Мы с матушкой заперты тут, а ты и Конрад — единственные активные Клыки, оставшиеся у нас. Если мы падем, нам нужно, чтобы ты собрал остальных Хартстрайкеров. Мне нужно, чтобы ты...

— Забудь, — прорычал Джастин, склоняясь к лицу Джулиуса. — Думаешь, я не вижу, что ты делаешь? Я — твой брат, идиот. Я знаю тебя, и если ты думаешь, что я дам тебе выйти туда одному со своим хорошим бредом без поддержки, ты глупее, чем говорит матушка.

Джулиус вздохнул.

— Джастин...

— Нет! — закричал его брат. — Я забочусь о тебе. Всегда делал это и буду. Конец истории.

— Мне не нужно, чтобы ты заботился обо мне.

— Плохо. Я...

— Джастин!

Джастин удивленно моргнул. Не он один. Бетезда и Фредрик глядели на него, но Джулиус не отступил. Его тронула забота брата, но он не мог позволить Джастину обходиться с ним, как со щенком, которого нужно было оберегать ото всех. Он не был уверен, что сможет выполнять эту часть роли главы клана.

— Верь в меня, — сказал он. — Ты видел, как я разговорами решал проблемы серьезнее. Мы с матушкой справимся, но без Челси остальных в клане легко разбегутся. Я не могу это допустить, не после всего, через что мы прошли, так что я умоляю тебя, Джастин, помоги мне сделать это. Не трать силы на бой тут. Найди Конрада и Дэвида, скажи им, что происходит, собери клан, чтобы отбить то, что император уготовил для нас. Это мне нужно от тебя, а не это, — он коснулся меча в руках Джастина. — Если хочешь быть моим рыцарем, защити то, о чем я больше всего переживаю. Не дай клану развалиться, когда мы только начали все менять.

Это была последняя большая карта, и это сработало. Джастин не был рад, но и не спорил. Он стоял, думая, пока Джулиус потел, а потом Джастин отвернулся.

— Я пойду по южному аварийному туннелю, — он убрал Клык в ножны. — В конце каньон, я смогу незаметно улететь. Как только найду подкрепление, я вернусь, — он хмуро оглянулся на Джулиуса. — Не смей умереть.

— Не стану, — пообещал Джулиус. А потом, пока он не струсил, он шагнул вперед и обнял брата. — Спасибо, Джастин.

— Слезь с меня, — прорычал Джастин, но все еще подозрительно долго вырывался из хватки брата. — Просто не облажайся, ладно? И не дай Фредрику спасти тебя. Если меня затмит Ф, моей репутации конец.

Джулиус кивнул.

— Я в долгу перед тобой.

— Серьёзно, — согласился Джастин, хмуро глядя на него. Он вышел за дверь, и она захлопнулась. Джулиус повернулся и поймал взгляд матери.

— Это было сыграно гладко, — сказала она, задумчиво крутя пальцами черные блестящие волосы. — Всегда забываю, как хорошо ты манипулируешь для якобы хорошего дракона. Несколько хорошо выбранных слов, и он собран и отправлен на полезное дело. Если бы ты не был отвратительно эмоциональным, я бы почти гордилась этим.

Джулиус решил игнорировать это, взглянул на мониторы, проверяя позиции врага. Стая драконов стала разделяться, некоторые следили с неба, а другие стали опускаться. Когда он убедился, что следящие не направлялись к туннелю Джастина, Джулиус повернулся и пошел к двери. Бетезда пошла за ним через секунду. В коридоре Джулиус понял, что кого-то не хватало.

— Фредрик? — позвал он, заглянув за тяжелую дверь и посмотрев на Ф, который все еще глядел очарованно на китайских драконов. — Ты идешь, или ты хочешь остаться тут? Я не буду винить тебя, если ты...

— Нет, — сказал Фредрик, отрываясь от экрана. — Я с вами, конечно. Простите.

Джулиус не видел повода извиняться. Он думал, что Ф справится лучше внизу. Он мог сообщить остальному клану, если все окажется плохой идеей. Но Фредрик уже приклеился к нему, и Джулиус не успел возразить. Лифт, которым Джастин поднялся отсюда, спустился через мгновения после того, как он нажал на кнопку, готовый унести их к поверхности для их первой — и, возможно, последней — встрече с Золотым императором.

* * *

Когда он поднялись на первый этаж, пустыня была полной драконов.

Китайские драконы полностью окружили гору Хартстрайкер. Джулиус слышал, как их когти впивались в камень над их головами, пока они втроем спешили по изящному мраморному фойе. К счастью, нарушители не пытались войти. Они сидели на выходах, тянул время, пока Хартстрайкеры шли к ним.

— Как волки у заячьей норы, — буркнула Бетезда, нервно теребя кружево красного платья.

— Надеюсь, они просто смотрят на двери, — прошептал Джулиус. — Если они поймают Джастина...

— Любой, кто поймает Джастина, получит по заслугам, — сказала Бетезда, поднимая голову. — Покончим с этим.

Джулиус кивнул, но их мать уже ушла, прошла через двойной ряд затемненных стеклянных дверей и покинула крепость. Махнув Фредрику оставаться в фойе, Джулиус побежал за ней, поравнялся с широкими шагами матери, они вдвоем покинули убежище крытой площадки для машин и устремились по дороге к ярким драконам. Они стали ждать их там, где белый асфальт парковки горы встречался с черным прямым шоссе пустыни.

Это было куда дальше, чем казалось. Хоть Джулиус жил тут почти всю жизнь, он не выходил из горы Хартстрайкер пешком. Пустыня была красивой, но не было смысла проходить сотни миль по ровной земле и сломанным камням, когда можно было ехать или лететь, и его ощущение расстояния было искажен драконами, к которым они шли.

Он знал, что китайские драконы были большими, но видеть большие силуэты на камере и подходить к ним пешком было двумя разными ощущениями. Даже Бетезда выглядела подавленно, пока они пересекали остаток расстояния, сходя с парковки в тень двух огромных алых драконов, которые были длиной с Конрада в его броне. Они были не такими крупными, ведь были без крыльев, но идти между ними все еще было жутко. Джулиус старался не дрожать, когда дракон справа пошевелил хвостом, и огромная стена блестящей

алой чешуи рухнула на дорогу перед ними.

Хартстрайкеры замерли, Бетезда скрестила руки на груди и прокричала что-то драконам. Джулиус посчитал, что ее китайский был плохим. Ее слова заставили дракона слева нахмуриться и ответить тоном красивее, его низкий голос звенел в солнечном утре пустыни, как музыка.

— Фантастика, — прорычала его мать.

— Что? — спросил Джулиус тихо. — Что он сказал?

— Ничего важного. Золотой Император еще не приземлился, — она оскалилась. —

Похоже, нам придется подождать свое завоевание.

В этом не было смысла для Джулиуса. Он видел, как все драконы летели вместе. Почему императора тут не было?

— Куда он делся?

— Откуда мне знать? — рывкнула Бетезда. — Он, наверное, решил облететь пустыню. Полюбоваться новыми владениями. Или он может просто показывать нам, что он с властью. Мне это не нравится. Эта ситуация унижительна и без того, что нам приходится стоять тут как простолюдинам и ждать аудиенции.

Варианты были возможными, но Джулиус надеялся, что император тратил их время, чтобы проявить власть. Это было некрасиво, но все еще в пределах обычного драконьего поведения, и это было предпочтительнее иного варианта. Если Золотой Император уже считал земли Хартстрайкеров своими, то они тратили время. Он повернулся к матери, чтобы спросить, могла ли она выяснить у красных драконов больше, когда услышал странный звук с ветром.

Высоко над ними что-то звенело музыкально в небе. Звучало так, словно монеты падали на камень с большой высоты, но крупнее. Насыщеннее, и звук приближался к каждой секундой. Когда он поднял взгляд и увидел, откуда исходил невозможно красивый звук, он получил лишь ослепительную вспышку солнца. Он все еще смаргивал точки с глаз, когда огромный золотой дракон опустился почти на них.

Хоть он видел немного на камерах, Джулиус не понимал до этого, что Золотой Император весь золотой. Даже сейчас, когда правда стояла перед ним, он знал, что не мог видеть то, что якобы видел. Дракон не мог быть из металла и оставаться живым. Но, хоть облик казался невозможным, Джулиус не мог иначе объяснить металлический блеск чистого желтого золота, сияющий с каждой пересекающейся чешуи. Если бы не дым, исходящий между его зубов, Джулиус решил бы, что смотрел на статую, а не живого дракона.

Не только золото заставило его отвести взгляд. Каждый дюйм тела дракона был идеально подходящим, делая его золотым идеалом, чего не могло быть в реальной жизни. Даже когда Золотой Император опустил изящную рогатую голову, чтобы позволить пассажиру — пожилой китайке, укутанной в черный шелк с головы до пят — спуститься, движение выглядело слишком эфемерно грациозным, чтобы быть правдой. Джулиус все еще глядел в потрясении, когда восхитительный дракон пропал с облаком дыма.

Даже это было как смотреть поэзию. Дым сиял белым, как свежий снег на утреннем солнце, парил над каменистым песком идеальными облаками, от которых пахло благовониями и магией дракона, такой сильной, что она обжигала нос Джулиуса. Бетезда отпрянула на шаг, ощутив это, ее зеленые глаза расширились от страха, а дым рассеялся, и стало видно мужчину на месте дракона.

Он был красивым, конечно. Это не было новым, на всех драконов было приятно

смотреть в их человеческом облике, но Джулиуса потрясло то, почему он был красивым.

Хоть он уже не был золотым, человеческий облик Императора был таким же невероятно идеальным, как облик дракона. Каждая деталь — длинные черные ниспадающие волосы, идеальная гладкая кожа, то, как золотая мантия, в которую его быстро укутал синий дракон-помощник, свисала в идеальном балансе с его безупречных плеч — выглядела так, словно была продумана намеренно. Словно он был на картине, где каждый нюанс был для лучшей выгоды, нарисованный после долгих размышлений. Даже странный квадрат золотого шелка, который синий дракон опустил на голову императора, как вуаль, не выглядел неуместно. Все было просто... идеально. До ужаса. Пока он смотрел, Джулиусу было легко поверить, что Золотой Император был единственным настоящим во вселенной. Чувство только усилилось, когда золотой дракон посмотрел на двух Хартстрайкеров, вышедших встречать их.

Джулиус думал, что император смотрел на них. Он не видел его лицо сквозь золотой шелк, висящий на его голове, как саван. Любой выглядел бы глупо, стоя босиком в пустыне в наспех накинутой шелковой мантии и с тканью на голове, но Джулиус не думал, что было возможно, чтобы дракон выглядел иначе. Но, хоть император был центром всего, первой заговорила старушка. Старая драконша, понял вдруг Джулиус, потому что она выглядела как хрупкий человек, но ее запах был чистым, резким, злым и драконьим, она уперлась тростью в дорогу в пустыне, выпрямилась и хмуро посмотрела на Бетезду поверх чешуи красного дракона.

— Шлюха Хартстрайкеров.

Джулиус скривился. Начало было плохим. К его изумлению, его мать не взорвалась. Она выпрямилась сильнее, посмотрела свысока на горбатую драконшу, словно старуха была пятном на ее дизайнерском платье.

— Фэнхуан.

Он удивленно моргнул. «Фэнхуан» было названием его с Марси любимого китайского ресторана в СЗД. Он понял по логотипу на меню, что слово означало «феникс». Но, хоть это звучало подходяще, окружающие драконы повели себя так, словно Бетезда плюнула старой драконше в лицо.

Синий дракон, который помогал императору с мантией, был готов взорваться.

— Твой язык не имеет права обращаться к Матери-Императрице по имени, Племенная Кобыла! — заорал он, лязгая зубами с мерцанием синего магического огня.

Бетезда рявкнула в ответ, и Джулиус решил, что лучше вмешаться, пока ничего не оторвали.

— Видимо, вы — Императрица-Мать, — сказал он, вставая между своей матерью и другими. — Я — Джулиус Хартстрайкер, самый младший сын Бетезды и один из трех членов нового Совета Хартстрайкеров. От имени клана приветствуем Золотого Императора на горе Хартстрайкер.

Императрица-Мать не повелась на приветствие, но ее брови приподнялись от слова «совет».

— Так слухи — правда, — сказала она, оглянувшись на императора в вуали, который еще не произнес ни слова. — Племенную Кобылу все-таки свергли ее дети.

— Вообще-то, мы — представительный орган, — сказал Джулиус, шагнув ближе к своей матери, которая стала опасно тихой. — И Бетезда Хартстрайкер — важная его часть.

— Да? — Императрица-Мать рассмеялась. — Я не удивлена слышать, что ты обнаружила способ удержаться за власть, Племенная Кобыла. Ты всегда была отчаянной и

бесстыдной, хотя я не думала, что ты опустишься так низко, что возвысишь своего самого младшего сына. Скажи, старшим не позволила гордость служить рядом с их пресмыкающейся матерью, или клан Хартстрайкеров стал слишком слабым, раз этот щенок — лучшее, что у вас есть?

Если бы она не была запечатана, Бетезда, наверное, выдыхала бы огонь к концу речи старухи. Она была готова что-нибудь сжечь, а Джулиус смог лишь вздохнуть. Даже если бы его мать не начала это, пришлось бы ждать вес день, пока две драконши перестанут оскорблять друг друга.

Вражда между матерью императора и его матерью была достаточно сильной, чтобы ее не удалось подавить за утро. Но, в отличие от многих кланов драконов, которыми правили женщины, Джулиус только слышал о Золотом Императора. Он не знал, почему говорила императрица, но если он не ошибался, она не была тут с властью. Власть принадлежала ее тихому сыну, и раз все уже шло плохо, Джулиус решил рискнуть, выпрямился во весь рост и посмотрел поверх головы старушки, обратился к единственному важному дракону.

— Зачем вы здесь?

Голова Золотого Императора в вуали чуть повернулась, дрожь пробежала по телу Джулиуса. Яркий свет солнца падал на него, и золотой шелк мешал что-нибудь видеть. Но это было не важно. Он ощущал взгляд Циляня кожей. Он все еще пытался решить, хорошо это или плохо, когда Императрица-Мать склонилась ближе.

— Жалкий щенок, — прорычала она, красные глаза пылали жуткой яростью, но ее хрупкость притупляла эффект. — Ты решил говорить с августейшим Цилянем?

— А с кем еще мне говорить? — нетерпеливо сказал Джулиус. — Он — глава вашего клана, да? А мы с моей матерью — главы Хартстрайкеров, так что мы раны.

— Ты не равен даже грязи, по которой он ходит, — рявкнула она, выпрямилась, насколько позволяла ее сутулая спина. — Мой сын — Золотой Император, Глава всех кланов и Живое воплощение удачи. Ты недостойн смотреть на его лицо, как и загрязнять его уши шумом своей надменности.

Она закончила императорским презрительным взглядом, какой драконы давали Джулиусу всю жизнь. Взгляд показывал ему, что он был не только недостойн их внимания, но и оскорблял их, привлекая внимание. Но, хоть раньше это заставляло его извиниться и уйти в свою комнату, Джулиус был уже не тем драконом, каким был два месяца назад.

— Я не приходил к нему, — прорычал он, указывая на императора в вуали. — Он прибыл к нам. Я даже не понимаю, почему вы оскорбляете нас. Вы должны знать, что сейчас наша гора пуста. Мой клан уже эвакуирован, и вы сами видите, что Бетезда запечатана. Вы и ваша армия драконов могли убить нас в любой момент. Раз вы все еще этого не сделали, значит, вы тут по другой причине, и лучше не тратить время, оскорбляя нас, и просто сказать, что это за причина.

Его сердце колотилось, когда он закончил. Бетезда была потрясена, глядела на него с выражением, которое он еще не видел на ее лице. По крайней мере, когда она смотрела на него.

— Джулиус, — прошептала она, опустив ладонь на его плечо. — Я так тобой горжусь. Это был поступок дракона.

Она так глубоко в него проникла, что Джулиус все еще был отчасти рад услышать слово «горжусь». Он отчаянно пытался напомнить себе, что похвала Бетеды за поведение дракона была плохим знаком, когда Императрица-Мать скривила с отвращением губы.

— Вижу, необъятная наглость Племенной Кобылы передается, — она проковыляла к своему сыну. — Но, хоть ты не заслуживаешь снисхождения, ты прав. Золотой Император сегодня мягок и не желает ваших смертей.

Хоть он сам это сказал, Джулиус выдохнул с облегчением.

— Тогда чего вы хотите?

Императрица-Мать нахмурилась и взглянула на Золотого Императора. Когда его голова с вуалью кивнула, ее морщинистое лицо скривилось. Но, хоть ей не нравилось то, что она собиралась сказать, она произнесла это четко, ее хриплый голос был громким и тяжелым от чувства собственной важности той, кто всю жизнь произносил заявления от лица императора.

— Бетезда Хартстрайкер, самопровозглашенная Королева Драконов Америки, твоя неспособность давно была легендарной. Веками мы игнорировали твою глупость, ведь мелочные драмы на землях варваров ниже достоинства тех, кто живет в идеальной гармонии мудрости императора. Но в свете недавних событий мы не можем больше позволять такую роскошь.

Она сделала паузу, Джулиус растерянно переглянулся с матерью.

— Боюсь, я не...

— Неделю назад, — продолжила императрица, словно ждала шанса перебить, — дух Алгонквин, Хозяйка Озер, объявила войну нашему виду. Последовавшая чистка Детройта убила множество драконов, включая четырех наших ценных подданных. Обычно разобраться с этой угрозой должна был ты, ведь Хозяйка Озер обитает на твоей территории, но твоя неспособность управлять ее ростом за последние шестьдесят лет была такой огромной, что ты не оставила Золотому Императору выбора, кроме как взять это бремя на себя. С этого момента клан драконов Хартстрайкер и вся его власть, соглашения и территории должны быть переданы божественному Цилиню, — она подняла голову выше. — Теперь мы примем вашу капитуляцию.

Золотой Император спокойно кивнул, когда она закончила, и дракон в синем поспешил вперед и отдал Джулиусу свиток, видимо, соглашение о капитуляции. Он взял его по привычке, но не сломал печать и не прочел, потому что все еще пытался осознать то, что услышал.

— Позвольте проверить, правильно ли я понял, — медленно сказал он. — Вы тут из-за Алгонквин?

— Не обманывайся, — прорычала Бетезда. — Это их оправдание. Они завоевывают нас потому что могут. Они выглядят величаво, но Цилинь и его последователи не отличаются от нас. Он все еще хочет все, что могут получить.

— Не равняй августейшего Цилиня со своими низкими желаниями, Племенная Кобыла, — прорычала императрица. — Вы еще живы, потому что он милосерден.

— Как щедро. Живы, чтобы кланяться, — Бетезда оскалилась. — Думаю, я предпочла бы быть съеденной.

— Это можно устроить, — холодно сказала Императрица-Мать. — Помни, Хартстрайкер, это твоя вина. Из-за твоего пренебрежения Алгонквин из мелкой помехи стала угрозой такого размера, что даже Великий Цилинь не может игнорировать ее дальше. Но хоть было бы куда проще отойти и позволить Хозяйке Озер утопить тебя и твоих ужасных детей, Золотой Император в своем милосердии решил пощадить вас. Твой самый младший идиот уже держат ключ к вашему спасению. Подпиши его, и больше споров не будет.

Бетезда с отвращением посмотрела на свиток в руках Джулиуса.

— А если не стану?

Старая драконша улыбнулась.

— Тогда мы убьем тебя и твоего сына, а потом других Хартстрайкеров, пока не найдем того, кто достаточно разумен.

— Нельзя просто убивать нас, пока кто-нибудь не согласится, — гневно сказал Джулиус. — Не так работает наш клан. У нас уже нет системы наследования. Мы...

— Ты так говоришь, будто мне есть дело, — сказала ему императрица. — Но раз ты юный и явно простой дракон, позволь мне объяснить: нам нет дела. Твой клан и его политика были лишь червями для наших глаз, ниже наших переживаний. Золотой Император снизошел до того, чтобы пройти в пустошь, которую вы зовете домом, потому что слабость, неумение и поражение, какими стали Хартстрайкеры, так огромны и всеобъемлющи, что их уже нельзя игнорировать. Так что, как видишь, не важно, какую безумную систему ты заставил принять свою мать. Ты потерял право принимать решения, когда вы стали слишком слабыми, чтобы выполнить их. Тебе остается, маленький Хартстрайкер, только решить, преклоните ли вы с твоей шлюхой-матерью головы перед новым императором, как последние главы клана, или ваши головы будут на земле.

По улыбке на ее лице было ясно, какой вариант предпочитала императрица, и Бетезда выглядела достаточно гневно, чтобы подчиниться. Если бы она не была запечатана, она бы уже напала, и Джулиус в этот раз вряд ли ее останавливал бы. Было противно ощущать себя таким беспомощным, загнанным в угол нахальными драконами с непобедимой силой, и факт, что милосердный Золотой Император еще не соизволил заговорить, только ухудшал все. Что бы ни говорили о Бетезде, она хотя бы сама озвучивала угрозы. Но требовать все это через мать, пока ты стоял в безопасности за вуалью? Это было нагло даже по стандартам драконов, и хоть он знал, что не должен был принимать решения, пока не прочел хотя бы соглашение о капитуляции, Джулиус уже был уверен, что ничего не примет от этих драконов. Даже если император предложил им жизни, Джулиус не доверил бы клан, ради которого истекал кровью, дракону, который с презрением к ним относился.

К сожалению, послать Золотого Императора подальше не вышло бы. Он мог ненавидеть это сейчас еще больше, встретив врага, но все, что он сказал Джастину внизу, было правдой. Они не могли одолеть удачу Циля. Они не могли одолеть его драконов. Они ничего не могли. Они были слабыми, как и сказала Бетезда. Но, хоть Хартстрайкеры во всем отставали, Императрица-Мать ошибалась в одном. Оставался еще один вариант, кроме капитуляции или смерти.

Медлить.

— Боюсь, у нас проблема, — виновато сказал Джулиус.

Императрица-Мать пронзила его взглядом.

— Что?

— Вы дали нам ультиматум, — объяснил он. — Но я пытаюсь сказать, что Хартстрайкеры уже так не работают. Можете угрожать нам, сколько хотите, но мы — две главы клана, где управляет совет из трех, а наш третий член Совета сейчас вне страны по делам. Для официальных решений нашего клана нужны все трое из нас, боюсь, мы не можем подписывать или кланяться до его возвращения.

— Любого дракона можно заставить поклониться, — прорычала Императрица-Мать, ее красные глаза сузились. — Но если так хочешь умереть, я могу легко это устроить.

— Не сомневаюсь, — быстро сказал Джулиус. — Но вы не поняли смысл. Дело не в наших индивидуальных жизнях. Ваш император требует, чтобы Хартстрайкеры сдались и присоединились к нему, и Хартстрайкеры — это не только мы. Мы — две трети правящего совета, но магия, которая правит кланом, раньше принадлежала только Бетезде, а теперь разделена между нами, и ее может применять только Совет, чьи члены выбраны. Это означает, даже если вы отрубите нам головы, сила принимать решения, подкрепленные магией, влияющие на всех членов клана Хартстрайкеров — включая капитуляцию — не перейдет наследнику, который будет «разумнее». Сила перейдет к драконам, которые выбрали нас, где она останется, пока они не выберут новых лидеров. Если не хотите ждать, пока наш клан выберет новых глав на место тех, чьи вы отрубите сегодня, вам нужно отступить. Когда Иен вернется, мы проголосуем насчет капитуляции, но без голосования вы можете заставить клан сдаться, только если отыщите каждого Хартстрайкера и заставите каждого поклониться, а вряд ли даже у Золотого Императора есть столько терпения.

— Это ты испытываешь наше терпение, — прорычала Императрица-Мать. — Думаешь, я не вижу, что ты делаешь, щенок? Но если ты думаешь, что жалкие попытки оттянуть...

— Я не пытаюсь это скрыть, — Джулиус пожал плечами. — Я не хочу умирать, это ясно, но это не означает, что все, что я сказал, не правда. У нас уже не диктатура одного дракона с одной точкой поражения. Мы теперь настоящий клан, силу разделяют все, так что, если хотите, чтобы мы сдались, вам придется одолеть всех нас, а это, уверен, будет долго, кроваво и дорого даже по вашим августейшим стандартам, или ждать, пока Иен не вернется, что займет около дня. Когда он вернется, Совет обсудит ваши условия. До этого можете пребывать на горе Хартстрайкер как наши гости.

Он закончил с уверенной улыбкой. Внутри тело Джулиуса содрогалось с ударами сердца. Его слова не были ложью, но если остальная его семья так боялась Золотого Императора, как Бетезда, императрица могла легко убить их и получить капитуляцию у тех, кто займет их место. Но даже если следующий Совет будет выбран, придется ждать, пока Хартстрайкеры выберут кого-то, и учитывая, сколько проблем было с прошлым голосованием, Джулиус был уверен, что он мог быть занозой для Золотого Императора до конца. Это мало утешало, но, учитывая, что вариантами было «сдаться или погибнуть», Джулиус был доволен тем, как сыграл. Императрица-Мать, впрочем, была в ярости.

— Не играй со мной, дитя, — сказала она, сжала золотую ручку трости, едва сдерживая ярость. — Твой клан уже пал, даже если не официально. Почему мы должны тратить время, притворяясь вашими гостями, когда мы уже...

Ее голос резал, как упавший нож. За ней Цилянь склонил голову. Крохотный жест, даже не полный кивок. Джулиус не знал, как Императрица-Мать это заметила, ведь она сверлила его взглядом все время, но как только ее сын пошевелился, старая драконша затихла, оставив воздух пустым, а потом зазвучал низкий голос.

И какой это был голос. Восхитительно сочетался с идеальным видом. Голос императора звучал как колокол в храме, смешанный с прекрасной мелодией, сыгранной на виолончели, и... всеми другими низкими красивыми звуками, какие мог вспомнить Джулиус. Звук пронзил его, и ему захотелось тут же согласиться со всем, что он скажет, только бы этот поразительный голос заговорил снова. Он так обрадовался тому, что познал этот звук, что от радости не осознал ни слова императора.

— Что?

— Я сказал: «мы принимаем», — повторил император, его низкий голос был чудесным,

как раньше, но чуть более раздраженным. — Меня не интересует растянутое состязание. И я уже устал стоять в этой песчаной яме.

Он переступил с ноги на ногу, босые ступни стояли на единственном участке без камней во всей пустыне. Его мать стиснула зубы.

— Мой император, — сказала она. — Это уловка, чтобы потратить наше время.

— Так и есть, — согласился он, повернул голову в ткани и посмотрел на гору. — Но они не были бы Хартстрайкерами, если бы не хитрили. Это не важно. Падут они сейчас или завтра, конец будет все равно. Мы примем их гостеприимство и подождем.

Огромные драконы вокруг него зарычали недовольно, но Джулиус подавлял улыбку.

— Мы рады принять вас, — сказал он, протянув руку к императору. — Приветствую на горе Хартстрайкер.

— Не нужно играть хозяина, — Золотой Император проигнорировал его руку. — Мы тут ненадолго. Ты сказал, что последний член совета покинул страну по делам?

— Да, — сказал Джулиус. — Он в Сибири.

Казалось, он это выдумал, чтобы его брат был как можно дальше, но это было правдой. Дом Свены был в Сибири. Он пытался придумать, как убедить императора в этом, не выдав многого об Иене, когда Цилянь пожал плечами.

— Не так и далеко, — сказал он спокойно. — Суток должно хватить, чтобы вернуться з любой точки в мире, — он оглянулся на утреннее солнце, которое теперь двигалось по небу. — Я даю срок до этого времени завтра.

— О, — неловко сказал Джулиус и посмотрел на мать. — Не уверен, сможет ли он...

— Он прибудет вовремя, — пообещал ему император. — Я так желаю.

Он сказал это так, как другие сказали бы: «Это неизбежно», и для Цилянь так и было. Но хоть суток было мало, это все еще было больше времени, чем у них было, когда они прибыли сюда. Может, этого хватит, чтобы найти выход из этого бардака. Они могли получить только это, и Джулиус решил, что и это было хорошо.

— Одного дня хватит, — он кивнул. — Спасибо. Я покажу вам гору. Боюсь, вы застали нас в небольшом количестве, но мы сможем найти...

— Не нужно, — спокойно сказал император. — Я принес свои припасы.

Он был босиком, носил мантию, которую другой дракон накинул на его нагое тело, когда они приземлились, и Джулиус не видел, была ли в этом правда. Он не успел спросить о припасах, Золотой Император повернулся и пошел прочь по дороге к горе, шагая спокойно и величаво.

Другие драконы тут же окружили его, закрыли своего императора стеной яркой чешуи. Что удивительно, тревога за его безопасность казалась искренней. Джулиус не знал, была их защита из-за неизвестной уязвимости в магии удачи Цилянь или из-за уважения к нему как лидеру. Он все еще пытался понять, когда Цилянь вдруг замер.

Каждый дракон вокруг него застыл, но, пока они искали взглядом угрозы в пустыне, император поднял голову. Джулиус с интересом поднял взгляд, проследил за углом наклона лица Цилянь в вуали, направленного на гору и полумесяц балкона тронного зала на вершине. Худая фигура стояла на краю и смотрела на драму внизу.

Технически было слишком далеко, чтобы знать точно, но Джулиус знал, что это был Челси. Больше никто не ходил по горе в черном. Но, хоть он не был удивлен тому, что его сестра шпионила, Джулиус был удивлен тому, что она дала им увидеть себя.

Она тут же исправилa проблему, пропала в тених секунды спустя, но Золотой

Император не отвел взгляда. Он еще минуту после исчезновения Челси стоял неподвижно, смотрел на пустую точку, где она была. Это длилось так долго, что драконы вокруг него стали нервничать. Императрица-Мать особенно встревожилась, ее костлявые пальцы сжимали золотую ручку трости, как когти. Даже Джулиус — который не знал, что происходило — ощущал напряжение в воздухе, словно невидимая нить обвивала их глотки. А потом, когда давление стало невыносимым, Золотой Император опустил голову. Ужасное ощущение исчезло через секунду, и все драконы выдохнули с облегчением.

Все, кроме Циля, который просто пошел в цитадель почти завоеванного врага, словно ничего не произошло.

Глава 4

Марси застыла во тьме.

Это было как в первые мгновения после смерти. Она снова была заперта в ничем, в бесконечной тьме, у которой не было конца или начала, только сейчас вместо голоса в ее голове или ладони в ее разуме, Призрак был перед ней, склонился в теле теневого солдата Пустого Ветра. Но, хоть он выглядел так, как она помнила, вплоть до доспехов римского центуриона. Его лицо уже не было двумя сияющими бело-голубыми глазами, парящими во тьме шлема. Глаза еще были там, смотрели на нее боязливо, но тьма за ними была не просто тенью.

Она была ничем.

Иначе не опишешь. Марси уже много раз смотрела на лицо Пустого Ветра, и хоть два парящих глаза, сияющих во тьме, пугали, сейчас она словно смотрела на саму смерть. Не кровавую смерть тела. Истинную смерть. Ничто, которое приходило после того, как все следы жизни пропадали, и даже пыль костей разлеталась на атомы. Его лицо было полностью забытым, и когда Марси увидела это, она поняла, что таким было и ее будущее.

Внезапная правда ударила как прыжок в холодную воду. Она думала, что понимала, как ощущалась смерть, но она ничего не знала. Ее смерть была теплой, в любви, местом, где ее помнили. Это была пауза, не конец, но тут было иначе. Все их сражения, борьба и отчаянные попытки удержать жизнь приводили к этому — пустоте. Даже драконы умирали. Озера высыхали, их духи медленно таяли. Все люди со временем станут останками на кусочке камня в бесконечной тьме космоса, и когда даже это поглотит взорвавшееся солнце, этот дух перед ней был тем, что от них останется.

Ничего.

Холодное тихое ничего, словно они никогда не существовали.

Марси все еще пыталась осознать это — если такое мог осознать смертный разум — когда Пустой Ветер отвернулся, разрывая чары.

— Прости, — тихо сказал он и отошел. — Я не хотел, чтобы ты видела.

Марси не сразу собралась с мыслями, чтобы заговорить. Когда она смогла, она заговорила потрясенно:

— Чудик, это было безумно. Ты — ходячий экзистенциальный кризис! В стиле Ницше про смотрящую пустоту.

Просвечивающее тело духа застыло.

— Ты не боишься?

— О, нет. Я в ужасе, — честно сказала Марси. — Вряд ли кто-то мог бы не бояться, столкнувшись с правдой смертности. Но мы уже какое-то время были вместе, так что это не было неожиданно. Нельзя быть заодно с Духом Забытых мертвых, не понимая, что тебя ждет

неприятная правда.

— Но ты не боишься меня?

Он будто задал самый важный вопрос в мире. Марси не понимала, как это могло быть вопросом.

— Конечно, нет, — возмутилась она. — Все боятся быть забытыми. Потому ты существуешь. Но, хоть я не отрицаю, что у меня есть нормальный человеческий страх твоего концепта, я не боюсь тебя. Ты — мой дух, и не будем забывать, как мы сюда попали, — она улыбнулась ему. — Сложно бояться того, кто спас от смерти.

После всего, что они пережили вместе, она ощущала, что это должно быть очевидно, но Призрак все еще не обернулся. Его широкая спина была расправлена. Тогда Марси решила, что пора брать дело в свои руки. Было сложно двигаться, не ощущая свое тело или пространство, но она смогла повернуться, немного подвинулась, пока не оказалась на колени перед ним.

— Призрак, посмотри на меня.

Пустой Ветер послушался, опустил голову, снова показывая пустоту своего истинного лица. Было невозможно не вздрогнуть, и Марси не сдерживалась. Она сосредоточилась на его сияющих глазах, хмуро глядела в них, пока не убедилась, что заполучила все внимание духа.

— Я тебя знаю, — строго сказала она. — Я знала, что ты был лицом смерти, до того, как узнала твое имя и слышала слова «Смертный Дух». Это всегда было немного жутко, но не меняло того, кто ты для меня. Ты — мой кот, мой дух, мой напарник и друг. Всегда был и будешь. И если ты думаешь, что это изменится, ты был не внимательным.

Пустой Ветер долго смотрел на нее. А потом он закрыл сияющие глаза с облегчением.

— Я знал, что верно тебя выбрал.

— Будто были сомнения, — Марси протянула руки, чтобы он помог ей встать. — Мы — сильная команда, помнишь? Даже смерть нас не разделит.

Кстати о смерти...

— Где мы? — спросила она, когда он поднял ее на ноги. — Амелия сказала, что моя смерть была на дне Моря Магии, но я не... — она умолкла, коснулась ладонью плеча. Точнее, места, где должно быть ее плечо. — Где Амелия?!

— Она тут.

— Где? — спросила Марси, становясь все тревожнее с каждым мигом. — Я вижу только тебя и тьму.

— Потому что мне пришлось закрыть твои глаза, — объяснил Пустой Ветер. — Это не твой мир. Я не хотел, чтобы ты справлялась с ним и мной одновременно.

Это было заботливо, но Марси не нужна была такая забота. Она не помнила, кто научил ее открывать глаза, но уже старалась повторить это, быстро моргала, пока тьма не сменилась чем-то намного ужаснее.

Если тьма до этого ощущалась как бесконечное ничто, это было бесконечным всем. Вокруг них все двигалось, кружилось, сталкивалось и отлетало друг от друга, как обломки в торнадо. Было все еще слишком темно, чтобы видеть ясно, что происходило, но даже впечатления движения хватило, чтобы Марси стало мутить. Это впечатляло, ведь у нее технически уже не было желудка.

— Что это? — спросила она, сжимая Призрака, пока она не упала в хаос.

— Магия! — закричал восторженный голос над ней.

Вопль заставил ее вздрогнуть, и Марси подняла взгляд вовремя, Амелия опустила на ее голову.

— Мы это сделали, Марси! — закричала она, искры вылетали из ее рта от восторга, она вытягивала длинную шею, глядя во все стороны. — Это Море Магии! Мы внутри первобытной силы, которая направляет все магическое в мире!

Это объясняло, почему все выглядело так безумно. Но, хоть Марси была в восторге из-за того, что была внутри того, что до этого считала метафорой, она снова ощущала себя так, словно ее стошнит.

— Все хорошо. — Призрак притянул ее ближе к стене своей неподвижной груди. — Люди не могут тут выстоять. Каждая душа, которую я спас, ненавидит эту часть пути.

— Пути? Мы движемся? — потому что из-за кружения было сложно понять.

— Мы летим! — радостно сказала Амелия, ее хвост подрагивал. — Твой дух — как самолет! Я всегда думала, что они медленные, ведь большие и прикованные к сосудам, но это нечто иное.

— Я не вижу повода удивляться, — буркнул он. — Служба забытым требует скорости, и я — ветер.

Глаза дракончика расширились.

— В прямом смысле? Я думала, это было просто частью твоего имени!

— Духов всегда зовут за то, какие мы, — сказал властно Пустой Ветер. — Так мы знаем свои имена без того, чтобы нам говорили их. Я не помню ничего до пробуждения в этот раз, но я знаю, что всегда был Пустым Ветром. Иначе зовет меня только Марси, но лишь потому, что я был недостаточно большим, чтобы знать свое имя, когда она привязала меня.

— Ты в этом мире скорее «ветер», чем «призрак», — согласилась Амелия, склоняясь как можно сильнее на плече Марси. — Ты можешь лететь быстрее?

— Нет, — сказала Марси. Они оба посмотрели на нее, она сглотнула. — Прошу, я едва терплю это. Я просто хочу вернуться на твердую землю.

Словно пытаясь доказать ее слова, бушующий хаос в этот момент дернулся в новую тошнотворную сторону. Марси повернулась к Призраку со стоном, зажмурившись, прижимаясь лицом к его холодной коже.

— Так куда мы направляемся?

Ответ загудел в груди духа:

— Врата Мерлинов.

Ее глаза снова широко открылись.

— Что?

— Это настоящее? — спросила Амелия в тот миг.

— Конечно, — он посмотрел на Марси. — Помни, когда ты умирала, и я сказал тебе, что видел то, что мы искали? Как стать Мерлином? Туда я тебя и несу.

— Погоди, — Марси все еще была растеряна. — Это место?

Он взволнованно кивнул.

— Я пролетал мимо сотни раз, но не видел, пока твое смертное тело не начало умирать. Когда ты начала переходить в смерть, передо мной появилась дверь, словно она ждала нас.

Марси все еще не могла в это поверить.

— Так ты говоришь мне, что есть настоящие Врата Мерлина, и мы туда летим? Так я просто пройду и получу лицензию Мерлина?

— Уверен, это будет не так просто, — сказал Призрак. — Как и все было. Но выглядит

просто.

— Подходит к тому, что я слышала, — добавила Амелия. — Мерлины, которых я знала несколько десятков лет до засухи, не говорили мне прямо, потому что они были жалкими и скрытными, но у них звучало так, что бытие Мерлина было не просто быть Мерлином. Они всегда вели себя так, словно они были частью более крупной организации. Если это было так, что врата на этой стороне имеют смысл. Где лучше спрятать гильдию для тайного общества магов и духов, как не в самой магии?

— Это объясняет то, почему врата не появлялись, пока ты не стала умирать, — добавил Пустой Ветер. — Это мир бессмертных духов. Нельзя двигаться сквозь магию этого места без одного из нас, ведущего тебя, что я не мог делать, пока ты не стала ближе к моим владениям.

— А это смерть, — закончила Марси, взглянув на тошнотворные завитки магии, мерцающие радугой, как пленка масла на воронках черной воды вокруг них. — И если я коснусь этого без твоей защиты...

— Ты соришь.

— Точно, — сказала она, помня, как короткое соприкосновение с кругом чистой магии на вершине ее смерти чуть не стерло ее ладонь, прежде чем Призрак утащил ее в безопасность. Ее пальцы сейчас были в порядке, к счастью, но она не хотела такое повторять. — Видимо, теперь я прилипла к тебе. Я на другое и не рассчитывала, но как нам разобраться с вратами? Ты перенесешь меня через порог?

Ее дух пожал плечами.

— Я не знаю. Я еще такого не делал. Но мы скоро узнаем.

Он кивнул вперед, и Марси повернулась посмотреть, не вспомнив, что движения в этом месте вызывали тошноту. Да, ей пришлось бороться с рвотой, когда асимметрические воронки появились перед ней, и весь мир закружился в пять разных сторон. Марси ощущала себя ужасно, но не закрыла глаза. Магическая тошнота мешала ей посмотреть на Врата Мерлина. Она заставила себя смотреть сквозь жидкий хаос постоянно движущейся магии.

Она словно смотрела сквозь глубокий океан. Кроме сияющих глаз Призрака и огня Амелии, в этом месте не было света. К счастью, это не было проблемой теперь, когда она отбросила ограничения физических глаз. Она ничего не могла сделать с бушующим хаосом, но ее зрение адаптировалось, различало волны, завитки, движение черного на черном магии, проносившейся мимо, и она видела, что менялось.

Как и раньше, первым она увидела Призрака. Настоящего, а не тень в облике человека, за которого она держалась. Наверное, это было для ее комфорта, потому что, чем дальше Марси смотрела, тем больше понимала, что холодное спокойствие вокруг них было не от Моря Магии. Это был он. Она не стояла рядом с Призраком — они были в нем, внутри убежища магии Пустого Ветра, пока он рассекал черные глубины, как акула, направляясь к большому и темному силуэту, который Марси видела впереди.

Призрак назвал это вратами, такую форму Марси и ожидала, но реальность выглядела как колонна. Большая круглая черная колонна поднималась, как столб, из бушующего морского пола. Колонна стала больше, когда они подлетели, что объясняло, почему Призрак видел, как это появилось. Даже в таком большом, темном и хаотичном месте что-то такое большое было трудно скрыть. Марси все еще не понимала, как кто-то мог звать это вратам, пока Призрак не опустился перед колонной.

— Оставайся близко, — шепнул он, они опустились на плоскую, будто каменистую

землю, которая была полом Моря Магии. — Потоки тут сильные.

Она могла их ощущать. Теперь они перестали двигаться вперед, и она поняла, что черные завитки были не просто тошнотворными движениями. Они были силами, кружащимися комками магии, которая толкала края ее духа, чуть изгибая тускло мерцающий барьер его ветра.

— Что это? — спросила Амелия с восторгом, склонилась опасно близко к одному из изгибов. — Это явно беспокойство в магии, но что их вызывает?

— Не знаю, — сказал Пустой Ветер, сжимая крепче плечо Марси. — Море Магии всегда беспокойное, но оно было особенно бурным с попытки Алгонквин поднять Смертного Духа из крови драконов на Земле Восстановления, которая провалилась.

— Наверное, она создала много волн, — буркнула Марси, скрестив руки на груди, чтобы держаться подальше от хаотичного течения силы, бьющей по краям Призрака. — Куда теперь?

Пустой Ветер указал на колонну перед ними. Вблизи изогнутая поверхность выглядела как плоская стена без черт, отполированная постоянно бьющими потоками. Между тьмой и завитками магии в густых тенях было почти невозможно различить то, что Призрак пытался ей показать. Но потом она заметила брешь в плоской поверхности колонны.

Это Марси не назвала бы вратами. Небольшая прямоугольная вмятина в поверхности колонны была небольшой, едва заметной. Брешь была не выше нее, дыра была меньше дюйма глубиной, закрытая дверью, которая выглядела так, словно была украдена со средневековой кухни: грубо обтесанные деревянные доски, соединенные смолой и железом. Не было колотушки, ручки, украшений. Если бы дверь не была неуместной в мире кружащегося неосязаемого хаоса, Марси подумала бы, что ничего необычного не было.

— Это все? — спросила скептически Амелия.

— Думаю, да, — сказал Пустой Ветер. — Я еще не подбирался ближе, но ощущается правильно.

Марси так не считала. Но, если она что-то узнала у Призрака, так это не судить по внешности. Особенно, если этот облик был единственной брешью в основании, которое явно было искусственной структурой, сделанной людьми, торчащей из плоского поля Моря Магии.

— Нам стоит попробовать, — сказала Марси, протягивая руку к Призраку.

Он сжал ее ладонь, ледяные пальцы обвили ее пальцы, и они пошли вместе к колонне. Когда они оба встали на пороге, Марси вдохнула в последний раз холодную магию Пустого Ветра, подняла дрожащую ладонь и постучала.

И высоко наверху, скрытый в хаосе, огромный завиток магии в облике ворона удовлетворенно кивнул и вернулся в землю живых.

* * *

Эмили?

Генерал Эмили Джексон, командующая команды ответа на магические катастрофы ООН, пленница Алгонквин, подвинула ноющую голову.

Что, без приветствия?

Она дала тишине ответить за нее. Было невозможно понять, сколько времени прошло с тех пор, как Левиафан Алгонквин схватил ее с поля на Земле Восстановления, но она почти все время провела под водой. Она все еще была там, укутанная, как мумия, щупальцам Левиафана. Технически это был не повод молчать. Как магический конструктор, она не

нуждалась в кислород, который накопила в легких, но давление воздуха помогало воде не проникать в ее расколотую грудь и к мозгу, где она могла вызвать проблемы. Она не собиралась открывать рот и говорить, а Ворону не нужен был собеседник.

Визу-визу, — буркнул дух. — Принимаешь меня как должное. Плевать, что я рискую жизнью, посещая тебя на территории врага. Кстати о врагах... — крылья затрепетали над ее разумом, толкая ее глаза. — *Открывай. Мне нужно видеть, что происходит.*

Эмили сомневалась, что могла. Ее ладони невольно дернулись, но движение было только в ее голове, потому что у нее больше не было ладоней. У нее не было рук или ног. Было сложно понять, как много она потеряла, ведь она все время была в удушающих объятиях Левиафана, но, судя по паре еще отвечающих сенсоров, Эмили была уверена, что у нее остались грудная клетка, плечи и голова. Остальное пропало. Под указанием Мирона маги Алгонквин разобрал ее, осторожно разделив металлические ленты заклинаний, которые давали ей жизнь. Она все время была в сознании, ее удерживал огромный вес Левиафана. Она смогла сохранить разум стабильным, только закрыв глаза, пока они разбирали ее. Если она откроет их сейчас...

Моя бедная девочка, — прошептал Ворон. — *Ты боишься.*

Конечно, она боялась. Она уже не была из крови и плоти, но разум Эмили все еще был человеческим, и каждый человек боялся смерти. Быть Фениксом было еще хуже. Она уже умирала, она знала, чего боялась. Если она не смотрела, у Ворона не было информации. И тогда не могло быть спасения, и хоть умирать было страшно, хуже было застрять в этом навеки, потому что Эмили заставила себя послушаться и открыть глаза.

И увидела кое-что новое.

Она удивленно дернулась. Несколько раз до этого она набиралась смелости открыть глаза, но видела только черную плоть и слизь. Щупальца Левиафана явно немного расслабили хватку, потому что теперь она видела свет, проникающий в мутную воду. Это почти выглядело как солнечный свет, но когда она начала надеяться, знакомый голос проник сквозь мрак:

— Подними ее.

Левиафан послушался, толкая Эмили все выше из холодной воды на свет, но не солнца. Свет исходил от ряда галогеновых прожекторов на каменном выступе в пещере где-то под землей. Через пару секунд Эмили узнала место по паре зернистых фотографий от их шпионов. Она была в пещере под Башней Алгонквин, сюда, по отчетам, Алгонквин убирала то, что не хотела показывать кому-то между ее озером и крепостью.

Эмили много раз пыталась проникнуть в это место, но безуспешно. Это должно было вызвать желание осмотреться, но она едва взглянула на пещеру. Ее внимание было приковано к мужчине под ослепительными бело-жёлтыми прожекторами. Когда-то она называла его напарником.

— Мирон, — прорычала она, выпуская воздух из легких. — Решил прикончить меня?

— Еще нет, — сказал маг, потянулся между щупальцами Левиафана и проверил линии металлических лент с заклинаниями, свисающими из того, что осталось от ее груди. Когда он коснулся каждой, он повернулся к ручью постоянно движущейся воды, бурлящей из камня рядом с ним. — Я готов.

Вода в ответ поднялась и посмотрела на лицо Эмили, показав ей жуткое отражение в плоской поверхности водопада, лица Алгонквин.

— Отлично, — булькая, ответил дух. — Подними ее, чтобы они видели.

Эмили не успела проверить, кем были «они», Левиафан поднял ее, выталкивая остатки ее тела в воздух. Она так долго была под водой, что от света и движения ей было плохо. Ее не могло стошнить. Даже до того как Мирон и его маги убрали ту часть ее тела, у Эмили десятки лет не было настоящего желудка. Как и ее подрагивающие пальцы, желание стошнить не пропало вместе с органами. К счастью, это быстро закончилось. Через секунды Левиафан поднял ее под потолок пещеры, и она свисала, как жуткая люстра над тем, что было странной и очень большой толпой.

Я этого боялся, — прошептал Ворон, быстро озираясь за ее глазами. — *Похоже, мы прибыли последними.*

Эмили кивнула, стараясь не дрожать. Пещера у основания башни Алгонквин была наполнена монстрами. Они набились, как сардины. Кроме круга воды с камнем, где стояли Алгонквин и Мирон, каждый дюйм был наполнен конечностями, ветками, лапами и прочим, что Эмили не могла назвать. Даже потолок был занят, камень был полон существ, цепляющихся за арку крыши, как лишайник, или свисающими, как летучие мыши. Их было так много, они были разными, собравшимися друг на друге, и Эмили позорно долго понимала, что смотрела на духов. Сотни. Больше, чем она видела на всех своих миссиях, вместе взятых.

Больше, чем видел любой смертный, — сказал Ворон, его присутствие сдвинулось в ее разуме, будто птица подвинулась на кончик ветки. — *Но мы всегда знали, что Алгонквин так сделает. Я хочу знать, что она пообещала, чтобы заманить их сюда?*

Эмили думала о том же. Теперь она поняла, на что смотрела, и узнала некоторых духов из отчетов Ворона. Особенно Волка, выглядящего как восточный волк в десять футов длиной, сидящего впереди толпы. Койота и Орла было просто заметить, хоть они были не такими большими. Но, хот духов зверей было просто заметить, другие были неизвестными. Некоторые — как большая груда мха, ползущая по стене вдали — выглядели относительно безобидными. Другие — особенно длинное существо, похожее на угря с лицом мужчины, прячущееся в мутной воде рядом со щупальцами Левиафана — выглядели куда опаснее. Было невозможно посчитать по головам, когда лишь у некоторых были головы, а у других даже не было четких краев, но Эмили решила, что тут было не меньше трех десятков духов, которые были достаточно большими, чтобы считаться ООН угрозой национального уровня. Это включало и Алгонквин, которая поднялась выше из воды, повернулась к толпе, как королева к придворным.

— Друзья, — сказала она, ее водный голос был холоднее, таким нечеловеческим Эмили его еще не слышала. — Знаю, многие покинули владения, чтобы быть тут. Спасибо, что пришли так быстро.

— Хватит вежливости, озерная вода, — прорычал Волк. — Ты звала, мы пришли. Говори, что такое важное.

— Надеюсь, не она, — побулькал дух-угорь в воде, его низкий голос был плавным и хитрым, он повернул голову утопленника и посмотрел на Эмили. — Нам хватает сложностей без траты времени на заводную игрушку Ворона.

Заводная игрушка, — фыркнул Ворон. — *Он ничего не сделал в своей жизни.*

— Ворон — меньшая из наших проблем, — сказала Алгонквин, ее вода разделилась на две струи, чтобы она видела и волка, и угря. — И я созвала вас, потому что времени мало.

— Мало? — буркнуло одно из больших деревьев сзади. — Невозможно. Мы — земля, бессмертные духи. Времени у нас всегда много.

— Обычно — да, — сказала Алгонквин, ее вода соединилась. — Но все не было нормальным десять веков, и если мы не будем действовать быстро, они такими не будут.

Она сделала паузу, но в этот раз никто не ответил, и Алгонквин продолжила:

— Мы у критической развилки. Многие из вас уже знают, что первый Смертный Дух поднялся, и он — не наш.

— Как так может быть? — прорычал Волк. — Мы дали тебе наших детей, чтобы ты могла построить своего Смертного Духа, пока ничего не поднялось само. Как тебя опередили? Что ты делала?

— Что и сказала, — ответила Алгонквин. — Мы даже опережали график, благодаря Трем Сестрам и убийству драконов, но невозможно поднять магию из особого места, не пролив ее, и, похоже, я недоценила восхищение смертных смертью. Сочетание этих двух элементов было буйным Смертным Духом Забытых мертвых, которым, к сожалению, нельзя управлять. Но, хоть я смогла его снова подавить, его смертная и ее союзники-драконы сильно навредили, уходя, пролили кровь драконов, которую я собирала, уничтожив месяцы работы. Теперь наша работа разбита, драконов в СЗД не осталось, чтобы собрать их силу, и окно, чтобы поднять магию, необходимую для достижения критической массы у нашего Смертного Духа до появления другого естественным путем, быстро закрывается.

— Звучит как поражение, — сказал с оскалом дух-угорь.

— Это было поражением, — гневно сказала Алгонквин. — Но я хоть что-то делала. Если бы я оставила наше выживание всем вам, мы сидели бы, как камни, пока поднимающаяся волна безумия людей не поглотила бы нас. Но я не удовлетворена. Я никогда больше не отдам свою воду, и я уже нашла другое возможное решение, что объяснит мой новый главный маг.

Это было намеком для Мирона. Он шагнул вперед с уверенной улыбкой, кивая монстрам, словно они были зрителями на его конференции.

— Духи Земли и Зверей, я — сэр Мирон Роллинс, глава магических исследований и политики ООН, один из главных архитекторов заклинаний проекта Феникс. Или, как многие лучше ее знают, конструкта Ворона.

Он махнул рукой, Левиафан послушался, опустил Эмили, чтобы она свисала перед ним.

— Хоть начал Ворон, генерал Джексон — работа многих рук, — продолжил Мирон, погладил пальцами открытые серебряные ленты заклинаний, висящие из груди Эмили. — Хоть у нее уже нет изначального смертного тела, ее душа содержит уникальное умение человека двигать магию. Если бы она была магом, это означало бы, что она могла тянуть магию из мира вокруг нее, чтобы питать ее конструкт и оружие, что, как вы видите, основано на заклинаниях. Но генерал Джексон не маг. Она не может использовать свои заклинания, и она не владеет сознательно магией, которая нужна, чтобы питать ее тело.

— Тогда как она работает? — осведомился дух-угорь. — Как заводная игрушка может двигаться, если она не может завести себя?

Мирон усмехнулся.

— Из-за ответа мы тут. Ворон был очень умной птицей. Он выбрал генерала Джексона, потому что она не была магом. Маг мог бы бороться с его властью, это нежелательная черта для куклы. Но обычный человек не мог бы ему мешать. Она могла только управлять результатами заклинаний — оружием, движением тела и прочим — а не механизмами за ними. Считайте ее пилотом боевого самолета. Она может лететь, но не может ничего сделать с двигателем или его топливом.

— Но мы можем, — сказала Алгонквин.

— Именно, — согласился Мирон, сжал одну из тонких полосок металла, покрытого заклинанием, свисающего из груди Эмили. — Феникс — сильное и умное оружие, но из-за того, что она — не маг, она не может тянуть магию, которая ей нужна для тела, сама. Чтобы преодолеть это ограничение, Ворон придумал механизм, который применяет уникальное умение людей двигать магию, не требуя контроля мага. Соединив ее заклинание, — он поднял металлическую ленту, — с частями ее мозга, которые регулируют подсознательную способность человека управлять магией, Ворон дал себе власть толкать его магию в нее. Это как врачи, которые электрическими импульсами заставляют конечности двигаться, даже если пациент не может ими управлять. Он просто предлагает магию, и заклинание в ее теле автоматически хватает ее и превращает в топливо.

— В стиле Ворона быть едой для его куклы, — оскалился Волк. — У него никогда не было гордости.

— И это наш шанс, — сказал Мирон. — В его желании создать надежную куклу, которая не может биться с ним магически, но все еще сможет работать независимо долгое время, Ворон создал уникальное: магическую батарейку. Конструкт Ворона — не просто оружие. Она — сосуд, способный пассивно принимать магию от духа-донора и хранить ее в своем заклинании, создавая стабильный источник силы, к которому у нее есть доступ. Это уже крупно, но генерала Джексона делает особенным не то, что она — единственный конструкт, который пассивно принимает магию, а не втягивает ее, а то, как много силы она может содержать.

Он потянул ленту металла с заклинанием, разворачивая ее из груди Эмили, чтобы показать, какой длинной она была.

— Маги могут тянуть магию весь день, но даже с самыми большими кругами есть ограничение того, скольким мы можем управлять, не выгорая. Духи другие. Вы все время управляете массой магии, которая стерла бы мага-человека. Но, раз Ворон построил Феникса с его магией в разуме, не ее, ее заклинание создано, чтобы управлять магией на уровне духа. Мы говорим о силе в тысячи раз мощнее, чем может безопасно направлять маг-человек, и эта сила в руках одной женщины.

— Думаю, ты хотел сказать, хорошего солдата, — прорычала Эмили. — Веерного нашему делу. В отличие от предателей, которых я могу назвать.

— Есть верность, а есть фанатизм, — холодно сказал Мирон. — Ты была готова застрелить потенциального Мерлина, а не рискнуть тем, что она попадет в руки духа, который не подходит к твоему узкому видению блага людей. Я практичнее. Миру нужен Мерлин, и это требует Смертного Духа. Если Алгонквин хочет такого поднять, мы на одной стороне.

— Где тут наша сторона? — завопила Эмили, борясь с хваткой Левиафана. — Не знаю, заметил ли ты, но Алгонквин убила больше людей, чем все современные драконы, взятые вместе. Она — не наш союзник. Она...

Черное скользкое щупальце закрыло лицо Эмили, заглушая ее. Вода Алгонквин гневно булькала внизу.

— Игнорируй ее, — приказала дух озера. — Она — ничто. А ты, — она повернула отражающее лицо к Мирону. — Мы тут не для урока. Ты сказал достаточно о работе Феникса. Расскажи им, почему она важна.

— Я к этому шел, — раздраженно сказал Мирон, хмуро глядя на Эмили. Он повернулся

к толпе духов. — Эмили Джексон — не просто боевой конструкт, поддерживаемый магией одного из самых активных духов зверей. Она — уникальное творение, машина заклинаний, способная собирать магию на уровне духов и помещать ее под управление воли человека. Если бы Ворон был Смертным Духом, генерал Джексон была бы его Мерлином, и тут она становится полезной для нас.

— Как так? — угорь скривился. — Каждый Мерлин, которого я встречал, был хозяином своего духа, но Феникс — кукла, еще и известная верностью. Ты смог ее связать и подавить, но Ворон все еще у власти. Он не позволит, чтобы его конструкт использовали против его драгоценных людей. Если вы накачаете ее магией до краев, она просто использует это, чтобы напасть на вас, едва возникнет шанс.

— Да, — согласился Мирон, — если бы я оставил ее у власти. Но, если помните, я сказал, что магия, которая питает ее, управляется «волей человека», а не «ее волей». Ее тело служит как сосуд, но Эмили — не маг. Она держит рычаги, но не она управляет своей магией. Это все делает заклинание, а это заклинание, миллионы линий логики, которые определяют, что владеет огромными запасами силы Феникса, управляется одной переменной. Сильно закодированным, но одним. Если эту переменную изменить, заклинания, управляющие магией, станут слушаться тех, на кого мы укажем.

Когда он закончил, все покраснело перед Эмили. Заклинание с одной переменной, которое управляло ее телом, было известной уязвимостью. Иронично, что Мирон должен был починить это. Теперь он отдавал это врагу перед ней, и это ранило больше, чем остальное.

— Предатель! — завопила она, вырывая лицо из хватки щупальца. — Ты мертв, Мирон! Слышишь меня? Ты...

Ее заглушило щупальце Левиафана, с мощью вернувшееся на место, обвив ее челюсть и шею. Она все еще сражалась, когда вспышка света привлекла ее внимание. Она оторвала взгляд от скользкого щупальца у ее щек и увидела плоское отражающее лицо Алгонквин из воды перед собой.

— Не тебе звать кого-то предателем, маленькое орудие, — прошептало озеро. — Это из-за тебя мы в этой прискорбной ситуации. У меня был человек, который управлял Смертным духом, в моей власти, когда ты убила ее. Теперь у нас ничего нет. Ни духа, которого я строила, ни Марси Новалли, ни драконов, чтобы восстановить наши потери. Ты прижала наши спины к этой стене, так что справедливо, что ты дашь решение.

— Но что это решит? — сказал дух-угорь, поднявшись из воды, чтобы хмуро посмотреть на Алгонквин осторожными глазами. — Я вижу, куда ты клонишь, озерная вода. Конструкт Ворона — милое орудие. Глубокое ведро, которое может содержать магию, которая тебе нужна для восстановления твоего Смертного духа и помещения его под власть твоего нового человека-марионетки, — он кивнул на Мирона, тот напрягся. — Но ведро бесполезно, пока его не наполнишь. Мы знаем, что ты планируешь с этим делать, но ты еще не сказала, откуда вся эта магия, Алгонквин.

— Он прав, — Волк показал зубы. — Смертные духи всегда были проблемой. Даже когда людей были миллионы, ямы их страхов, вырезанные в магическом пейзаже, были больше гор. Теперь миллиарды испуганных смертных, и дыры, которые они роют, глубже, чем когда-либо. Ты это знаешь. Ты попросила наших детей, чтобы напитать силой круги, которые направляли магию всего СЗД в Землю Восстановления, и тебе все еще нужны были драконы в твоем городе плюс кровь Трех Сестер, чтобы подойти близко к наполнению

Смертного духа. Но та кровь пролита. Тебе придется заново копить ту магию, и хоть я уверен, что Конструкт Ворона с широким ртом, я ничего не пообещаю, пока ты не скажешь, что за еду собираешься в него засунуть.

— Ту, что у нас есть, — печально сказала Алгонквин. — Нас.

В пещере стало тихо. Несколько ударов сердца духи не двигались, а потом угорь с лицом мертвеца зашипел, как змея.

— Ты сошла с ума?

— Нет, — сказала вода, протянула щупальце к своему Левиафану. — Безумием было бы игнорировать мрак, который строится. Я пытаюсь это остановить, потому я тут — единственная адекватная.

— Ты — не адекватная, — сказал угорь, прячась за камнем. — Никто адекватный не предложил бы убить души земли, чтобы спасти ее.

— А кто — земля? — осведомилась Алгонквин, поднимаясь. — Кто говорит за нас? Ты, ползающий по дну?

Угорь зашипел и отступил во тьму за камнем, оставив Алгонквин одну перед собравшимся духами.

— Я знаю, как много прошу, — сказала она уже спокойно. — Я — дух Алгонквин, когда-то великое озеро, которых теперь пять. Я защищала и любила свою воду миллионы лет, до того, как первые люди появились на моих берегах. Когда они пришли, я встретила их, как любого другого зверя, и я платила за тот выбор с тех пор. Мы все платили.

Шепот согласия поднялся из толпы, и вода Алгонквин изогнулась в подобии улыбки.

— Они используют нас, — сказала она. — Даже до того, как их стало так много, что их страхи стали богами, они забирали у земли. Они убивали наших детей, сжигали, насиловали и бросали мусор в наши тела. Они забрали нашу магию, заставили нас спать, а когда мы проснулись тысячу лет спустя, что они оставили нам? Яд. Разрушение. Весь мир был радостно принесен в жертву их бесконечной жадности. Посмотри, что они сделали с моими озерами. С моей красивой водой.

Ее голос дрожал в конце, и Алгонквин сжалась, серебряный поток свернулся с пустым горестным звуком. Она не была одна. Все духи дрожали, наполняя пещеру горем по потерянному. Это был такой печальный звук, что зрение Эмили стало расплываться. Она боролась с этим, когда Алгонквин снова заговорила:

— Нам нужно отбиваться, — прошептала она, вода развернулась. — Человечество сделало больше вреда за тысячу лет, чем все, что мы видели с массовыми вымираниями, и это без их богов. Теперь магия вернулась, наполняет не только нас, но и каньоны ненависти и страха человечества. Когда они наполнятся, Смертные духи будут сильнее, чем раньше. Что тогда станет с землей? Что станет с нами?

Никто не говорил. Все духи сильнее сжались у влажного камня, Алгонквин двигалась решительно.

— Нас растопчут, — прошептала она. — Вы знаете, как много магии нужно, чтобы создать даже одного Смертного духа. Такая сила просто так не уходит. Даже если все люди на планете умрут от жадности, их Смертные духи будут оставаться миллионы лет, как остальная грязь людей. Когда это случится, наш красивый мир будет пустошью, адом безумных богов, и нам, бессмертным духам, не удастся сбежать. Даже смерть не может спасти нас от того, что грядет. Мы будем навеки пойманы под каблуком монстров, с которыми не можем бороться, которыми не можем управлять. Это наша судьба. Это будет,

если мы не будем действовать сейчас, пока можем.

Когда она закончила, было так тихо, что Эмили слышала стук капель воды, стекающих с блестящей плоти Левиафана. Даже Мирон затаил дыхание, глядя на Алгонквин с выражением, которое Эмили не могла прочесть. А потом, словно волна отступила, собравшиеся духи опустили головы в поражении.

— Ты права, — прошептал Волк. — Но что мы можем сделать?

— Что мы всегда делали, — с горечью сказала Алгонквин. — Бороться за выживание. Я вызвала вас сюда, потому что вы — духи, которые больше всего пострадали от рук людей. Некоторые из вас проснулись и обнаружили, что ваших детей почти истребили. Другие лишились владений. Земля их корней была выкопана под ними. Я знаю вашу боль, потому что и я ее пережила. Когда я проснулась, моя вода была отравой, а моя рыба умирала вокруг меня, но я была не беспомощной жертвой. Я поднялась и боролась с городами, которые вредили мне, убивала их, как они пытались убить меня. Я захватила Детройт, создала новое будущее, где я была у власти. Это нужно сделать сейчас, потому что мы — будущее. Мы — земля. Мы тут, потому что слова были произнесены, история — написана. Мы — живая магия этого мира, и мы должны вернуть власть над своим, пока не потеряли ее навеки.

Ее вода потекла из лужи у ее ног, пока она говорила, по камню, чтобы обнять всех духов сияющим потоком.

— У нас уже есть то, что требуется, — сказала она, сияющая вода поднялась выше. — Вы спросили, откуда я возьму силы, чтобы наполнить Конструкт Ворона, но ответ перед вами. У нас есть вся нужная магия тут, в этой пещере, и в этот раз у нас есть надежный сосуд для Смертного духа.

Одно из ее сияющих щупалец поднялось и задело щеку Эмили.

— Даже драконы не могут навредить Конструкту Ворона. Это доведет ее до предела, но Мирон уверяет меня, что ее заклинания могут вместить силу, которая нам нужна, достаточно, чтобы создать Смертного духа. Лучше, дух вырастет внутри темницы заклинания Феникса, пробудится под контролем моего мага, что означает, что нам не нужно ждать, пока он выберет Мерлина. Этот Смертный дух будет в цепях, и мы будем держать их.

— А не он? — Волк оскалился, глядя на Мирона, который осторожно отпрянул. — Я всегда хлопал тебе, милая Алгонквин, но это безрассудно даже для тебя. Твой маг уже предал свой вид. С чего ты взяла, что он не поступит так с нами?

— Потому что у нас есть то, чего он хочет больше всего, — сладко сказала Алгонквин, повернула к Мирону гладкое, как зеркало, лицо. — Шанс быть Мерлином. Его последний шанс. Сложно понять возраст смертных, но сэр Мирон старый. Есть хороший шанс, что другой Смертный дух не поднимется снова при его жизни. Даже если появится, его шанс быть в нужном месте в нужное время почти нулевой. Мы — единственный его путь к мечте, что означает, что он наш, — ее вода замерцала почти в улыбке. — Амбициозными людьми всегда было проще всего управлять.

Эмили ожидала, что Мирон станет упираться. Алгонквин была права насчет его амбиций, но он был наглым. Слишком наглым, чтобы терпеть открытую насмешку. Так она думала. К ее изумлению, маг кивал словам духа, улыбаясь, словно этого и хотел.

— Если я стану Мерлином, остальное не важно, — сказал он Алгонквин. — Я буду первым человеком за тысячу лет, который откроет Врата Мерлина, и я клянусь, что использую всю силу, которую найду там, чтобы убедиться, что я буду последним. Не только вы боитесь Смертных духов. Я был там, когда ручная смерть Марси Новалли проникла в

Землю Восстановления. Я видел своими глазами ужас и разрушение, на какие способны такие, как он. И он даже не был полностью выросшим. Я не могу допустить повторения.

— Это нельзя допустить, — согласилась Алгонквин. — Конец Смертных духов — единственный способ для нас выжить, включая людей. Обычно их страдания не тревожили бы меня, но мы не можем сделать это без них. Мы всегда знали, что это Мерлины вызвали засуху, но мы не знали, как. То, чем они подавили магию, скрыто за Вратами Мерлина, куда может войти только Мерлин. Теперь Мирон Роллинс с нами, и мы можем обратить их оружие для нашего дела. Как Мерлин, он может войти во врата и вернуть поток магии так, как было раньше. Когда силы хватало только нам, а впадины Смертных духов были пустыми. Когда это случится, мы снова будем лишь духами, и мир снова буде нашим, как и было раньше. Разве не за это мы бились столько лет?

— Но где наша победа? — прошептал дух сзади, один из столбов мха, который не говорил раньше. — Даже если твой маг держит слово, твой план использует нас как топливо для Конструкта Ворона и вырастит Смертного духа. Ты можешь преуспеть и остановить богов людей, но мы все еще будем использованы. Наши сосуды будут пустыми, и с магией на низком уровне как мы наполним себя снова?

— Вы будете пустыми недолго, — пообещала Алгонквин. — Я не оскорблю вас, делая вид, что прошу малого. Чтобы это сработало, мне нужна вся ваша магия, но, хоть жертва велика, она не будет надолго. Как только цель будет достигнута, и Смертный дух Мирона уже не будет требоваться, а цепи Мерлина будут его удерживать, мой маг просто отдаст вам вашу магию. Не сто процентов, конечно. Но есть много способов получить магию. Как только мир снова будет безопасно наш, я смогу разобраться с ним для вас, начиная со второй по силе угрозе нашему будущему — драконов.

Ее голос стал голодным:

— Когда это закончится, нам не придется переживать из-за СЗД или политики людей. Ванн Егерь и я сможем охотиться на змей, сколько захотим. Когда они будут мертвы, я заберу их магию — магию, которую они воровали у живых в нашем мире — и отдам вам, восстановлю вас и подниму выше других. Как видите, друзья мои, я не прошу вас лишиться себя сил навеки. Нет смерти для бессмертных. Это лишь короткий сон, пауза, по сравнению с полной остановкой, к которой нас приговорили Мерлины. Но в этот раз, когда вы проснетесь, мир будет лучше. Там мы снова будем богами.

Все духи восторженно щебетали. Даже Эмили должна был признать, что план был неплохим. Ненависть Алгонквин к драконам не была тайной. Теперь у нее был идеальный повод охотиться на них, и никто не помешал бы ей. Но, пока Алгонквин не стала купаться в благодарности других, новый голос прозвенел в пещере:

— Ты никогда не была богом.

Алгонквин повернулась, хмуро глядя на Эмили, которая тоже была потрясена. Слова вырвались из ее рта, но были не ее. Низкий хриплый голос, слетающий с ее губ, был Вороном, и он был в ярости.

— Глупое озеро, — прокаркал он. — Ты не видишь дальше своих берегов? Это наши братья и сестры, души земли! Они не пища для твоих параноидальных амбиций. Ты приходишь и заявляешь, что оборвешь магию и вернешь все ко времени, когда были только мы, но время так не работает. Мы никогда не вернемся туда, Алгонквин! Прошлом в прошлом, а сейчас ты рискуешь нашим будущим, играя с силами, которые никогда не понимала. Мы все страдаем, если ты не остановишься!

— Хорошо говоришь, стервятник, — прорычала Алгонквин, ее вода поднялась, и Эмили увидела отражение своих больших глаз в дюймах от лица. — Ты продался людям давно, раскрыл всем наши тайны. Ты даже путался с драконом, а думаешь, что имеешь право говорить в этом месте? Говорить нам, что мы страдаем? Мы уже пострадали! Тысячу лет нас пытали, пока мы спали, мучили, когда мы были без сил, но теперь наша очередь. В этот раз мы заберем силу, и они заплатят. Все они! Мы ударим по Смертным духам, пока они не поднялись. Заберем нашу магию у людей, которые вредят всему, чего касаются. А потом используем драконов, которые никогда ни за что не платили, чтобы возместить ущерб. Как видишь, пташка, мой план ничем не рискует.

— Это не так! — завопил Ворон. — Если ты делаешь это от нашего имени, весь мир будет нашим врагом!

— Поздно переживать из-за этого, — сказала Алгонквин. — Этот мир был моим врагом с момента, как я проснулась. Мне надоело быть грязной, использованной. Я устала видеть так много разрушений, но, когда я смотрю вперед, я вижу лишь это. Больше людей, больше драконов, насилия и смерти. Если это наше будущее, Ворон, насколько важна жертва? Какая разница, если ждать все равно нечего?

Шок и печаль Ворона от слов Алгонквин вызвали слезы на глазах Эмили, но гнев после них был в десять раз хуже.

— Я не дам тебе этого сделать, — сказал он, его голос поднялся, как ураган. — Мы — бессмертная земля, вечная магия! Если мы оставим надежду на будущее и сожжем настоящее, хватаясь за прошлое, ничего никому не останется.

— Никогда и не было, — Алгонквин сжала водой горло Эмили. — Не видишь, глупая птица? Смерть уже нависла. Это последний шанс. Если мы не сможем повернуть эту волну, мы будем навеки заперты в мире, который хуже смерти. Мир, где мы бессильны, грязь для безумных богов. Я пожертвовала бы всем, чтобы избежать этого, потому что, если мы проиграем тут, если это наше будущее, то я предпочту не иметь будущего.

Она обвила водой Левиафана полностью, когда закончила, и Ворон задрожал глубоко в разуме Эмили.

— Нет, — прошептал он. — Я не допущу этого. Я не дам тебе покончить с нами.

— Плохо, — сказала Алгонквин, вода вокруг шеи Эмили стала стекать по ее телу, к ее истерзанной груди. — У тебя нет выбора. Ты уже отвернулся от нас.

Вода проникла глубже, обвила завитки заклинаний, которые Мирон еще не развернул, узел был сердцем Эмили. Не настоящим — то давно уже убрали — но началом заклинания, которое дало ей новую жизнь. Это был ее первый узел, созданный самим Вороном вокруг кусочка кривого металла, который он забрал из обломков дома ее семьи в Старом Детройте. Это было ядро их сделки, заключенной много лет назад, и потрепанная поверхность все еще была с выцарапанными буквами имени Ворона. Эти царапины вода Алгонквин быстро убирала.

— Прощай, стервятник, — ее голос был певучим, ее вода стирала остатки царапин. — И спасибо за участие в нашем деле.

— Нет! — кричал Ворон ртом Эмили. — Ты не можешь ее получить! Она...

Его голос утих. Алгонквин стерла остатки его имени, оставив Эмили одну в ее голове впервые за больше шестидесяти лет. Она все еще осознавала это, когда вода Алгонквин покинула ее.

— Вот и все, — сказал дух, щупальце Левиафана развернулось, бросив бесцеремонно

Эмили на камень у ног Мирона. Без рук она рухнула, крича без звука, ее заклинание стало ускользать из-под контроля. Если бы она была магом, она могла бы остановить это, но как Мирон сказал много раз, у нее не было такой силы. Без Ворона Эмили Джексон не была Фениксом. Она была просто смертной. Умиравшей, ее тело из лоскутов рассыпалось на ее глазах. А потом, перед тем, как она развалилась полностью, новая сила подняла ее, удерживая целой. Она даже не узнала магию Мирона, пока сияющий лабиринт не окружил ее полностью, неоновые развилки создали переливающуюся клетку, которая держала ее на месте. Но, пока Эмили смотрела на магию бывшего напарника, Мирон хмуро глядел на Алгонквин.

— Лучше бы предупреждать, — сказал он, грудь вздымалась, он поместил то, что осталось от Эмили в центр своей магии. — Я не подчеркнул, как важна она для нашего плана? Твоя ссора с Вороном чуть не уничтожила наш билет!

— Она не была нашим билетом, пока он жил в ней, — напомнила ему Алгонквин, ее водяное лицо стало копией Мирона. — Пора исполнить свою часть сделки, маг-предатель. Ворон был изгнан, как и обещалось. Теперь замени его имя своим и управляй его конструктом. Посмотрим, не зря ли ты хвалился.

Мирон нахмурился и повернулся к Эмили, но хоть его лицо выглядело нагло, руки дрожали.

— Я выполню роль, — сказал он. — Но сможешь ли ты выполнить свою? Шанс лишь один.

Дух озера улыбнулся его же улыбкой.

— Ты получишь свою магию, не бойся. Как я и сказала Ворону, это единственный шанс на победу. Если хочешь свою долю, смертный, сделай так, как мы обсуждали.

— Конечно, — сказал Мирон после мига колебаний. — Я и не думал иначе.

Отражение Хозяйки Озер улыбнулось еще раз, и она убрала лицо Мирона, стала просто водой и посмотрела на собравшихся духов.

В этот раз речей не было. Как и предупреждений. Вода по краям пещеры просто поднялась, затопила камень у ног духов.

Некоторые побежали, когда озеро потянулось к ним. Дух-угорь пропал так быстро, что оставил пузырек под водой. Многие, включая Волка, Орла и других зверей. Стоял, опустив смиренно головы, вода Алгонквин поднималась все выше. Она захлестнула бы и Эмили с Мироном, но Левиафан окружил их защитным коконом черных щупалец.

Эмили не тратила время. Как только Левиафан скрыл их от Алгонквин, она повернулась к Мирону, открыла рот в последней попытке урезонить его, но без толку. Без имени Ворона ее тело не слушалось. Она смогла лишь беззвучно охнуть, когда он опустил ее на влажный камень у своих ног.

— Хватит, — приказал он, удерживая ее ногой, поправляя прожекторы. — Все кончено, Эмили. Для нас обоих будет проще, если ты не будешь бороться.

В ответ она плюнула, по крайней мере, попыталась. Она все еще пыталась заставить рот работать, когда он опустился перед ней на колени и зашептал на ухо:

— Замри и слушай, — приказал он, давя на нее, пока она не перестала дергаться. — Я знаю, как это выглядит, но я не делал бы это, если бы был другой вариант. Алгонквин права. Смертные духи поднимаются. Кот Марси Новалли был первым, и ты видела его ужас. Другие будут хуже. Если мы не совладаем с ситуацией, пострадают не только духи земли. Поверь, Эмили. Это к лучшему. Я прихожу к этому не обычным образом, но я буду Мерлином,

который нужен миру. Клянусь.

Она не могла сказать ему, что это бред, и Эмили отвела взгляд, стиснув зубы, когда Мирон направил ладонь в дыру, оставленную Вороном, в ее груди.

— Прости, — сказал он. — Приготовься. Наверное, будет больно.

Она пыталась изобразить грубый жест, когда магия Мирона сдавила, потянула за все линии заклинаний, пока ее мир не побелел от боли.

Глава 5

— Мне это не нравится, — буркнул Джулиус. — Совсем не нравится.

— Поздравляю, — Бетезда выпила коньяк, ее тело погрузилось глубже в грудь золота, которую она использовала как диван. — Мы нашли то, в чем мы согласны.

Джулиус вздохнул в ответ. Четыре часа назад Золотой Император и его двор принял предложение Джулиуса остаться на горе, пока Иен не вернется. Когда он предложил идею, он думал, что все понимали, что китайские драконы будут их гостями, но в Золотой Империи иначе понимали гостеприимство. Едва она вошла, Императрица-мать стала управлять своими драконами, чтобы захватить каждый дюйм заброшенной крепости Хартстрайкеров.

И не только драконами. Император не шутил, когда сказал, что принес свои вещи. Через десять минут после того, как Джулиус впустил их, самолёты с припасами, мебелью и людьми-слугами стали прибывать на взлётную полосу, наполняя когда-то пустую гору до краев. Но, хоть это убрало проблему с работниками — особенно, на кухнях, где слуги работали усиленно, чтобы освободить гору, полную драконов, не считая Хартстрайкеров.

Пока китайский двор устраивался, как дома, занимая комнаты, обычно выделенные Хартстрайкерам из вершины алфавита, к недовольству Бетезды, тронный зал и ее покои, которые теперь стали покоями Циля и его матери, их «хозяев» вытаскивали все ниже. Гостевые комнаты, крыло работников-людей, гараж — все было важным для комфорта императора. В конце их «гостям» не требовалось на горе только хранилище с сейфами, где теперь и сидел Джулиус с его матерью и Фредриком на горах золота, которые когда-то были сокровищницей Хартстрайкеров.

— Хотя бы мое золото защищено, — сказала Бетезда в тысячный раз. — Я всю ночь следила, чтобы все перенесли сюда, чтобы оно было защищено, пока мы в бегах. Я не думала, что буду заперта с ним, конечно. Но мы хотя бы вместе, — она провела ладонями с любовью по желтым монетам, потом налила себе еще из бутылки из личного запаса, который не опустошила Амелия. — Вот это я продумала заранее.

— Нужно было проверить информантов, — прорычал Фредрик, расхаживая у двери сейфа, как он делал уже час. — Целый клан драконов пролетел половину мира, чтобы вторгнуться к нам, но застал нас врасплох. Золото не может это исправить.

— К нам пришло живое воплощение удачи, — Бетезда пожала плечами. — Если бы у меня была его удача, никто меня тоже не заметил бы. И почему ты кричишь на меня? Джулиус — тоже глава клана. Так что это и его вина, не только моя, но ты не рычишь на него, — она допила коньяк одним глотком. — И золото помогает во всем. Мы в ловушке, но Хартстрайкеры все еще богатый и сильный клан. Подожди Конрада, Джастина и других. Мы отомстим Золотому Императору, как он еще не видел! Посмотрим, как удача его спасет.

Она рассмеялась от мысли, и Джулиус вздохнул. Часть него боялась ее слов. Открытая война кланов была худшим исходом. Но циник в нем видел, что поведение матери было пьяными словами отчаявшейся драконши, которая была в ловушке. Все они такими были.

Эта задержка была его идеей, но Джулиус знал, что Хартстрайкеры были завоеваны во всем, кроме бумаг. То, что они были заперты в подвале своей крепости, было вишенкой на торте.

Его надеждой — единственной — было найти обходной путь в соглашении о капитуляции. Китайские драконы не учли, что он мог найти выход из этого, не сдаваясь и не начиная войну. Потому что будет война. Джулиус не знал насчет всей семьи, но Джастин будет биться с каждым чужим правилом до смерти. Это касалось и Конрада, и если рыцари будут биться, присоединятся другие, многие важные ему драконы могли умереть. Они могли все умереть, если он не придумает, как это исправить, но, хоть он все прочел десять раз, соглашение, которое дал ему император, не имело для него смысла.

— Мне это не нравится.

— Ты это говорил, — сказала его мать.

— Потому что это так, — прорычал Джулиус, шлепая свитком по ладони. — Эта капитуляция не имеет смысла! Почему они так милы с нами?

Бетезда подавилась коньяком.

— Это тебя беспокоит? — пролепетала она. — Они слишком хорошие? Я думала, это было твоим стилем.

— Не когда это подозрительно! Золотой Император всех нас поймал. У него нет причины проявлять снисхождение, но эти условия звучат как любовное письмо. Послушай.

Он развернул свиток, сжал пальцами изящную бумагу, подвигал ее, пока не добрался до английского перевода китайского текста.

— Вступление — то, что и ожидалось: безусловная капитуляция, слабость нашего клана перед мощью императора и так далее. А потом все странно. Первое «требование», — он покачал пальцами кавычки в воздухе, — в том, что когда мы будем завоеваны, Хартстрайкеры сохранят право управлять собой, присоединятся к Золотой Империи как один из кланов. Мы сохраним контроль над нашими территориями, богатством и делами. Он даже не требует налоги за первые сто лет.

— Да? — Бетезда задумчиво нахмурилась. — Это не звучит так плохо.

— Это чудесно, — согласился Джулиус. — В том проблема. Они вторглись, зная, что мы не могли дать отпор, но эта капитуляция написана так, словно они боятся, что мы скажем «нет». Почему? Они ясно дали понять этим утром, как они ненавидят наш клан и тебя лично, но тут даже нет пункта, чтобы ты отрёклась от власти, — он покачал головой. — В этом нет смысла. Мы под их каблуком. Они должны требовать наши головы на кольях, а не давать нам подслащенные сделки.

— Я бы потребовала головы на кольях, — сказала с тоской Бетезда. — Но, хоть я уверена, что Императрица-Мать мечтает сделать из меня чучело, Цилинь всегда был странным. Они не зовут его милосердным просто так. С его удачей он может позволить себе быть таким.

— Это слишком милосердно, — сказал Джулиус. — Это безумие. Тут нет требований верности, изменений структуры клана, доли земель. Кроме принятия его как нашего правителя и вступления в его империю, он ничего не просит. Если я правильно читаю часть о распределении денег в империи, мы можем даже получить деньги из этой сделки, а в этом нет смысла вовсе. Зачем завоевывать нас, если он ничего не получает? Почему он так хорошо себя ведет?

— Если бы я была не так подавлена, лицемерие твоих слов веселило бы меня весь день, — сказала его мать. — Но, хоть я не хочу признавать, что ты прав, какая разница? Как

ты и сказал, мы не можем ему отказать. Я хочу поднять клан и заставить китайских змей пожалеть о дне, когда они ступили на нашу пустыню, но если я не смогу сделать это до завтрашнего утра, нам придется склонить головы и принять его предложение. Если император хочет быть щедрым, зачем нам ему мешать? Это сделает наш неизбежный бунт проще.

— Я не хочу бунтовать, — гневно сказал Джулиус. — Я не хочу сдаваться, особенно, если нужно подписать что-то, что явно является ловушкой.

— Может, и не ловушка, — сказала она. — Я видела, что ты десять раз прочел контракт, и ты умеешь читать между строк. Мне пришлось шесть часов терпеть вчера тебя, если помнишь, — она пожала плечами. — Если не можешь найти яд в яблоке, может, его нет.

— Но он должен быть, — сказал он, глядя на бумагу. — Только это объяснение имеет смысл. Зачем ему проходить все эти проблемы по захвату Хартстрайкеров, если он не хочет завоевать Хартстрайкеров?

— Какая разница, чего он хочет? — рявкнула Бетезда, сев прямо. — Если он хочет упустить шанс раздавить нас, зачем бороться с этим? Ты теперь глава клана Хартстрайкер. Тебе нужно думать о том, что для нас лучше, — она махнула бокалом на контракт в его руках. — Если он хочет вести себя глупо, нам нужно использовать преимущество. Я бы поставила подпись и давила на удачу мерзавца. Это даст Алгонквин новую мишень. Пока они будут заниматься этим, мы используем пространство, которое он нам оставил, чтобы отстроить власть, чтобы ударить их ножом в спину, как только появится шанс.

Это был драконий план. Джулиус не был против предать драконов, которые заставили их участвовать в этом. Но он не мог отогнать чувство, что тут что-то происходило. Он слышал холодное презрение в красивом голосе Циляня. Такие драконы не завоевывали кланы, чтобы проявить доброту. Он был тут не просто так, и если причиной не было завоевание клана, то еще был шанс, что Джулиус мог найти выход без капитуляции или бунта.

— Я поговорю с ним, — он встал.

Бетезда обмякла на золоте.

— Почему с тобой так сложно?

— Я получил это от матери.

Она закатила глаза.

— Он не будет с тобой говорить.

— Мы не знаем это, пока я не попробую, — сказал Джулиус, забирая Клык с груды золота, где он оставил меч. Он прицепил меч к поясу. — Но мне нужно что-то делать. Плевать, что условия хорошие. Я так трудился не для того, чтобы передать Хартстрайкеров кому-то другому. Я получил нам день, я его использую. Если я проиграю, еще сильнее завоевать нас не смогут.

— Не рассчитывай на это, — предупредила Бетезда. — Я за эти две недели поняла, что всегда может стать хуже. А еще я узнала, что нет смысла пытаться помешать тебе творить глупости. Иди. Буду нужна, я буду продумывать месть тут.

Она повернулась спиной к нему, вытянула человеческое тело на золотых монетах, как делала, будучи драконом. Джулиус покачал головой, повернулся уходить, но у двери Фредрик сжал его руку.

— Не ты тоже, — буркнул Джулиус.

— Вы не поняли, — голос Ф был странно тихим. — Я не пытаюсь помешать вам

поговорить с Цилинем. Я думаю, что это отличная идея, но вы пока не можете уйти.

— Почему нет?

Фредрик с тревогой взглянул на металлическую дверь.

— Потому что у нас посетитель.

Джулиус открыл рот, чтобы спросить, кто мог их сейчас навестить, когда дверь сейфа переполненной сокровищницы открылась, и стало видно высокого дракона, не из Хартстрайкеров. Он выглядел величаво в длинном черном шелковом одеянии, которое будто украли из сериала про Китай. Но, хоть его облик человека был в стиле смертных Хань, он не был одним из драконов Золотого Императора.

Джулиус знал последнее как факт, ведь уже видел этого дракона. Третьего пророка, который был с Бобом в ночь, когда он убил Эстеллу. Черный Размах.

— Здравствуй, Джулиус Хартстрайкер, — сказал он, показывая ему улыбку, которая не задела его серебристые глаза. — Я надеялся, что мы поговорим.

— Ладно, — Джулиус нервно взглянул на Фредрика, тот был недоволен. — Сейчас?

— Лучше всего сейчас, — сказал Черный Размах, проходя в коридор.

Джулиус не двигался. Технически внимание самого старого и великого пророка было честью, но это не отменяло факта, что он не хотел говорить с Черным Размахом, и не из-за того, что он был Драконом, Видящим Вечность, конструктом, следящим за будущим всех драконов. Джулиусу хотелось бы тепло к нему относиться, ведь его брат, Дракон, Видящий Начало, помог ему и Марси. Он не хотел говорить, потому что Черный Размах был драконом, который, по словам Боба, убьет его, и хоть Джулиус злился на брата, он не хотел ему смерти.

— Простите, — сказал он, пятась. — Но у меня нет времени. Мне нужно поговорить с императором, пока...

— Это займет лишь минутку, — пообещал Черный Размах, сцепляя ладони за спиной. — Дело в твоём брате.

У Джулиуса было много братьев, но вряд ли Чёрный Размах говорил о Джастине.

— Вы знаете, где Боб?

— Я знаю, где он будет, — ответил пророк. — Больше не могу сказать в компании.

Он посмотрел на Фредрика, Джулиус скрипнул зубами. Он не хотел играть в эту игру. Визит не только был внезапным, это точно было частью давнего плана пророка, чтобы поймать его брата, но у него не было времени. Уже прошла половина дня, который он им выбил. Он не мог тратить больше времени на разговор с пророком. Но он мог выяснить, где был Боб, может, даже его планы. Если кто и знал, что затеял Боб, то это Черный Размах. Если это так, почему он был тут? Что конструкт будущего хотел от Джулиуса, что не мог увидеть сам?

Он не знал. Как всегда, попытки понять логику пророков вызвали головную боль. Было слишком много вариантов, он многого не знал, так что не мог звать идею плохой или хорошей. Но, хоть он хотел уйти от пророка к императору, желание знать все перевесило. Даже зная, что это могла быть ловушка для его брата, Джулиус не мог упустить шанс узнать о делах Боба. Глубоко вдохнув, он вышел в коридор, поманил Черного Размаха за ним.

* * *

Склад в подвале горы Хартстрайкер был настоящим драконьим лабиринтом. Многие туннели вели к сейфам, как тот, где его мать спрятала золото, но было много маленьких обычных комнат для запасной мебели, устаревшей одежды, припасов для праздников и всего, что прятали в чуланах. Он не разделял любовь матери спать на грудах металла, хоть и

блестящего, и Джулиус выбрал одну из комнат там как свою временную. Туда он отвел Черного Размаха.

— Простите, тут тесно, — сказал он, перемещая прах Амелии и сумку Марси с накрытого простыней дивана, чтобы старший пророк мог сесть. — У нас неожиданные гости.

Конструкт приподнял бровь от преуменьшения, но ничего не сказал. Он просто сел на диван, сложил ладони на коленях в вежливом жесте, словно ждал чая.

— Итак, — нервно сказал Джулиус, хватая стул из стопки в углу, чтобы тоже сесть. — Как я могу вам помочь?

— Вообще-то, — сказал пророк, — я тут, потому что могу помочь тебе.

От этого волоски встали дыбом на теле Джулиуса. Хороший или нет, внезапное предложение помощи от другого дракона всегда настораживало.

— Зачем вам это делать? — он повернулся на стул, чтобы броситься в двери, если нужно. — Вы меня не знаете.

— Но я хорошо знаю Брогомира, — ответил Черный Размах. — Я знаю, что он много вложил в тебя, потому ты интересен для меня, — он склонил голову. — Ты знаешь, кто я.

Это был не вопрос, но Джулиус ответил:

— Вы — Дракон, Видящий Вечность, бессмертный конструкт, созданный древними драконами из нашего измерения, чтобы произошедшее там не повторилось, — он нервно улыбнулся. — Мы с подругой долго говорили с вашим братом, Драконом, Видящим Начало.

Черный Размах кивнул, словно было нормально являться магическим сгустком из другого измерения.

— И ты знаешь, как я делаю это? Как я борюсь с ошибками, которые не должны повторяться?

Джулиус начал потеть.

— Вы убиваете пророков.

Черный Размах кивнул.

— Долг тяжелый, но необходимый. Если ты встречал моего брата, ты видел наше старое измерение, кусочек пустоши, который от него остался. То, что произошло там, было трагедией, последним результатом долгого пути жадности и недальновидности. Все были замешаны, но пророки были движущей силой. Они продавали будущее, чтобы купить настоящее, обрекая всех драконов в процессе. Ты существуешь, потому что несколько твоих предков успели пройти в портал до того, как все рухнуло, и укрылись в этом измерении, — он коснулся ладонью своей груд. — Я существую, чтобы это не повторилось.

Он сказал это серьезно, и Джулиус согласился. Никто, кто видел пепельную пустошь старого дома драконов, не мог заявить, что там произошла не катастрофа. Но это не объясняло, почему Черный Размах говорил с ним.

— Потому что ты важен для Брогомира, — сказал пророк, не дав ему заговорить. — Ты — ключ к его планам.

— Но я их не знаю! — завопил Джулиус. — Я не знаю, что он делает или почему. Я даже не знаю, где он!

— Это не важно, — отмахнулся Черный Размах. — Где бы он ни был, он точно вернется за тобой.

— О, — сказал Джулиус, не зная, радоваться или бояться. — Вы это предвидели?

— Нет, — пророк покачал головой. — Ты — пешка Брогомира, и он хорошо тебя

скрывает. Но, хоть я не вижу твое будущее, я всегда знал его будущее. Потому я тут. Я следил за твоим братом до его вылупления, так что я давно слежу за его особым интересом к тебе. Это было восхитительно. Я видел много стратегий манипуляций будущим за десять тысяч лет, но я не видел, чтобы пророк все ставил на одну точку, — он уткнулся длинным пальцем в грудь Джулиуса. — Тебя.

Джулиус сглотнул.

— Сейчас слово «стержень» — не подходящее описание роли, которую он тебе выбрал, — продолжил Черный Размах. — Сейчас все планы Брогомира ведут, так или иначе к тебе. Я вижу их все, каждую нить, которую он тянет, но я все еще не понимаю, почему.

— Не вы один, — Джулиус обмяк на стуле. — Ваши слова не удивляют. Боб пару раз говорил мне, что я — его пешка, но это не звучало как что-то важное. И я все ещё не знаю, чего он хочет, или зачем он меня выбрал.

— Это нормально, — сказал ему Черный Размах. — Пешка не видит всей игры. Но раты так важен, я должен предупредить тебя, что твой брат повернул на опасную тропу. Я не понимаю пока все его мотивы, но я видел его будущее, и я не могу его позволить. Если он продолжит курс, мне придется...

— Убить его, — Джулиуса мутило. — Вы его убьете, да?

— Да, — тихо сказал пророк. — Но пока ты не назвал меня врагом, знай, что я тут, потому что хочу избежать этой судьбы. Как все пророки до него, Брогомир знает, что должен делать, чтобы сохранить свою жизнь. Он узнал, что я — его смерть, когда был младше тебя, знал, как это избежать. Он знает, что нельзя поддаваться искушению, но все еще преследует их, и я не знаю, почему.

Он склонился, уперся локтями в колени, чтобы посмотреть Джулиусу в глаза.

— Потому я пришел к тебе. Ты — его пешка, вокруг тебя строятся все планы. Я надеялся, что, если ты скажешь, что он попросил сделать, это поможет нам лучше понять его мотивы и не допустить плохой конец.

Он сказал это так искренне, что Джулиус чуть не ответил, не подумав. Но, хоть он хотел отчаянно спасти брата, он не был таким глупым.

— Зачем мне вам что-нибудь говорить? — с подозрением сказал он. — Вы сказали, что убьете его.

— Только если он меня заставит, — глаза Черного Размаха были печальными. — Мне не нравится убивать пророков, Джулиус. Я не живой дракон, как ты, но я не из камня. Я знал всех пророков, рожденных в этом измерении. Я видел, как все они росли, и направлял их, как мог, но не мне диктовать будущее нашего вида. Даже когда я переживаю за пророка, я не могу заставить его выбрать то, что мне хотелось бы. Я существую для одной цели: следить за силой пророков и убеждаться, чтобы наше будущее не продали снова.

— Но, если вы делаете только это, почему вы — их смерть? — спросил Джулиус. — Почему первое видение всех пророков — то, как вы их убиваете, если вы выходите, только когда они нарушают правило?

— Потому что пророки не могут выстоять, — гневно сказал Черный Размах. — Ты видел, что Эстелла делала с цепями, и это было лишь небольшим воплощением. Сила будущего всегда там. Ждет. Искушает. Это может занять тысячи лет, но рано или поздно каждый пророк сталкивается с боем, где он не может победить только со знанием будущего. Когда такое происходит, они тянутся к единственному оружию, которое даст им победу, и мне приходится их остановить.

— Но зачем? — спросил Джулиус. — Все они видели свои смерти, да? Они знают, что вы убьете их за такое, так зачем пытаться?

— Каждый пророк считает себя особенным, — он покачал головой. — Они всю жизнь знают то, что другим недоступно, и используют эти знания, чтобы творить невозможное. Когда ты так силен, легко подумать, что тебя не остановить. Что можно сделать то, что еще никто не делал. Что можно победить меня.

— А они могут? — спросил Джулиус. — Я понимаю, что вы старше, лучше и, наверное, можете обыграть любого пророка, но нет непобедимых.

— Я такой, — спокойно сказал Черный Размах. — Знаю, звучит нагло, но я был для такого создан. Я был создан величайшими пророками нашего старого мира, чтобы быть оружием против них. Меня нельзя победить, по крайней мере, пророку.

— Вы не можете это им сказать? Боб — не Эстелла. Он не безумен. Уверен, если бы объяснили ему все, он...

— Думаешь, я не пытался? — рявкнул Черный Размах. — Знаешь, как раздражает, когда один из лучших пророков в истории не бережет себя? Брогом мир знает, что грядёт, и почему ему нельзя это делать, но он все еще отказывается меняться, и я уже не могу его урезонивать.

— Надеюсь, вы не ждете, что я до него достучусь, — сказал Джулиус. — Боб не слушает меня.

— Но говорит с тобой, — пророк пристально смотрел на него. — Ты отличаешься от других драконов, Джулиус. Я говорил тебе, когда мы начали, что твой брат был в беде, и ты даже не попытался использовать это как свое преимущество. Ты не предложил выдать его мне, обменять информацию на услуги. Ты просто хотел помочь, спасти его.

— Конечно, я хотел его спасти, — сказал Джулиус. — Он — мой брат.

— Нет тут «конечно», — Чёрный Размах склонился ближе. — Знаешь, как долго я ждал дракона, как ты? Того, что выберет жизнь брата выше долга Дракона, Видящего Вечность? Ты поразительно редкий, и я верю, что потому Брогом мир выбрал тебя. Не только из-за того, что ты не предашь его, а потому что я не хочу убивать тебя. Я мог разбить сейчас планы Брогом мира, спасти его жизнь, оборвав твою, убрав все планы с тобой, но я не стану. Я не могу, потому что ты — мирный и честный дракон, которого я всегда надеялся увидеть. Под твоим руководством Хартстрайкеры могут эволюционировать, и ты сможешь остановить глупую борьбу кланов, которая всегда заставляет пророков искать решения, за которые я их убиваю. Это сила, Джулиус, уверен, потому Боб и выбрал тебя. Как лучше осуществлять планы, если не через дракона, которого я не хочу убивать? Но его ум — еще и его слабость, потому что, сделав тебя центром своих планов, Боб дал тебе — единственному, кто переживает — силу спасти его жизнь. Он — пророк, но у тебя все его нити. Если ты их отпустишь, все, что он строил, развалится, и мне не придётся ничего делать.

Холод сжал грудь Джулиуса.

— Вы хотите, чтобы я предал Боба.

— Спас его жизнь, — гневно сказал Черный Размах. — Твой брат — один из лучших пророков в истории, но его ум и смелость завели его дальше по пути самоуничтожения, чем драконов до него. Он заключил сделку с такой опасной силой, что даже я не могу сказать тебе имя, не рискуя будущим, которое создан защищать. Если он сделает еще шаг, я не смогу остановить свою руку, но ты можешь сделать это, чтобы мне не пришлось действовать. Это не предательство, Джулиус. Это спасение его от себя. Если ты заботишься о Брогом мире, помоги мне. Разбей его планы, испорть их. Не делай то, что он приказал тебе. Пусть все

провалится, и ты спасешь его жизнь.

Он закончил с улыбкой. Не вежливой, как раньше, а искренней, которая изменила все его лицо, сделав его не таким опасным, а больше похожим на отчаявшегося старого дракона. И это было сложнее всего, потому что Джулиус теперь был уверен, что Черный Размах прибыл не манипулировать им или устроить ловушку. Какими бы ни были игры, пророк хотел спасти Боба, и это было проблемой, потому что Джулиус не знал, как.

— Если вам это нужно, я не могу помочь, — виновато сказал он. — Я верю, что вы хотите спасти моего брата. Я тоже хочу его спасти, но я не могу идти против его планов, потому что я не знаю их.

— Это не важно, — отмахнулся Черный Размах. — Тебе не нужно знать игру, чтобы испортить ее. Просто не делай то, что он сказал тебе делать, и все само развалится.

— Но это я и пытаюсь сказать, — сказал Джулиус. — Кроме приказа не освобождать Челси, который я уже нарушил, Боб никогда не указывал мне ничего, кроме «быть собой».

Черный Размах замер, глядя на Джулиуса, словно тот говорил на неизвестном языке.

— И все? — сказал он. — Быть собой? Он только это сказал?

Джулиус кивнул, и старый пророк нахмурился.

— Этого не может быть.

— Знаю, — Джулиус не знал, плакать или смеяться от абсурдности. — Но, клянусь, он сказал только это. Поверьте, если бы я знал, что он хотел убить Амелию, мы сейчас не говорили бы. Я уже разбил бы его планы на кусочки. Но я не знал. Вы, Челси и другие говорите, что я избран Бобом, но он ничего не говорит мне. Я даже больше не получаю его безумные сообщения, — и он не думал, что будет скучать по этому.

Черный Размах посмотрел на свои колени, длинные пальцы стучали по ногам, пока он думал. Тишина длилась так долго, что Джулиус стал переживать, что он впал в какой-то сон, или что делали конструкторы, когда были перегружены. Он не успел решить, что делать с этим, Черный Размах встал.

— Я ценю, что ты говоришь со мной, — он склонил голову. — Это было... познавательно.

— Конечно, — выпалил Джулиус, вставая. — Но, пока вы не ушли, можете кое-что сказать? Вы сказали, что знали, где собирался быть Боб. Если бы вы сказали мне, может, я нашел бы его. Поговорил с ним. Он — умный дракон. Уверен, я мог бы...

— Нет, — твердо сказал Черный Размах. — Его местоположение ничего тебе не даст. Ты — его пешка. Если я подвину тебя, он вернет тебя на место, — он подумал еще миг, а потом снова покачал головой. — Нет. Думаю, сейчас тебе лучше продолжать, хотя если он попросит тебя что-нибудь сделать, помни о моем совете.

— Буду, — пообещал Джулиус, кусая губу. — Но было бы куда проще, если бы вы дали намек на то, что он пытается сделать. Если вы следите за ним, это связано с продажей будущего, но почему? Что он пытается сделать?

— Не могу сказать, — Черный Размах явно злился. — Не из-за того, что не доверяю тебе, а потому что он еще не сделал этого. Я уже пролез дальше, чем должен, просто поговорив с тобой сегодня. Если я надавлю еще, могу ошибиться сам, а я не могу это допустить. Но я не был бы тут, если бы угроза не была огромной. Ты теперь знаешь, что на кону. Если ты такой дракон, как я думаю, ты сделаешь все, что ты можешь, чтобы остановить Брогомира, пока он не обрек себя, а я этого и прошу.

— Но откуда мне узнать? — спросил Джулиус. — Я даже не понимаю, что пытаюсь

остановить.

— Ты поймешь, — пообещал Черный Размах, открывая дверь. — Когда это случится, ты поймешь, потому что будешь в сердце этого, — он склонил голову еще раз и вышел в коридор. — Увидимся в Детройте.

— Стойте! — Джулиус побежал за ним. — Что случится в...

Слова умерли на его губах, когда он вырвался в коридор. Длинный пустой коридор. Джулиус даже не ощущал больше запах Черного Размаха, кроме слабого намека на старый пепел. Он все равно искал, прошел до сейфа матери и сдался. Что бы ни случилось, было очевидно, что пророка уже не было на горе. Джулиус сдался, вернулся во временную комнату, пытаясь все обдумать. Он устроился на застеленном диване, где Черный Размах сидел, когда заметил, что рядом уже нет сумки Марси.

* * *

— Я не говорю, что вы ошибаетесь, сэр, — сказал мягко Фредрик. — Но зачем Черному Размаху воровать сумку вашего человека?

— А зачем пророки все делают? — прошептал Джулиус, сжимая в ярости кулаки. — Но ее сумка была в моей комнате, когда мы начали, а когда я вернулся, она пропала. Никто другой не мог ее забрать.

Фредрик раздраженно выдохнул, и Джулиус не мог его винить. Они были в лифте, поднимались к вершине горы, чтобы попытаться поговорить с Золотым Императором. Джулиусу нужно было сосредоточиться, но он не мог отпустить это. Та сумка была всем, что осталось от Марси.

— Я должен ее вернуть.

— В сумке было то, что Черный Размах мог хотеть?

Джулиус не знал. Он даже не знал, что было внутри. Он так расстроился, что не рылся в вещах Марси, когда Челси отдала их прошлой ночью, и он не успел сделать это утром из-за вторжения. Кроме крови, ее сумка не отличалась от ее сумки в СЗД. Бедная сумка была набита до краев, хотя Марси постоянно жаловалась, что не могла ничего найти. Он все еще помнил тон ее голоса, когда она клялась, что наведет порядок или купит сумку больше, тщетно пытаясь поместить все вещи для колдовства в...

Он застыл, тело дрожало. Как всегда, мысли о прошлом, даже невинные, толкнули его в темное место, где он был, пока Челси не вытащила его. Хоть он старался себя занять, когда он задумывался, потеря Марси была еще там, как нож в боку. В извращённом смысле, он был почти рад, что император пришел. Это дало ему срочное дело, нечто крупное, что отвлекло его от зияющей пустоты. Ему нужно было это сейчас.

Он просто хотел, чтобы Черный Размах не забрал последний ее кусочек.

— Уверен, сумка вернется, — Фредрик улыбнулся ему. — Пророки ничего не делают просто так, если это был он. Но если вам нужно время...

— Нет, — твердо сказал Джулиус, взяв себя в руки. — Моей идеей было потянуть время. Как и разговор с императором. Если я не справлюсь, можно сразу подписать капитуляцию, как говорит матушка.

— Не обязательно все сразу, — возразил Ф. — Иен вернется рано утром. У нас еще есть время.

— Мне нужно время, потому я не могу его тратить, — он закрыл глаза и встряхнулся, отгоняя горе к уголкам разума, чтобы сосредоточиться на задании впереди. — Вот, — сказал он, закончив. — Я в порядке. Все будет хорошо. Сделаем это.

Фредрик не был убежден, но не давил. Он прошел ближе к младшему брату, лифт остановился, и золотые двери открылись, стало видно коридор, ведущий к тронному залу на вершине горы Хартстрайкер.

Или тому, что от него осталось.

— Что за...

Фредрик оправился первым, сжал дверцы лифта, склонился над панелью и проверил номер этажа, но ошибки не было. Это был верхний этаж, но...

— Тут пусто, — сказал Джулиус, проходя в знаменитый Зал Голов Бетезды. Вот только все гадкие трофеи кровавого подъема их матери пропали. Даже чистые места от табличек отмыли, от лифта до дверей тронного зала остались только пустые каменные стены.

— Как они это сделали? — прошептал Фредрик, глаза были огромными. — Часть голов была проклята, и они были тяжёлым.

— Думаю, все возможно, если хватает рабочих, — прошептал Джулиус, глядя на двери в конце коридора, где пара жутких мужчин в традиционных монгольских нарядах сторожили двери тронного зала. От них пахло драконами, это были два красных дракона, которые остановили его и его мать в пустыне. Они были размером с Конрада. — Будь близко, — шепнул он, поправил воротник старомодного и плохо сидящего костюма, который Фредрик нашел для него на складе.

Ф поступил лучше. Он почти наступал на пятки Джулиуса, пока они шли по теперь безголовому коридору. Они остановились на уважительном расстоянии от тихих стражей.

— Здравствуйте, — Джулиус старался выглядеть дружелюбно и не грозно. Хотя он не мог запугать таких драконов. — Вы можете помнить меня с утра, но я — Джулиус Хартстрайкер, один из глав Совета Хартстрайкеров. Я пришел просить аудиенции с Цицинем.

— Золотой Император не хочет тебя видеть, — сказал страж слева на идеальном английском. — Вернись завтра во время, назначенное для капитуляции.

— Откуда вам знать, если вы не спросили? — парировал Джулиус, вежливо улыбаясь. — Обещаю, что не займу много его времени. У меня возникло пару вопросов о соглашении о капитуляции. Чем быстрее я получу ответы, тем быстрее закончится неловкий период ожидания, и мы придем к соглашению.

Вопрос капитуляции был «когда», а не «если», и это не должно было сработать, но, как Джулиус заметил внизу, император не относился к сделке как к должному. Дракон, уверенный в успехе, не подслащал бы сделку сразу же. И верно, как только он намекнул, что был шанс закончить быстрее, драконы Цициня ухватились за это.

Пока левый следил за ними, красный дракон справа вытащил телефон. Ответ на его сообщение был мгновенным, потому что через пару секунд близнецы кивнули друг другу, и левый дракон открыл дверь тронного зала, махнул Джулиусу и Фредрику входить. Глубоко вдохнув, Джулиус прошел, нервно скользнув между дверей в тронный зал, который тоже сильно изменился.

Как Зал Голов, тронный зал Хартстрайкеров очистили. Все пропало: трехсторонний стол, череп Кетцалькоатля, картины из смежных коридоров — все. Даже мозаику с Хартстрайкер во всей ее пернатой красе сняли со стен, плитка за плиткой. Остался только Клык Челси, все еще лежащий на балконе, где она бросила его вчера. Наверное, потому что никто не мог его поднять. Кроме этой детали, Джулиус словно стоял на другой горе, но сильнее всего изменился трон.

Он не знал, как они пронесли это сюда, но на месте их стола Совета, где он был еще утром, была огромная и похожая на реальность статуя извивающегося золотого дракона, которая служила основанием для двух тронов. Большой был из белого нефрита, стоял в открытой пасти дракона. Меньший трон, из черного нефрита, был в петле хвоста. Вся конструкция была очень красивой, истинный шедевр, которому не было тут места. Он все еще глядел туда в ужасе и потрясении, когда дверь в покои Бетезды распахнулась, и в комнату проковыляла Императрица-Мать.

— Я понимаю, что ты хочешь обсудить капитуляцию, — сказала она, стуча по треснувшему камню отполированного пола тронного зала, пока она шла к золотому дракону. Когда она дошла, красный дракон, который впустил их, был уже там, готовый поднять старуху на меньший из двух тронов. Сев, Императрица-Мать устроилась удобнее, опустила трость в выемку между когтей золотого дракона, которая была явно сделана, чтобы она могла сложить ладони на коленях. Только тогда, когда она села удобно и возвысилась над Хартстрайкерами во всем, она посмотрела на Джулиуса красными глазами.

— Говори, — приказала она. — Мы уже потратили достаточно времени.

Джулиус хотел указать, что она тянула время, но не мог говорить. Он все еще пытался осознать, как его мир так быстро изменился.

Если бы его спросили неделю назад об изменении тронного зала, он поддержал бы идею. Он всегда ненавидел и боялся этого места, которое просто безвкусно показывало власть Бетезды. Но теперь он стоял среди пустоты без мозаики, без голов в коридоре, без черепа, но с чужим тронном в центре власти Хартстрайкеров, и вдруг стало не важно, что они были просто символами, символами его матери. Они все еще были частью Хартстрайкера. Гадкие или нет, видеть, что их так стерли, заставило Джулиуса ощущать себя под атакой куда больше, чем от армии драконов, летящей на их территорию. Он впервые в жизни захотел биться за клан, заставить этих драконов заплатить за то, что они сделали с Хартстрайкерами. Он все еще пытался совладать с незнакомой жестокостью, когда Императрица-Мать постучала костяшками по камню своего черного трона.

— Оглох, дитя? — резко спросила она. — Я оказываю тебе большую честь, отвечая на твои вопросы лично. Тебе лучше не тратить зря мою щедрость. Теперь кажи, что за новые жалобы ты принес от своей мерзкой матери?

С каждым наглым словом гнев Джулиуса распался сильнее.

— Я — не рупор матери, — прорычал он. — И я не ребенок. Я — глава Хартстрайкеров, избранный член нашего Совета, и вы сидите на месте нашего стола.

— Та штука? — Императрица-Мать улыбнулась. — Я убрала ее, как и все остальное. Эта вершина была храмом жестокой варварской культуры, которая превозносила существо как Бетезда. Такая среда — не место для золотого Цилиня, даже временно, и я сделала, что нужно было, — она приподняла брови, глядя на Джулиуса. — Ты точно не пришел защищать вкус матери.

— Вкус тут ни при чем, — гневно сказал Джулиус. — Вы изменили нашу гору без разрешения!

— Нам не нужно твое разрешение, — едко сказала она. — Ваше завоевание уже произошло, хоть и не на бумаге. То, что ты можешь свободно жаловаться из-за этого, — знак огромной и, если честно, не заслуженной милости императора, которую он дарит твоему клану. Тебе нравилось ходить по коридору трупов?

Джулиусу не нравилось. Если бы она сначала спросила, Джулиус сам помог бы им

убрать Зал Голов. Но они не спросили. Никто. Они просто сделали это, и, чем больше он думал об этом, тем решительнее Джулиус не хотел сдаваться Золотому Императору. Не важно, каким ужасным был вкус Бетезды. Изменение места власти другого клана, не спрашивая у драконов, чьи традиции вы «улучшаете», не было поступком правителя, которого Джулиус мог звать своим императором.

— Хватит этого, — императрица прищурилась, и Джулиус понял, что это было убийственно наглое выражение лица. — Я прерывала отдых не для того, чтобы слушать, как жалуется избалованный щенок. Ты сказал, у тебя есть вопросы. Озвучивай или уходи.

— Я скажу, — Джулиус хмуро смотрел на нее. — Но только самому Цилиню.

— Насекомые не требуют разговора с императорами.

— Я не насекомое, — гневно сказал он. — Я — глава клана, как ваш сын. Пока он не завоюет клан, это делает нас равными, а равные говорят лицом к лицу, а не через третье лицо.

Этого хватило, чтобы императрица поднялась с трона, но Джулиус не закончил.

— Можете угрожать мне, сколько хотите, — рявкнул он. — Но я боролся за право стоять во главе Хартстрайкеров, и я не буду подавлен беззубой старой драконшей, которая думает, что у нее есть власть, потому что ее сын — император.

Когда он закончил, его сердце колотилось, словно он был посреди боя. Но, хоть гнев на лице императрицы ужасал, Джулиус не собирался отступать без слов. Хартстрайкеры были на грани развала, но пока клан не рухнул, это был его клан, семья, ради которой он одолел мать. Он отказывался сдать, особенно дракону, который был таким наглым и недостойным, как этот.

— Ты — сын своей матери, — сказала императрица, глядя на него свысока, словно подумывала поджарить его на месте. — Столько гордости, но так мало сделано, чтобы заслужить это. Но это не важно. Требования без власти — лишь пустые слова, и это все, что осталось у червя, как ты.

Джулиус открыл рот, чтобы сказать, что она ошибалась. Что Хартстрайкер был все ещё самым большим кланом драконов в мире, и что они не преклонятся перед императором, который требовал их послушания, но не заслужил их уважения. К сожалению, он не успел. Слово не слетело с губ, Императрица-Мать подняла голову, посмотрела вверх голов Джулиуса и Фредрика на пару красных драконов, сторожащих двери за ними.

— Аудиенция завершена, — сообщила она. — Заберите юного Хартстрайкера на край пустыни и убейте его.

Джулиус застыл, его глаза расширились.

— Что?

— Не слышал? — невинно спросила императрица. — Я решила, что ты умрешь.

— Но вы... — пролепетал он. — Вы не можете так сделать!

— Конечно, могу, — сказала она. — В отличие от тебя, у меня есть власть. Я — императрица, а ты — лишь треть главы клана. Выбранная треть. Если ты умрешь, у тебя даже нет наследника, который продолжит твоё дело. Твоя семья просто выберет другого из кучи детей Племенной Кобылы, чтобы заменить тебя, и хоть я уверена, что он будет таким же наглым и глупым, может, твоя смерть поможет исправить его поведение.

Ее улыбка стала зубастым оскалом, красные драконы пошли к ним. Джулиус выругался под нос и повернулся к ним, опуская ладонь к Клыкку. Фредрик уже занял место рядом с ним, смотрел на приближающихся красных драконов с мрачной решимостью.

— Сэр, — тихо сказал он. — Мы не можем...

— Знаю, — Джулиус вытащил меч, хоть он не помог бы. Его Клык останавливал только Хартстрайкеров, и хоть меч мог пригодиться, Джулиус плохо умел сражаться. Монгольские драконы не переживали. У них даже не было оружия, и они все еще бесстрашно шагали, улыбаясь Джулиусу и Фредрику, словно победа над ними не будет проблемой. Учитывая их размер, так и было бы. — Если убьете меня, придется дольше ждать капитуляции, — предупредил Джулиус. — Недели, может, месяцы.

— Тяжело, да, — ответила императрица. — Но я готова потерпеть, чтобы избавиться от глупого щенка, который пытается давить на удачу, которая была у твоего клана, ради своей гордости. Уверена, твоя замена не повторит такую ошибку.

Джулиус выругался под нос. Не сработало. Красные драконы были в десяти футах от него, расходились для атаки на Джулиуса и Фредрика с двух сторон. Потому что он был настоящим драконом, Фредрик тут же поменял позицию, подстраиваясь, но Джулиус мог думать лишь о том, что по его вине они оба погибнут. Он хотел предложить побег к балкону, когда дверь в стене за новым тронном — та, что вела в покои Бетезды — открылась.

Императрица-Мать застыла от звука. Как и близнецы. Мгновение никто не двигался. А потом императрица щелкнула пальцами, и близнецы отпрянули к двери, оставив Джулиуса и Фредрика спиной к спине посреди комнаты. Дракон в синей мантии вышел из-за угла трона.

Инстинкты Джулиуса, пробужденные боем, тут же сосредоточились на прибывшем. Но, хоть это был придворный императора, новый дракон был ошеломлен сценой перед ним. Императрица-Мать вдруг стала воплощением покоя, ее кровожадная улыбка испарилась, она повернулась к гостю.

— Что такое, Лао? — мягко спросила она. — Мой сын требует моего внимания?

Новый дракон — Лао — покачал головой.

— Нет, императрица. Я просто проходил мимо, чтобы найти младшего Хартстрайкера.

Императрица-Мать удивлённо моргнула, но Джулиус уже выпрямился.

— Это я! — громко сказал он, убирая Клык в ножны. — Я — Джулиус Хартстрайкер.

— Вижу, — Лао посмотрел на него, а потом повернулся к императрице. — Вы заняты с ним, Императрица-Мать? Цилянхэ хотел задать ему вопрос, но я буду рад подождать, если вы...

— Нет! — сказал Джулиус. — Мы пришли попросить аудиенции с императором. Императрица-Мать хотела ее устроить, когда вы прибыли.

Красные глаза старой драконши опасно сузились, но когда она не обвинила его во лжи, Джулиус понял, что нашел пределы ее власти.

— Я бы хотел поговорить с Золотым Императором, — сказал он бодро, глядя на Лао, которого нос Джулиуса определил как синий дракон, который накинул мантию на Цилянхэ, когда тот прилетел, и вручил Джулиусу свиток. — Вы на него работаете, да?

— Я — его кузен и маг, — Лао нервно посмотрел на Императрицу-Мать. Но, хоть было ясно, что он знал, что он чему-то помешал, его верность была перед императором, потому что он не спросил у нее снова, должен ли подождать. Он повернулся и пошел к двери покоев Бетезды в дальней половине вершины горы, поманив Хартстрайкеров.

Джулиусу не нужно было повторять. Он бросился к выходу, потянув Фредрика за собой. Они покидали тронный зал под убийственным взглядом Императрицы-Матери.

* * *

— Повезло, — шепнул Фредрик, когда они оказались на другой стороне.

— Думаю, удача тут вмешалась, — ответил тихо Джулиус, озираясь в прихожей матери.

Как все наверху, покои Хартстрайкер были вычищены. В отличие от пустого Зала Голов и тронного зала, тут все украсили растениями в горшках, вазами в разных стилях от традиционного Мин до современных, и картины. Красивые картины.

Как вазы, картины на стенах были в разных стилях, современные абстрактные картины висели рядом с традиционной акварелью, пейзажи с роскошными драконами над горами и рисовыми полями. Разница должна была потрясать, но краски, линии и текстуры были так подобраны, что каждая картина уравнивала соседей. Результатом была идеальная гармония, красота без усилий, которая была полной противоположностью безвкусной золотой мебели Бетезды, и не оставалось вопросов, чьими теперь были комнаты.

— Сюда, — сказал Лао. — Безупречный Цилянь желает немедленно видеть вас.

Джулиус послушно следовал, стараясь не спотыкаться об свои ноги, пялясь на красивые перемены, которые продолжались в коридоре, который тянулся по центру покоев его матери. Он отмечал мысленно все, что заменили, когда Лао замер у порога гостиной Бетезды, где она и Давид ждали Джулиуса утром первой встречи Совета. Когда он попытался войти, синий дракон остановил его.

— Твой меч.

Джулиус моргнул.

— Меч?

Лао раздраженно стиснул зубы.

— Какой бы мелкой ни была угроза, мы не можем позволить вооружённым чужакам подходить к Золотому Императору. Нужно отдать оружие перед тем, как я впущу внутрь.

Джулиус посчитал странным, что Живое Воплощение Удачи переживало из-за чего-то такого простого, как меч. Но у просьбы был смысл, и он послушно снял Клык, хотя не протянул его Лао. Когда синий дракон нахмурился, он объяснил:

— Клыки Хартстрайкеров не всем дают себя трогать.

Он ожидал, что придётся рассказать больше, но, к его удивлению, Лао кивнул.

— Мы уже столкнулись с мечом на балконе, — он отклонился от меча в ножнах в руках Джулиуса. — Можешь оставить его тут вместе со своим слугой.

— Фредрик — не мой слуга, — быстро сказал Джулиус. — Он — мой брат, и я хочу, чтобы он пошел со мной, если можно.

Брови китайского дракона приподнялись.

— Это твой брат?

Джулиус не мог винить его за удивление. Высокий, крепкий и изящно хмурящийся Фредрик не был похож на Джулиуса, который был низким для дракона, с острыми скулами от Бетезды и необычной для дракона привычкой улыбаться. Не помогло и то, что зелёные глаза Фредрика казались неестественными. Это было не так заметно в подвале, но в свете солнца, проникающего из окон, которые не давали покоям Бетезды ощущаться как бомбоубежище, они даже не выглядели правильно зелеными, тем более, оттенка Хартстрайкеров. Они были скорее цвета желтеющей травы осенью, но были не такими, когда Джулиус познакомился с ним. Он не знал, что вызвало изменения, но это не помогало Фредрику выглядеть как Хартстрайкеру. К счастью, Лао не знал, каким странным он был.

— Думаю, в твоей семье все возможно, — он изящно пожал плечами. — Племенная Кобыла известна отсутствием стандартом, так что логично, что ее дети разные.

Он умолк, улыбаясь, но Джулиус привык к комментариям о матери, потому даже не

обиделся. Когда стало ясно, что он не вызовет возмущение, Лао продолжил:

— Можешь взять брата с собой, если хочешь, но ему придётся молчать. Император устал от долгого пути, и бремя вторжения давит на его разум. Один Хартстрайкер — уже плохо после бед, которые вы устроили. Я не позволю вам ухудшать ситуацию сильнее, собираясь толпой.

— Погодите, — гневно сказал Джулиус. — Вы злитесь на нас за то, что император в стрессе из-за захвата нашей территории?

— Да, — сказал Лао без пауз. — Если бы твой клан не был такой неудачей на всех фронтах, ему не пришлось бы прибегать к таким резким мерам.

— Или он мог остаться дома, — возмутился Джулиус. — Я не пытаюсь ссориться, но если вам тут так не нравится, вы всегда можете просто уйти.

— Я бы хотел, — пылко сказал Лао. — Но не мне сомневаться в воле императора. Десять тысяч лет Цилини правили китайскими кланами в покое, гармонии и процветании. Как его отец до него, Золотой Император удачей укрывал нас от постоянных войн и страданий, которые задевают другие кланы драконов. Нам всем повезло быть в его присутствии. Если он хочет принять тебя, мы доверяем его мудрости, но это не значит, что мы доверяем тебе.

Он шагнул ближе, склонился, пока его лицо не поравнялось с Джулиусом.

— Я не знаю, чем ты разозлил императрицу, — тихо сказал он, — но процветание Золотой Империи зависит от покоя Цилия. Если его расстроить, как ты сделал с его матерью, я брошу тебя к ней, и я прослежу, чтобы во второй раз тебя не спасли. Это ясно, Хартстрайкер?

Ясно. Но, хоть Джулиус понимал угрозу Лао, большая картина стала запутаннее. Почему все боялись разозлить Цилия? Что-то случится, когда он злой? И если так, зачем он рисковал этим, вторгаясь на земли Хартстрайкеров? Еще и с глупыми условиями капитуляции? Чем больше Джулиус видел из этого вторжения, тем сильнее верил, что никто в Золотой Империи не хотел быть тут, так почему они были? Должен быть путь лучше борьбы с Алгонквин.

Как всегда, смысла не было. Чем больше он узнавал о Цилии, тем меньше понимал. Но, хоть Джулиусу не нравилась угроза Лао, как не нравились угрозы от своей семьи, он не мог уйти. Эта встреча была единственным шансом поговорить наедине с драконом, который знал, что происходило. Джулиус был готов потерпеть, опустил голову и взгляд, проявляя драконье подчинение, склонился и опустил Клык Хартстрайкера на пол у ног Лао.

— Вот, — он поднял пустые руки, сдаваясь. — Как я сказал с самого начала, мы не хотим конфликтов. Мы просто хотим поговорить.

Лао не скрывал подозрений, но Джулиус был искренен. Даже Фредрик подыграл, поднял пустые руки. Этого хватило, потому что синий дракон вздохнул.

— Помни, — прорычал он, открывая дверь. — Относись к нему с уважением. Если скажешь или сделаешь то, что потревожит его покой, ты заплатишь за это.

Джулиус кивнул, прошел в комнату, которая, как и все на вершине горы, полностью изменилась.

Когда Джулиус был тут в последний раз, комната была кошмаром из красного бархата. Теперь набитые диваны, лампы с красными абажурами и неловкие голые портреты его матери пропали. Красно-золотые обои сорвали со стены, и стало видно камень горы цвета ржавчины, который кто-то стер до бледно-розового. Пол тоже отмыли, убрали века сажи и

высохшей крови. Даже окошко было вычищено так, что стекла почти не было видно, и солнце превращало темную комнату в яркое воздушное пространство, которое ощущалось в три раза больше, чем было. Джулиус не мог представить, сколько усилий ушло на такое чудо, но это не могло сравниться с высоким драконом в золотом одеянии, сидящим перед не горящим камином.

Во второй раз за день вид Золотого Императора ударил Джулиуса, как кулак. И не важно было, что он знал, что ожидать в этот раз. Просто невозможно было подготовиться к чему-то невозможно идеальному.

И он был идеален. Просто сидя одиноко в пустой комнате со скрытым лицом за золотой вуалью — в этот раз прикрепленной к его волосам, а не просто накинутой на его голову — Цилянь выглядел величавее, чем Бетезда во всей красе. Отчасти дело было в том, что на одеянии Циляня золота было больше, чем на платье, головном уборе и украшениях Бетеды, вместе взятых.

В основном, был только он. То, как идеально на него падал свет солнца, озаряя пылинки в воздухе над ним, и они искрились как ореол. То, как его одеяние, которое явно весило сотни пудов из-за украшений и нитей золота, обвивало его тело, как плотный шелк. То, как его гладкая кожа сцепленных ладоней выглядела как оживший идеально вырезанный камень.

Джулиус подозревал бы других в иллюзии, которая заставляла императора казаться величавее, чем он был. С Цилянем все выглядело правильно, потому что он был больше. Он был чем-то еще, существом, которое жило в идеальной гармонии со всем вокруг себя. В его присутствии Джулиус инстинктивно хотел быть в гармонии с ним, чтобы получить место в красивой спокойной сцене. Он все еще стоял и пялился, когда Лао встал перед ним и поклонился.

— Великий император, — сказал он благоговейно и скромно, Джулиус еще не слышал драконов такими. — Я привел юного Хартстрайкера, как вы и просили.

— Спасибо, кузен, — сказал император, повернул лицо за вуалью к Джулиусу, протянул руку к одному из изящных стульев из красного дерева, которые стояли полукругом перед ним. — Присядь.

Это было предложение, не приказ, но Джулиус вздрогнул. Голос Циляня был мягче, чем утром, но сила за ним не уменьшилась. Голос очаровывал, понял он, вздрогнув. Он получил намек в пустыне, но теперь они были в тесном месте, и он ощущал, как магия Циляня заставляет его подчиниться. Не шуметь и не рушить идеал. Магия его не была острой и тяжелой, как у других драконов, но она была там, и чем больше она давила на него, тем меньше Джулиусу нравилось.

— Я постою, спасибо, — он заставил ноги оставаться прикованными к полу.

Может, ему показалось, но Джулиус мог поклясться, что от его отказа Циляню стало не по себе. Было невозможно сказать с вуалью, но его тело напряглось, он повернулся к дракону за Джулиусом.

— Кого ты с собой взял?

— Это мой брат, — гордо сказал Джулиус, потянул Фредрика вперед, и Ф встал рядом с ним. — Фредрик.

Фредрик склонил голову в быстром поклоне, но, хоть его лицо было спокойным, как всегда, его рука дрожала в ладони Джулиуса. Джулиус не знал, было ли это от страха Ф перед императором, ли он не привык, что был не на фоне, но он тут же устыдился своего поступка. Он попытался поймать взгляд Фредрика и дать ему понять, что он мог отойти,

когда Цилинь склонился ближе.

— Фредрик? — сказал он, подчеркивая Ф. — Скрытая кладка Бетезды?

Когда Фредрик кивнул, Цилинь был заинтересован.

— Я слышал, что Хартстрайкер держала целую кладку детей как слуг, но всегда думал, что это сочинили ее враги. Может, даже Бетезда, чтобы повысить уровень своей беспощадности. Я и не думал, что это правда.

— Это было правдой, — голос Фредрика дрожал. — Но уже нет, — он улыбнулся Джулиусу. — Мой брат освободил нас, когда пришел к власти, и я поклялся ему в верности в ответ.

— Потому ты тут, — император кивнул за вуалью, повернул голову к Джулиусу. — Теперь мне еще больше хочется поговорить с новым главой Хартстрайкеров.

— Я не совсем глава, — быстро сказал Джулиус, вызвав мрачный взгляд Лао, который наливал им чай в изящные фарфоровые чашки, стоящие на вычищенном камине Бетезды. — Я — лишь одно место в Совете. У нас три места.

Император пожал плечами.

— Пока ты говоришь за свой клан, и мне не нужно говорить с Бетездой, для меня нет разницы. Но как ты смог создать Совет со своей матерью? Когда мы слышали, что ее сверг, я ожидал увидеть ее голову, нанизанную на кол.

— Если бы все прошло иначе, может, так и было бы, — признал Джулиус. — Но из-за неприятных событий жизнь Бетезды оказалась в моих руках, а я не люблю убивать.

Цилинь склонил голову в вуали.

— Это странно слышать от Хартстрайкера. Твой клан известен беспощадностью.

— Я плохо умею соответствовать ожиданиям, — гордо сказал он, приняв у Лао чашку. — Я был низшим Хартстрайкером, так что знал, каково это — быть под чьей-то пяткой. Когда я оказался на вершине, я не смог поставить другого дракона в то положение.

— И ты пощадил ее жизнь.

— Не из-за того, что она этого заслужила, — быстро сказал Джулиус. — Я не прощаю то, что сделала моя мать. Я не знаю, что случилось между нашими кланами, что заставило вас прогнать нас из Китая, но я уверен, что причина была. Хартстрайкеры не такие, как раньше. Когда я пощадил мать и создал Совет, я поклялся сделать клан лучше того, в каком я рос. Не основанный на страхе, и где не нужно убивать для продвижения вперед. Это я решил делать, и я был в процессе, когда вы прибыли.

— Тогда ты должен продолжать, — спокойно сказал Цилинь. — Условия капитуляции отмечают, что твой клан продолжит править собой. Пока вы не будете создавать проблемы для других, можете делать, что хотите.

— Об этом я и хотел поговорить, — Джулиус смотрел пристально на вуаль императора, надеясь заметить его лицо. — Я прочел условия несколько раз, и хоть они довольно щедрые, боюсь, я не понимаю, чего вы пытаетесь достичь. Кроме того, что мы будем в вашей империи, вы нечего не меняете.

— Да, — в его голосе была странная горечь. — Я оставил надежду на Хартстрайкеров уже давно. Признаю, ты кажешься интересным исключением из правил семьи, но я не так наивен, чтобы верить, что один дракон может основательно изменить клан, такой большой и кровавый, как твой. Я тут, чтобы предотвратить катастрофу, а не ломать империю, пытаюсь изменить то, что нельзя изменить.

— Если вы так думаете, зачем нас завоевывать? — спросил Джулиус. — Если вы хотите

биться с Алгонквин, мы будем рады работать с вами как с союзниками. Не нужно захватывать...

— Надеюсь, ты пришел обсудить не это, — перебил император. — Я даровал тебе небольшой разговор из уважения к вашим обычаям, но переговоров не будет. Ты сам сказал, мои условия довольно щедрые. Вы не должны жаловаться.

— Я не жалуясь, — сказал Джулиус. — Но...

— Нет, — сказал Цилинь. — Никаких «но». Ты попросил время для своего Совета. Я дал его. Но, будет голосовать третий член Совета или нет, клан Хартстрайкер присоединится к моей империи завтра утром, как и было задумано.

Это явно было концом обсуждения, но Джулиус не мог так это оставить.

— Можете хоть сказать, почему? — выпалил он, игнорируя Лао, который уже не изображал, что подает чай, а смотрел на него, как ястреб. — Когда кланы драконов завоевывают друг друга, обычно захватывается территория или власть над драконами слабее, но вас это не интересует. Вы завоевываете только на словах, присоединяя нас к своей империи, но ничего не меняя. Вы даже не берете дань, и я просто хочу понять, почему. Зачем так утруждать, если вы ничего не получите?

— Разве борьба с Алгонквин — недостаточная причина? — прорычал Лао.

— Это серьёзная причина, — сказал Джулиус. — Я не пойму, как это связано с нами. Хартстрайкеры не могут сейчас бороться с Алгонквин. Вы застали нас в пустой горе, потому что мы готовились бежать. Если вы хотели прибыть на нашу территорию и бороться с Алгонквин, мы бы не мешали. Наоборот. Мы бы с радостью помогли вам и были бы навеки в долгу. Вы должны знать это, так что мое смятение не должно удивлять. Если бы вы требовали чего-то за защиту — дань, территорию, солдат — в этом был бы смысл, но вы ничего не требуете. Мы получим выгоду от сделки, а вы — еще одну слабую точку, которую нужно защищать.

— Тогда почему ты жалуешься? — рявкнул Лао.

— Потому что это слишком хорошо, — рявкнул Джулиус. — Вы свалились с неба в час нужды, предложили защитить нас от Алгонквин взамен на символическую капитуляцию. Мы не отдаем право управлять нами или территорией. Вы даже не просите денег, — он повернулся к Цилиню. — Я могу быть ужасным драконом, но даже я знаю, когда что-то слишком хорошее, чтобы быть правдой. Разве не было бы подозрительно, если бы вы были на нашем месте?

Когда он закончил, Лао выглядел так, словно не собирался бросать их обратно Императрице-Матери. Он уже выдыхал дым, готовый испепелить Джулиуса на месте. Он не сделал этого, потому что его кузен коснулся ладонью его рукава.

— Это единственное твоё возражение? — тихо сказал Золотой Император. — Что соглашение «слишком хорошее, чтобы быть правдой»?

— Это и часть, где нам не нравится, что нас завоевывают, — сказал Джулиус, кивая. — Уверен, это не удивляет, но моя мать уже планирует удар вам в спину.

Лао шагнул вперед с шипением.

— Это угроза?

— Я бы назвал это неизбежностью, — Джулиус пожал плечами. — Вы знаете, какие гордые драконы. Не важно, как щедро подано предложение, никто не рад завоеванию. Если нас заставить поклониться, мы навсегда будем вашими врагами, но если прийти к нам, как к союзнику, все изменится, — он улыбнулся императору. — Как я и сказал, мы не хотим с

вами биться. Если ваша цель — остановить Алгонквин, мы на вашей стороне. Если будете работать с нами, а не против нас, вы все еще сможете делать все, что хотите, но в конце получите благодарного союзника, а не возмущенного вассала. Этот исход куда лучше для всех вовлеченных, и я не понимаю, зачем вы это делаете. Это вызывает подозрения. Вы выбираете худший путь для всех, включая вас, и я не могу понять, почему.

Он сильно вспотел, когда закончил. В другом конце комнатки Лао едва держался, синий дым опасно слетал с губ, и, что странно, от этого Джулиус почувствовал себя лучше. Он гадал, защищали ли драконы императора из любви или страха. У Лао дым был ответом. Даже самый грозный дракон не нервничал так, если на кону не было чего-то серьезного. Уважение синего дракона к Золотому Императору явно заключалось не только в его власти. Лао переживал, и это дало Джулиусу надежду. Надежда росла, когда Цилинь заговорил:

— Лао, — тихо сказал он. — Я хочу поговорить с Джулиусом Хартстрайкером наедине.

Синий дракон повернулся, но хоть он был в ужасе, он не спорил с приказом. Он стиснул зубы и потянулся к Фредрику, который отдернул руку с рычанием.

— Все хорошо, Фредрик, — Джулиус взглянул на императора, склонился и прошептал. — Это могло быть перерывом, на который мы наделись. Если он хочет поговорить наедине, то он скажет то, что не хотят слышать его подданные.

— Или он может вас убить, — прорычал Ф.

— Он может сделать это в любое время, — Джулиус подтолкнул брата. — Иди с Лао. Я закричу, если буду в беде.

Ф не был рад, но кивнул, позволил вывести его из комнаты под присмотром Лао, оставив Джулиуса и Золотого Императора одних.

— Благодарю за честность, — сказал император, когда их шаги утихли. — Я не учел то, как мое предложение выглядит с вашей стороны. Я не хотел, чтобы в моей искренности сомневались.

Джулиус смотрел на него в шоке. Драконы еще не благодарили его и не признавали свою неправоту.

— Это означает, что вы поддерживаете идею альянса? — взволнованно спросил он.

— Нет, — император покачал головой. — Я должен получить Хартстрайкеров в свою империю любой ценой.

Надежда Джулиуса рухнула, как камень.

— Но...

— Но ты убедил меня показать тебе причину, — император грациозно встал со стула. — Идем со мной.

Он вышел за дверь, и Джулиус поспешил за ним. Это была гонка. Для того, кто всегда двигался так, словно шагал во главе процессии, Золотой Император был удивительно быстрым. Джулиусу пришлось бежать, чтобы не отставать, пока император шагал по коридору к дальней части горы, вдали от прихожей, где Лао и Фредрик напряженно ждали. Учитывая направление, Джулиус решил, что они направлялись к сокровищнице, но Цилинь замер в паре футов от огромной двери, которая когда-то защищала богатство Бетезды, а повернулся к двери единственной комнаты в покоях Бетезды, где Джулиус ещё не был. Комнаты, где она откладывала яйца.

Джулиус все же раз там был. Он же был сыном Бетезды, и даже она держала малышкой близко первую неделю. Но он не помнил ту комнату, и он невольно насторожился, когда Цилинь открыл двойные двери, и стало видно огромную пещеру с круглым стеклянным

окном посреди потолка.

В пустыне был день, и всю пещеру озаряли лучи солнца, превращая красноватый камень горы в розово-золотой. Это было так неожиданно красиво, но Джулиус даже не заметил картины, пока не прошел к одной.

Он не помнил комнату, но Джулиус был уверен, что картины там не было. Пещера, залитая солнцем, была полной картин. Некоторые были свитками собраны в углах. Другие были натянуты на деревянных рамах, стояли у стен, где было место. Как картины до этого, эти были смесью стилей и размеров, но многие были акварелью. Китайские пейзажи с драконами встречались чаще всего, хотя было много моментов жизни, зверей и абстрактных картин.

Все они были невероятно красивыми, работой мастера, но, в отличие от картин на стенах снаружи, эти не были законченными. Некоторые, особенно свернутые в углах, будто не трогали веками. Другие явно получили внимание недавно, но лишь одна — огромный холст высотой с Джулиуса, стоящий на мольберте в центре комнаты — выглядела активной работой. Часть краски еще была влажной, словно художник просто отошел на минутку.

Как многие картины комнате, это была акварель, но не пейзаж. Это был портрет, красивая девушка с длинными черными волосами. Красивый дракон, понял Джулиус через миг, потому что, хоть особых признаков не было, девушка на картине не казалась смертной. Может, дело было в напряжении ее загорелых конечностей под простым платьем, или в том, что ее ступни были согнуты, как когти, на яркой траве. Как бы там ни было, она была до боли красивой. Сильной в диком смысле, который красиво контрастировал со строгим китайским садом за ней.

Но, хоть она выглядела неуместно, драконшу восхищало то, что ее окружало, она устроилась у того, что явно было прудом с рыбками, но художник его еще не дорисовал. Рыба уже была там, красивые оранжевые, белые и черные кои. Каждая рыба была изображена с мелкими деталями, их маленькие рты щипали драконшу за пальцы, которые она с любопытством опустила в воду над ними. Рыба восхищала, но Джулиуса впечатлило то, как художник изобразил радостную улыбку девушки. Она была маленькой, просто изгиб губ, но радость озаряла все ее лицо, как солнце.

Эта деталь превращала хороший портрет в произведение искусства. Это было так приятно видеть, что Джулиус не узнал лицо, на которое смотрел, пока не заметил, что глаза были зелеными. И не просто зелеными, но его оттенка. Зеленее яркой травы под ее босыми ступнями. Хартстрайкер.

Джулиус отшатнулся на пару футов от картины. Когда он повернулся задать императору очевидный вопрос, он получил еще шок. Пока он был очарован картиной, Цилянь снял золотую вуаль.

Не удивительно, он был ужасно красивым. Не просто красивым, как многие драконы, а безупречным на ином уровне. Даже мелочи, которые давали его лицу характер — темные прямые брови, острая линия носа, тонкие губы — были идеальны в своей неидеальности, идеальный изящный китайский принц для художника. После всего, что Джулиус видел в Циляне, это было ожидаемо, но он не был готов к глазам императора.

Он не следил в хаосе вторжения, но если бы кто-то спросил у Джулиуса до этого, какого цвета были глаза императора, он решил бы, что такими же красными, как у Императрицы-Матери, но было не так. Глаза Циляня не были красными, как у его матери, и не были синими, как у Лао. Они были золотыми. Не желтыми, как у волка или совы, а золотым.

Мягкий металлический цвет, который все драконы инстинктивно обожали.

Глаза как золотые монеты.

Горькие слова Челси все еще звучали эхом в его воспоминании, когда Цилинъ вздохнул и повернулся к картине. Слабым печальным голосом он прошептал:

— Как она?

Глава 6

Когда Марси опустила костяшки на простую, якобы деревянную дверь Врат Мерлина, звук, который пронесся по тьме, не был стуком. Это был гонг. Огромный звон, золотой тон сотряс все бушующее море. Если бы у нее еще было физическое тело, это потрясло бы ее, разбило бы на части, но Марси теперь была призраком, душой или чем-то еще, не имеющим названия у людей, и она хотя бы не переживала из-за этого. Звук прошел сквозь нее, отражаясь эхом в бесконечном просторе, пока не утих.

И дверь не открылась.

— Может, никого нет дома? — шепнула Амелия. — Прошла тысяча лет.

В этом был смысл.

— Я могла бы открыть сама, — предложила Марси, склоняясь и разглядывая дверь. — Но тут нет ручки или петель. Хотя...

Дверь загремела. Марси удивленно дернулась, приблизилась к Призраку, словно что-то за тяжелой дверью гремело, а потом свет пронзил тьму, как копьё, деревянная плита открылась внутрь, и стало видно мужчину, из-за которого лился теплый свет.

Странно, но Марси сначала подумала, что он выглядел слишком юно. Она не знала, чего ожидала, но то, что было ближе к Гэндальфу или Безумная Мадам Мим, а не изящного двадцатилетнего азиата в сияющем дверном проеме. Он был в простом черно-белом кимоно, за пояс был заправлен шелковый веер. Кроме этого, у него ничего не было. Ни меча, ни оружия, ни даже веревки, которая могла сформировать круг для колдовства. Марси не была глупой, не посчитала его беззащитным. Она стояла по другую сторону двери, ощущала магию, исходящую от него, как воду. Ощущение стало сильнее, когда его рот начал двигаться.

Она нахмурилась в смятении. Мужчина говорил, но звука не было. Она гадала, был ли между ними барьер, когда магия, исходящая от юноши, чуть поменялась, и голос вдруг зазвучал в ее ушах:

— Приветствую, — сказал он. — Та, что будет Мерлином.

Слова были ясными, без акцента, но, хоть их сказал мужчина перед ней, звуки не сочетались с движением его рта. Они не исходили из его рта. Голос был в ее ухе, словно она слушала его через наушники, и рот Марси раскрылся.

— Это заклинание перевода?

Мужчина ошеломленно приподнял бровь, но Марси размышляла слишком быстро, чтобы переживать. Магия перевода была одной из самых популярных отраслей тауматургии. Она пару раз пробовала, но, как все, не смогла понять, как заставить переведённые слова звучать натурально. Как с переводом на компьютере, магически переведенная речь теряла интонацию, звучала без эмоций, но не эта. Кроме небольшой задержки между движением рта мужчины и шепотом в ухе Марси, звучало так, словно он говорил на английском, что потрясло. Если она сможет понять, как это работало, патента за заклинание перевода хватит ей на всю жизнь!

Если, конечно, она оживет.

Это осознание притупило ее радость, и Марси взяла себя в руки.

— Прости, — она встала прямо и одарила его профессиональной улыбкой. — Я — Марси Каролина Новалли, кандидат наук в сократической тауматургии в Невадском университете в Лас-Вегасе и напарница Пустого Ветра, Духа Забытых мертвых. Я пришла пройти врата и присоединиться к тебе как Мерлин.

— Люди по другой причине сюда не приходят, — сухо сказал мужчина. — Но я не Мерлин.

Она моргнула.

— Что?

— Мерлины — люди, — объяснил он. — Люди — смертны, а нет смертного, который мог бы ждать веками, когда дверь откроется снова. Зная это, Абэ-но-Сэймэй, оммедзи императора и глава Последнего круга Мерлинов с его напарницей, Инари Оками, Богиней процветания, привязали меня служить стражем их величайшей работы и направлять любого, кто придет после.

Марси медленно кивнула, ее глаза были огромными. Абэ-но-Сэймэй был японским волшебником, одним из самых известных древних магов. Ее не удивило, что он был Мерлином, но остальное...

— Что значит «привязали»? — быстро спросила она. — Ты — дух или...

— Конечно, нет, — возмутился мужчина. — Дух не может сюда войти без Мерлина. Я — шикигами.

— Что такое шикигами?

— Созданный слуга, — прошептала Амелия ей на ухо. — Заклинание такой сложности, что оно развивает личность и способность принимать решения самостоятельно.

— Такое возможно?! — завопила Марси. — Потому что ты описал магический искусственный интеллект, а это еще никто не делал!

Амелия пожала плечами.

— Я же говорю, современные маги даже не освоили поверхность магических знаний, которые вы потеряли с засухой. Призыв шикигами был целой школой даосской магии, и Абэ-но-Сэймэй был великим мастером, — она усмехнулась юноше. — Как он тебя назвал?

— Я привязан символами Белого, Железа и Правды, — вежливо сказал шикигами. — Но вы можете звать меня Широ.

Амелия повернулась к Марси с ухмылкой. Марси маниакально улыбалась, подпрыгивая на носочках в восторге. Она так долго разбирала края потерянных знаний, а теперь могла попасть в Шангри-Ла потерянных магических тайн.

— Ладно, Широ, — радостно сказала она, шагая вперед. — Давай...

Она охнула. Когда она попыталась пересечь порог из темного бурного моря в свет, что-то ударило ее с достаточной силой, чтобы Марси отлетела. Если бы Призрак не держал ее за руку, она улетела бы в пустоту.

— Что это было? — завопила она, ее дух поднял ее на ноги.

— Тебе нельзя пройти, — ответил Широ уже не вежливо. — Ты дошла до ворот, но только души, которые посчитают достойными, могут войти.

— Кто посчитает достойной? — осведомилась Марси. — Ты? Ты знаешь, что я прошла, чтобы попасть сюда?

— Не больше других Мерлинов, — сказал он. — Но решаю не я. Я — лишь слуга. Суждение о твоём достоинстве лежит в Сердце Мира.

— Ладно, — она скрестила руки на груди. — Что это?

— Узнаешь, когда станешь Мерлином.

Марси хотела что-то ударить.

— Я уже умерла ради этого! Что мне еще нужно сделать?

— Любой может умереть, — отмахнулся Широ. — Но становление Мерлином — не просто упасть в могилу. Это привилегия для тех, чья верность тянется за границы их жизней. Маги знают силу, но Мерлины принимают решения, которые влияют на всю магию, не только их. Такую власть можно доверить только тому, кто будет помнить об общих нуждах. Только истинный защитник человечества может подняться до титула Мерлина. Пока ты не проявишь себя такой Сердцу Мира, ты не можешь войти.

Марси полагала, что это было справедливо. Мерлины были величайшими магами. Такую силу не могли давать кому угодно.

— Ладно, — она подняла голову. — Ты хочешь, чтобы мы снова проявили себя? Давай. Мы с Призраком пройдем любую проверку.

— Не сомневаюсь, — шикигами смотрел в пустоту лица Пустого Ветра. — Ты выбрала мрачного духа, но вы хорошо связаны. Я бы сказал, что у вас хороший шанс, но, боюсь, я не могу допустить вас к испытанию.

— Почему? — осведомилась Марси.

Шикигами без эмоций посмотрел на Амелию, которая все еще держалась за плечо Марси.

— Как я и сказал, Мерлины — защитники человечества, и ни один истинный защитник человечества не придет к Вратам Мерлина на поводке у хищника.

— Что? — Марси взглянула на кривящуюся Амелию. — Нет, ты не так понял. Амелия не такая. Она любит людей.

— Люблю, — пылко сказала Амелия. — Серьезно. Я никогда их не ела.

— Она из хороших драконов, — сказала при этом Марси. — Она пожертвовала собой, чтобы помочь мне попасть сюда.

— Еще причина отказать тебе, — сказал Широ, прижав ладонь к двери. — Я встретил много драконов с моим мастером, пока он не умер, и я знаю, что они никогда не действуют без выгоды для себя. Если дракон отдал бессмертную жизнь для помочь тебе, она получит очень много от того, что ты станешь Мерлином. Раз ты связана с ней, это делает тебя слугой врага, потому ты не достойна этого места.

— Ты даже не дашь нам попробовать? — гневно сказала Марси. — Из-за Амелии?

— Потому что ты принадлежишь ей, да, — холодно сказал он. — Сердце Мира слишком важное, чтобы раскрывать его орудию дракона. Если бросишь ее магии и порвешь все узы, можешь попробовать снова пройти в эту дверь. До этого нам нечего обсуждать.

— Но это безумие! — завопила Марси. — Амелия — моя подруга, а не кукловод. Я не выброшу ее ради шанса. Каким предателем-злодеем это меня делает?

— Это не мое дело, — ответил Широ. — Ты спросила, что нужно делать. Я сказал. Если не сделаешь, это твое решение.

— Но...

— Дело закрыто, — он отпрянул. — Удачи, юная леди. Если передумаешь и вернешься без дракона, мы поговорим снова.

И дверь захлопнулась.

Марси ударила кулаками по доскам, но гонга в этот раз не было. Просто шлепок

человеческой кожи по твердому дереву. Она отдернула ладони, ругаясь от боли, подула на ноющие пальцы, яростно глядя на запертую дверь.

— Ты можешь поверить в это?

— Что дракон устроил проблему? — Призрак оскалился. — Да.

Амелия вздохнула.

— Хотела бы я сказать, что шикигами просто расист, но исторически он прав. Драконы не были хорошими соседями с тех пор, как мы прибыли в это измерение, — она покачала головой, глядя на Марси, ее дымящиеся крылья были прижаты к телу. — Спасибо, что не бросила меня, кстати.

Марси фыркнула.

— Как я бросила бы? Только ты мне все объясняешь, но я не знаю, что нам делать, — она хмуро посмотрела на закрытую дверь. — Вход только один, да?

— Я видел только один, — сказал Пустой Ветер.

Она так и думала.

— Как думаешь, насколько серьезен он был насчет запрета на драконов?

— Довольно серьёзен, — сказала Амелия. — И не зря. Его мастер, Абэ-но-Сэймэй, был одним из самых сильных волшебников в истории, и он был известен шикигами. Его конструкты все были не шутками, но я помню Широ, он был мощным. Я с ним уже сталкивалась, когда Сэймэй был еще жив.

Марси уставилась на нее.

— Ты его знала? Почему ничего не сказала?!

— Потому что тогда он попытался меня убить, — Амелия пожала плечами. — Если честно, я грабила его библиотеку.

— Амелия!

— Что? — закричала она. — Я была юной! Мне нужны были книги! К счастью, он вряд ли узнал меня. Я выгляжу сейчас иначе. Но я не думаю, что мы сможем уговорить его. Не важно, что с книгами, я не была одним из самых опасных драконов, когда Сэймэй и его шикигами были активны, как и не вела себя хуже всех. Он действует из предрассудков.

Призрак фыркнул.

— Как многие.

Амелия лишь пожала плечами, и Марси провела ладонями по лицу со стоном.

— Что нам делать, если мы не можем его переубедить? План — стать Мерлином. Мы не можем тут оставаться, — она махнула на черную бушующую магию вокруг них.

— Мы еще не побеждены, — гневно сказал Призрак. — Шикигами — не человек и не дух. Не ему решать, кто достоин быть Мерлином, — он посмотрел сияющими глазами на колонну над ними. — Мы сами пройдем.

— Я не против, — призналась Марси. — Но вряд ли сила — правильный ответ. Ширс просто выполняет работу, и его барьер — не шутка. Я едва сделала шаг к свету, и меня ударило как...

Она замерла, сжав холодную руку духа для равновесия, камень крушился под ее ступнями.

— Что это было?

— Не знаю, — сказал Пустой Ветер, его сияющие глаза смотрели на тьму, магия стала бурлить. — Я такого еще не ощущал.

— Мы глубоко внутри тектонической магии, — сказала Амелия, слушая гул. — Это

может быть манатрясение.

— Это не длится так долго, — низкий голос Пустого Ветра стал звучать нервно. — И выглядит неправильно. Видишь?

Он указал. Марси послушно подняла голову. Как всегда, она не видела ничего, кроме колонны, каменистого пола и тошнотворного движения темной магии вокруг них.

— Ты можешь это описать? — спросила она, опустив взгляд, чтобы ее не стошнило.

Долгая пауза, Призрак искал слова.

— Она выпирает, — сказал он. — Будто что-то пытается протиснуться.

— Как я из смерти?

— Нет, — его холодный голос был тревожным. — Это снаружи, будто гора растет вниз, — он покачал головой. — Не могу объяснить.

— Ничего, — сказала Амелия, сжавшись у шеи Марси. — Думаю, мы вот-вот узнаем.

Даже не глядя, Марси знала, что дракон был прав. Как когда она давила на ветер Призрака, она ощущала, что магия растягивалась, словно сильно надутый шарик, хаос над ними застонал.

* * *

В СЗД Мирон почти выполнил задание.

Он все утро разбирал Эмили Джексон на кусочки. В других обстоятельствах разбор системы, такой сложной, как Конструкт Ворона, занял бы недели, но сэр Мирон был главным архитектором матрицы заклинания Феникса уже пять лет. Он разбирал ее уже много раз, и сегодня управляющий не стоял над его плечом, ему не нужно было заполнять документы, так что он закончил в рекордные сроки.

Дольше всего он физически вытаскивал металлическую ленту с заклинанием в четверть мили длиной. Лента управляла ее магией. Он выложил из нее круг на кровати военного грузовика под надзором магов Алгонквин.

Мирон сидел в кузове машины, втиснулся меж двух вооруженных солдат в синей броне отряда Алгонквин против драконов. Но ему было не по себе не из-за стражей. Как глава магии ООН, Мирон привык к поездкам с вооруженным конвоем, и ни один сильный маг не боялся пистолетов. Но было не по себе, когда он сидел между двух человек, которые не моргнули из-за факта, что на его коленях была голова женщины.

Это была наименее любимая часть работы над Эмили. Он не знал, было ли это для безопасности, или любовь духа к драматизму, но Ворон привязал буферную матрицу конструкта к внутренней части ее укрепленного черепа. Но его присутствие означало, что, что бы ни сделали с остальной ней, голова Эмили всегда оставалась до ужаса целой. Даже хуже, ее глаза остались открытыми, с обвинением смотрели на него. Обычно Мирон завязывал их чем-то, чтобы предотвратить такой сценарий, но времени не было. Когда он закончил вытаскивать ее заклинание и укладывать металл в нужный облик, Алгонквин приказала всем сесть в грузовики. С тех пор они ехали все глубже в Подземелье СЗД, чем он когда-либо был, пока они не добрались до такого темного и глубокого места, что даже не было отмечено на навигаторе.

— Где мы? — спросил Мирон, грузовик остановился.

Страж рядом с ним сжал ручку двери с мрачным взглядом.

— Старый Гросс-Поинт.

Старый Гросс-Поинт — так место отмечали на картах, но, как знали те, кто смотрел тысячи фильмов, сериалов, игр и книг об СЗД, Мирон знал, что погребенный пригород, где

впервые ударила волна Алгонквин, звали Ямой.

Выглядело так же, как в фильмах. Небесные пути над ними были с самыми дорогими домами в СЗД, но внизу была тьма. Сверху была тьма, где ни капли света не проникало через грязное брюхо Небесных путей. Внизу была тьма, где улицы и дома были все еще в слое ила в фут толщиной после потопа. Даже горизонт был черным из-за бетонной стены, которую Алгонквин построила между этой частью Подземелья и ее озером, отрезав ее от воздуха и солнца, словно каменная крышка на гробу.

Давящая тьма уже оправдывала название этого места, как ямы, но, когда стражи открыли двери, разбив защитные чары грузовика, Мирон понял, как название подходило. Один вдох опасной маслянистой давящей магии заставил его ощущать себя так, словно он упал в холодный грязный ад.

— Предупреждение было бы кстати, — гневно сказал он, активируя лабиринт заклинания, вплетённый в подкладку его плаща, чтобы вызвать личные чары. — Это зона магического загрязнения пятого класса.

Солдат пожал плечами, словно было пустяком то, что лучший в мире маг столкнулся с потенциально токсичной магией. Солдат надел шлем, активировал чары кнопкой и протянул Мирону руку.

— Сюда, сэр. Алгонквин ждет вас.

Убрав голову Эмили под руку, Мирон позволил солдату помочь ему преодолеть три фута до земли. Маслянистая вонь загрязненной магии стала хуже, когда он приземлился, его кожаные туфли погрузились до шнурков в склизкий слой старой озерной грязи, которая когда-то была дорогой. Мирон высвободил ногу, бормоча ругательство, укутался в чары плотнее, пока шел по грязи к госпоже.

Хозяйку Озер было заметить сложнее, чем обычно. Отчасти дело было в магии Ямы. Даже с фарами грузовика за его спиной Мирок не мог видеть дальше пары футов на разрушенной улице, а потом сгущались тени, магия рассеивала свет, как мутная вода. В основном, дело было в Левиафане.

Как когда он нависал над ними на Земле Восстановления, огромный монстр был полупрозрачным, его теневое тело сливалось с черной миазмой Ямы. Мирон знал, что смотрел на Левиафана, а не на игру тьмы, потому что монстр держал Алгонквин в десяти футах над землей на колонне черных щупалец.

Как всегда, когда ей приходилось быть рядом с людьми, Хозяйка Озёр была в публичном облике: старая коренная американка с мудрым морщинистым лицом и густой косой серебряных волос, которая ниспадала до пояса ее синего брючного костюма. Судя по тому, как ее одежда переливалась и менялась, она почти не тратила усилий. Облик рухнул, едва она заметила Мирона.

— Вовремя, — сказала она, человеческое лицо растаяло, а Левиафан опустил ее на землю. — Готово?

Чем утверждать очевидное, Мирон указал на грузовик, где маги Алгонквин переносили серебряный колдовской круг, который раньше был Эмили Джексон, с койки.

Вода Алгонквин пошла рябью от счастья, а потом она ударила водой по улице между ними.

— Опускай тут.

Раздраженно вдохнув, Мирон кивнул, пошёл по грязи к магам, чтобы следить за перемещением.

Даже с его помощью и заклинанием парения перемещение круга было нервной работой. Алгонквин нее говорила ему, куда они направлялись, и Мирону пришлось наполнить круг заранее, загрузить в него магию духов до того, как они покинули Землю Восстановления. Перемещение наполненного круга всегда было плохой идеей, но он думал, что справится из-за огромной вместительности Эмили. Но, хоть поездка прошла без проблем, теперь, на последнем этапе, Мирон стал понимать, как недооценил количество магии, которую Алгонквин выжала из духов, пожертвовавших собой ради ее дела. Даже в круге — эта форма была эффективнее человеческого тела — заклинание Эмили едва могло выдержать всю магию, которую Алгонквин заставила его впитать, и круг напоминал бомбу. Одно неверное движение, и все взорвется им в лица. Но, хоть такое было почти во всех проектах Мирона, он не переживал менее, пока помогал магам переносить заряженный круг из грузовика на дорогу с илом.

Наконец, казалось, годы спустя, все было на месте. Мирон опустился на колени, вносил последние правки. Он ощутил, как вода капала ему на шею. Он поднял голову, Алгонквин нависала над его лицом.

— Лучше бы это сработало, маг, — прошептала она, хмуро глядя на него из его отражения. — Я проливала бы кровь драконов весь день с радостью, но жертвы моих братьев и сестер не должны быть напрасными.

— Так и будет, — пообещал он, скрытно вытирая воду с шеи. — Магии тут хватит, чтобы поднять тебя три раза, — Мирон еще не работал с таким количеством силы, может, ни один человек еще не собирал столько в одном круге. Если бы кто-то из его бывших коллег присутствовал, этот круг вошел бы в книги по истории. Особенно, его истории. Ядро заклинания было от Ворона, но Мирон создал из него шедевр магической инженерии. Измененный круг перед ним был лучшей его работой, и было физически больно от того, что видели это только прихвостни Алгонквин. Хотя не так больно, как то, что ему нужно было сделать дальше.

Он встал, глубоко вдохнул, хмуро посмотрел на озеро, все еще носящее его лицо.

— Я исполнил свою роль. Круг управления завершен и наполнен до краев, как и было обещано. Теперь твоя очередь, Алгонквин. Скажи, какого Смертного Духа мы поднимаем, чтобы сделать меня Мерлином.

Этот вопрос мучил его с момента, как он сменил сторону. Алгонквин всегда говорила, что соберет магию, чтобы поднять своего Смертного Духа, но она не говорила, какого духа наполняла. Мирон заметил силуэт в крови дракона, когда был на животе под Левиафаном во время катастрофы с Новалли, но не успел определить его природу, владения или даже размер. Он спрашивал у Алгонквин о тонкостях много раз с тех пор, как присоединился, но она отмахивалась, обещала рассказать, когда придет время.

Учитывая, как он получил это место, Мирон думал, что она просто осторожничала. Он не надеялся на то, что она доверяла ему, и он не обижался. Было логично скрывать от сомнительного союзника важную для миссии информацию. Теперь он увидел, какое место она выбрала для призыва, и Мирон начал переживать, что Алгонквин скрывала сведения о своем духе не из-за безопасности.

— Почему мы делаем это здесь? — осведомился он, нервно озираясь в неестественной тьме в Яме. — Я сказал, когда присоединился, что не буду призывать больше духов смерти, — это было его единственное условие. Он видел, куда привела сделка Новалли с дьяволом. Он не хотел в этом участвовать. Даже ради становления Мерлином. К счастью,

Алгонквин качала головой.

— Я знаю о качестве этого места, — сказала она, глядя на тьму так, словно что-то могло вырваться оттуда. — Но, хоть я предпочла бы делать это не там, где воняет страхом смертных и смертью, это должно быть тут, потому что тут это все началось.

Она махнула водой на окружающую землю, и Мирон только сейчас заметил. Что она не была плоской, как остальной город. Земля спускалась, дороги из гравия и уничтоженные дворы разбитых домов вокруг них спускались под углом, чтобы сформировать чашу неглубокого кратера размером с квартал, и на дне чаши они и стояли.

— Тут это началось, — сказала Алгонквин, глядя на склон. — Шестьдесят лет назад волна моего гнева ударила тут. Эхо того гнева, смешанное с ужасом тех, кого он убил, создали магию, которую ты ощущаешь сейчас. Смесь была такой ядовитой и вязкой, что мне пришлось запечатать ее, чтобы она не проникла в мою воду. Но, хоть потеря земли печальна, все не так плохо. Магия Ямы злая, но она гуще других мест в городе, потому что тут она родилась.

Холодок пробежал по телу Мирону.

— Кто она?

— Мой город, — сказала Алгонквин, наклонив голову, чтобы посмотреть на черное брюхо Небесных путей над ними. — Ты не задумывался, зачем я завоевала город, который навредил мне больше всего? Почему решила отстроить Детройт, а не стерла его навеки с карты?

— Конечно, задумывался, — Мирон подавлял волнение в голосе. — Все гадали. Они даже придумали этому название в офисе по делам духов: «Парадокс СЗД». Известная тема.

Это было сальным преуменьшением. Вопрос, почему Алгонквин, которая больше переживала за рыбу, чем за людей, заставила себя отстроить человеческий город на затопленной пустоши, еще и сделать его одним из самых больших и густонаселенных в мире, был самой большой загадкой в постмагической эпохе.

Основной теорией было, что она нуждалась в СЗД, чтобы занять место для духов на международной арене, но кроме пары громких заявлений, как ее слова после убийства Трех Сестер, Алгонквин больше не лезла в политику. Она выращивала ССЗД, вкладывала доходы множества патентов, технологических компаний, финансовых институтов, контрактов безопасности и студий развлечения в сам город. Результатом был самый быстро выросший мегаполис в истории людей, но все еще никто не понимал...

— Почему? — спросил он, глядя в свои отраженные глаза. — Почему СЗД? Ты хотела свою фигуру на политической доске или...

Алгонквин фыркнула.

— То, что ты зовешь политикой, лишь танец обезьян перед костром, восхищающихся тенями, которые они отбрасывают. Власти людей глупы и недалновидны, а вот ваша магия реальна. Нанесенный вами вред, монстры, которых вы создаете из страха — это сила человечества, и я построила этот город, чтобы это остановит.

— В этом нет смысла, — возразил Мирон. — Если тебе не нравится зло человечества, то создание Свободной Зоны Детройта было худшим, что ты могла сделать. Ты создала место, где порок свирепствует. Где наркотики и пистолеты продают в торговых автоматах, а убийство наказывается штрафом. Этот город не первый по числу преступлений в мире, потому что ты не сделала ничего незаконным. Законы касаются только загрязнения воды, постановлений о рыбалке и запрета на драконов. Если думаешь, что мы — глупые

танцующие обезьяны, зачем создавать город, где нас ничего не сдерживает?

— Потому что вас нельзя сдерживать, — гневно сказала она, ее водяной голос был острым, как трещащий лед. — Я жила с твоим видом с вашего начала. Я видела природу людей во всех ее обликах, и я могу сказать без сомнений, что вы — эгоистичные грубые существа. Вы поглощаете все, включая друг друга, в бесконечном желании подняться выше вашей потной кучи.

— Но не все мы такие, — возразил Мирон.

— Да? — холодно сказала она. — Мой город говорит иное.

— Потому что ты не сделала законы!

— Если бы вы были хорошие, вы не нуждались бы в законах, — парировала она. — Это мое мнение. Я видела, как вы себя вели, поколениями. Было бы проще остановить солнце, чем заставить людей вести себя ответственно, и я не пыталась. Я построила место, где вы сможете быть таким ужасными, эгоистичными и разрушительными, как вы любите. Никаких законов или ограничений, только желания и свобода их достичь. Я дала вам чистую доску, Свободную Зону Детройта. Вы превратили ее в это.

Она подняла руки и указала на Небесные пути.

— СЗД было вашим творением, не моим. Я построила приподнятые пандусы, потому что мне нужны были проводники, направляющие магию в нужные формы для моих проектов Земли Восстановления, но вы превратили их в разделение, где богатые живут над бедными. Ты прав, когда говоришь, что СЗД — ужасный город, но я не виновата. Я просто дала лопату и дала вам копать, и теперь дыра так широка и глубока, что мне нужно только отойти и дать дыре похоронить вас.

Его отражение послало ему жестокую улыбку, закончив, но Мирон едва заметил. Он рискнул с Алгонквин, потому что это была цена становления первым Мерлином, но что бы ни думала Эмили, он не был предателем. Порой нужно было поступить неправильно ради верного конца, даже если приходилось работать с ходячей и говорящей природной катастрофой. Но до этого Мирон не понимал глубины ненависти Хозяйки Озер к их виду, и чем больше она оскорбляла его, тем яснее становилось, зачем она привела его сюда.

— Вот как, — прошептал он, голос дрожал. — СЗД — наша, не твоя. Ее сделали люди, — он посмотрел на землю с илом в ужасе и удивлении. — Город — это дух.

Алгонквин рассмеялась.

— Ты — умный человек.

Это не было похвалой, но у Мирона не было времени на обиды. Теперь она соединила кусочки за него, и он ощущал себя как дурак, ведь не понял правду раньше СЗД была Смертным духом Алгонквин. Не просто физическим городом, а его идеей, заманчивым обещанием города полной свободы, которую закрепили в огромном количестве фильмов, сериалов, книг и видеоигр за последние шестьдесят лет. Концепт СЗД как места, где все могло случиться, и любой мог начать новую жизнь, был понятен всем, был даже клише, и в этом был смысл. Алгонквин не построила город. Она создала крючок для людей, чтобы они повесили на него свои мечты, надежды, амбиции и жадность. СЗД была не только точкой на карте. Это был концепт, собрание абстрактных идей и надежд, страхов и чувств. Смертный Дух, и он стоял на нем.

— Теперь ты понимаешь, — Алгонквин похлопала по седеющим волос Мирона водным щупальцем. — Ты был прав, Мирон. Мне не нужен город людей. Мне нужен был сосуд. Концепт, чтобы вы наполнили его своими идеями, потому что так работает магия людей. Вы

берете что-то невинное, как город, и даете ему силу, проецируя на него свои страхи и желания. На уровне людей это не очень заметно, но продай мечту миру — объедини амбиции тысяч, миллионов, миллиардов людей — и получатся монстры, которыми никто не может управлять, включая вас, — она склонила отражение головы. — Теперь ты понимаешь, почему мы хотим умереть, чтобы не дать магии подняться и даровать им жизнь?

Мирон понял, когда увидел духа смерти Марси Новалли. Все объяснения Алгонквин удовлетворили его любопытство и добавили веса его решимости, сделали конечную цель новой, более широкой.

— Я прекрасно это понимаю, мадам, — сказал он, отпрянув от ее прикосновения. — Эти духи ужасают, и в наших интересах остановить их, — он прошел к краю круга. — Готов начать, когда ты готова.

— О, — сказала Алгонквин, явно удивлённая его внезапным согласием. — Рада знать, что есть люди, которые могут понять большую картину.

— Я всегда четко видел, что нужно сделать, — ответил Мирон, показав ей знаменитую улыбку, которую он обычно приберегал для фотографий. Но, хоть снаружи он был идеально собран, его разум кипел от страха и гнева, которые уже нельзя было сдерживать.

Сэр Мирон Роллинс всегда гордился тем, что доводил дела до конца. Он построил карьеру, делая то, что меньшие маги считали невозможным. Но, хоть многим не нравились его методы, Мирон всегда находил, что никто не жаловался, когда битва была выиграна. Сегодня было то же самое. Эмили могла звать его предателем, но когда все закончится, мир будет знать его как Мерлина, который спас людей от духов.

Начиная с Алгонквин.

Сжимая под рукой голову Эмили, Мирон улыбнулся Хозяйке Озер в последний раз и прошел в круг. Едва он пересек серебряную линию, завитки металлической ленты, которая когда-то была телом Эмили Джексон, загорелись, как фосфор, наполняя даже чернильную тьму Ямы ослепительным светом. Силы было так много, что даже шаг в круг должен был сжигать любого мага в радиусе десяти миль — включая его — месяцами, а то и вечно.

Как всегда, Эмили защитила его. Пока он держал голову генерала, заклинание, которое Ворон вырезал внутри нее годы назад, укрывало его, как когда-то укрывало человечность Эмили от постоянного потока магии уровня духов. Но, в отличие от его бывшей напарницы, Мирон был не просто пилотом. Он был лучшим магом из живых, и его имя заменило Ворона в ядре заклинания. Так что ослепительной магией управлял он, и он мог лепить из нее, как из глины, форму, которую заметил в пруду крови на Земле Восстановления. Пока он формировал облик, он понял, что видел его отражение под собой.

Было чудом видеть рождение нового духа. Обычно глаза человека не могли видеть магию, как могли духи, драконы или магические звери. С такой силой в руках Мирону не нужно было видеть. Он ощущал, что СЗД тянулась под ним, как бездонная яма.

Как многие современные маги, Мирон годами изучал Духов Земли. Он даже привязывал парочку, пытаясь понять, как их магия работала. Но, хоть структура каждого духа была до раздражения уникальной, одна характеристика была общей — их можно было измерить. Магия в духе озера или горы всегда отражала их физические формы. Духи зверей были гуще, ведь это был общий объём магического потенциала всех зверей этого вида, а не массива земли, но общая идея была той же. Когда дело касалось магии земли и зверей, ты получал то, что видел.

Дух, на котором он стоял, был чем-то иным.

Он был непостижимо массивным. Он не мог еще сказать, насколько, но рекордная масса магии, которую он втиснул в круг Эмили, едва ощущалась рядом с ним. То, что было под ним, было намного больше города, который породил этот дух. Больше, чем Хозяйка Великих Озер. Больше любого духа, каких он встречал. Почти слишком большой для осознания, и, к его восторгу, он был уже почти полным.

Он стоял рядом с такой большой силой, но мог думать лишь о том, что хотя бы понял ответ, почему магия СЗД всегда была куда выше, чем в остальном мире. Дело было в этой магической вене, глубже и насыщеннее всех духов вокруг нее. Он еще не знал, сколько магии тут было от стараний Алгонквин в Земле Восстановления, и как много было естественным результатом людей, возлагающих надежды на город. Откуда бы ни была сила, дух мог вот-вот родиться. Он шевелился, пока Мирон смотрел, выбрасывая шум эмоций, диких, жестоких и отчаянных, как город, который создал духа. Еще капля, и дух проснется полностью.

К счастью, у него была капля. Рядом со штукой внизу магия в Конструкте Ворона — общая сила десятков духов, больше магии, чем человек собирал в одном круге — была ничем, даже не процентом, но этого хватало. Когда Мирон отпустил силу, она ударила по спящему духу, как катализатор, понеслась молнией сквозь бездонную магию. Это все еще происходило, когда тревога зазвенела из телефона в кармане Мирона.

Улыбка расплылась на его лице. Ему даже не нужно было вызывать дополненную реальность, чтобы знать, из-за чего тревога. Это были сенсоры в его лаборатории в Нью-Йорке, он настроил их следить за глубокой магией. Две недели назад тревога звенела из-за Марси Новалли. В этот раз Мирон знал, что причиной был он. Глубоко внизу огромная магия принимала облик. Она все еще была хаотичной, но в том хаосе появилась структура, а структура означала правила. Мирон стал усиливать правила, сжимая заклинание Эмили и толкая свою магию через нее, закрывая серебряный круг, как петлю, в тот момент, когда новорожденный дух вырвался в физический мир впервые.

Хоть он сам работал над теорией, видеть это в действии все еще было чудом. Посреди его круга магия стала принимать плотный облик. Она мерцала, рябила, пока не стала напоминать человека. Тощая девушка в черной толстовке с длинными рукавами, черных леггинсах и кроссовках.

Кроме худобы, она выглядела поразительно нормально. Даже ее одежда была неприметной, универсальной, обноски размера, подходящего всем, которые продавали в торговых автоматах. Она была человеком, какого можно было увидеть всюду в СЗД, одним из миллионов голодных, возможно бездомных, бедняков, полных надежд, которые наполняли Подземелье. Если бы он не знал, чем она была, Мирон прошел бы мимо нее на улице, не заметив, в чем и был, видимо, смысл. В таком большом городе любой мог пропасть в толпе. Неприметный облик был хорошей защитой в СЗД, и дух хотел защититься, судя по страху, исходящему от нее волнами, пока она озиралась в серебряной клетке, которую создал Мирон.

Что это? — ее голос был вскриком паники в его разуме. Она прижалась к сияющей стене, созданной заклинанием, ударил по барьеру, который не выпускал ее. — *Выпусти меня!*

— Нет, — сказал Мирон, сжимая голову Эмили и власть, которую она давала, крепко в руках. — Позволь объяснить, что происходит. Ты — дух СЗД.

Она повернулась, посмотрела на него удивленными круглыми глазами, которые сияли оранжевым, как фонари города.

Это мое имя!

— Да, — нахально сказал он. — И я это знаю. Я — сэр Мирон Роллинс, и теперь твоим именем и этим кругом ты привязана ко мне.

Дух отпрянул.

Нет, — сказала она, мотая головой. — *Я свободна. Я...*

— Ты — опасный дух, рожденный из хаоса, амбиций и жадности людей, — перебил он ее. — Мой долг, как мага, сковать тебя ради нашей защиты. Я не буду жестоким мастером, но я не потерплю непослушания. Это ясно?

Нет! — снова закричала она, кривя в ненависти губы. — *У меня нет хозяина. Я — СЗД. Я — свобода! Я...*

Мирон потянул за магию, бегущую по заклинанию с его именем, и ошейник появился на горле духа. Он был из той же серебряной металлической ленты, что и весь круг, но, в отличие от заклинания на земле, эти ленты следовали движениям ладони Мирона. Он сжал дух оковами, прочными, как стал.

— Это ясно? — повторил он, когда она упала на колени.

СЗД яростно билась с ним. Она шипела, скаля зубы, безумно царапала тощими пальцами петлю на шее. Она была сильной, но она была новой. Ребенок, не уверенный в своих силах, боящийся боли, которую вызывал Мирон. Это было ужасно нечетно, но беспощадность была единственным, что позволяло ему давить на силу куда больше него. Если он хотел, чтобы это сработало, ему нужно было управлять, так что он игнорировал ее боль и вонзал глубже, сковывая дух так, что она задыхалась у его ног. Он чуть не разрезал ее магию пополам, прежде чем она сдалась, ее голова опустилась в слабом кивке, она признала его контроль.

— Отлично, — Мирон чуть ослабил давление. — Теперь отведи меня туда, куда мне нужно.

СЗД в смятении подняла взгляд.

Куда тебе нужно?

— Врата Мерлина.

Когда это не вызвало реакции, он поставил СЗД на колени.

— Ты знаешь, где это. В отличие от ужаса Марси Новалли, рожденного раньше времени, ты родилась из полностью собранной магии. Ты должна инстинктивно знать, как найти Сердце Мира. Отведи меня туда сейчас, или ты снова пострадаешь.

Ультиматум был риском. Мирон знал, что нельзя было проявлять сомнения, но, на самом деле, он лишь встречал упоминания Сердца Мира в историях. Насколько он понял, это был некий штаб Мерлинов, безопасное убежище, построенное в глубокой магии мира. Он знал, что оно существовало, благодаря Алгонквин, но механика попадания туда и входа во врата была загадкой. Кот Марси Новалли ничего не знал, но он и не был показателем. Все его существование было ошибкой, Смертный Дух, рожденный раньше времени из смерти и того, что пролилось из попыток Алгонквин поднять этот дух. СЗД была другой. Она родилась правильно, и раз Сердце Мира было на стороне духов, и каждый Мерлин был со Смертным духом, было логично, что она была ключом.

По крайней мере, Мирон надеялся на это. И не зря, ведь СЗД пару секунд смотрела растерянно, потом возмущенно, а затем повернулась и стала рыть.

Это было самым странным, что он видел. Она села на корточки, как греmlin, напала на дорогу в иле костлявыми пальцами, бросая грязь поверх головы и на спину. Но, хоть она

двигала поразительное количество материала, дыра под ней не становилась глубже. Вместо этого сама СЗД стала меняться, ее облик искажался под склизкой грязью Ямы, и она уже не напоминала человека. Она выглядела как крыса. Но не обычная, а одна из больших канализационных крыс, пробужденных магией, заразивших трубы старого Детройта. Такие ели больших собак и маленьких детей.

Через пару минут она уже не просто напоминала. Она была крысой. Большой, черной, не из обычных, с глазами-бусинками, которые сверкали оранжевым, как вода под фонарем. Это ужасало, и, судя по ее злым взглядам в его сторону, в том был смысл. Но, как бы СЗД ни меняла облик, ошейник на ее горле оставался. Пока было так, у Мирона была власть, и ему хотелось напомнить об этом, когда дух вдруг нашла то, из-за чего копала.

Она замерла, подняла лапки и показала Мирону широкий грязный диск. С грязью и тьмой он не сразу узнал крышку канализационного люка. Но, хоть было логично, что тут осталась канализация — Гросс-Поинт был богатым пригородом до разрушения — туннель, который она открыла, не выглядел как канализация, которую Мирон видел. Там даже не было лестницы, просто круглая дыра, ведущая в черноту.

— Уверена, что это оно?

Ты сказал показать тебе путь, — напомнила ему крыса. — Это мой. Если трусишь прыгнуть, это твои проблемы.

Мирон нахмурился. В другой раз он остановил бы все и разобрался с ее грубостью. Если все пройдет так, как он надеялся, их отношения не будут долгими, так что он не стал отвлекаться. Он протянул руку и сказал:

— После тебя.

С мрачным взглядом дух спустилась в дыру, ее большое тело скользнуло сквозь меньшее отверстие, словно слизняк. Глубоко вдохнув и оглянувшись на сияющую стену магии, за которой скрывалась Алгонквин, Мирон прыгнул за ней. Когда он стал падать, он понял, что оставил тело позади. Он видел, как оно упало у края сжимающейся дыры, голова Эмили была сжата в руках. Мирон успел уловить лишь это, и хвост СЗД обвил его, потянул его вниз в бушующую магическую тьму.

Глава 7

— Это ты.

Золотые глаза Циляня взглянули на него с вопросом, но Джулиус не мог объяснить то, во что сам еще не мог поверить. Даже с доказательством перед ним идея, что катастрофический роман Челси в Китае был не со случайным аристократом, а с самим Золотым Императором казалась смехотворной. Как она это устроила? Как они вообще встретились?

Но, хоть это звучало безумно, это хоть объясняло, почему Цилянь остановился и смотрел на нее в пустыне. Тогда Джулиус списал интерес императора на осторожность. Челси была известна как оружие Бетезды. Теперь он понял, что это было глупо. Удача Циляня была врожденной, ему не стоило бояться Тени Бетезды. Он смотрел на нее с тоской, такая же была на его лице сейчас, когда он повернулся к незавершенной картине. Ее нарисовала та же умелая рука, что и картину, которую Челси прятала в своей комнате.

— Это был ты, — Джулиус радостно улыбнулся. — Ты — ее китайский дракон!

— Она говорила обо мне? — сказал император, скрестив плотно руки на груди. — Я удивлен. Казалось бы, она должна была устать хвалиться достижением шестисотлетней давности.

Едкость его голоса заставила Джулиуса отпрянуть на шаг.

— Ого, — он поднял руки. — Я не знаю, что ты думаешь, но она не хвалилась.

— Почему же? — с горечью сказал он. — Я был ее величайшим завоеванием, — он оглянулся, ожидая, что Джулиус согласится. Когда стало ясно, что младший дракон не знал, о чем он говорил, гнев Циляня сменился смятением. — Ты правда не знаешь, что случилось?

— Нет, — Джулиус замотал головой. — Пойми, никто мне ничего не рассказывает. Челси чуть не оторвала мне голову, когда я раз упомянул Китай. Это не преувеличение. Она прижала меня к полу.

Улыбка мелькнула на лицах императора.

— Это похоже на нее.

— Тогда ты знаешь, как она упряма, — отчаянно сказал Джулиус. — Прошу, умоляю, скажи, что случилось в Китае. Дай мне что-то, с чем можно работать.

«Дай способ исправить это».

Цилянь забавно посмотрел на него.

— Я знал, что ты был странным драконом, — он повернулся к картине. — Я не люблю вспоминать эту историю. Я не вышел из нее роскошным императором. Но я привел тебя сюда, чтобы ты понял, почему я должен захватить твой клан, а ты не можешь понять, не зная, так что...

Он утих, вздохнув, глядя на картину Челси с эмоцией, которую Джулиус не мог назвать.

— Так я впервые увидел ее, — сказал он, проведя пальцем по деликатному румянцу на щеке Челси. — Я ходил по своему саду, а она просто была... там. Как молния. Когда я спросил ее, что она делала, она сказала, что ее отправила в Китай Бетезда как особого посланника для коронации императора. Это было новостью для меня. Старой новостью, ведь я был императором уже два месяца тогда. Когда я сказал ей, что она опоздала, и спросил, почему она не прибыла в замок, чтобы представиться, она пожала плечами и сказала, что стражи прогнали ее.

— Погоди, — Джулиус запутался. — Она не поняла, что ты — император? — он не знал, как это можно было не понять.

Цилянь улыбнулся.

— В ее защиту, я не был наряжен для двора. И я не ожидал, что встречу представителя другого клана в личном саду в центре замка. До этого дня я не знаю, как она проникла. Стража моей матери была надежной. Там были чары, стены, стражи, заклинания сигнализации — все, что можно было устроить в то время.

— Челси умеет быть в местах, где не должна быть, — согласился Джулиус. — Но что она делала в твоём саду, если коронация уже прошла? Зачем она прибыла?

Лицо императора стало смущенным.

— Я задал тот же вопрос. Потребовал ответа. Конечно, я решил, что она пришла за мной. Пара Циляня становится его императрицей, и я выгонял амбициозных драконш из мест страннее моего сада. Когда я задал ей вопрос, стало ясно, что она не только не знала, с кем говорила, но и ей было все равно. Она заявила, что проникла в мой замок, потому что город снаружи ей наскучил.

Джулиус приподнял бровь.

— И ты поверил?

— Честно? — он улыбнулся. — Да. Знаю, звучит глупо, но она говорила честно, я такого еще не видел. В ней не было восторга перед Цилянем. Я был... очарован, наверное. И

немного оскорблен, потому что рыба ее интересовала больше, чем я. Она еще не видела кои до этого.

Представив это, Джулиус улыбнулся. Он мог представить свою прямолинейную сестру, холодно ведущую себя с императором. И он понимал, почему кто-то как Цилинь мог найти это чарующим.

— Это тебя привлекло? То, что Челси не отнеслась к тебе как к божеству?

Император посмотрел на него как на безумца.

— Меня привлекла ее красота. Ты видел свою сестру?

— Не так, — сказал Джулиус, покраснев.

— Она была самым красивым драконом из всех, кого я видел, — продолжил Цилинь. — И она была дочерью известной Бетезды, о которой слышали даже мы. Любой был бы заинтригован. Но это привлекло мое внимание в начале. А задержала внимание сама Челси. Она была... — он умолк, раздражённо хмурясь. — Я не знаю слово на английском. Звери такие.

— Дикой? — предположил Джулиус. — Жуткой?

— Безмятежной, — золотые глаз Цилия сияли. — Золотой Двор — место традиций и статуса. Он может быть жестоким для чужаков, особенно таких, как она. Многие мои драконы считали ее наглой чужеземкой и соответственно обходились с ней. Но где другие оскорбились бы, и не без повода, Челси было все равно. Наоборот. Она использовала их презрение как повод делать, что она хотела.

— Моя сестра не терпит чепухи, — сказал Джулиус, улыбаясь от глупости двора, полного наглых драконов, пытающихся запугать Челси. — Она точно устроила шум.

— Как ничто до или после этого, — гордо сказал Цилинь. — Моя мать, конечно, не одобряла этого, но я не позволял ей прогнать Челси.

— Потому что она уже тебе нравилась?

— Потому что я любил ее, — улыбка пропала с лица золотого дракона, он посмотрел на картину. — Едва я ее увидел, я полюбил ее. Знаю, это глупо, но я был юным, а она была такой...

— Красивой?

— Свободной, — с тоской сказал он. — Я таким никогда не мог стать. Я понимал это, но все еще хотел свою долю. Я хотел забыть с ней. Смеяться и не переживать, даже если на время, — он стиснул зубы. — Я был эгоистичным дураком.

Такое говорила Челси, когда рассказала Джулиусу сильно сокращенную половину этой истории, и теперь, как и тогда, он раздраженно вздохнул.

— Нет ничего неправильного в желании быть счастливым.

— Может, не для тебя, — сказал он. — Но я был и есть император. У меня долг перед семьей, моими кланами и землей. Я знал это, но позволил себе увлечься той, кому не подходило быть императрицей, — он скривил губы с отвращением. — Я игнорировал свои обязательства, чтобы удовлетворить свои желания. Это определение эгоизма.

— Это не означает, что ты был неправ, — гневно сказал Джулиус. — И почему Челси не могла стать императрицей? Она — самый собранный и трудолюбивый дракон в клане. Но даже если бы она не была потрясающей — а она потрясающая — это не должно быть важно, если ты любил ее.

— Мои чувства не подвергались сомнениям, — сказал император. — Я был готов сделать ее императрицей, что бы ни говорили другие. Она была той, кому было плевать.

Джулиус вздрогнул. Он не знал, что голос мог так меняться в одном предложении, но, когда Цилянь закончил, он звучал как другой дракон.

— Я был дураком, — повторил он, слова дрожали от гнева. — Я жил с твоей сестрой год в глупом слепом счастье. Месяцами моя мать пыталась предупредить меня о репутации твоей семьи, но я не хотел слушать. Я думал, я был другим, что гадюка Хартстрайкер не укусит меня, — он сжал кулаки. — Я был идиотом, мышью, которую очаровала твоя подлая змея-сестра, и я потерял бы все из-за нее, если бы моя мать не вмешалась.

Это звучало плохо.

— Что случилось?

Цилянь смотрел на пол.

— Реальность, — с горечью сказал он. — Я думал, что скрыл отношения, но не вышло. Прошло полгода, и весь Китай знал, что происходило. Они делали вид, что не знали, потому что я был императором, но за моей спиной кланы шептались, что я был куклой Хартстрайкер. Моя мать говорила мне, что происходило, и просила порвать это, пока я не нанес непоправимый ущерб нашей репутации. Я не слушал. Я думал, что мы с Челси были выше слухов. Что вместе мы все одолеем. Она тоже так говорила, но это было ложью. Она говорила мне то, что я хотел слышать, а потом весенним утром, через год со дня, когда я нашел ее в своем саду, Челси пропала без следа.

Джулиус удивленно моргнул.

— Исчезла?

Император кивнул.

— Конечно, я расстроился. Я думал, что-то случилось, ее ранили или убили. Я даже не подумал, что она убежала, пока моя мать не поймала ее.

— Она убежала, — повторил потрясённо Джулиус. — Почему?

— Не знаю, — прорычал он. — Но она собиралась уплыть на корабле в Россию, когда стражи моей матери догнали ее. Она чуть не убила одного из них, а потом они подавили ее и притащили обратно.

С каждым словом история теряла смысл все сильнее.

— Зачем они вернули ее? — спросил Джулиус. — Логично, если бы ты пошел за ней, но я думал, что императрица была бы рада, что Челси ушла.

— Да, — согласился Цилянь. — Но я сказал, я был расстроен.

Он сказал это так, как кто-то сказал бы «в ярости», и холодная дрожь пробежала по спине Джулиуса.

— Что случается, когда ты расстраиваешься?

Золотой дракон прошел к маленькому столику в краске рядом с мольбертом, где аккуратно лежали все принадлежности для рисования. Он перебирал их мгновение, поправляя кисти и опуская грязные в оловянную чашку с мутной водой. А потом, когда Джулиус почти потерял терпение, он ответил:

— Цилянь — сердце империи, — тихо сказал он, стоя спиной к Джулиусу. — Когда он спокоен, удача приходит ко всему, чего касается его присутствие. Если нет, случается обратное.

Его плечи напряглись под золотым одеянием от слов, но Джулиус не обращал внимания. Он думал о пустыне этим утром, странном давлении, похожем на бурю, когда Челси пропала. Давление было готово раздавить их всех.

— Ясно, — сказал он, голос дрожал. — Твоя удача становится неудачей.

— Куда хуже, — Цилин, наконец, повернулся к нему. — Моя мать вынесла бы все, лишь бы отцепить меня от твоей сестры, но не это. Она всегда была в первую очередь императрицей, и пока я был эгоистом, империя нуждалась в Челси. Она ненавидела каждую секунду, но она терпела мое поведение ради гармонии. Когда Челси убежала, я был...

Он умолк, потер руками лицо.

— Я был сам не свой, — закончил он. — Я был вне контроля, опасный для своей империи, и моя мать, ответственная императрица, направила все ресурсы на возвращение мне Челси. Что мы еще не знали, так это то, что Челси не просто убегала. Тень Бетездь связалась со своим кланом, вызвала мать для помощи с побегом, а потом, когда ее поймали, молила ее о спасении.

Джулиусу было сложно поверить в это. Какой бы плохой ни была ситуация, он не мог представить, чтобы Челси просила их мать о помощи. Это звучало глупо, хотя тут истории Челси и императора сочетались. Она сама сказала ему, что Бетезда умоляла за нее, а их мать с тех пор сжимала ее тисками долга. Но даже если это было правдой...

— Что могла сделать Бетезда?

— Ничего, — гневно сказал император. — Она старалась, предложила нам богатство и власть, земли и все, что было у твоего клана. Но мне было плевать на это. Я просто хотел вернуть Челси, но она даже не смотрела на меня. Когда я потребовал ответа, правда всплыла. Она никогда не любила меня. Она соблазнила меня ради власти, как я и думал в первую ночь в саду. И это почти сработало. До ее побега я был готов назвать ее своей императрицей, вопреки возражениям матери. Хартстрайкеры получили бы власть над Китаем.

Это было больше похоже на Бетезду, чем на Челси. И в этом не было смысла.

— Если она соблазняла тебя ради власти, почему убежала, когда ты был готов дать ей это?

— Потому что ее раскрыли, — сказал Цилин. — Я был ослеплен, не видел, что она делала, но моя мать знала, что затеяла Челси. Но, хоть она терпела наши отношения, она не приняла бы Хартстрайкер как императрицу. Как и мои драконы, и раз весь двор был против нее, это скоро привело бы к взрыву. Челси знала это, так что она поступила как настоящая змея — бросилась прочь, пока ее не поймали.

Это снова не звучало как Челси.

— Уверен, что она поэтому сбежала?

— А какой может быть причина? — осведомился он. — Я был ее дураком! Ее пешкой, как все говорили. Даже когда она призналась во всем, я все еще был готов ее простить, но она отбросила мою милость. Она знала, что игре конец, и знала, что мне не хватит сил казнить ее. Она и Бетезда приняли наказание и уплыли домой, смеясь, а мы пострадали.

Джулиус опустил взгляд. История императора была хуже, чем он ожидал, если она была правдой. Цилин верил своим словам, но его описание не подходило Челси, которую знал Джулиус. Она признавалась, что не гордилась тем, что сделала в Китае, и шестьсот лет были долгим сроком, но, как бы она ни изменилась, он просто не мог представить, чтобы его сестра кого-то так предала. Особенно того, кто был ей дорог, а дракон, нарисовавший ее, точно был ей дорог. Она не смеялась бы над этим с Бетездой. Что бы ни произошло, император решил, что его предали, и это вызывало вопрос...

— Если ты думаешь, что она использовала тебя, почему ты сейчас тут?

Цилин вздохнул, поник.

— Потому что я все еще ее дурак.

Он отвернулся от Джулиуса снова, посмотрел на картину.

— Хартстрайкеры — хорошее название. Как только они вонзят когти, они их не вытаскивают. Я должен знать. Я пытался шестьсот лет. Я думал, что расстояние поможет, что годы закопают то, что я не должен был трогать, но хватило одного взгляда, и я стал искать тебя, чтобы узнать о ней. Я даже нарисовал эту глупость, — он покачал головой, глядя на милый портрет. — Я, похоже, навеки идиот. Но, хоть я ненавижу твою сестру за то, что она сделала, ничего не изменило. Я не смог убить ее тогда, я не могу бросить ее умирать сейчас.

Джулиус выдохнул с облегчением.

— Так ты прибыл сюда спасти ее.

— Не романтизируй, — прорычал он. — Прибытие на ваши земли было эгоистичнее, чем то, что я повелся на уловку Челси. Какой император поднимает подданных и ведет их на территорию врага ради дракона, который публично его предал? Я не должен был приходить, но я не видел другого выхода. Хартстрайкеры обречены. Алгонквин на тропе войны, и твой клан на ее пороге. Даже если дух озера даст вам жить, другой клан придет добить. Вы слишком ранены, но вы — лакомый приз. Рано или поздно, кто-то захватил бы вас, и, как силовик Бетезды, Челси первая лишилась бы головы. Я не мог такое допустить, но я не мог и предать своих подданных, вовлекая их в войну с кланом в другой половине мира. Я был в тупике, оказался меж двух невозможностей. Все казалось безнадежным, пока я не понял, что бы способ получить все сразу.

Джулиус кивнул.

— Твоя удача.

— Именно, — он развернулся. — Моя удача касается всех моих подданных, где бы в мире они ни были. Если бы я завоевал Хартстрайкеров, моя удача защищала бы вас, как и все другие мои кланы, и раз вы уже были на грани разрушения, прибытие сюда не подвергало риску моих драконов. Теперь ты понимаешь, почему альянс не подходит? Ты был прав, этот ход был бы умнее, но мне плевать на бой с Алгонквин или расширение моей территории. Я хочу уберечь Челси от смерти, и включение Хартстрайкеров в мою удачу — единственный способ сделать это, не подвергая опасности тех, кто зависит от меня. Потому я вторгся в вашу гору, потому не могу уйти не как ваш император. Теперь ты понимаешь?

Он понимал. Джулиус теперь идеально понимал идею императора, и от этого ему хотелось биться головой об стену.

— Я понимаю, что ты пытаешься сделать, — сказал он, когда желание прошло. — И меня восхищает то, как ты старался никому не навредить, но было бы проще, не знаю, просто поговорить с Челси, а не завоевывать весь ее клан, не находишь?

Император приподнял идеальную бровь.

— Ты не хочешь моей защиты?

— Хочу, — быстро сказал Джулиус. — Я не слепой. Я знаю, в какой беде Хартстрайкеры, но должен быть способ лучше уберечь ее, чем втягивать нас в свою империю. Это глупо.

— Это необходимо, — твердо сказал Цилян. — Ты видел мою удачу в действии. Когда вы будете в моей империи, Алгонквин не сможет вас тронуть. Условия капитуляции не могли быть щедрее. Кроме удачи и защиты, вы даже не поймете, что вы в моей империи. Что еще вы хотите?

— Нашу свободу, — упрямо сказал Джулиус. — Мы подавлены, но мы все еще драконы.

Мы не отдадим суверенитет, потому что это решает проблему для тебя. Особенно, если это приковывает нас к твоей сомнительной удаче.

Он отдернулся.

— Нет ничего сомнительного в...

— Все в этом сомнительно! — закричал Джулиус. — Ты говоришь об удаче, как о чем-то обязательном, но, судя по твоему поведению после исчезновения Челси, и после того, как твой двор при мне обходился с тобой, твоя «непобедимая» удача вовсе не непобедимая. Она зависит от того, что ты не расстроен, от твоего спокойствия, а это плохо. Мне плевать, как поразительна твоя удача, для меня безответственно отдавать будущее клана силе, которой управляет кто-то капризный, как настроение императора.

Он попал в яблочко, потому что Цилянь опустил взгляд.

— Ты видишь меня не в лучшем состоянии, — признал он, потирая шею. — Вся эта гора пахнет Челси, и от этого я на взводе. Обычно я намного спокойнее.

— Но твоя удача зависит от твоих чувств.

Цилянь молчал, это уже было ответом.

— Что ж, — Джулиус вздохнул. — По крайней мере, теперь ясно, почему Лао так просил не расстраивать тебя.

— Мой кузен перегибает с защитой, — отмахнулся император. — Но спокойствие — часть ответственности роли Циляня. Я поддерживал покой и усыпал свои кланы удачей и процветанием веками. Разницы не будет, когда Хартстрайкеры присоединятся.

— Уверен? — спросил Джулиус. — Я — самый большой клан в мире. Наше добавление удвоит количество драконов, которых ты защищаешь, и мы на другой стороне планеты. Твоя удача справится?

— Ясное дело, — гордо сказал он. — Благодаря жертве моей матери, я — самый сильный Цилянь в истории. Даже в другой половине мира магия защитит всех вас.

Это звучало неизбежным, а не как защита, но первая часть его заявления привлекла интерес Джулиуса.

— Погоди, твоя мать? Я думал, твоя сила от отца.

— Магия удачи переходит от отца к первому сыну, — сказал император. — Я — Цилянь, как мой отец до меня, как его отец до него. Но, хоть золотая удача передается по мужской линии, драконша решает, как сильны будут ее дети.

— Как? — спросил Джулиус.

— Управляя своим огнем, — Цилянь с жалостью посмотрел на него. — Не все кланы следуют недалевидной стратегии Хартстрайкер о количестве выше качества. Когда она одолела соперниц и выиграла право стать парой Циляня, моя мать уже век копила свою магию, готовясь. Они планировали полет пары, когда началась засуха, и вся магия мира пропала.

— Какая разница? — спросил Джулиус, потому что отсутствие магии не остановило его мать. Бетезда откладывала яйца, словно пасхальный дракон, всю засуху, и она была юной. Возраст был силой для драконов, и это было у Императрицы-Матери. Добавьте накопленную за век магию, и мать Циляня должна была отложить так много яиц, как хотела, но император качал головой.

— Если бы я был другим, это не имело бы значения, — сказал он. — Но рождение Циляня отличается от других драконов. Подготовка яйца требует огромного количества магии, больше, чем может удержать одна драконша. Даже с помощью удачи моего отца без

магии мира шансы моей матери на создание яйца Циляня, достаточно сильного, чтобы выжить вне ее тела, были почти невозможными.

Это было неожиданной неудачей для клана.

— И что случилось?

— Моя мать, — гордо сказал император. — Она одолела сотню других драконш за право быть матерью следующего Циляня. И она не оставила амбиций. Даже когда мир стал тусклым и без магии, меньшие драконы застряли в обликах людей, но она терпеливо копила магию, пожирала свой огонь, чтобы я был не просто Цилянем, а лучшим. Она даже убедила отца держаться за угасающую жизнь еще век, чтобы он умер в подходящее время.

— Умер? — сказал Джулиус. — Зачем ему было умирать? — что за полет пары требовался для создания Циляня?

— Старый огонь должен умереть, чтобы новый родился, — мудро сказал император. — Магия каждого Циляня построена на общих огнях всех, кто был до него. Так растет золотой огонь: прыгает от отца к сыну, и это длится без перерывов с древних кланов нашей утерянной родины. Как последний в веренице, я — самый сильный Цилянь, но из-за жертвы моей матери я еще сильнее. Моя удача вдвое больше удачи отца, и она охватывает не только мою империю, а весь мир. Это дала мне жертва матери, и я благодарю ее каждый день, правя в покое, чтобы моя удача текла ко всем, кто зависит от меня. Это означает быть Цилянем.

Он так гордился этим, что у Джулиуса не хватало храбрости сказать ему, как ужасно это звучало. Император звал это величайшим даром, но Джулиус слышал историю дракона, которого заставили съесть огонь двух родителей, чтобы он был сильнее. Ужасная неуправляемая сила требовала, чтобы он никогда не злился и не расстраивался.

Теперь Джулиус хотя бы понимал, почему Императрица-Мать так выглядела. Она была сморщенной не от древности. Ее сморщенное тело выглядело так, потому что она потратила свой огонь, заряжая сына. Но, хоть философия Золотой Империи с одним яйцом пока работала, раз они так долго существовали, Джулиус не мог отогнать ощущение, что доверить удачу правителю, который не мог расстраиваться, было плохой идеей. Было много вариантов, как все могло рухнуть на их головы, и чем больше Джулиус слышал, тем отчаяннее хотел найти выход.

— Я не сомневаюсь в силе твоей магии, — он попробовал другой подход. — Но я все еще не думаю, что этот план завоевания даст тебе достигнуть желаемого. Хартстрайкеры — большой и упрямый клан. Даже если ты дашь нам править собой, от нас будет больше бед, чем ты думаешь. Зачем так мучиться, если для тебя важна только Челси? Если бы ты просто поговорил с ней...

— Ни за что, — император хмуро посмотрел на него. — Ты не слушал? Я должен оставаться спокойным, чтобы магия, защищающая клан, работала. Разговор с Челси в это не входит.

— Я понимаю, — сказал Джулиус. — Но нет причины втягивать всех нас в...

— Твоя сестра предала меня! — закричал он. — То, что я не хочу, чтобы она умирала как собака из-за Алгонквин, не значит, что я хочу, чтобы она была близко ко мне и смогла сделать это снова! Хартстрайкеры в моей империи позволят мне защищать ее, не открываясь ее предательству. Только так все могут остаться целыми. Почему ты это не видишь?

— Потому что не думаю, что ты прав! — гневно сказал Джулиус. — Ты составляешь все эти планы из-за мнения, что Челси использовала тебя и бросила, но я знаю не такую Челси.

Цилинь отвел взгляд.

— Тогда она обманула и тебя.

— Вряд ли, — Джулиус прошел в поле зрения золотого дракона. — Я не говорю, что знаю ее так хорошо, как ты, но Челси все еще моя сестра, и она рисковала жизнью ради меня больше раз, чем я могу сосчитать. Такое не подделаешь.

— Конечно, она спасала тебя, — отмахнулся он. — Ты — глава ее клана.

— Нет, раньше, — сказал Джулиус. — Я сейчас на вершине, но месяц назад я был самым слабым в кладке «Дж». У Челси не было повода даже знать мое имя, но она всегда была рядом. Когда я попал в опасную беду, она сражалась, чтобы вытащить меня. Она всегда приходит на помощь, никогда не просит ничего взамен. Потому я не могу поверить твоей истории. Ты говоришь, что она работала с Бетездой, чтобы предать тебя, но Челси, которую я знаю, ненавидит нашу мать. Она попросила бы ее помощи, только если бы была прижата к стенке, что и было, потому что Бетезда держала то, что случилось в Китае, над ее головой шестьсот лет.

— О чем ты говоришь? — Цилинь оскалился. — Я живу на другом конце мира, но не слепой. Я знаю, что Челси — Тень Бетезды. Они все время работают вместе.

— Не по своей воле! — завопил Джулиус. — Челси слушалась Бетезду, потому что была скована долгом. Они творили много ужасов вместе, да, но Челси была ее рабыней, не напарницей.

Император долго смотрел на него.

— Я о таком не слышал, — сказал он, наконец.

Джулиус пожал плечами.

— Редкие вне нашего клана знают, но любой мой родственник скажет тебе то же самое. Спроси Фредрика. Он — из кладки Ф, а ты уже знаешь, как Бетезда обошлась с ними. Теперь возьми худшее из слухов и удвой, и тогда получишь что-то близкое к тому, что моя мать сделала с Челси. Если нужно больше доказательств, я могу показать указ, который мы подписали, чтобы освободить Челси и кладку Ф, когда создали Совет. Или можешь пройти в тронный зал. Клык Хартстрайкеров, который бросила Челси, перестав быть Тенью Бетезды, все еще там, где она его бросила. Можешь сам его коснуться, если не веришь мне.

— Я пробовал, — Цилинь посмотрел на ладонь, словно она болела. — Я знал, что это был ее, по запаху, но... — он вздохнул. — Это все отличается от того, что я всегда думал.

— Знаю, — сказал Джулиус. — Потому я говорю, что не нужно спешить с выводами. Я не сомневаюсь, что Челси наговорила тебе тогда ужасного, но в моей семье редко все так, как выглядит. Ты должен это знать. Ты любил ее. Разве Челси с той картины предала бы тебя?

— Я так не думал, — сказал он. — Но потому все так хорошо сработало. Соблазнение ради власти не работает, если жертва не верит в то, что ты ее не предашь.

— Или, — парировал Джулиус, — это могла быть настоящая Челси, а часть, где она тебя предала, была ложью. Скажи, что логичнее. Что она играла любовь к тебе год, чтобы все бросить и признаться в момент, когда ее поймали, или что она всегда любила тебя, но что-то случилось, и ей пришлось соврать.

— Для чего? — завопил Цилинь. — Я предложил спасти ее! Какая выгода у нее была в том, чтобы все бросить мне в лицо?

— Не знаю, — признался Джулиус. — Потому в этом пока нет смысла. Но если ты прав, и она играла тобой все время, зачем она убежала? Ты сказал, что твоя мать уже подозревала

Челси, но не могла ли она помешать тебе жениться на ней, если бы ты очень хотел?

Император покачал головой.

— Она боролась со мной каждый шаг. Боролась, но не смогла бы остановить, если бы я был настроен решительно.

— Вот именно, — Джулиус развел руками. — Ты думаешь, что она убежала, потому что ее могли раскрыть, но если она соблазняла императора ради власти, но подозрения твоей семьи заставили бы ее впиться в тебя сильнее. Твое мнение было бы единственно важным, ведь, если бы ты верил ей, какая разница, что говорят другие? В таких обстоятельствах побег был бы худшим выбором, потому что так она выглядела виноватой. Или Челси хватило ума обманывать тебя год, но в конце она совершила ошибку, или она тебя вообще не обманывала. Она была такой, как казалась, и что-то заставило ее убежать.

— Но что это могло быть? — осведомился Цилинь. — От чего она бежала, если не от меня?

— Боюсь, знает это только Челси, — сказал Джулиус. — Но такая история подошла бы ей лучше. Моя сестра никого не предала бы, но у нее есть плохая привычка убегать от проблем. Особенно, эмоциональных, что включает тебя. Так я понял, что твой рассказ не мог быть всей правдой. Ты заявил, что Челси плевать, но я знаю, что она переживая. До сих пор.

Цилинь вздрогнул.

— Это не так.

— Так, — упрямо сказал Джулиус. — И я могу это доказать, — он указал на картину между ними. — Она все еще хранит акварель, которую ты нарисовал с ней, когда она спала. Картина висит на двери ее спальни.

Золотые глаза императора расширились.

— Она ее сохранила?

— Бережет ее, — сказал Джулиус с улыбкой. — Она не сказала, кто нарисовал картину, но такую картину не хранят в спальне, где можно ею любоваться, если ты предал дракона, создавшего это.

Цилинь на миг застыл в удивлении. А потом, словно дверь закрылась, потрясение на его лице пропало.

— Это, наверное, трофей, — с горечью сказал он. — Мои картины высоко ценятся. Если она оставила одну, это не доказательство оставшихся чувств.

— Нет, — упрямо сказал Джулиус. — Я видел это по ее лицу. Я видел, как она смотрела на картину, и нужно быть слепым, чтобы не заметить, как она ей дорога. Она выглядела раздавлено. Как ты сейчас, когда я вытащил из нее ее сторону истории в Китае. Потому всеет так и раздражает. Ты говорил, прибыв сюда, все, что строил на идее, что Челси предала тебя, но сестра, которую я знаю? Та, что ценит твою картину и готова откусить голову любому, кто упомянет Китай? Это нее дракон, который получил выгоду. Это дракон, который долго страдал, и если ты любил ее когда-то, ты должен ради вас обоих узнать причину.

Цилинь закрыл глаза и вздохнул.

— Хороший аргумент, — сказал он. — Но я не могу принять твои слова.

— Почему?

— Потому что не могу, — он отвернулся от Джулиуса. — Ты должен идти.

— Нет, — Джулиус обошел картину, чтобы снова встать перед императором. — Если бы ты просто поговорил с моей сестрой, уверен, мы могли бы выяснить...

— Аудиенция закончена, Хартстрайкер, — твердо казал император, утомленно прижимая ладонь к глазам. — Я уже принял решение. Наше завоевание твоего клана будет проходить по плану. Предлагаю тебе спуститься и провести с умом последний день.

— Но это глупо! — закричал Джулиус. — Ты не хочешь хотя бы услышать объяснение Челси? Она теперь свободна от Бетезды. Если она и может рассказать правду, то это сейчас...

— Почему я говорю тебе идти? — Цилянь опустил руку. Глаза стало видно, и Джулиус понял, как разозлился император. — Знаешь, как сильно я хочу, чтобы ты был прав? — его голос сорвался. — Я держался за факт, что Челси предала меня, веками, потому что это ранило меньше, чем осознание, что ей было просто плевать. А ты говоришь, что все это ложь. Что она все ещё любит меня, и это все могло быть недопониманием, и я хочу поверить так сильно, что больно.

— Тогда сделай это, — сказал Джулиус. — Челси сейчас на горе. Мы можем поговорить с ней и все выяснить.

— Я не могу, — сказал Цилянь. — Не видишь? Я...

Он умолк, гора задрожала. Вокруг них стопки картин рассыпались. Они не просто падали на землю, а каждая падала в другие, чтобы деревянные рамки били по холстам, оставляя большие уродливые царапины на рисунках. Одна большая масляная картина дерева съехала по полу к мольберту, где стояла картина с Челси. Она едва двигалась, но задела уголком деревянную ножку мольберта, и все рухнуло.

Джулиус пытался поймать, но промахнулся, картина рухнула на столик рядом с ней, рассыпав аккуратно разложенные кисти Циляня, пролив воду из чашки во все стороны. Несколько капель попало в глаза Джулиуса, но больше грязной воды попало на золотое одеяние Циляня, оставив уродливые серо-зеленые пятна на вышитых драконах на его груди.

Это все было совпадением. Плохой удачей. Но, когда Джулиус вытер краску с глаз, лицо Циляня было белым, словно он увидел убийство.

— Теперь ты видишь, почему, — его голос был слабым, дрожал, он склонился к упавшей картине. — Я был уже на этой тропе. Когда я потерял Челси впервые, я нанес невероятный ущерб своей империи. Даже если ты прав, и все это недопонимание, я не могу рисковать, подвергая подданных этому снова.

— Но ты не можешь это подавлять, — возразил Джулиус. — Я не говорю, что больно не будет, но если ты не перестал ее любить за шесть веков, это не случится. Если все Хартстрайкеры будут под твоей удачей, это может спасти Челси от Алгонквин, но это ничего не решает. Ты сделаешь только хуже. Ты не будешь спокоен, пока не разберешься с этим.

— Знаю, — сказал император. — Но я не могу сейчас, — он закрыл лицо руками. — Просто уйди.

— Но...

— Иди, — прорычал он, Лао ворвался в двери.

— Сян!

Видимо, это было имя императора. Джулиус еще не слышал это имя от китайских драконов, но Лао явно звал кузена, ворвавшись в комнату. Он бросил взгляд на одеяние Циляня в краске, потом повернулся к Джулиусу.

— Что ты сделал?

— Ничего, — сказал император, опустив руки, глубоко вдыхая. — Ничего. Юный

Хартстрайкер уже уходит.

Это явно означало, что Джулиусу нужно был уходиться, но он не мог. Пока что. Не так.

— Ты не можешь притворяться, что все в порядке, вечно, — сказал он императору. — Когда ты будешь готов узнать правду, приходи и найди меня. Я отведу тебя к Челси без вопросов.

Лао оскалился.

— Не произноси то имя!

— Если не можешь говорить о проблеме, это проблема, — упрямо сказал Джулиус. — Если бы ты переживал о нем, не потакал бы этому.

— Хватит, — прорычал император, сжав кулаки, гора снова задрожала. — Уходи, Хартстрайкер!

Это было последнее предупреждение для Джулиус. В этот раз он послушался, поспешил за дверь так быстро, как могли нести его ноги.

Фредрик бросился на него, как только он вышел.

— Что случилось?

— Расскажу позже, — пообещал Джулиус, схватив его за руку. — Сейчас нам нужно идти.

Он побежал, но Фредрик не последовал. Джулиус тянул, но он застыл на пороге, глядел на лицо Циляня с вуалью, словно не видел дракона раньше. Только когда Лао пошёл к ним, Фредрик пришел в себя, позволил Джулиусу увести его в коридор, и Лао захлопнул дверь перед их лицами.

— В чем дело? — Джулиус закричал на брата.

Фредрик поднес дрожащую ладонь к лицу.

— Я...

Он замолк, вскинул голову. Джулиус тоже вздрогнул, ладонь потянулась к отсутствующему мечу, он озирался в поисках того, что встревожило брата.

Искать долго не пришлось. В конце коридора один из близнецов, красных драконов, которые служили Императрице, стояли у двери сокровищницы Бетезды. Они обычно ходили парами, и Джулиус тут же стал искать второго. Да, второй был за ними, блокировал дверь, ведущую в тронный зал. Ловушка быстро закрывалась с тех пор, как Цилянь выгнал их.

— Похоже, императрица все еще хочет нас убить, — прошептал Фредрик, красные драконы стали двигаться, шагая по коридору к добыче грозными тихими шагами.

Джулиус думал о том же.

— Тут есть другой выход?

— Нужно все равно пройти их.

Вряд ли выйдет. Фредрик был старше и крупнее, чем ожидалось, но Джулиус все еще был «Дж». Быстрым, но не Джастин. У него даже не было Клыка из-за требований Лак разоружиться.

Он видел свой меч с места, где стоял, прислоненный к стене, где он оставил его у двери гостиной его матери. Он был в двадцати футах, но мог быть и с Иеном в Сибири, ведь Джулиус не мог пройти туда раньше, чем красные драконы поймают его. Если он ничего не прятал под пиджаком, Фредрик тоже был без оружия, значит, они не только столкнулись с сильными противниками в узком коридоре, они ещё и были безоружны. Джулиус все еще поражался тому, как они попали, когда ладонь сжала его плечо.

Безумие оптимизма заставило Джулиуса подумать, что это был Джастин, и он как-то

понял, что Джулиус был в беде и вернулся к работе рыцаря. Самой большой Дж чуял угрозу, и Джулиус не удивился бы такому трюку брата. Когда он оглянулся, за ним стоял не Джастин.

— Это была Челси.

Оба красных дракона застыли. Пару ударов сердца никто не двигался, а потом один из драконов что-то сказал на китайском. Челси ответила на том же языке, произносила слова низким жутким голосом, который она обычно припасала для родни, когда была разъярена. Даже не зная, что было сказано, Джулиус ощутил холодок на спине, и не он один. Оба приближающихся дракона пятились, поднимая руки в универсальном жесте капитуляции. Когда они отошли в свои концы коридора, хватка Челси на плече Джулиуса сменилась толчком.

— Шевелись.

— Но мой меч еще...

— Заберем его позже, — прорычала она, шагая в человеческую спальню Бетезды, которую она использовала в редких случаях, когда не хотела спать на груди золота. — Эта грозная двойка научилась не нападать на меня в тесном пространстве уже давно, но они не будут бояться долго. Они, наверное, уже ищут помощь, что значит, нам нужно идти.

Это объяснение вызвало больше вопросов, чем дало ответов, но Джулиус не успел их задать. Челси уже закрыла дверь, запирая их в спальне их матери. Эта комната была, видимо, единственной, куда камикадзе-уборщики Циляня не залезли пока что. Джулиус все ещё гадал, почему Челси привела их сюда, в тупик, когда она направила их в лабиринт гардеробной Бетезды. Там Челси прошла в конец, отодвинула занавес из дорогих платьев и подняла алый ковёр под ними. Стало видно деревянную дверь размером с канализационный люк в камне.

— Внутри, — приказала она, раскрыла деревянную дверь, и стало видно узкую дыру, ведущую вниз.

Фредрик послушался первым, прыгнул в темноту без колебаний. Джулиус был не таким храбрым, сел на пол, придвинулся к отверстию.

— Куда ведет люк?

Челси нервно оглянулась.

— В убежище.

— Хорошо, — сказал Джулиус. — Потому что нам нужно поговорить.

Челси не была рада этим словам, но не тратила время на споры. Она просто толкнула его в проем, прыгнула за ним, но уцепилась рукой за край, другой рукой закрыла потайную дверь, погрузив их во тьму.

* * *

Фэнхуан, супруга прошлого Циляня, Императрица-Мать, скрывала облегчение на лице веками практики.

— Так он выгнал Хартстрайкера?

Кланяющийся красный дракон — один из близнецов, она не умела их различать — кивнул.

— Да, Императрица. Лао сейчас с ним.

— А Хартстрайкеры?

— Пропали в тайном проходе.

Это было неприятно, но они появятся снова. Дети Бетезды всегда вылезали, как

сорняки. И все же...

— Обыщи нижние этажи, — приказала она. — Если будет шанс убить его, используй, но не зли Цилянь сильнее. Это место уже опасно. Я не хочу больше ненужного стресса для моего сына.

Красный дракон послушно кивнул, вышел из огромной пустой пещеры, где раньше хранилось золото Племенной Кобылы. Когда дверь за ним закрылась, императрица посмотрела на свою неожиданную проблему.

— Ты ошибался.

— Вот и нет, — ответил Брогомир, его лицо было до раздражения самодовольным, даже с зернистой картинкой терминала, с которого он ей звонил. — Я говорил, что это случится.

— Ты говорил, что если Золотой Император поговорит с Джулиусом Хартстрайкером, я потеряю место императрицы, — она хмурилась на проекцию экрана, которую давал ее дорогой телефон. — Но твой щенок давно ушел, а я все еще сижу тут, — она гордо подняла подбородок. — Ты ошибался, пророк, но я так и знала. Я вырастила Сяня ответственным. Мы — не варвары, как вы.

— Никто на такое и не намекал, — сказал Боб, прислонился к стене публичной кабинки, куда он втиснулся. — Но ты думаешь в коротких сроках. Боюсь, твое драгоценное золотое сокровище уже попало в добрую хватку моего младшего брата, а из нее тяжело сбежать.

— Тогда я убью его, — сказала императрица.

— Это часто звучит на горе Хартстрайкер, — ответил пророк, смеясь. — Но Джулиуса сложнее убить, чем кажется. Даже если ты преуспеешь, боюсь, это не поможет. Ты потеряла сына годы назад, Фэнхуан. Только долг, который ты так высоко ценишь, не дал тебе ощутить это раньше.

— Что ты знаешь о долге? — фыркнула императрица. — Ты — предатель, пророк, который продал свою мать и клан.

— Я такой, — бодро сказал Брогомир. — Забавно, что ты возмущена сейчас, хотя принимала моё предательство, когда я подал тебе Хартстрайкеров на тарелочке. Амелии нет, как и Белой Ведьмы, как и раздражающих детей. Только моя мать и сестра, подавленные и скованные, как и было обещано.

Императрица оскалилась.

— Скованные, да. Бетезда была скована, но она никогда не была проблемой, да? Этим была ее бесстыжая дочь, но я пришла, и она все еще бегает свободно, — она склонилась к проекции экрана, хмурясь. — Ты сказал, что держал под присмотром мелкую тварь.

— Я бы попросил не называть так мою сестру, — сказал Брогомир, его обычно мелодичный голос был резким. — И я сотворил чудо с Челси. Даже с удачей твоего сына, падающей на нас как кувалда, она и Цилянь еще не пересеклись. Но это грядет, и скоро. Ты знала, что это было неизбежно тут.

— У меня не было выбора, — сказала с горечью Императрица-Мать. — Сян годами хотел завоевать Хартстрайкеров. Глупая война Алгонквин была последней каплей. После этого его нельзя было уговорить. Даже я не могу перечить воле Золотого Императора.

— Но ты хорошо ею манипулируешь.

— Было раньше, — печально сказала она, глядя на свои сморщенные ладони. — Он — мой единственный сын. Мое сокровище, купленное всем, что у меня было. Я сделала его удачу больше, чем было у его отца на пике, благословение для всех нас, падающее на нас

всегда. С одним исключением, он всегда был идеальным императором. Идеальным сыном, уважающим, послушным, безупречным. Сломала его только она, — она сжала костлявые пальцы в кулаки. — Я не дам ей забрать его у меня. Ты видел горнотрясение только что. Ты знаешь, что на кону. Она уже разрушила го раз. Я не позволю этому повториться. Не после всего, чем я пожертвовала.

— Это проблема с жертвой, — сказал Брогомир. — Ты заплатила за Циля, но все еще создала дракона. Нельзя поражаться тому, что у него есть свои амбиции.

Императрица оскалилась с отвращением.

— Любовь — не амбиция.

— Амбиция, когда любишь Хартстрайкера.

— Я звонила тебе не ради шуток, — рывкнула она. — Ты хорошо играешь беспечного пророка, Брогомир, но ты работал слишком сильно над своими ценными Хартстрайкерами, чтобы я поверила, что теперь ты их бросишь. Я знаю, что это все часть большего плана в твоём запутанном разуме. Даже твои махинации не устоят перед волей Циля. Его удача двигает будущее всех наших кланов. Она разобьет твои схемы на кусочки, если продолжишь играть с Золотой Империей.

— Справедливая угроза, — признал пророк. — Даже я бессилён перед Золотым Разрушающим Шаром.

— Я рада, что ты понимаешь, — императрица кивнула. — Но то, что ты ниже, не означает, что мы не можем договориться. Скажи, как мне спасти сына, и я обещаю, что пощажу твои ненавистные отношения.

— Вот милосердие, — ответил Боб, драматично прижав ладонь к груди, прижавшись к стене кабинки в граффити. — Думаю, я могу упасть в обморок.

Она пронзила его взглядом, и пророк склонился с улыбкой.

— Боюсь, я ничего не могу поделать. Я пришел тебе на помощь шестьсот лет назад, когда написал тебе, как загнать в угол мою убегающую сестру, но, хоть это спасло твою империю от мучений из-за юного Циля с разбитым сердцем, это ничего не исправило. Ущерб был отодвинут, а не предотвращен. Твой сын пришел на нашу гору с чистыми намерениями. Он не обманывал тебя. Он планировал вернуться домой, как только Челси окажется под его удачей, даже не видясь с ней. Но, хоть им руководит чистый долг, его удача всегда слушалась его эмоций. С момента его прибытия отчаянная тоска Циля, желание увидеть дракона, которого он любит, искажало будущее, как ирис. Это притянуло Джулиуса к нему, хотя ты старалась помешать, и теперь, по привычке, Хороший Дракон Хартстрайкеров сделал все намного сложнее. Я сделал все, что мог, но, боюсь, уже нет пути, где твой император и моя сестра не встречаются, и где он не узнает правду.

Императрица закрыла глаза и поежилась.

— Тогда это кончено, — прошептала она, прижимая к глазам дрожащую ладонь. — Нам всем конец.

— Не совсем.

Она опустила пальцы, пророк скалился в камеру, его лицо заполняло экран хищной улыбкой, которую императрица не привыкла видеть перед собой.

— Это радовало, но я рисковал звонком тебе не ради плохих новостей. Правда, что не осталось будущего, где твой сын только твой, но еще есть способ сделать, чтобы он не был ее.

— Почему ты предаешь сестру ради меня?

— Потому что я делаю это не ради тебя, — сказал Брогомир. — Я делаю это ради меня. То, что выгодно это и тебе, просто совпадение. Но выбирать тебе.

Императрица фыркнула.

— Какой выбор? Ты сказал, что это было неизбежно.

— Это так, — сказал он. — Ничто уже не может остановить молот, но если будешь быстрой, сможешь выбрать, куда он упадет. Это власть, Императрица. Единственная власть, которая тебе осталась.

Фэнхуан посмотрела на красные ногти, делая вид, что обдумывала, но только для виду. Честно говоря, она уже приняла решение, потому что пророк говорил правду. Она скормила Сяну достаточно огня, чтобы сделать его величайшим Цилинем, и он был таким двадцать один год. А потом он был готов обрести полный потенциал, девушка Хартстрайкеров разрушила его.

Не сразу. В первый их год вместе магия Сяна была восхитительнее, чем она мечтала. Его счастье принесло больше удачи их империи, чем последние два века его отца. Так много, что даже она закрывала глаза на грязь, в которой он валялся. Глупая ошибка. Воспитание всегда показывалось, и когда девчонка Хартстрайкер показала свои краски, все они пострадали.

Потребовались века, чтобы оправиться от катастроф, которые принесло горе Циляня в тот год. Даже после того, как она все подлатала, убедила сына, что его предали, что это была вина Хартстрайкеров, его удача была не такой, какой должна быть. Каких бы красивых драконш она не находила для него, он всегда оставался далеким, и хоть его удача больше не сбивалась после того первого ужасного года, она не расцветала. Он просто ослаб, ее великая работа была испорчена. Но, когда потеря стала такой болезненной, что она подумывала вернуть Челси, появились слухи, и Фэнхуан, наконец, поняла, почему девица сбежала.

Это была последняя капля. У нее не было доказательств, только слухи, но если хоть что-то было правдой, то Хартстрайкер забрала у них все. Хуже, она сделала это не намеренно. Продуманная атака была бы тем, что она могла бы уважать, но дочь Бетезды уничтожила их клан по глупому неведению, что было непростительно, а еще это не удавалось восстановить. Ничто не могло исправить то, что сломала глупая девица. Фэнхуан сделала единственное, что могла. Она подавила все, оградила сына и империю от остального мира. Шестьсот лет это работало. Теперь все расплеталось.

С момента, как они травились в это проклятое место, этот конец был неизбежным, но, как любой правильный дракон, Фэнхуан не могла принять поражение. И когда Пророк Хартстрайкеров предложил ей шанс уменьшить ущерб, хоть она ненавидела его семью и его нахальные зеленые глаза, она не могла отказать.

— Что мне нужно сделать?

Улыбка пророка стала резкой.

— То, что я говорю.

Фэнхуан еще ничто так не ненавидела, как эти слова. Но императрица выполняла долг даже в поражении, и она подавила гнев и кивнула.

— Отлично, — сказал Боб, потянулся за пределы камеры, к чему-то вне кабинки. — У меня есть подробные указания, множество положений и одно железное правило, которое нельзя нарушать, я объясню это в утомительных деталях. До того, как мы отправимся в путь по этой кроличьей норе, тебе нужно кое с кем встретиться.

Императрица-Мать не знала, о ком он мог говорить. Она даже не была уверена, где был

Брогомир, но в грязном месте. В таком местене могло быть достойного дракона. Когда он вернулся в поле зрения, с ним была драконша.

Кроха. Как Брогомир заставил такую юную малышку принять облик человека, она не знала, но ребенок точно был Хартстрайкером. Она выглядела как мини-Бетезда с густыми темными волосами и высокими скулами, но ее глаза были не того цвета. Даже через ужасную камеру Фэнхуан видела, что они не были зелеными. Они были золотыми. Чистый металлический сияющий цвет, который лишь дважды в ее жизни смотрел на нее с лица маленького дракона.

И тогда Фэнхуан поняла, что все было потеряно.

Глава 8

Море Магии бушевало.

— Что происходит? — завопила Марси, держась за Пустого Ветра, только он не дрожал тут.

— Это магия, — сияющие глаза Призрака были круглыми, он смотрел во тьму. — Ее насильно разделяют. Что-то выходит.

Это звучало плохо, но Марси не успела задать вопрос, насколько плохо, как нечто новое появилось на краю ее зрения.

Она вздрогнула с воплем, повернулась к тому, что там было. Когда она замерла, там ничего не было. Просто магия бушевала, извиваясь, вызывая тошноту. Она хотела списать все на нервы, когда это повторилось.

В этот раз изменение было заметным. Она смотрела на пол Моря Магии, когда земля пошла рябью, как вода, грубая неровная поверхность, похожая на камень, была то гладкой, то с рябью, а потом появился силуэт люка. Этого не могло быть, конечно, но это Марси видела: железный люк с отверстиями для воздуха, следами шин и логотипом конгломерата частных подрядчиков по канализации СЗД.

— Видишь это?

— Вижу, — Амелия щурилась. — Я это не понимаю, но...

Эхо удара перебило ее, крышка люка вылетела из земли, как пуля. Крышка рухнула через пару секунд, врезалась в колонну с оглушительным грохотом железа об камень. Звук еще был, когда мужская ладонь сжала край туннеля, который открыл вылетевший люк, а потом появился мужчина, сэр Мирон Роллинс подтянулся и рухнул на пол Моря Магии.

Он тут же обмяк, повернувшись на спину. Все было так неожиданно и неуместно, что Марси не могла произнести ни слова, пока сэр Мирон не приподнялся. Он поймал ее взгляд.

— Ты! — завопил он, глаза широко открылись. — Как ты... Что ты тут делаешь? Ты мертва. Я видел твоё тело. Я...

Он умолк, глаза раскрылись шире, когда он увидел Пустого Ветра за ней.

Если бы ситуация не была тяжелой, Марси повеселил бы вид сэра Мирона Роллинса, ломающего разум из-за бездны, какая была лицом ее духа. Но, хоть было забавно смотреть, как его ломает правда его незначительности, у них не было времени.

— Призрак, — тихо сказала она. — Ты не против?

Он вздохнул и отвернулся от Мирона. Тот рухнул на пол, охнув.

— Думаю, это объясняет, как ты тут оказалась, — сказал он, когда снова смог говорить. — Ты продала душу богу смерти.

С тех пор, как она заключила сделку с Призраком, чтобы избежать смерти и попасть к Вратам Мерлина, это было технически точно, но Марси не нравилось то, как он это сказал.

Она хотела сказать ему это, но Мирон сел, подвинул рукой, словно потянул за что-то.

Когда его кулак замер, она увидела там нить. Серебряную ленту, если точнее, покрытую заклинанием и намотанную на его ладонь. Она пыталась прочесть заклинания, когда лента вдруг стала меньшей проблемой, по сравнению с тем, что было на ее конце.

Что-то вылезало из люка рядом с Мироном. Выглядело почти как человек в темноте, но двигалось как грызун, убежало за Мирона, как крыса, ищущая укрытие. Это напомнило ей мегакрыс, на которых они с Джулиусом охотились в переулках СЗД, когда было плохо с деньгами, но, несмотря на городские легенды, Марси не видела крысу больше добермана. Существо, сжавшееся за Мироном, было размером с машину, глаза сияли, как оранжевые фонари, серебро блестело, обвивая шею.

— Это дух, да? — сказала она тихим и злым голосом, глядя убийственно на старшего мага. — Что ты сделал, Мирон?

— Я не хуже тебя, — ответил он, сжимая серебряную ленту в кулаке и вставая. — Каждому Мерлину нужен Смертный Дух.

Существо на цепи зашипело и побежало прочь, зубы сверкали, как ножи, в темноте, оно грызло пути. Когда серебро не поддалось, оно издало жалобный звук, и Марси сжала кулаки.

— Все не так делается, — прорычала она. — Мерлин работает со своим духом. Ты приковал его на цепь, как собаку. Дух чего это? Ужаса?

— Не твое дело, — Мирон посмотрел на нее свысока, что было нагло, учитывая обстоятельства.

— А ты еще критиковал Призрака.

— Осуждай меня, сколько хочешь, — едко ответил он. — В отличие от тебя, у меня нет иллюзий насчет того, что я делаю. Ты пыталась дружить с забвением, со смертью, но я понимаю, что этими силами нельзя управлять. Смертные Духи — не наши союзники. Они — наши тени, следы, оставленные низшими качествами человечества, и они погубят все, если мы не ударим первыми.

Марси потрясенно уставилась на него.

— Ты звучишь как Алгонквин.

— Она-то знает, — рявкнул он. — Алгонквин всегда была нашим врагом, но это не значит, что она ошибается. Она понимает лучше всех живых существ, что Смертные Духи — монстры. Наши монстры, из наших изъянов, и как любое зло человечества, его нужно убрать.

Марси скрестила руки на груди. Вот, в чем было дело.

— Вижу, Алгонквин нашла того, кто готов взять работу, от которой я отказалась. Дай угадаю: ты тут, чтобы подавить магию и не дать Смертным Духам подняться, а взамен ты будешь первым Мерлином.

— Почти, — он потянул за серебряный поводок. — Но я тут не только для того, чтобы стать первым Мерлином. Я буду и последним.

Он повернулся и прошел к колонне, волоча духа за собой как непослушную собаку. Когда он дошел до деревянной двери, он намотал серебряный поводок на ладонь, поднял кулак, чтобы постучать.

Как и у Марси, удар зазвенел как гонг в кипящей магии. Дверь тут же открылась, бросая свет во тьму, и Широ, шикигами Абэ-но-Сэймэя, тот же страж, который закрыл дверь перед лицом Марси, опустил голову в приветствии, как делал и для нее.

— Приветствую, — сказал он, рот не совпадал со словами, которые переводило заклинание. — Тот, кто будет Мерлином.

— Спасибо, — Мирон тепло улыбнулся, словно пришел на ужин, а не собирался все уничтожить. — Я — сэр Мирон Роллинс, Замминистра магии ООН, заведующий кафедрой тектонической магии в Кембриджском университете, Мастер Лабиринтов и маг, связанный с СЗД.

Марси приподняла брови.

— Маг СЗД? — завопила она. — С каких пор?

— Он про свой дух, — прошептал Призрак, кивая на крысу на конце серебряной ленты, которая все еще пыталась вырваться.

— Да ладно, — сказала она. — Это СЗД? Место, где мы живем? — он кивнул, ее глаза расширились. — Город может быть Смертным Духом?!

— Все, что люди ценят, может быть Смертным Духом, — раздраженно сказала Амелия, склоняясь на плече Марси, чуть не падая. — Теперь тихо. Сейчас будет хорошо.

Марси не понимала, как становление Мирона Мерлином может быть «хорошим». Но, видимо, Амелия говорила не об этом, потому что, хоть Широ все еще вежливо улыбался Мирону, как делал для Марси, его нечеловечески темные глаза были жесткими, как камень.

— Ты привязан к Смертному Духу, — он взглянул презрительно на большую крысу, тянущую за поводок Мирона. — Но ее магия — не твоя. Она была заполнена кровью меньших духов, и от нее воняет водой Алгонквин.

Марси не понимала, что он имел в виду в первой части, но, когда он упомянул, она узнала сильный запах озёрной воды т духа Мирона, но не обычный. Даже когда вода Алгонквин парила под Небесными путями, она всегда пахла чисто. Вонь от духа напомнила Марси ливневой канализации, куда она, Джулиус и Джастин забирались вечность назад. Она гадала, был ли дух болен, когда Мирон топнул ногой.

— Какая разница, откуда ее магия? — осведомился он. — Она — Смертный Дух, и я — ее хозяин. Это дает мне право пройти в эту дверь.

— Тут ты ошибаешься, — Широ выглядел еще презрительнее. — У тебя тут нет прав, маг. Как я и сказал юной леди до тебя, Мерлины — защитники людей. Они не могут принадлежать кому-то. Ты привязал слуга на службу, но пока ты сам — слуга Хозяйки Озер, я не впущу тебя в это священное место. Ты можешь попробовать снова, когда освободишься от влияния Алгонквин. До этого ты не достоин стоять в свете этих врат.

И он захлопнул дверь перед лицом Мирона.

Марси рассмеялась.

— Поделом тебе, — сказала она, когда Мирон отшатнулся. — Не верится, что ты согласился работать на Алгонквин. Ты такой предатель. Как генерал Джексон не застрелила и тебя?

— Потому что я не дал ей шанса, — сказал Мирон, оглянувшись на нее с чистой ненавистью во взгляде. — Не путай нас, Новалли. Я не такой, как ты. Ты — студентка, которой повезло получить духа, которого она не заслужила. Ты никогда не знала, что делаешь, потому что ничем это не заслужила. У тебя были только драконы, готовые использовать тебя, и твоя наглость, когда выросла после смерти. Но я не лакей драконов, и я не слуга Алгонквин. Я — Мастер Лабиринтов, величайший маг из живущих! Все человечество знает о Мерлинах или Смертных Духах из моих исследований. Я заслуживаю быть тут, и меня не прогонят.

Улыбка слетела с лица Марси.

— погоди, — она подняла руки. — Ты планируешь...

Она не смогла закончить. Мирон не слушал. Он просто повернулся к двери, сжимая поводок духа, пока он приказывал:

— Сломай это.

Дух СЗД возмущенно взревел, жуткая смесь ломающегося бетона и криков испуганных людей. Когда звук не прекратился, Мирон потянул снова, двигая крысу вперед, пока серебряный поводок не задавил рев, превратив его в жалкий всхлип.

Дух больше не боролся. Он сжался, выглядя как обычная крыса, послушно повернулся к Вратам Мерлин и ударился телом об дверь.

Грохот пронесся по бушующей магии как взрыв бомбы, сбивая Марси даже через защитный поток воздуха Пустого Ветра. Она поднималась на ноги, когда дух бросился снова, атакуя дверь когтями и зубами, которые искрились, как вспышки выстрела в тёмном переулке. Дух бил когтями и кусал, бил снова, и толстое дерево Врат Мерлина стало трескаться.

— Стой! — закричала Марси, подойдя к краю защиты своего духа. — Это глупо, Мирон. Ты даже не знаешь, что делаешь.

— Наоборот, знаю, — он повысил голос поверх дикого рева его духа. — Поднявшись так высоко, ты не можешь принять «нет» как ответ.

— Так ты войдешь силой? — кричала она. — Пробьешь путь и заберешь Сердце Мира?

— Если придется, — Мирон оглянулся. — Я — маг, мисс Новалли. Смелость — главная черта этой работы.

Марси выругалась под нос. Она много раз использовала эти слова для себя, забыла, что они были из его книги. Но, хоть она соглашалась, что немного безрассудства требовалось, чтобы продвинуть современную магию до полного потенциала, это было безумием.

— Ломать то, о чем мы ничего не знаем, чтобы получить то, чего ты хочешь, не смелость. Это эгоистично и глупо. А если ты уничтожишь что-то незаменимое? Мы не знаем, как создать еще одни Врата. И даже если ты ворвешься, Широ не передумает внезапно и не отдаст билет на становление Мерлином.

— Это не решение, — прорычал Мирон. — Я прочел достаточно, чтобы узнать шикигами. Он — механизм, магия в сети заклинаний, которая подражает уму человека. Но подобие — не существо. Он мог остаться как сторожевой пес, но он сам сказал: Мерлины — защитники человечества. Он может закрыть дверь и запереть меня, но у меня больше прав находиться внутри той колонны, чем у него.

— Ты не знаешь этого, — возмутилась она. — Ты не знаешь ничего наверняка. Ты знаешь только то, что ты почерпнул из текстов тысячелетней давности и историй. Ты говоришь, что ты — эксперт, но ты не знаешь, что за дверью, как и я.

— Может, нет, — сказал он. — Но используй глаза, Новалли. Думаешь, это произошло естественным путем? — он указал на идеально гладкую колонну из камня, торчащую из ровного пола Мира Магии, как небоскреб. — Конечно, нет. Это сделали Мерлины. Люди, не боги. А то, что сделал человек, он может это сломать.

— Почему ты хочешь это сломать? — закричала Марси, его визжащий дух врезался в дверь еще раз, вызвав новый гул в черном тумане магии, который безумно извивался вокруг них. — Ты нашел место, которое делает Мерлинов, и ты разбиваешь дверь как варвар!

Словно доказывая ее правоту, дух СЗД в этот миг ударил когтями по дереву снова, но в этот раз одна из досок треснула. Началось с тонкой трещины, а потом быстро расширилось до бреши в дюйм шириной, откуда теплый свет полился во тьму.

— Видишь? — Марси раздраженно провела ладонями по коротким волосам. — Я знаю, что ты больше всего хочешь Мерлином, Мирон, но это слишком. Ты сказал мне, что Мерлины были надеждой людей. Силой, которая сделает наш вид равным драконам и духам. Теперь мы тут, в месте, где все происходит, и ты ломаешь его. Как ты можешь рисковать чем-то таким важным для всех нас ради своих амбиций? Ты такой эгоист?

Последняя часть была отчаянной игрой, и это сработало на миг. Мирон помедлил, опустил руку с поводком духа. Но, когда она подумала, что прорвалась, он снова от нее отвернулся.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал он, голос дрожал от ярости. — Думаешь, я не знаю, чем рискую? Я мечтал стать Мерлином еще до твоего рождения. Я думал, что Смертные Духи были нашим спасением, нашим оружием. Ты показала мне, что я ошибался.

— Я? — сказала Марси. Мирон оглянулся, но смотрел не на нее. Он смотрел на Призрака, и его глаза были полными страха.

— Я думал, что знал наших врагов, — сказал он. — Но Алгонквин и драконы — ничто, по сравнению с богами, которых мы создали из нашего страха. Люди всегда умели находить судьбы хуже смерти, и когда я увидел твоего монстра и его армию призраков, шагающих по Земле Восстановления, я знал, что есть лишь один способ не дать нам уничтожить себя — остановить проблему в ее источнике.

Марси стиснула зубы.

— Ты слушал Алгонквин.

— Мне не нужно было, — сказал он. — Я уже знал, что нужно было сделать. Я подыгрывал Алгонквин, чтобы получить Смертного Духа, которого она строила. Теперь дух мой, и я делаю то, что всегда делал.

Она посмотрела на треснувшую дверь.

— Разрушишь все?

Мирон с отвращением посмотрел на нее.

— Спасу человечество.

Он потянул за поводок своего духа. Дух сжался, и он убрал правую ладонь с серебряного поводка и опустил ее на сияющую трещину в двери. Он прижал ладонь, согнул пальцы, чтобы широкие металлические кольца, где был вырезан лабиринт на матовой титановой поверхности, соединились в один путь. Марси мало знала об уникальном стиле Мирона, чтобы понять, было это для шоу, или ему нужен был физический лабиринт для колдовства, но едва узор соединился, лабиринт открылся, и темная магия перестала двигаться вокруг них, а полилась в него.

— Что он делает? — закричала Амелия поверх рева. — Я не видела, чтобы человек так работал с магией.

— Никто так не делает, — крикнула Марси, сжимая Призрака. Море Магии неслось мимо них в Мирона. — Магия лабиринта — оригинальная сила сэра Мирона. Я прочла три его книги, и я не знаю, как это работает, и как он не выжигает себя. Я не могу даже коснуться магии тут.

— Это потому, что ты мертва, — сказала драконша, обвив хвостом шею Марси, чтобы ее не унесло. — Он — нет.

Марси нахмурилась.

— Тогда как он тут? — если Мирону не пришлось платить за вход, она разозлится.

— Потому что он привязан к смерти, — ответил Пустой Ветер, его сияющие глаза

смотрели на крысу, дрожащую у ног Мирона. — Я не знаю, как СЗД привела его сюда, но она сделала это, не убив его. Я не знаю, где его тело, но пока тело дышит, у него есть защита, какой ней у тебя.

— Отлично, — буркнула она, глядя хмуро на мага, который радостно тянул горсти магии, которая убила бы ее, складывая силу в сложные лабиринты, которые он укладывал на двери ярко сияющими узорами зеленого и синего цвета. Она не знала магию Лабиринта так хорошо, чтобы понимать, что делали эти лабиринты, но не нужно быть гением, чтобы понять, что будет плохо. Заклинание взрыва, может, что похуже.

Что бы это ни было, Мирон ясно дал понять, что был настроен решительно, так что ей нужно было действовать быстро. Его сияющий лабиринт уже покрыл треть дерева вокруг трещины. Так он за минуты отметит всю дверь для разрушения, как и надежды Марси на становление Мерлином. Или шанс выбраться отсюда живой.

— Плевать, — прорычала она и повернулась к духу. — Призрак?

Имя еще не вылетело из ее рта, ветер вокруг них усилился.

Я думал, ты не попросишь.

Она усмехнулась от рвения в голове с ее голове, но Амелия сжалась, нервно потряхивая крыльями.

— Марси. — прошептала она. — Я не уверена, что посылать его хорошая...

Вой ветра заглушил ее слова. Защитная магия вокруг них не прогибалась, но Призрак пропал, его тело центуриона рассеялось пылью, появилось рядом с Миронам. Маг отдернул руку от двери, закрыл ее собой, но Призрак шел не к нему. Он тянулся к духу на поводке, схватил крысу за шкурку и бросил во тьму. Но, когда Марси подумала, что у них вышло, СЗД повернулась в воздухе, оттолкнулась от пустоты и врезалась в Пустого Ветра как яростный зубастый школьный автобус.

— Призрак!

Он рухнул с треском, его теневое тело упало под духом-крысой, который становился больше, пока Марси смотрела. За секунды борьбы крыса выросла из размера с автобус до размера с дом, оранжевые глаза сияли с дикой яростью. Но, каким бы большим и злым ни был дух, Призрак все еще был ветром. Когда монстр попытался поймать его, он просто улетел, пронесся по тьме в безопасность. Крыса не сдалась. Призрак был намного быстрее, но дух СЗД упрямо нападала, как было с дверью. Как бы ловко он ни уклонялся, дух нападал, заставляя его убежать, отступать все дальше во тьму.

— Почему он отступает?

— Об этом я пыталась тебя предупредить, — тихо сказала Амелия. — Не похоже на это, но СЗД Мирона куда больше твоего Пустого Ветра.

Это не могло быть возможно.

— Как дух города больше страха быть забытым?

— Он не больше, но вспомни слова шикигами: СЗД наполнена магией духов. Призрак поднялся сам. Ему хватает сил быть в сознании и активным, но он не полный, а ты — не живая, больше не можешь давать ему силу. Это двойной удар. Он не только начал в дыре, но он все еще работает на магии, которая была у него, когда ты умерла. Этого мало, чтобы бороться с полностью наполненным Смертным Духом.

— Тогда я скормлю ему магию! — отчаянно сказала Марси, озираясь в кружащейся тьме. — Ее тут много.

— Слишком много. Это проблема, помнишь?

Как она могла забыть? Когда она коснулась магии без защиты Пустого Ветра, она чуть не потеряла руку. И все же...

— Я должна что-то делать! — она указала на Мирона, который уже работал над лабиринтом. — Он наполовину закончил.

— Так не помогай ему глупостью! — рявкнула Амелия. — Я знаю, что ты хочешь что-нибудь сделать, но, если тронешь магию тут без физического тела, рассеивающего ее, она прожжет тебя, и Призрак будет потерян.

Марси стиснула зубы. Амелия была права. Дух СЗД не выглядел серьезно сначала, но в бою один на один было очевидно, что Пустой Ветер был слабее. Если бы он не был таким быстрым, его уже порвали бы на кусочки. Пока он отступал, лабиринт Мирона на двери становился все больше.

— Плевать, — прорычала она, делая шаг вперед.

— Марси! — завопила Амелия, вонзая когти в ее плечи, но Марси не слушала. Ей было плевать, если она сгорит. Тому напыщенному идиоту нельзя было дать победить. Не после того, как они боролись, чтобы попасть сюда. Пока она не струсилась, Марси бросилась вперед, вытягивая руку за защитный ветер Призрака.

Прикосновение к магии ощущалось как печь, куда она сунула руку. Хаос вокруг них напоминал чернильную воду, но он обжигал как кислота. Хотя она готовилась к худшему, было больнее, чем она ожидала, но Марси не отпускала. Она сделала еще шаг, схватила столько пульсирующей магии, сколько могла, толкнула ее в заклинание, все еще нарисованное внутри ее браслетов.

Пластик держался лучше, чем она ожидала, наверное, потому что это был не пластик. Как и вся она, цветные круги были отголоском, остаточной магией жизни. Но ее заклинание держалось. Основной теорией тауматургии было то, что заклинание было оружием, способом для магов удержать ужасно сложную логику, которая требовалась для колдовства, в их головах. Не мел или маркер направляли магию. Даже круг, основа колдовства, был лишь физической линией, служащей как ментальный барьер.

Такой была теория. Конечно, раз тут не было ничего физического, применение этого заклинания означало, что Марси случайно доказала теорию самого популярного метода колдовства в мире. Это должно было ощущаться подвигом, но у Марси не было времени думать о таком. Она была занята, заставляя обжигающую магию наполнить браслет с ее верным заклинанием микроволновки и ударить Мирона по спине.

Как теория и предсказывала, заклинание сработало идеально. Когда она отпустила, жар вырвался из кулака Марси, тут же пронесся по расстоянию, оставил след ожога на спине Мирона между его лопаток. Он закричал от боли, бросил лабиринт, который старательно создавал, потянулся инстинктивно к ране. Удар ощущался бы как победа, если бы Марси не кричала.

Она не ощутила это во время атаки, но теперь магия пропала, и вся ее рука болела. Хотя она не могла обжечь физическую плоть, горящая магия оставила волдыри на ее коже до локтя. Ее правая ладонь ниже запястья была кровавой и горелой, хуже ожога второй степени, который она оставила у Мирона. Но даже зная, что она пострадала хуже, Марси ухмыльнулась, когда старший маг развернулся.

— С ума сошла? — заорал он, повернувшись к ней. — Чего ты тут надеешься достичь? Ты проиграла, Новалли. Мой дух больше, магия готова, и для безопасного управления этим нужна физическая жизнь. Даже если бы мы были наравне, у меня все еще было бы

преимущество, ведь я — лучший маг. Я опытнее, лучше образован, и моя магия лабиринта куда выше твоей педантичной тауматургии. Я лучше, чем ты, во всем. У тебя ноль шансов остановить меня, и ты только навредишь себе больше, если попытаешься.

— Если хочешь, чтобы я остановилась, не нужно было припирать меня к стенке, — прорычала Марси, прижимая обожженную правую руку к боку, поднимая левую и указывая целым кулаком на его лицо, будто пушкой. — Я сожгу себя дотла, но не дам трусливому, недальновидному эгоисту, как ты, стать Мерлином!

Мирон закатил глаза.

— Вот как? — спросил он снисходительно. — Я не ожидал, что ты примешь поражение мирно, Новалли, но я не думал, что ты станешь отрицать реальность. Твоя роль в этом завершена. Мертвые не влияют на дела живых. Но я не жестокий. Отойди, отзови духа, и я дам тебе еще шанс.

— Какой шанс? — она ровно держала руку. — Как ты мило напомнил, я уже мертва. Это мой последний шанс.

— И мой тоже, — тихо сказал он, поднимая кулак с серебряным поводком духа. — Не ты одна прижата к стенке. Я не могу провалить эту миссию. Я не хочу убивать то, что от тебя осталось, но я сделаю это, если придется, и мы оба знаем, что я могу, так что будь хорошей девочкой и отступи.

Марси оскалилась и сжала кулак, игнорируя боль, потянула обжигающую магию в браслет с заклинанием захвата. В отличие от заклинания микроволновки, которое было построено так, чтобы не убивать, это не имело пределов. С достаточной силой она могла сокрушить бронированный грузовик, и сила не была тут проблемой.

— Марси, подумай об этом, — прошептала Амелия, дым стал подниматься с ее сжатых пальцев. — Если он говорит с тобой, он не ломает дверь. Не спеши.

Это имело бы смысл, если бы была причина медлить, но Марси ее не видела. Как бы она ни тянула время, ничего не изменится. Призрак был недостаточно большим, чтобы одолеть СЗД, и даже с Морем Магии под рукой она сгорит, прежде чем даст ему то, что нужно было, чтобы пересечь брешь. Она не могла помочь ему, не могла одолеть СЗД, не могла остановить Мирона, решившего магией сломать дверь.

Победить можно было, только одолев Мирона, но даже тут надежды было мало, а промедление не помогало. Нападение было единственным шансом. Если она им не воспользуется, зачем было сюда приходить? Она оставила безопасность своей смерти, чтобы стать Мерлином. Отдав нечто ценное, хоть она не помнила, что. Если Мирон победит, все будет напрасным. Он уже признал, что верил в пропаганду Алгонквин. Только она не давала ему войти и подавить магию до уровня, какой был после падения метеорита.

Если она отступит, позволит этому произойти, то все Смертные Духи уснут, заберут с собой магическое будущее людей. Призрак, Защитник Забытых Мертвых, будет сам забыть. Весь мир станет меньше, и это будет из-за нее. Если она не будет бороться, Мерлинов больше не будет. Она не будет Мерлином, не узнает правды о магии, не сдержит обещание, данное Призраку.

Больше не увидит Джулиуса.

Это была последняя капля. С криком боли и ярости Марси сжала дымящуюся ладонь. Но, когда она закончила сворачивать ревушую магию в молот, чтобы убрать с тупого лица Мирона нахальный вид, его ладонь мелькнула, и свет расцвел на земле.

Она удивленно опустила взгляд, увидела лабиринт сияющих линий, поднимающихся из

камня под ее ногами. Они поднимались быстрее, чем она могла поверить, тянулись вверх, а потом в ее тело. Она ощущала, как они разветвлялись, как схема в ее органах, наполняли ее, и почти законченное заклинание в ее ладони стало расплетаться. Она сжала его сильнее, пытаясь закончить, но сияющие линии добрались туда первыми, побежали по ее руке и в сжатый кулак. Там они стали разделяться, делиться на тысячи крохотных фракталов, которые проникали в магию заклинания как маленькие клинья, искривляли и тянули за магию, пока она уже не могла держать.

Заклинание взорвалось с ослепительной вспышкой. Отдача ударила следом, будто шоковая волна от взрыва бомбы сбила ее. Она не разлетелась на кусочки только потому, что лабиринт Мирона держал ее на месте, сияющие развилыстые линии впивались в камень, как корни. Она смутно подумала, что должна была радоваться, что он сохранил ей жизнь — если разумный призрак считался жизнью — но было сложно ощущать не ярость, когда она увидела, что Мирон смотрел на нее с жалостью.

— Я тебя предупреждал, — сказал он, сжимая пальцы. Сияющий лабиринт тянулся из земли в тело Марси, послушался жеста, поднимая ее как куклу, а потом бросая на колени. Еще взмах его ладонью разбил остатки ее браслетов, вытянул руки из-под нее, оставив Марси скованной и на коленях перед ним.

— Не могу сказать, что это меня не радует, — сказал он, пока она боролась. — Урок в расстоянии между твоими умениями и моими давно пора усвоить. Но, что бы ты ни думала обо мне сейчас, если ты читала мои книги, ты знаешь, что я — не убийца. Потому я даю тебе еще шанс отступить.

— До того, как ты что? — прорычала она. — Убьешь меня?

— Потому ты не видишь, что дело не в тебе? — рявкнул он, указывая на сияющий лабиринт, пришивший ее к земле. — Я спас тебя, не дав взорваться на кусочки, потому что ты предпочитаешь умереть, убив меня, чем потерять шанс быть Мерлином, и тебе хватает наглости звать меня эгоистом? Тебе не приходило в голову, что я не делаю это ради себя? Что я могу после десятков лет службы действовать ради общего блага?

— Не ты один, — отчаянно сказала Марси. — Ты явно слушаешь Алгонквин, но тебе не приходило в голову, что, может, она не говорит правду? Что, может, Смертные Духи — не неумолимые машины, разрушающие мир, как она их описала? Мирон, ты связан с духом. Ты пытался поговорить с ней до того, как сделал это?

Он прищурился.

— Это не твоё дело.

— Мое, — отчаянно сказала она. — Все это наше дело, ведь это не человек против духа, а смертный работает со смертным. Я еще не Мерлин, но не просто так требуется связь между магом и Смертным Духом для этой работы. Я не узнаю правду, пока не пройду в те врата, но мы тут застряли не для того, чтобы убить друг друга. Смертные Духи — не чужая сила. Они — это мы. Наши духи. Мы должны работать вместе. Потому мы тут. Не биться. Этого хочет Алгонквин. Она хочет, чтобы мы боялись, подавили магию, чтобы она снова была сильной, и она продолжает нас пугать, чтобы мы не заметили, что она обрезает в процессе наше магическое наследие. Это ее игра, а ты подыгрываешь, потому я пытаюсь тебя остановить.

Он отвернулся с отвращением.

— Ты не знаешь, что я собираюсь сделать.

— Так скажи мне! — отчаянно закричала Марси. — Если я ошибаюсь, дай мне знать! Мы были в одной команде. Если мы еще такие, объясни, и мы разберемся с этим.

— Смелые слова от мага, напавшего на меня первым, — он склонился, чтобы посмотреть ей в глаза. — Но я не буду тратить ограниченное время на ту, кто уже все решил. Ты можешь думать, что хочешь, но для меня важно и всегда было важно лишь то, что лучше для всех. Остальное не имеет смысла, включая тебя. Я пощадил тебя раз, потому что я — вежливый человек, но ты ясно дала понять, что ты решила. Я знаю теперь, что ты не остановишься, а у меня больше нет времени на вежливость.

Он горько вздохнул, подняв руку, чтобы свободная ладонь была в воздухе над ее головой.

— Прощай, мисс Новалли.

Его ладонь опустилась как топор, и магия, сковывающая Марси, двигалась с ней. Сияющие линии порвали ее, как металлические провода, рассекая хрупкую магию ее оголенной души. Она смутно слышала крик Амелии, уловила вспышку огня, но что она кричала и кого обожгла — это потерялось во всепоглощающем ужасе разрыва. Даже боль в ее ожогах не могла пробить осознание, что она таяла, становилась грудой кусочков, которые сами по себе расплетались. А потом, когда сознание Марси Новалли стало рассыпаться, поток ледяного ветра поднялся с земли. Ветер рассек кружащуюся магию как нож, схватил остатки Марси из сияющих линий Мирона и унес во тьму.

* * *

В последнее время Марси привыкла внезапно оказываться в пустоте.

Как много раз до этого, она парила во тьме. Но это не была тихая неподвижная тьма, которую она видела после смерти, и не бушующая чернота Моря Магии. Эта пустота была свободным ветром, бросающим ее, как лист, в бесконечно глубокой бездне. Бесконтрольное движение испугало Марси больше, чем все, что случилось с ее смерти, так сильно, что она начала переживать, что, может, ее и не забрали. Может, Мирон поймал ее, и это случилось с порванными душами. Но, когда она начала паниковать, что это бесконечное падение станет финальным местом для нее, ледяной ветер ударил снизу и остановил ее.

— Не бойся, — прошептал голос Призрака. — Я тебя поймал.

Как хорошо, — сказала Марси, закрыв глаза с облегчением. — *Я думала, мне конец...* — она растерянно замолкла. — *Почему я — бестелесный голос?*

— Потому что я тебя съел, — сказал ее дух, необычно робкий.

Ты меня съел? — закричала она, или думала, что закричала. Было сложно определить громкость, когда твои слова были скорее впечатлениями, чем звуками. — *Так я внутри тебя?*

— Да, — сказал Призрак. — Но не впервые. Сюда я забрал тебя, когда спас от Грегори.

Марси вспомнила. Он схватил ее, когда шар огня Грегори летел в нее, и утащил ее в черно-белый мир. Ее голос тогда тоже был странным, как и когда он взял ее в «его мир», когда мертвые атаковали на Земле Восстановления. Но, хоть те два раза были странным, им было далеко до этого.

Почему это изменилось? Когда ты забирал меня до этого, все просто было черно-белым. Тут только черное. Слишком много черного.

— Это твое изменение, — объяснил ветер. — Когда ты была жива, я взял тебя, тело и душу, в свою магию. Потому ты еще видела физический мир, мы оба были в моей магии. Теперь...

Нет тела, — закончила за него Марси, глядя на пустую тьму там, где должна была находиться ее грудь. — *Точно.*

— Прости.

Не нужно извиняться. Мирон собирался меня убить. Только твоими стараниями я не умерла снова, так что я не буду жаловаться из-за темноты, — она попыталась пошевелить ладонями. — Зато мои руки уже без ожогов. Это бонус.

— Это было глупо, — гневно сказал он. — Я защищал тебя.

Но мы проигрывали.

— Лучше, чем потерять тебя.

Марси попыталась покачать головой. Не было смысла объяснять снова, что было на кону. Он уже знал. Как всегда, больше всего из-за ее смерти боялась сама смерть. Она всегда думала, что это было мило. Теперь, озираясь, Марси поняла, что его желание сохранить ее с ним могло быть глубже, чем она думала.

Тут не так и много, да?

Ветер накренился, будто пожимал плечами.

— Я не просто так назван Пустым.

Она посмотрела на воющую пустоту.

Я вижу, почему ты не хотел, чтобы я бросала тебя одного. А забытые мертвые? Разве они не здесь?

— Здесь, — сказал он. — Но я стараюсь не беспокоить их без повода. Моя работа — принести им покой, и их бывает сложно найти, если они не просят моего внимания, — ветер подул по широкому кругу. — Это место такое большое, даже мертвые не могут его наполнить.

Марси удивлённо подняла голову, глаза расширились.

Погоди, — сказала она. — В этот раз я не внутри твоей магии, да? — она огляделась во тьме. — Это твой сосуд. Впадина нашего страха быть забытым, вырытая в полу Моря Магии, которая наполнилась и стала тобой.

— Можно и так сказать, — с горечью сказал он. — У меня не было названия для этого места. Тут я проснулся, когда до меня донеслись крики забытых, пока я не встретил тебя.

Она медленно кивнула, глядя в пустоту с новым отношением. В другие разы, когда он втягивал ее, было слишком много того, что можно было увидеть. Теперь физическая реальность ей не мешала, и Марси начала понимать впервые, каким большим был ее дух.

Духи сами по себе были большими, но она всегда думала о них как о чем-то размера Алгонквин: большим, но понятном. Великие Озера были огромны, но на них можно было посмотреть с самолета и подумать: «Это озеро».

Призрак был другим. Она знала, что он мог быть больше, чем Алгонквин, с тех пор, как Амелия объяснила концепт Смертных Духов, но до этого Марси не понимала, насколько больше. Если сосуд Алгонквин вмещал Великие Озера, Призрак мог бы вместить США.

Пространство было таким большим, таким широким, что не удавалось увидеть все сразу. Марси знала об этом только из-за того, что ощущала края через магию Призрака. Чем дальше она думала об этом, тем больше понимала, почему Амелия, Рейвен и даже Алгонквин порой звали Смертных Духов «богами». Другого слова просто не было для чего-то настолько большого.

Что ж, — сказала она. — Я хотя бы не расстроена теперь, что никогда не могла тебя наполнить, — теперь она знала правду, и Марси удивляло, что ее магия вообще что-то меняла. Даже огонь Амелии был бы каплей в таком большом ведре.

— Потому что я был близко к краю, когда ты меня нашла, — сказал он бесстрастно. —

Капля помогает сильно, когда ты близко к краю.

Не проси меня заполнить остальное, — потрясенно сказала она. — Я не знаю, есть ли так много магии в мире. Это место поразительное.

— Я рад, что тебе нравится, — тихо сказал он. — Мне нет.

Почему?

Ветер стал холоднее.

— Оно слишком большое. Большое, холодное и...

Одиноко?

— Мертвые всегда одиноки, — сказал он. — Одиноки в смерти и одиноки тут. Из общества у них только момент, когда я спасаю их из их рушащихся могил, а потом они боятся моего лица, — ветер, держащий ее, задрожал. — Все боятся меня. И этого места. Все, кроме тебя.

Я никогда не буду тебя бояться, Призрак, — пообещала Марси.

— Знаю, — сказал он, ветер сжал ее сильнее. — Иначе почему я так старался тебя спасти? Я знаю, что твоя работа важна, но у меня есть только ты. Если бы я не был быстр, Мирон порвал бы тебя.

Но не порвал, — твердо сказала она. — Благодаря тебе. Но ты-то должен знать, как меня тяжело убить. А мы вместе? Нас не остановить.

— Не совсем так. Мирон и его крыса подавили нас.

Подавили, — сказала она. — Не убрали. Но, хоть у СЗД больше магии, чем у тебя сейчас, и Мирон мощнее меня, как маг, у них нет того, что есть у нас. У них нет этого, — она провела ментальной ладонью по связи между ними. — Это наша сила, и так мы их одолеем.

Ветер вздохнул.

— Я знаю, что выбрал тебя из-за решимости, но, думаю, ты перегнула. Мирон тебе сильно навредил. Я едва поймал твою душу до того, как он изорвал ее, и твоя магия еще целая, потому что я ее сдерживаю, оставляя тебя в месте, где у меня полный контроль. Если ты снова пойдешь в хаос Моря Магии, даже с моим защитным ветром, ты будешь очень уязвима. Призрак.

Тогда мы совпадаем, — сказала Марси. — Я не сдаюсь. Ты знаешь, что могло произойти, если бы Мирон пробил путь к Сердцу Мира, если он еще не сделал этого, — она не знала, сколько парила во тьме, но лабиринт Мирона был почти завершен. — Я знаю, это опасно, но мы должны это сделать, Призрак. Если мы не станем Мерлином вместе, нам обоим конец. Полностью. Даже если я смогу вернуться в свою смерть, ты не сможешь меня забрать, когда место рухнет, да?

— Да, — мрачно сказал он. — Без Смертных Духов никто тебя не спасет.

Именно, — сказала она. — Потому мы не можем остановиться. Это не только наши жизни. Я даже не знаю, как описать масштаб того, что на кону, но мы уже столкнулись с выбором «личная безопасность или Мерлин», и мы оба знаем, что я выбрала.

— Да, — смиренно сказал он. — Хорошо, что мы делаем?

Попробуем другой подход, — Марси посмотрела туда, где ощущала края его тьмы. — Мне нужно, чтобы ты перенес меня в сосуд СЗД.

Ветер замер.

Я знаю, что ты можешь, — сказала она, не дав ему возразить. — Вы родились друг над другом. В тени Алгонквин. Думаю, из-за этого ты знаешь, где ее сосуд. Я хочу, чтобы ты

отнес меня туда.

— Я знаю, где она, — признал Пустой Ветер. — И ты права, она близко, но...

Но?

— Она не как я, — сказал он, наконец. — Не как я сейчас, по крайней мере. — Помнишь, каким я был сначала? Каким растерянным и злым я был, как хотел тобой управлять?

Как я могу забыть? — Марси закатила бы глаза, если бы они у нее были. — Ты пытался сделать меня своим питомцем. Но у тебя была на то причина. Ты только пробудился, без помощи, а твоя обитель кричала тебе все исправить. Конечно, ты был зол и растерян.

— Как и она, — сказал Призрак. — Только она намного больше, и у нее больше причин злиться. Она не добрый город, Марси.

Я знаю это, — сказала она. — Но она — мой город. Я убежала в СЗД не только для того, чтобы спастись от Биксби. Я всегда хотела жить там, потому что там все возможно. Это мечта СЗД. Это город, где каждый может начать заново, и что угодно может произойти. Мирон не может сковать это цепью. Как бы она ни злилась, если она — все еще СЗД, которую я знаю, я смогу с ней поговорить.

— Уверен, ты сможешь, — сказал он. — Я просто не знаю, послушает ли она.

Нам нужно воспользоваться этим шансом.

Пустой Ветер вздохнул, а потом стал двигаться, потянул ее через тьму на огромной скорости.

— Я просто надеюсь, что ты знаешь, что делаешь.

Не знаю, — призналась она. — Не могу. Мы на новой территории. Я ничего не знаю. Не нужно пробовать.

Правда была ужасной, но Марси привыкла к этому. С момента, когда она связала себя с Призраком, все было новым, странным и неизвестным. Она справлялась месяцами, но это была цена такого. Она надеялась, что не превратится в кусочки. Но уже не могла развернуться. Призрак уже замедлялся, его ветер мягко нес ее к краю тьмы.

Как все в этом месте, Пустой Ветер заканчивался скалой. Она поднималась из его глубин, как стена. В отличие от дыры на вершине смерти Марси, тут не было перевернутой лужи темной жидкости или какого-то барьера. Это был просто камень, место, где пол Моря Магии падал в пропасть страха людей быть забытыми, а выше в пропасть ниспадал водопад бушующей магии высотой в тысячу миль.

Ого, — Марси восторженно смотрела туда, дух поднял ее над тихим черным морем, льющимся еще более черную пропасть. — Это магия, наполняющая тебя?

— Она пытается, — прошептал он, направляя ее в место над своим сосудом на более медленной скорости. — Она уже долго так течет, а я — очень большая дыра.

Вижу, — она оторвала взгляд от водопада магии и посмотрела наверх. Попыталась. Они летели над полом Моря Магии, но увидеть толком ничего не получалось. Тошнотворные хаотичные волны до этого кружили ей голову, но теперь она едва их видела, они стали маленькими. Она пыталась понять, изменилась магия или она, когда Призрак объяснил:

— Магия тут разрежена, — сказал он, опускаясь к каменному полу. — Море Магии еще наполняется. От этого есть неровные места, особенно, где нужно наполнить много пропастей Смертных Духов. Магия льется нас быстрее, чем заменяется, и возникает мелководье.

Потому мы движемся так медленно?

— Нет, — он опустил их на дно моря. — Мы замедлились, потому что мы тут.

Марси вздрогнула. Опустившись, она ощущала камень под ногами, значит, у нее снова были ноги. Она быстро выяснила, что у нее были и ладони, как и остальное тело. Она все еще ничего не видела в темноте, но ее радовало то, что она ощущала свои физические части или хотя бы их иллюзию. Она повернулась к Призраку, чтобы спросить, было ли это из-за того, что они покинули его владения, или он как-то ее соединил, но вопрос умер, не сформировавшись до конца в ее голове, ведь ее взгляд опустился, и она увидела, где они опустились.

Они были на краю другой пропасти с магией, льющейся за край, как у Призрака, но это место не было пустым или темным. Это место было большим и сияющим, Великий Каньон мерцающего света внизу, который тянулся вдаль, сколько она видела.

На что я смотрю? — прошептала она, сидя на коленях на краю морского дна.

— На то, что просила показать, — прошептал нервно ветер ей на ухо. — Город.

Глаза Марси расширились. Там было так ярко после пустоты Призрака, и она не поняла, пока он не назвал, что весь тот блеск внизу был городом. Невозможно огромным, двуслойным городом, который тянулся во все стороны.

Кроме участка дна, где они стояли, каждый угол внутри каньона внизу был заполнен. Марси словно смотрела в зеркальный ящик. В стороне небоскребы поднимались до бесконечности. Внизу были бесконечные лестницы, переходы, трубы канализации, тянущиеся в сгусток неоновых огней. И если она смотрела вперед, был просто город. Мили и мили зданий и эстакад, реклам и машин, которые ехали с Небесных путей к решетке улиц внизу. Но, хоть это было невозможным, каждый вид был знакомым, ведь это был не простой город. Это был ее город, она считала его домом, хоть прожила в нем лишь несколько недель.

Это СЗД.

— Это идеал СЗД, — сказал Призрак.

Видимо, так и было. Город существовал в трещине в полу Моря Магии, а не на берегу озера Сен-Клер, и город перед ними был во много раз больше настоящего СЗД. Он был еще и архитектурно невозможным, хотя тут это было не важно. Законы физики работали только в физическом мире. Это был мир духов, магии и идей, и это была мечта человечества о новом Детройте: бесконечный мегаполис, где все могло произойти и происходило. Она смотрела на сосуд Смертного Духа СЗД. Не крысы, какой она притворялась. Это была не она, как Призрак не был котом. Тут была настоящая СЗД, сердце мечты людей о городе, и теперь она была тут, и Марси знала, что ей нужно было сделать.

Я вхожу.

— Я не могу пойти с тобой, — предупредил Пустой Ветер. — Это ее владения, где ее магия. Я не могу...

Знаю, — Марси улыбнулась ему. — Не переживай. Такой план, помнишь? Я буду в порядке, я только поговорю. Жди тут. Я вернусь скоро.

Было ясно по его дрожи, что Призрак не был в порядке, но он не боролся с ней. Он плотнее обвил ее, ледяная ладонь сжала связь магии между ними изо всех сил.

— Я вытащу тебя, если станет плохо.

Если все будет плохо, вытягивать будет нечего. Она шла в логово льва. Она была просто душой, остаток магии от человеческой жизни. Во владениях СЗД она будет во власти города, как и всей другой магии там. Но она знала своего духа достаточно, чтобы знать, что Призрак

не обижался. Ему нужна была их связь, и она дала ему сжать еще раз магическую связь между ними. Марси шагнула с края.

Изменение было мгновенным.

Едва ее ноги опустились на землю, все — тьма, кружащаяся магия, ее Пустой Ветер — пропало мгновенно, заменились ярким солнцем, которое отражалось от суперскребов сверху. Она не падала, не парила, не было ничего странного. Она просто из души на краю магической пропасти стала нормальным человеком, стояла посреди людной площади, где-то на Небесных Путиях под слепящим полуденным солнцем.

Призрак?

Слово было тихим в ее голове, вдруг показалось маленьким. Маленьким и пустым. Их связь была все еще в ее руках, но голос ее духа пропал из ее разума и ее ушей. Как в смерти, Марси была одна в своей голове, но не в остальном.

Как в настоящем СЗД, всюду были люди. Они столпились вокруг нее, туристы и офисные работники, уличные торговцы и школьники. Обычные люди, каких она видела каждый день, смеялись, болтали и жили. Это делало толпу такой странной, ведь у этих людей не было жизней. Они были тенями, аспектами духа, который правил этим местом. Духа, который должен был знать, что она была тут.

Вдохнув глубоко воздух города — легкие были такими же нормальными, как в ее смерти до этого — Марси повернулась по кругу, разглядывая толпу. Искала то, что показывало, что это была иллюзия, идеал, дом для духа.

Но, чем больше она смотрела, тем реальнее ощущался город. Внизу, на земле, она даже не видела странное бесконечное небо. Люди выглядели и звучали как обычная толпа в солнечный день на Небесных путях. Запахи от уличных тележек были вкусными, вызывали ностальгию, как она помнила. Если бы она не знала лучше, она почти поверила бы, что была на самом деле...

— Дома.

Марси подпрыгнула. Голос прозвучал за ней. Когда она повернулась, Марси увидела, что было напротив на улице, смотрело на нее из незнающей толпы.

Когда она впервые увидела духа за Мироном во тьме, дух СЗД выглядел как большая злая канализационная крыса. Когда он спустил духа на Призрака, дух выглядел как монстр. Теперь на нее смотрел почти человек. Болезненный и трагичный человек с сутулой спиной, черный плащ был сделан из мусорных пакетов. Опущенная голова была под глубоким капюшоном, большие глаза сияли оттуда как фонари в темном переулке. Существо, глядящее на Марси, все еще было больше похоже на человека, чем на монстра, которому Мирон приказал напасть, и это дало Марси надежду.

Привет, — сказала она, скрывая гримасу из-за того, что осталась бестелесным голосом, за дружелюбной, как она надеялась, улыбкой. — *Вряд ли нас знакомили. Я — Марси...*

— Я знаю, кто ты, — сказал дух, ее голос в этот раз был мягким, как белый шум толпы. — Я увидела все, когда ты прыгнула. Ты — маг СЗД. Один из моих, — она улыбнулась, ее оранжевые глаза сияли. — Приветствую дома.

Спасибо, — нервно сказала Марси. — *Но, боюсь, была ошибка. Да, я жила в СЗД, но я не твоя. Я принадлежу Пустому Ветру.*

— Уже нет, — сказала СЗД. — Ты пришла ко мне. Ты живешь тут, — она указала на улицу под их ногами. — Это делает тебя моей. Кто-то должен прийти домой. Город не может быть пустым.

Но ты не пустая. Все эти люди, здания...

— Они не мои, — прорычала дух. — Он поместил их сюда.

Отвращение и ненависть в ее голосе пронзили Марси как шрапнель. Призрак все время читал ее разум, и она не должна была удивляться, но было невозможно не вздрогнуть от внезапного прилива горького токсичного гнева, затопившего ее мысли. Единственной хорошей честью было то, что ей не нужно было гадать, о ком дух говорил. Едва она заговорила, лицо Мирона появилось на всех парящих рекламных щитах и проекциях в городе, лицо скалилось, как злобное божество.

— Он сковал меня, — СЗД зарычала на изображения. — Они сделали это вместе. Озеро всегда было моим врагом, но я не думала, что маг выступит против. Я — их город, их свобода, — она полезла в мусорные мешки, провела пальцами-когтями по серебряной ленте на ее горле. — Как он мог меня сковать!

Он поступил чудовищно, — согласился Марси. — Потому я тут. Я могу тебе помочь.

— Знаю, — сказал дух, пронесся сквозь толпу, как крыса, и оказался перед ней. — Потому я впустила тебя. Ты — не трусиха, как он, — она улыбнулась Марси. — Ты ходила со смертью, но не боялась. Теперь ты можешь ходить со мной, — ее улыбка стала шире. — Я сделаю тебя своей.

Нет, — твердо сказала Марси. — Я польщена, но у меня уже есть дух.

— Но я лучше, — возразила СЗД. — Я — лучший город в мире! Все меня хотят, включая тебя. Ты жила тут. Это делает тебя моей, а если ты моя, ты можешь сломать это, — она указала на серебряную петлю на своей шее. — Это хорошо для нас обоих. Освободи меня, и я дам тебе то, чего он хочет. Мы порвем дверь, которой он так одержим, и сделаем Мерлином тебя. А потом у нас будет сила, а у него ничего не будет.

Гнев духа снова рассек Марси, как ржавый нож, но куда тревожнее чувства было то, что оно отмечало. Она была с Призраком достаточно долго, чтобы знать, что означала эта эмоция. Дух СЗД могла быть переполненной, но она была все еще новой и растерянной, как Призрак, когда она его нашла. В отличие от Пустого Ветра, СЗД некому было помочь, не было даже котов. Она родилась с Мироном и его цепями. Конечно, она была такой нестабильной. Ей нужен был настоящий Мерлин, тот, кто будет ее спутником во всем этом. Но, хоть Марси не могла стать такой для нее, она могла помочь.

Я не должна быть твоей, чтобы дать тебе свободу, — сказала она, глядя в сияющие оранжевые глаза духа. — Уверена, он тебе этого не сказал, но Мирон не имел права тебя сковывать. Смертные Духи должны выбрать человека, который лучше им подходит, не наоборот, и это не происходит через цепи. Не знаю, как он так тщательно себя сковал, но если тыпустишь меня ближе, я смогу сломать это, а потом ты сможешь делать, что хочешь. Пойти домой, вернуться в свой город и найти мага, который не будет тебя мучить. И не понадобится ничего ломать.

Надежда была на большее. Марси не знала, могла ли она сломать безумие, которым Мирон сковал духа. Но, как он сам сказал, все, что создал человек, человек мог сломать. Ей нужно было убедить СЗД, чтобы она подпустила ее близко, чтобы попробовать. Но игра Марси, похоже, работала лучше, чем она ожидала. Она едва озвучила предложение, СЗД бросилась вперед и схватила ее ладони.

— Да! — завопила дух, ее голос был ревушим и хаотичным, как бушующая толпа. — Сделай это! Освободи меня, и я заставлю их обоих заплатить за то, что они сделали.

Ненависть в ее голосе в конце была новой и ужасной. Она не была резкой, как гнев, но

была больше и сильнее. Ненависть поднялась туманом в городе, сделал огни тусклым, превратив толпу вокруг них в дикую. Внезапный рев их злых голосов так пугал, что даже Марси — которая умерла после действий Хозяйки Озер, и которая сама предложила эту идею — помедлила.

— Чего ты ждешь? — осведомилась СЗД, сжимая серебряную петлю обеими руками. — Освободи меня!

Освобожу, — пообещала Марси, хоть не приблизилась. Она не обижалась на гнев духа. Она видела, что бедняжка была рождена в крови и прикована с момента пробуждения. Алгонквин и Мирон обходились с ней как с оружием, ломом, чтобы открыть Врата Мерлина для того, чтобы уничтожить СЗД и всех Смертных Духов, как она. Она заслужила злиться. Марси тоже, но, в отличие от города, она не родилась сегодня. Она знала, что буйство из ярости, хоть и праведной, всегда приносило последствия. — *Я не прощаю Мирона или Алгонквин,* — осторожно сказала она. — *Ты имеешь право хотеть их головы на тарелочке за то, что они сделали, но ты — очень большой дух. Если ты гневаешься, ты можешь уничтожить не только своих врагов.*

— И что? — закричала она. — Я — СЗД! То, что я разрушаю, я могу отстроить. Все всегда можно отсрочить.

Не людей, — сказала Марси. — *Места и вещи можно восстановить, духов можно возродить, но смертные просто умирают. Посмотри на меня,* — она прижала ладони к своей груди. — *Я мертва. То, что я говорю с тобой сейчас, чудо, которое зовется Пустым Ветром. Если я вернусь в мир живых, то только из-за чудес, но не всем так везет. Остальной твой город, твои люди... у них нет того, что есть у меня. Если ты ударишь по Алгонквин, это будет оправданно, но не стоит при этом уничтожать свои владения.*

— Если ты мне не поможешь, ты бесполезна, — прорычала дух, приближаясь. — Я не должна была тебя впускать. Ты уже мертва. Я могу закончить работу.

Я в курсе, — гневно сказала Марси. — *Думаешь, я не знаю, как рискую, придя сюда? Мой дух переживает. Но я сделала это, потому что не могу дать Мирону и Алгонквин победить. Это делает нас союзниками, и я не говорила, что не буду тебе помогать. Я просто пытаюсь убедиться, что ты понимаешь, что на кону. Алгонквин уже затопляла Детройт однажды.*

— Думаешь, я не знаю? — завопила СЗД. — Я тонула! Но теперь все иначе. Ты говоришь так, словно я захожу в ловушку, атакуя, но Алгонквин должна бояться. Из нас двоих я — больший дух, значит, я — не ее город. Она — мое озеро, но только это не дает мне поставить ее на место, — СЗД потянула за серебряную веревку на шее. — Мы обе хотим одного. Освободи меня от оков, и я ударю по Алгонквин так сильно, что она больше не поднимется.

Это было очень заманчиво. Было ясно, что выпускать юного, гневного и неуправляемого Смертного Духа в мир было плохой идеей. Но СЗД была типом духа, ради которого Марси боролась все это время. Она была Смертным Духом, магией людей. Ее гнев не был безумием зверя в клетке. Это был гнев человечества на Алгонквин, духа, который утопил миллионы людей и забрал себе их город.

В отличие от людей, создавших ее, СЗД была достаточно большой, чтобы дать отпор. Если Марси освободит ее, она не только не пустит Мирона во Врата Мерлина, она сможет выгнать Алгонквин из СЗД. Навсегда. Это стоило риска.

Верно?

Она прикусила губу, пытаясь отчаянно все обдумать логически, но это было невозможно. Все было слишком сильным, слишком изменчивым, чтобы быть уверенной. В конце это приходило к духу перед ней. Дух города, который она стала считать своим, который несправедливо обижали и пленили. Дух, который, если Марси ничего не сделает, будет использован, чтобы убить других, включая Призрака. Это было эгоистично, но все же пугало, ведь если Марси не поможет СЗД, она вряд ли выберется из этого города.

А еще праведный гнев духа был риском, который Марси была готова принять. Если СЗД была больше Алгонквин, ее освобождение станет первым настоящим ударом человечества по озеру. Даже если будет отдача, последствия не могли быть хуже, чем оставлять дух города Мирону и позволять его страху передать Алгонквин победу. Этой логики ей хватало, и Марси протянула руку, впервые коснулась духа, ее пальцы сжались на серебряной петле на ее шее.

Когда Марси коснулась металла, несколько вещей стали тут же понятными, начиная с того, в какой улей она сунула руку.

В оковах СЗД была не только магия Мирона. Серебряный лабиринт в металлической ленте был его работой, но остальное — тысячи слоев пересекающихся заклинаний, которые покрывали обе стороны тонкой полоски металла, поразительно сложной логики, управляющей потоком магической силы СЗД — содержало множество магических почерков. Это была поразительно утонченная работа сотен рук, а еще ощущалось участие духа, не Алгонквин. Она не знала, какого духа, но одно было ясно: это было не заклинание Мирона, и тут Марси нашла лазейку.

Она гордилась своими навыками, но оковы на СЗД были слишком сложными, чтобы она могла взломать их сама. Хорошей частью было то, что Мирон был в тех же условиях. Он гениально управлял зачарованной серебряной лентой, ввел ее в лабиринт, сковавший город, но эти запоздалые поправки не могли изменить факт, что заклинание изначально не было оковами. Приказы Мирона были наслоены, не внедрены, и если Марси обнаружит части, которые он изменил, она сможет вернуть им изначальный вид и убрать его контроль.

Думая об этом, Марси приступила к работе, склонилась над СЗД, стала осторожно пробираться через лабиринт Мирона. Это была скучная деликатная работа, но не такая тяжелая, какой могла быть. Хоть она всем сердцем ненавидела мужчину, Марси не могла отрицать, что его работа была изящной. Хоть он, очевидно, подправил заклинание для новой функции, но его правки все еще были шедеврами изящества и простоты. Было больно ломать такой идеал, но гнев подгонял ее, и вскоре Марси оказалась у сути, на чем все держалось.

Серебряная лента не просто обвивала шею духа. Как только мусорные мешки упали, Марси увидела, что оковы покрывали все тело СЗД, как бинты мумии, но они обвивали ее не кругами. Лента была сложена в тюрьму, которая была наполовину коробкой-оригами, наполовину Гордеевым узлом, и дух сросся с ним, как тыква в форме.

Структура была гениальной, но было заметным слабое место. Кусочек металла — не лента, а стержень, который тянулся как удила у основания горла духа. Даже тут, где не было ничего физического, кусочек был старым и потрепанным, но один набор отметок был новым. Имя Мирона, вырезанное глубоко на поцарапанной поверхности металла. Тут все соединялось.

Едва она коснулась букв, все заклинание раскрылось, как цветок. Жуткий миг она касалась духа напрямую, вошла в ее живую магию, и Марси смогла видеть Мирона глазами СЗД. Точнее, оранжевыми глазами крысы, которая все еще сжималась рядом с ним.

Время в сосудах духов текло иначе, как в ее смерти. Марси казалось, что она была тут часами, но через глаза духа она видела, что он все еще рисовал на деревянной двери Врат Мерлина. Он ощутил ладонь Марси на своём заклинании, потому что, когда она увидела его, он замер, убрал руки от почти законченного заклинания.

— Нет, — сказал он, повернувшись со страхом к своему духу. — Этого не может быть. Ты не можешь это делать!

Марси усмехнулась, опустила ладони по бокам от заклинания, окружавшего его имя.

Поспорим?

Она не понимала, что он слышал ее голос в своей голове, как и его духа, пока не ощутила его панику, текущую по нити, соединявшей его с СЗД. Марси уже была слишком глубоко, чтобы переживать. Она сжала всеми силами, разрушая заклинание, которое он вклинил, чтобы сделать духа пленником. Это было грубое решение поразительно изящной загадки, и это не сработало бы, если бы СЗД не была на ее стороне.

Город давила вместе с Марси, кусала и царапала, билась всей мощью с оковами, которые рвала Марси. Одна она не смогла бы. Вместе они объединили силу, которая была больше, чем могло выдержать заклинание, и Мирон не был исключением. Через секунды после начала серебряные оковы лопнули, как нить, и СЗД вылилась с воплем, оставив Марси одну в городе, который вдруг пропал.

Ничто ее не поддерживало, и она понеслась сквозь тьму, и в этот раз это не была тьма Призрака. Ее выкинуло из другого духа, и она теперь падала сквозь кружащийся темный хаос Моря Магии. Одна, без защиты, и она не могла за что-то ухватиться.

Едва она поняла, что происходило, Марси запаниковала. Без щита Пустого Ветра магия, которая сжигала ее руки, теперь обжигала все, съедала остатки ее души с пугающей скоростью. Она видела только маслянистую тьму, даже не могла криком позвать на помощь. Когда она открывала рот, обжигающая магия врывалась. Но, когда Марси поверила, что достигла конца вереницы чудес, стена ветра врезалась в нее, опустила ее на землю, которую она не ожидала ощутить.

— Марси!

Она еще никогда не была так рада слышать голос. Призрак на рекордной скорости попал к ней, безумно быстро схватил ее с камня, соединил ее магию так быстро, как только мог.

— Ты в порядке? Не ранена?

Все болело, но она не переживала из-за радости.

— Мы это сделали! — закричала она, радостно смеясь от того, что ее голос снова звучал вне головы. — Я разбила оковы. Я освободила ее!

— Знаю, — сказал Пустой Ветер. — Я ощутил, как она ушла. Она отправилась на другую сторону, и она злится, — он поежился. — Не хотел бы я сейчас на место Алгонквин.

От того, как он это сказал, Марси поежилась.

— Я пнула то, что не стоило трогать?

— Наверное, — сказал он. — Но хорошие варианты давно кончились. Теперь мы можем работать только с тем, что есть. Но я должен вернуть тебя к Вратам Мерлина.

— Почему? — спросила она, вдруг испугавшись. — Мирон их сломал? Они разрушены?

Было невозможно понять с его пустым лицом, но Марси могла поклясться, что ее дух улыбался.

— Нет, дверь открылась.

Он указал, и Марси повернулась и увидела, что она не затерялась в Море Магии. По крайней мере, не так, как она думала. Они не были в забытом уголке магического измерения. Они были у колонны Врат Мерлина, в двадцати футах от места, где работал Мирон. Она не увидела это раньше, потому что бушующий хаос мешал зрению.

Теперь она была внутри успокаивающего ветра Призрака, и она снова все видела, включая Амелию, которая сжалась в комок на земле, окружённая пузырем огня. Пузырь лопнул, когда она заметила Марси.

— Больше так не делай! — закричала драконша, бросаясь на них огненной стрелой. Она врезалась в Марси, сбивая ее на землю.

— Прости, — выдохнула Марси.

— Не извиняйся! — рывкнула Амелия, таким пронзительным ее голос Марси еще не слышала. — Быть тут одной — самое страшное, что я проходила, а я знаю ужасы! Я была частью пробной кладки Бетезды, помнишь? Тебе повезло, что я достаточно крутая, чтобы защититься, но смотри, что стало с моим огнем, — она раскрыла крылья, которые пылали уже не так ярко, как до этого. — Я не могу его пополнить!

— Прости, — повторила Марси, поднимаясь. — Я такое не планировала. Если тебе станет лучше, мне тоже было страшно, но, думаю, это сработало.

— О, это сработало, — Амелия забралась на плечо Марси. — Смотри.

Она кивнула на Врата Мерлина, и глаза Марси расширились. Как она видела через СЗД, незавершенный лабиринт магии Мирона еще сиял на деревянной двери. Это было не важно, потому что, как и сказал Пустой Ветер, дверь сама открылась, золотой свет во тьме был приглашением. В отличие от других раз, когда дверь открывалась, на пути не стоял нахальный шикигами. Просто открытая дверь, чистый проход к тому, что лежало дальше, на коленях перед проемом был Мирон.

Если бы не его костюм, Марси не узнала бы его. Он пришел как завоеватель, бросал заклинания во все стороны, обходился с Морем Магии как с военной зоной ООН. Теперь его сжавшееся тело просвечивало сильнее Марси, и оно становилось тусклее с каждой секундой, пока он сжимался в комок. Марси хорошо понимала это положение, ведь сама это прошла.

— Его съедает магия.

— Ясное дело, — холодно сказал Призрак. — Без защиты духа он тут — ничто.

— Он везде ничто, — Амелия задрала нос. — Пусть тает. Он заслуживает этого после бардака, который устроил.

Пустой Ветер кивнул и пошел к открытой двери, но Марси не следовала. Он оглянулся, и она вздохнула.

— Мы не можем его так оставить.

— Конечно, можем, — сказала Амелия. — Просто ничего не делай. Легкотня.

— Согласен с драконом, — сказал ее дух. — Он не заслуживает сострадания.

— Знаю, — утомленно сказала Марси. — Он ужасный, он творил ужасы, но... — она утихла, вздохнула. — Он все еще человек, и он не так плох. Он дал мне несколько шансов отступить, если помните. И я не могу дать ему умереть у меня на глазах.

Они смотрели на нее как на безумную, но Марси уже шла к Мирону, двигаясь к краю защитного ветра, веря, что Призрак последует. Он сделал это, хоть и с неохотой.

— Это ошибка.

— Это трагедия, — сказала Амелия. — Подумай о том, что ты делаешь, Марси. Оставить кого-то страдать от последствий их действий — не жестоко. Это естественный

отбор. Ты поддержишь плохое поведение, если пощадишь его.

— Наверное, — признала Марси. — Но я лучше разберусь с этим, чем буду знать, что ушла и позволила еще одному магу умереть. И он ничего не может сделать. Посмотрите на него.

Маг ООН был чуть больше тени себя. Его тело просвечивало сильнее, чем Марси, и он вообще не двигался. Он сидел на коленях на земле, ждал смерти. Это было жалкое зрелище, и хоть она злилась на Мирона, Марси не могла видеть его таким. Она не могла дать ему умереть, не показав ему свою победу, и она сделала еще шаг вперед, заставляя защитный ветер Призрака закрыть и старшего мага.

Когда Пустой Ветер прогнал обжигающую магию, Мирон рухнул, сжимая остатки просвечивающего тела, всхлипывая. Душераздирающий звук укрепил веру Марси, что она поступила правильно, но Амелия закатила глаза.

— Фантастика, — она скрестила лапы, фыркнув. — Теперь нужно разбираться еще и с этим, — она мрачно посмотрела на Марси. — Джулиус ужасно на тебя повлиял.

Марси не была согласна, что ужасно, но остальное было правдой. Она не проявила милосердие к Биксби или его людям, но с тех пор произошло многое в ее жизни, и Марси было сложно убить. И, хоть он не заслуживал ничего после того, что он сделал, позволять сэру Мирону Роллинсу умирать, когда она могла легко спасти его, ощущалась как трата. Как она видела в заклинании оков СЗД, он все еще был гениальным магом. Такие были нужны миру, даже если они были придурками. Конечно, теперь, когда она спасла сэра Мирона, Марси нужно было понять, что с ним делать.

Она повернулась, чтобы спросить у Призрака, можно ли выгнать его в его тело в физическом мире, когда Мирон вдруг перекатился на спину и посмотрел на Марси с непониманием на лице.

— Ты спасла меня.

— Да, — сказала она, замерла, ожидая благодарности после таких слов. Но не в этот раз.

— Почему? — осведомился он, резко сев. — Почему ты это сделала?

— И мне уже интересно, — проворчала Марси.

— Знаешь, немного унижения не навредит, — сказала Амелия, спрыгивая с плеча Марси на голову Мирона, которую она тут же стала пытаться наклонить к его коленям. — Кланяйся, идиот. Ты ей жизнью обязан.

Мирон яростно отмахнулся от дракончика. Бессмысленный жест, ведь его просвечивающая ладонь прошла сквозь нее.

— С чего мне благодарить Новалли? Она освободила Смертного Духа!

— Которого ты поднял и сковал, — гневно сказала Марси. — Чем ты думал?

— Чем думала ты? — заорал он. — Я должен был ее сковать. У тебя нет глаз? Она — монстр!

— Мои глаза в порядке, — Марси поднялась на ноги. — Но я вижу тут только одного монстра — тебя, Мирон.

— Потому что ты не понимаешь, — сказал он, отчаянно впиваясь ладонями в седеющие волосы. — Ты все испортила. Без оков она будет бушевать!

— Да, чья это вина? — спросила Амелия. — Вы довели ее до этого.

— У меня все было под контролем.

— Вот и нет, — заявила раздраженно Марси. — Ты пытался посадить на поводок то,

что в миллиард раз больше тебя! Конечно, все рухнуло.

— Только из-за тебя, — рывкнул он. — Ошейник не был бы вечным. Мне нужно было управлять ею, пока я не стану Мерлином. Если бы ты не влезла, я был бы им уже, и вся проблема с духами была бы исправлена.

Ветер Призрака стал до ужаса холодным.

— Нужно было дать ему умереть, — прорычал он.

— Еще не поздно, — бодро сказала Амелия.

Марси стала тайно соглашаться. Но, хоть Мирон раздражал, ее решение было принято.

— Что сделано, то сделано, — она хмуро смотрела на него. — Хорошо или нет, но твоя жизнь спасена. Иди домой, Мирон. Ты тут не нужен.

Наглый вид пропал с лица мага, оставив его почти робким.

— Я не знаю, как, — признался он, глядя на ладони на своих коленях. — Дух привел меня сюда своим путем. Я не... я не знаю, как вернуться в свое тело самостоятельно.

В другой раз Марси хохотала бы до упаду от иронии, что величайший эксперт по глубокой магии затерялся в ней. Но сейчас это только раздражало.

— Тогда хватит жаловаться, — рывкнула она. — У меня нет на тебя времени, — она повернулась, встав к нему спиной, и пошла к открытой двери. — Терпи или потеряйся, но я закончу то, что начала.

Мирон стал что-то говорить, но Марси уже не слушала. Все разговоры о Джулиусе, смерти и том, что разрушено навеки, только напомнило ей, как много на кону. Ей было все равно, что будет нужно, что понадобится сделать — она станет Мерлином, исправит это и вернется домой. Она все сделает правильным для всех, а потом, когда это закончится, и она вернется к Джулиусу, она больше никогда его не отпустит.

Уверенность горела в ней как огонь дракона, Марси шагала по камню к широко открытым Вратам Мерлина. Она пересекла порог без колебаний, ушла из тьмы в льющийся свет.

* * *

В это время в СЗД в закрытой пещере под финансовым районом, который местные звали Ямой, Алгонквин сжимала свою воду.

Ей не нужно было смотреть на все еще бессознательного Мирона, лежащего лицом вниз в круге, чтобы понять, что все шло плохо на другой стороне. Ее магия тоже там была. Она ощущала это, как все. Что-то сломалось в Море Магии, что-то большое. Мирон не проснулся. Он был жив, его грудь вздымалась и опадала под головой Феникса, но это ничего не значило. Он не смог стать Мерлином, что бы там ни творилось. Его дух несся по магии, как таран, а это означало, что все пошло плохо.

— Леди Алгонквин!

Голос человека был испуганнее обычного, и Алгонквин изобразила из своей воды смертное лицо и повернулась к проблеме, которая оказалась одним из ее командиров. Она не могла понять, какой. Все смертные для нее выглядели одинаково, и они умирали так быстро, что не было смысла запоминать их имена. К счастью, она платила людям достаточно, чтобы им было плевать на такое. Женщина в броне не медлила, сразу дала отчет:

— Леди, — она отсалютовала. — Маги докладывают, что сэр Мирон уже не управляет своими оковами. Сам круг пока держится, но никто не знает, надолго ли. Маг-командир просит вашего разрешения на перемещение круга подальше от центра города, чтобы

избежать вреда инфраструктуре и гибели жителей.

Это была разумная просьба. Смертных можно было легко заменить, но Небесные пути были дорогими. Перемещение серебряного круга из внутренностей Феникса усложнит для Мирона задачу поиска тела, но если он не стал Мерлином, то он мог и умереть. Алгонквин он надоел, но, когда она открыла рот, чтобы приказать отступление к пустошам за Землей Восстановления, почва задрожала.

Алгонквин бросилась, оставив водное тело под Ямой, отправилась проверить свои озера, но ее рыба была спокойна. Это было не землетрясение. Что бы ни дрожало, это влияло только на город. Это продолжалось, когда она вернулась в Яму, оживила там воду с испуганным плеском.

— Эвакуируйте Небесные пути.

Голова командира поднялась.

— Леди?

— Ты меня слышала, — прорычала она, парила над землей у круга, где еще было спящее тело Мирона. — Я хочу, чтобы все ушли. Опустоши город.

В этот раз возражений не было. Командир даже не отсалютовала. Она побежала к грузовикам, крича в рацию, что нужно эвакуироваться, и это была не учебная тревога. Алгонквин уже не слушала ее, сосредоточила всю воду на магии, которая поднималась из земли под ней как кулак.

Это запутает твою историю, — прошептала Левиафан, его низкий голос скользил сквозь ее воду, как масло. — *Они будут звать тебя милосердной.*

— Какая мне разница, как меня запомнят люди? — Алгонквин направила воду к краям серебряного круга. — Я делаю это, не спасая их. Я эвакуирую город, потому что город без людей — просто оболочка, — и, учитывая размер магии, несущейся к ним, ей потребуется любое преимущество.

Ты не можешь победить, — сказал Левиафан, подбираясь ближе во тьме. — *Я предупреждал с самого начала, что это проигрышный бой. Людей слишком много, и их страхи слишком сильные. Они уничтожат все, что ты любишь. Только я могу их остановить. Только я могу тебя спасти,* — его щупальца обвили ее с любовью. — *Отдыхай, Алгонквин. Дай мне сразиться за тебя.*

— Еще нет, — прорычала она, отталкивая его, взывая к своей воде, поднимая озеро Сен-Клер, чтобы пробить защитные стены, которые она построила, чтобы остановить загрязнение, и затопить Яму еще раз. — Я еще не побеждена.

Будешь, — прошептал он, его щупальца задели ее еще раз, а потом отступили. — *Но я терпеливый. Я буду тебя ждать, а когда придёт время, ты будешь моей.*

— Хорошо, — сказала она, втягивая больше воды. — Потому что, пока это не случится, ты все еще мой. Теперь сдержи обещание и помоги мне удержать это.

Монстр рассмеялся.

Как прикажешь, моя Хозяйка Озер.

Его шепот был насмешкой, но Алгонквин не могла отвлекаться на него. Все ее силы, вся вода, которую она могла безопасно взять, не навредив своей любимой рыбе, были сосредоточены на подавлении магии, которая быстро росла внутри круга без управления.

— Рано, — прошептала она, давя изо всех сил. — Ты еще не победила.

Пойманный Смертный Дух выла, оглушительный крик гнева и мести разбил все стекло у бронированного конвоя, который все еще покидал Яму. Алгонквин ответила своим гневом,

и вся Яма дрожала, пока она давила десятифутовой волной бушующей воды.

А далеко-далеко, дальше, чем могли ощутить духи, выжидал Левиафан.

Глава 9

Когда он прыгнул в люк в шкафу Бетезды, Джулиус ожидал, что окажется в бункере. Паранойя его матери была сильной, но даже она не могла управлять физическим пространством. Тесные помещения внутри вершины горы не позволяли личный бункер. В результате, тайный ход Бетезды выбросил Джулиуса, Фредрика и Челси в комнату Боба этажом ниже.

Через потолок. Пещеры драконьих размеров.

Конечно, Челси и Фредрик пролетели двадцать футов и приземлились на ноги, как и должны драконы. Падение Джулиуса не было таким изящным. Он не рухнул как камень, но было близко. К счастью, мусор вокруг смягчил его падение.

Он упал на стопку старых журналов, пыльных записок и дюжину коробок с футболками общества ценителей почтовых голубей Нью-Мехико. Он пытался встать на ноги, когда Челси схватила его за руку.

— Нужно двигаться, — сказала она, поднимая его. — Вряд ли они погонятся за нами, но я не хочу быть тут, если они решат это сделать.

Она закончила, толкнув его к двери, но Джулиус уперся упрямо ногами в камень.

— Нам нужно поговорить.

— Зачем? — рявкнула Челси, повернувшись к Фредрику. — Хватай его и идем.

Фредрик стиснул зубы и прошел к Джулиусу, но не схватил его. Он встал рядом с Джулиусом, повернувшись к Челси, скрестив упрямо руки на груди.

— Серьезно? — сказала Челси.

— Да, — прорычал Фредрик, не очень зеленые глаза сияли во тьме. — Джулиус прав. Тебе нужно многое объяснить.

— На это нет времени.

— Тогда найдем его, — сказал Джулиус. — Потому что это важно, — он с мольбой смотрел на сестру. — Что ты делаешь, Челси?

— Что и всегда, — рявкнула она. — Спасая ваши хвосты.

— Не это, — гневно сказал он. — Что ты тут делаешь? Почему ты не говоришь наверху с Цицинем?

— Потому что это ужасная идея.

— Почему? — осведомился Джулиус.

Ответом Челси был беззвучный убийственный взгляд. Она отвернулась. Она шла к выходу, когда Джулиус сказал:

— Я знаю, что случилось в Китае.

— Знаю, — она открыла дверь комнаты Боба. — Я за тобой следила, помнишь? Иначе как я успела бы тебя спасти?

Джулиус не подумал об этом. Он так привык, что она просто появлялась за ним, что не понял, что это означало.

— Так ты слышала, как Цицинь сказал...

— Я слышала достаточно, — прорычала Челси, высунув голову в коридор. — Чисто. Идем.

— Мы никуда не пойдем, пока не разберемся, — упрямо сказал Джулиус. — Он все еще тебя любит, Челси.

Она отпрянула от двери, тяжело и с горечью вздохнув.

— Ты ничего не знаешь.

— Я знаю, что ты любишь Циля, — сказал он. — Я знаю, что он был твоим китайским драконом, он нарисовал картину из твоей спальни. И я знаю, что он все это делает ради тебя. Борьба с Алгонквин — лишь повод, потому что, хоть он думает, что ты предала его, он не мог вынести твоей смерти. Он хочет, чтобы ты была защищена, и я не понимаю, почему ты убегаешь.

— И не поймешь, — буркнула она, хмуро оглянувшись. — Брось это, Джулиус.

— Нет, — прорычал он, сжимая кулаки. — Не видишь? Ты — наш выход из этого бардака! Что бы ни случилось в прошлом, вы все еще дороги друг другу. Потому что ты творила этот глупый танец. Но если ты перестала бы убежать хоть на пять минут, и вы поговорили бы, все это вторжение могло бы закончиться.

Он умолк, ждал ответа, но не получил его. Пока он говорил, Челси замкнулась, скрестила руки на груди и задрала плечи до ушей. Даже ее взгляд был опущен на пол, она буркнула:

— Я не могу.

— Почему? — осведомился Джулиус.

— Я не обязана объяснять тебе.

— Нет, — сказал Фредрик. — Но ты обязана объяснить мне.

Джулиус удивленно посмотрел на Ф. Он не знал, на что намекал Фредрик, но Челси явно знала, потому что ее лицо из злого стало напуганным.

— Не лезь в это, Фредрик, — предупредила она, голос дрожал. — Это не твоё дело.

— Это наше дело, — прорычал Фредрик, шагая вперед. — Мама.

В комнате стало тихо. Даже Джулиус лишился дара речи, соображая, глядя то на Фредрика — старшего из шестисотлетних Ф, которых держали на горе, к которым относились как к грязному секрету с рождения, хотя Бетезда обычно хвалилась своими детьми — то на Челси, которая вернулась из Китая шестьсот лет назад, убежав от возлюбленного без объяснений. Вернулась с Бетездой, которая якобы отложила кладку Ф через дни после возвращения, хотя не была беременной, когда уплывала, и не провела брачный полет в Китае...

Джулиус закрыл рот руками. Вот оно. Вот, каким был секрет.

— Ты — мама кладки Ф!

Слова вырвались из него, но никто не слушал. Пока он собирал кусочки, Фредрик Челси забыли о нем.

— Кто тебе сказал? — наконец, спросила она.

— Никто, — сказал Фредрик с оскалом. — Мы не глупые. Бетезда запугала всех, чтобы они не задавали вопросов, но нам говорили, что из-за нашего рождения мы запечатаны и обязаны служить. Мы исследовали, и когда мы стали копать, правда стала очевидной довольно быстро. Мы не знали только, какой член двора Золотого Императора был нашим отцом.

— Какая разница? — Джулиус растерялся. — Мы не знаем, кто наши папы. Я о своем не знаю.

— Тебе все равно, потому что ты — сын Бетеды, — сказал с горечью Фредрик. — Она достаточно заботилась о твоей кладке, но мы были другими. Хоть Бетезда звала себя нашей матерью, она не относилась к нам так, как к остальным. Мы были ей слугами, не драконами.

Она даже не пыталась управлять нами.

— Это хорошо, — сказала Челси.

— Да? — рывкнул Фредрик, глядя на нее. — Тогда почему, по-твоему, мы так искали отца? Учитывая, как ты покинула Китай, мы знали, что он не будет счастлив, но, хоть мы были нежеланными, ни один дракон не потерпит, чтобы его дети жили как рабы в другом доме. Он освободил бы нас из гордости. Веками это было нашей надеждой. Даже когда остальные перестали надеяться, я искал, но не нашел его. Теперь я понимаю, почему. Я искал слишком низко. Когда я увидел лицо императора без вуали, я узнал.

Джулиус нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

Вместо ответа Фредрик провел пальцами по своему лицу. Магия дракона впивалась, пока он двигался, и когда она угасла, глаза Фредрика уже не были зелеными, как у Хартстрайкера. Они даже не были неправильного оттенка зеленого цвета, как было все утро. Они были золотыми. Идеальный, теплый и металлический цвет золотых монет.

Увидев их, Челси отпрянула.

— Как?

— А ты как думаешь? — гневно сказал Фредрик. — Мы были подопытными свинками Амелии, помнишь? Она пыталась показать силу Свене, сломав проклятие Бетезды на зеленые глаза, но когда она увидела мои глаза, она засмеялась. Я умолял ее сказать, что означало золото. Я умолял, но она отказала. Брогом мир тоже ничего не говорил. Никто не говорил, — он поднял кулаки, тело дрожало от гнева. — Почему ты не говорила нам?

Челси покачала головой.

— Я не могла так рисковать.

— Как рисковать? — закричал Фредрик. — Он — император! И он любил тебя! Я всегда думал, ты убежала, потому что наш отец был опасным, но дракон, которого я встретил сегодня с Джулиусом, не был таким. Его мать такая, но даже она слушается Золотого Императора. Все слушаются. Он мог нас спасти! Почему ты убежала от него?

— Потому что он был опасен!

Челси все время пыталась быть спокойной, но, чем больше Фредрик, ее сын, обвинял ее, тем больше она срывалась.

— Думаешь, я хотела этого для вас? — заорала она. — Чтобы вы со мной были под каблуком Бетезды? Если бы был другой путь, я бы убила ради него, но его не было. Я скрывала это не потому, что хотела. Я не могла никому сказать правду, потому что только тайной могла уберечь вас.

— Уберечь от чего? — спросил Джулиус.

Челси бросила на него взгляд, который мог убить, чтобы он не лез, но Джулиус не хотел отступать. Все держались подальше от этой проблемы слишком долго. Это будет больно, но если у них был шанс все исправить, он не мог отступать.

— Фредрик прав, — твердо сказал он. — Цилян — не мстительный дракон. Если бы он знал, что у него есть дети, он пришел бы ради них и тебя. Он был бы расстроен из-за лжи, но не был бы жестоким.

— Сян не бывает жестоким, — сказала Челси, ее голос дрогнул на имени императора. — Я переживала не из-за него, а из-за его магии. Я слышала, что он рассказал тебе, как работает удача Циляня, но вы знаете, почему у него эта сила?

— Он унаследовал это от отца, — сказал Джулиус.

— Именно, — сказала Челси. — Магия Золотого Императора уникальна среди драконов. Когда пророк умирает, эта сила перерождается в драконе подходящего пола, который вылупляется первым после его смерти. Если рассчитать время, любой клан драконов может получить пророка, но сила Циляня другая. Она была выращена. Сян рассказал мне, что его клан всегда был с магией удачи, но сила была ненадежной. Чтобы решить эту проблему, его предки соединяли семьи, укрепляя магию их клана в одного идеального дракона, первого Циляня.

Джулиус был другого мнения об «идеальности» магии Циляня, но Челси не закончила.

— Та идеальность неестественна, — продолжила она. — Как красивый сад, она тщательно поддерживается. Чтобы вся магия перешла из одного поколения в другое, каждый Цилянь создаёт только одного ребёнка, и только после сложной церемонии с парой, выбранной за ее способность завершить магическое испытание — выносить яйцо Циляня. Даже тогда императрица не откладывает яйцо, пока Цилянь не умирает, чтобы весь его огонь передался, — она вздохнула. — Уверена, вы понимаете, куда все идет.

Джулиус кивнул, взглянув на Фредрика, который был старшим из кладки в двадцать. Несмотря на его золотые глаза, он не был Цилянем.

— Ты отложила слишком много яиц.

— Это меньшее, что я сделала, — гневно сказала Челси. — Когда я забеременела, я нарушила род. Даже с удачей Золотого Императора нужно безумно много готовиться, чтобы устроить благоприятные условия, чтобы создать нового Циляня. Каждый император получает лишь один шанс передать огонь, и я забрала его.

— Как ты можешь так говорить? — просил Джулиус. — Ты ведешь себя так, словно это твоя вина, но для кладки нужно два дракона, и это его род. Я знаю, ты говорила, что вы были юными и глупыми, но...

— Не такими юными и глупыми, — рявкнула Челси. — Я была твоего возраста, когда отправилась в Китай, но я знала, откуда берутся яйца. Дракониши не должны быть плодовитыми до сотни лет. Даже так нужен брачный полет, потому мы с Сяном все время оставались в обликах людей. Я не должна была забеременеть, но я — дочь Бетезды и в таком плане, потому что это случилось.

— Это все еще не твоя вина, — мягко сказал Джулиус. — Невозможное сбывается из-за Циляня, — а он был счастлив с Челси, так что его удача работала на полную. — Он хотел детей?

Было сложно видеть в темноте, но Джулиус мог поклясться, что его сестра покраснела.

— Он сказал как-то раз, что хотел, — тихо сказала она. — Мы оба знали, что это было невозможно. Поддержание огня Циляня и передача его следующему поколению — священный долг Золотого Императора, и Сян всегда выполнял долг. Но, даже когда знаешь, что что-то не может произойти, ты не можешь помешать себе хотеть этого.

Ее губы изогнулись в намеке на улыбку.

— Я думала, это было мило. Когда я сказала ему, что тоже хотела детей, он испугался. Он сказал мне не давать ему надежду. Тогда я думала, что это напрасная паника, а потом поняла, как мало контроля у Сяна над его удачей. Если он чего-то хочет, даже подсознательно, даже если он знает, что это плохая идея, магия Циляня делает это возможным. И когда он сказал, что хотел семью.

— Он ее получил, — Джулиус вздохнул.

Челси кивнула, опустив голову, глядя пристыженно на пол.

— Я должна была понять это раньше. Я не должна была поддерживать его, но не понимала. Я думала, пока мы вместе, мы все сможем, но мы не смогли. Из-за нашего эгоизма род Циляна навеки прерван. Даже если Сян найдет идеальную пару с идеальной родословной и идеальным контролем, другого золотого дракона больше не будет.

— Это ужасно для них, уверен, — прорычал Фредрик. — Но при чем тут мы? Вред уже нанесен. Почему мы должны страдать за это?

— Потому что вред не закончен, — Челси вскинула голову. — Вы не понимаете? Цилянь не управляет своей удачей. Так я забеременела, хоть это было невозможно. Потому что Сян тайно хотел семью, и его магия дала ее ему. Что сделает его магия, когда Цилянь поймет, что нарушил свой священный долг?

Джулиус прикусил губу.

— Она взорвется.

— Именно, — сказала Челси. — Удача Циляна делает его счастливым. Это включает и исключение поводов для несчастья. Сяна растили всю жизнь с верой, что он — хранитель бесценного дара. Когда он поймет, что этого уже нет, будет не важно, что убийство ничего не изменит. Пока ты и твои братья и сестры — живое воплощение его поражения, его удача будет пытаться убрать вас, и она не сделала этого до сих пор, потому что он не знает.

Пока она говорила, Джулиусу было все больше не по себе.

— Потому ты убежала, — тихо сказал он. — Потому он думает, что ты его предала. Ты соврала.

— Конечно, соврала, — сказала Челси. — Когда я поняла, что беременна, я убежала из всех сил, но от дракона удачи так просто не уйдешь. Каждый побег катастрофически проваливался. Когда они загнали меня в угол, притянули в замок, я знала, что все кончится, если правда всплывет, и я сделала единственное, что могла: соврала. Я дала ему думать обо мне худшее, убедилась, что он не захочет меня видеть, и это сработало. Было больно, но это сработало. Когда он изгнал меня, правду знали только Бетезда, Боб и я. Мы с тех пор скрывали тайну.

Джулиус вздохнул. Все было логично, кроме...

— Почему ты сказала Бетезде?

— У меня больше никого не было, — Челси беспомощно пожала плечами. — Не забывай, это было шестьсот лет назад. Тогда я не была Тенью Бетеды. Я была юным драконом без связей в тысячах миль от дома. Если Императрица-Мать решила бы убить меня, я никак не смогла бы ее остановить. Но, хоть она была ужасна, Бетезда все еще была главой большого клана. Даже в Китае это было властью, и я была одинока и беременна, не могла сама защитить свои яйца.

— Так ты просто отдала нас ей? — прорычал Фредрик. — Продала нас в рабство Бетезде?

— Я уберегла вас, — рявкнула Челси.

— Уберегла? — взревел он. — Мы всю жизнь были заперты в горе!

— Именно! — заорала она. — Я жертвовала, спасая ваши жизни, не для того, чтобы вы безрассудно обходились с ними! Почему я вас заперла, по-твоему?

Фредрик застыл, молчал от потрясения, и Челси сжала кулаки.

— Я не мешаю тебе ненавидеть Бетезду, — сказала она уже спокойнее. — Она заслуживает этого, но не за это. Я попросила ее запечатать вас в горе. Я не хотела, но выбора не было.

— Почему? — прошептал Фредрик.

Челси вздохнула.

— Потому что Сян не глупый. Я старалась заставить его ненавидеть меня, но если бы вы были в мире, как нормальные Хартстрайкеры, он быстро понял бы по датам, что что-то не вяжется. А потом его удача вытянула бы все на поверхность. Я не могла так рисковать. Я должна была скрыть вас любой ценой, но, клянусь своим огнем, Фредрик, я сделала все, что могла, чтобы вам было легче. Я служила Бетезде, как собака, чтобы вы все были живы. Может, не счастливы и не свободны, но живы.

Фредрик опустил взгляд с ругательством. Джулиус не мог говорить, хотя теперь он понимал, как Бетезда получила полный контроль над Челси. Она держала ее детей за горло. Но теперь это кончилось. Челси и кладка Ф были свободны, и он не видел причины этому продолжаться.

— Есть что-то еще? — спросил он. — Еще тайны о Китае, которые нам нужно знать?

— Нет, — Челси мрачно посмотрела на него. — Поздравляю, Джулиус. Ты выведal всю мою гадкую историю.

— Что нам делать? — спросил он, игнорируя ее сарказм. — Как нам это исправить?

— Никак, — прорычала она. — Ты не слушал? Спасти от безумия Циляня нас может только то, что он никогда не узнает правду.

— Но это глупо, — возразил Джулиус. — Никто не хранит тайну вечно.

Челси упрямо стиснула зубы.

— Я хранила этот шестьсот лет.

— Оставив своих детей под замком в горе! — закричал он. — Но дракона в мешке не утаишь. Цилянь тут, и если мы не найдем безопасный способ разобраться с этим, завоевание будет меньшей из наших проблем.

— И чья это вина? — сказала она, скалясь. — Если бы ты не лез постоянно в дела других драконов, это не произошло бы!

— Если бы Джулиус не лез, мы все еще были бы рабами, — холодно сказал Фредрик. — Но он не привёл сюда Циляня. Золотой Император прибыл сласти тебя от Алгонквин, и если ты не хочешь приписать смерть Трех Сестер Джулиусу, ты не можешь его винить. Наоборот. Если бы не старания Джулиуса, все мы все еще были бы в рабстве Бетеды, когда прибыл бы Цилянь, а ты знаешь, что она моментально продала бы нас. Тебя бы отдали Циляню на блюдечке, едва он прилетел бы, и как долго тогда держался бы твой секрет? — он опустил ладонь на плечо Джулиуса. — Из-за твоего брата у тебя есть шанс сохранить секрет. Нужно благодарить его, как я, а не пытаться обвинить.

Джулиус опустил взгляд, лицо пылало. Он не ожидал, что Фредрик скажет все это. Но, хоть Челси устыдилась, она не сдалась.

— Я не думаю, что ты понимаешь, как плохо станет. Когда Цилянь узнает...

— Как? — спросил Фредрик. — Он уже видел меня. Я был в комнате с Джулиусом весь разговор, и он не заподозрил ничего. Амелия показала мне, как иллюзией делать глаза зелеными, перед ее смертью. Если я ее верну, никто не заметит.

— Это не будет работать долго, — предупредила Челси. — Не важно, сколько на тебе магии, чем больше ты привлекаешь интерес Циляня, тем лучше его удача работает против тебя. Если он что-то заподозрит, то, чем ты скрываешь правду, сломается в худший момент, и все всплывет.

— Я найду другой способ, — гневно сказал Фредрик. — Я могу хранить тайну, Челси. Я

хранил твою годами. Почему теперь ты обходишься со мной как с неумелым?

— Я никогда не считала тебя неумелым, — быстро сказала Челси. — Но даже с иллюзий ты смотрел в зеркало? Огонь прекрасный, Фредрик, ты выглядишь как он.

Это было так. Джулиус не понимал, пока она не указала, но Фредрик был похож на Циля. У него были те же тонкие губы и острый нос, те же прямые брови. Добавьте золотые глаза, и он был копией отца. Даже после того, как он вернул иллюзию на глаза, Джулиус не мог это забыть, и это беспокоило его. Все это.

Тайны от Циля, когда он был на другом конце мира, были одним делом, но попытки скрыть что-то, когда он был рядом, ощущалось как проигрышная игра, как бы хорошо они ни играли. Даже если Джулиус опустит голову и отдаст Хартстрайкеров завтра без боя, они все еще будут частью Золотой Империи. Это погрузит их в удачу Циля, и когда это случится, будет не важно, живет Циля в Китае или на луне. Тайна Челси всплывет, и чем больше Джулиус думал об этом, тем глупее казалась затея.

— Может, нам стоит попробовать что-нибудь еще.

— Ничего нет, — рявкнула Челси. — Сколько раз мне объяснять, чтобы вы поняли? Циля не может узнать, что у него есть дети. Никогда. И это возможно, только если те, кто знают, будут держать рты на замке.

Она с мольбой посмотрела на Джулиуса.

— Я тяжелым путем научилась не недооценивать твое необычное мышление, но в этот раз не влезай. Каким бы умным ты ни был, в этой проблеме нет хорошего выхода. Если Циля узнает, что мы — смерть его рода, мы умрем. Конец истории.

— А если нет? — отчаянно сказал он. — Ты считаешь, что Циля будет в ярости, когда узнает, что его род прерван.

— Я ничего не считаю, — прорычала она. — Это факт. Я знаю его.

— Ты знала его, — мягко исправил Джулиус. — Но когда вы говорили в последний раз, это было шестьсот лет назад. Это долго даже для драконов. Я же полчаса слушал, как он говорил о тебе. Я не знаю Сяна так хорошо, как ты. Я даже не знал его имя пару минут назад. Но это не отменяет факта, что дракон, которого я встретил там, притащил весь свой клан за океан против их воли и разума, чтобы спасти тебя, которая, по его мнению, ужасно его предала. Любой обычный дракон взял бы попкорн и наслаждался падением Хартстрайкеров, но не он. Он знает, что тут выглядит как идиот. Он кажется идиотом, но он поставил тебя выше своей гордости, потому что он любит тебя, и он хочет, чтобы ты была в безопасности, даже если ты не с ним. Я заметил эти факты, и потому я думаю, что ты его тут недооцениваешь. Я не сомневаюсь, что он будет расстроен, когда узнает, что вы двое случайно разрушили его магический род, но ты забываешь, что изначальная цель удачи Циля — сделать его счастливым, а для Сяна счастье — это ты.

Он закончил с улыбкой, полной надежды. Челси уже закрыла глаза.

— Хватит, Джулиус.

— Что хватит? — спросил он. — Пытаться смотреть с его стороны?

— Хватит обнадеживать меня, — сказала она, зеленые глаза открылись с возмущенным взглядом. — Может, ты не понимаешь, что делаешь, но я знаю. Ты не «видишь его сторону» или «заявляешь факты». Ты дико закручиваешь правду своим глупым оптимизмом, как всегда. Тебе пока это сходило с рук, потому что у тебя был пророк рядом, но Боба уже тут нет. Это не какое-то недопонимание, откуда можно выйти добротой. Это моя жизнь. Его жизнь, — она указала на Фредрика. — Я делала грязную работу Бетезды шесть веков не для

того, чтобы дать тебе играть, рискуя детьми, которых я защищала, отдав все!

— Я не играю, — Джулиус был оскорблен. — И я не перекручиваю правду. Я думаю, что ты все не так поняла, потому что делаешь выводы, основываясь на старой информации.

— Лучше, чем дико спекулировать на получасовом разговоре!

Джулиус стиснул зубы, и его сестра отвела взгляд, выпустив дым.

— Смотри, — сказала она мягче. — Я понимаю, что ты хочешь исправить проблему. Ты всегда пытаешься все исправить. Обычно мне это в тебе нравится, но это не исправить. Сян так долго думает обо мне, потому что он — романтик, но ему ничто не мешает найти другую драконшу и быть счастливым. Он может отпускать прошлое, но даже если он проживет десять тысяч лет в счастье, он не сможет исправить то, что мы сломали. Ничто не может. Это холодная тяжелая правда, и никакие разговоры это не изменят.

— Я и не говорю, что изменят, — сказал Джулиус. — Я просто говорю, что, может, это не так важно, как ты думаешь. Твои решения основаны на предположении, что Цилян расстроится, узнав правду, и его удача сотрет всех вас раньше, чем он поймет, что сделал. Но это не вяжется с его действиями. Если бы Цилян ценил свой род и свой долг выше всего, он остался бы в безопасности в Китае и дал бы Алгонквин съесть нас. Он этого не сделал. Он прибыл сюда, давя на свою удачу, силу и ресурсы, решив завоевать наш клан против воли своего народа, чтобы защитить тебя.

Он протянул руки к Челси.

— Если действия говорят громче слов, то его кричат с крыш, что ты для него важна. Потому я не могу поверить, когда ты говоришь, что мы не можем это исправить. Если ты так важна, как показывает его поведение то его удача — та удача, которая сделала тебя беременной, хоть это было невозможно, потому что он хотел семью с тобой — не даст тебе умереть.

Челси опустила взгляд. Он все еще ощущал ее гнев в комнате как физическую силу, но что-то из его слов пробилось, потому что она не спорила. А Фредрик смотрел на Джулиуса пристально и с восторгом.

— У тебя есть план, да?

— Да, — сказал Джулиус, глубоко вдохнув. — Простой. Мы скажем ему правду.

— Я знала это, — прорычала Челси, вскинув голову и хмуро глядя на него. — Ты не можешь отстать, да?

— Не могу, — твердо сказал он. — Потому что, если это оставить, станет хуже. Правда выйдет так или иначе, но если мы скажем ему сами, а не позволим раскрыть самому, у нас будет лучше шанс управлять последствиями.

Фредрик кивнул.

— Мы можем мягко раскрыть это ему. Смягчить удар.

— Вряд ли удар можно смягчить, — печально сказал Джулиус. — Если Челси права, и род Циляня потерян навеки, это большая потеря, как ни подавай. Но все не так плохо, — он улыбнулся сестре. — Ты сказала, он всегда хотел детей. Теперь у него двадцать. Это дает ему то, что нужно защищать.

— Или список целей, — буркнула Челси.

Джулиус обмяк.

— Почему ты всегда такая негативная?

— Потому что кто-то должен быть, — рявкнула она. — Все твои слова звучат хорошо в теории, но если скажешь ему правду, и ты ошибаешься, нам всем конец. Прости, если

убиваю радость, но потенциально ужасная гибель всех, кого я люблю, подавляет мой энтузиазм к экспериментам.

— Это риск, — признал Джулиус. — Но рискованно и скрывать эту тайну. Мы в любом случае прижаты к стенке, так почему не выбрать решение, от которого станет лучше? Если скрывать тайну, придется все это снова проходить. Но, если сказать Циляцию правду, и он ее примет, то все изменится. Думаю, это стоит риска.

— Тебе легко говорить. Ты ничем не рискуешь, — она кивнула на Фредрика. — Спроси его. Ты рискуешь его жизнью.

Это было справедливо, но, когда Джулиус посмотрел на брата — племянника, как он запоздало понял — Фредрик выглядел решительно.

— Я верю в Джулиуса.

Челси уставилась на него.

— Ты сказал мне на прошлой неделе, что он бредит!

— Да, — сказал Фредрик. — Но это было на прошлой неделе. С тех пор я видел, как он творил невозможное. Он свергнул Бетезду. Он освободил тебя. Он изменил наш клан волей и словами. Если он говорит, что удача Цилия не убьет нас, я ему верю.

— Ты готов рисковать жизнью ради этого?

— Да, — тут же сказал Фредрик. — Потому что, по твоим словам, другой вариант — хранить тайну вечно. Я говорю за всю кладку, что я лучше рискну с идеей Джулиуса, чем буду жить до конца наших жизней как позор Бетезды.

Челси скрипнула зубами. Фредрик хмуро глядел на нее, бросая вызов. Когда она не сделала этого, Джулиус использовал шанс.

— Нам нужно попробовать, Челси, — мягко сказал он. — И не из-за того, что мы не можем большее скрывать эту тайну. Даже если это навредит ему, рассказать Сяну правду — правильный поступок, — он улыбнулся Фредрику. — Они и его дети. Он заслуживает их знать.

Фредрик улыбнулся ему, но Челси отвернулась, вонзила ладони в глаза.

— Как ты всегда это делаешь? — пробормотала она. — Как ты всегда убеждаешь меня следовать за тем, что суицидально глупо?

— Потому что ты — скрытый оптимист, — уверенно сказал Джулиус. — Значит, ты согласна?

Она опустила руки, вздохнув.

— Что мне нужно делать?

— Не так и много, — сказал Джулиус. — Просто поговори с ним.

— «Не много» — говорит он, — буркнула Челси, бросая на него взгляд. — Для дракона, который зовет себя не жадным, ты часто просишь луну.

Джулиус смог лишь пожать плечами, она закатила глаза.

— Ладно, — простонала она. — Ладно, ладно, ладно. Ты победил. Я поговорю с ним. Но не сейчас.

Джулиус, который уже шел к двери, чтобы подняться по лестнице, повернулся.

— Почему нет?

— Это деликатное дело, и он уже вызвал сегодня два трясения, — деловито сказала Челси. — Будет тяжело и без того, что он расстроен до начала. И я хотела бы отдохнуть. Я спала не больше четырех часов с тех пор, как мы свергли Бетезду, и я не хочу говорить с драконом, которого избегала шестьсот лет, когда я слишком устала, чтобы создать достойное

предложение.

Она хорошо сочиняла аргументы против них, так что Джулиус считал ее слова выдумкой, но он ее не обвинял. Он уже сильно надавил на Челси сегодня. Не стоило давить сильнее, когда он заставил ее согласиться. К сожалению, у них не было времени. Между захватом горы Золотой Империей и всем, что было после, он потратил почти все сутки, которые выпросил.

— Не переживай, — сказала Челси раньше, чем он упомянул это. — Я за тобой следила, помнишь? Я знаю график. Обещаю, я поговорю с Сяном до завтрашней капитуляции.

Джулиус выдохнул с облегчением.

— Спасибо.

Она пожала плечами.

— Я, как и ты, не хочу, чтобы Хартстрайкеры были частью Золотой Империи. И дело не в неприятной истории, мне нравится Сян, и я не хотела бы Бетезду как своего худшего врага.

Это было больше похоже на сестру, которую он знал.

— Спасибо, Челси.

— Не благодари, — она скривилась. — Все это моя вина. Если бы я была умнее в твоём возрасте, ничего этого не произошло бы.

Она сказала это бодро, но когда слова вылетели из ее рта, Джулиус ощутил, как Фредрик напрягся.

— Я рад, что это произошло, — тихо сказал Ф. — Иначе мы бы не родились.

— Хоть что-то хорошее из этого вышло, — Челси зашагала к двери. — Я посплю внизу. Позовите, если услышите что-то от Боба, и следите за...

— Ты жалеешь, что мы есть?

Вопрос прозвучал неожиданно, Челси застыла. Джулиус не осмелился двигаться. Он не знал, куда смотреть, а Фредрик шагнул вперед, его обычно пустое лицо было полным эмоций. Джулиус его едва узнавал.

— Ты всегда говорила, что произошедшее в Китае было ошибкой, — его голос дрожал. — Мы знали, что Бетезда не хотела нас, но я думал, что ты...

Он умолк, слова рассыпались, и Челси вздохнула.

— Ты всегда был самым умным, Фредрик, — сказала она, повернувшись. — Так что я не буду оскорблять тебя ложью. Когда я узнала, что я была беременна, это был худший день в моей жизни. Я думала, что испортила все: мое будущее, будущее Сяна, сотни тысяч лет старательно создаваемой магии. Все. Потому я побежала к Бетезде. Не просто для того, чтобы спрятаться за драконом больше. Мне нужно было исправить то, что я сломала, и, хоть она была ужасна, моя мать была величайшим экспертом по яйцам драконов. Я думала, что она могла научить меня, как изменить яйца до того, как я отложу их, и так я еще могла спасти ситуацию. Но огонь новых драконов загорается быстро и жарко, и даже с помощью Бетезды я была слишком юна, чтобы им управлять. Я даже не могла сгустить ваш огонь в меньшее количество яиц, не то что в одно мужское яйцо с Цицинем. Я ничего не могла.

— Ясно, — Фредрик опустил взгляд. — Ты не хотела нас.

— Я не это сказала, — строго сказала Челси. — Я была в панике, пыталась исправить то, что сломала. Когда я поняла, что не могла, я решила провести остаток жизни, следя, чтобы вы пострадали как можно меньше от моей глупости. Я поклялась хранить вас в тайне, чтобы проклятие Цициня вас не тронуло. Я спасла бы вас и от Бетезды, если бы могла, но было уже слишком поздно. Когда она узнала правдой, вы стали веревкой, которую она

завязала на моей шее. Никакая сила не могла помешать ей использовать это, но я делала все, что могла, чтобы ослабить ваши страдания. Знаю, шестьсот лет были ужасными, но я сохранила всех вас живыми. Я не выбирала то, как вы начались, но ты все еще мой сын, и я тебя люблю.

Странное выражение появилось на ее лице, когда она сказала это, и Джулиус вдруг понял, что Челси могла впервые озвучить правду.

— Мой сын, — прошептала она, опустила ладонь на щеку Фредрика. — Мой старший, самый умный сын. Я ненавижу события, которые привели вас в этот мир, но я любила каждого из вас с момента, как вы вылупились, и я...

Ее голос дрогнул, но Фредрик молчал. Он шагнул вперед, обвинил свою мать руками. Челси держалась пару секунд, а потом не выдержала, обвила его руками, все ее тело дрожало.

— Прости, — всхлипывала она. — Прости, что я так поступила с тобой, Фредрик. С всеми вами. Ваши страдания — моя вина, и мне жаль. Мне очень-очень жаль.

— Это была не твоя вина, — Фредрик крепко ее сжал. — Ты защищала нас. Когда остальной клан относился к нам хуже, чем к слугам-людям, ты заботилась о нас и учила, держала нас вместе. Даже до того, как мы заподозрили правду, ты всегда была нашей матерью.

Последнее снова вызвало слезы Челси, и Джулиус решил, что ему пор пойти. Это была семейная драма, но не его, и он не хотел мешать. Но, хоть это было вежливым оправданием, правда была в том, что он не хотел терпеть неприятную и глупую зависть, возникшую при виде Фредрика, обнимающего мать, любящую его всем сердцем. Он не завидовал Ф в других частях жизни, но Джулиус поменялся бы с ним матерями легко.

Он все еще обдумывал это, проходя в темный коридор у комнаты Боба. Но, когда он прислонился к стене и ждал, его телефон загудел в кармане. Он надеялся на глупый миг, что это был Боб. Пророк любил возникать в драматичные моменты, и даже если ему нельзя было больше доверять, Джулиус был бы рад намекам на будущее.

Когда он вытащил телефон из кармана, на экране было не «Неизвестный». Этот номер всегда заставлял Джулиуса напрячься, и он не мог смотреть на экран и не думать, что стал мишенью вселенской иронии. Он поднял телефон к уху.

— Здравствуй, матушка.

Приветствие прозвучало кислее обычного. Но, хоть он был уверен, что Бетезда заметила, она не подала виду.

— Где ты был?

— С Цилинем, — ответил он, что было правдой. — Я встретил сначала его мать, а потом...

— Не важно, — нетерпеливо сказала она. — Поскорее иди в главный ангар. Я уже в пути.

— Почему? — он встревожился. — Что не так?

— Все, — сказала она с невеселым смешком. — Но сейчас это Иен. Он возвращается домой.

— Сейчас? — Джулиус проверил время. — Но всего лишь шесть. Капитуляция в девять утра завтра. Ты не послала ему сообщение не спешить?

— О, послала, — прорычала она. — Но планы изменились. Учитывая, как все плохо, это может даже сработать нам на пользу.

Джулиус не видел, чтобы такое было возможно, но знал, что по телефону лучше не спрашивать. Его мать расскажет, когда будет готова, а это, видимо, будет с прибытием Иена, который явно нес плохие новости.

— Я буду там.

— Поспеши, — рявкнула она. — Главный ангар. Пять минут. Не опаздывай.

— Не опоздаю, — пообещал он. — И, матушка...

— Что?

Джулиус вздохнул.

— Ничего. Я в пути.

Она закончила разговор раньше, оставив его одного в пустом городе, говорящего ни с кем.

* * *

Главный ангар был одной из многих пристроек горы Хартстрайкер. Он размещался в стороне от шоссе, которым Бетезда соединила свою цитадель далеко в пустыне с остальным миром, и был достаточно большим, чтобы вместить оба самолета клана. Но Иен улетел на новом самолете в Сибирь, а Конрад — на другом прошлой ночью, и огромное металлическое здание было пустым, когда вошел Джулиус, кроме Бетеды там.

— Ты долго, — рявкнула она, топая быстро шпилькой по бетону. — Ты сюда полз?

Он спустился из пещеры Боба на вершине горы в ангар, путь был в полторы мили, уложился в шесть минут, так что Джулиус не стал отвечать на это.

— Где Иен?

Бетезда кивнула на открытую дверь, где было ярко освещено шоссе.

— Скоро приземлиться.

Слова вылетели из ее рта, и Джулиус услышал гул быстро летящего самолета. Они получили только такое предупреждение, и самолет рассек низко висящие облака, как ракета. Самолет опустился через пару мгновений, покатился по дороге быстрее любого транспорта. Если бы это был простой самолет, на этом все закончилось бы, но Бетезда не сэкономила на свои самолеты, и ИИ-пилот смог спасти приземление, повернув самолет на мягкую землю в конце шоссе. Иен, как настоящий дракон, открыл дверцу раньше, чем почти разбившийся самолет замер, прыгнул с высоты в десять футов на землю легко, как обычный человек спустился бы со ступеньки.

— Можно осторожнее? — заорала Бетезда поверх еще гудящих двигателей. — Это мой суборбитальный «Гольфстрим», а ты его пачкаешь!

Иен бросил на нее убийственный взгляд. Все в нем выглядело убийственно, что тревожило больше, чем кривое приземление. Если обычно собранный Иен был так расстроен, то все было на новом уровне ужаса. Даже Бетезда уловила это, отступила, пропуская кипящего сына, когда он пошел по асфальту к ангару, махнув им идти следом. Джулиус нервно пошел, пригнулся с матерью, проходя в дверь, которую Иен сразу опустил.

Бетезда с опаской посмотрела на гремящий металл.

— Видимо, все прошло плохо.

— Никак, — прорычал Иен. — Свена заперлась в ледяной крепости своих матерей раньше, чем я туда прибыл. Я даже не смог найти дверь.

— Так почему ты вернулся? — гневно спросила Бетезда. — Свена всегда была риском, но я ясно дала понять, что ты в Сибири — единственное, что не дает Золотому Императору...

— Я в курсе нашей ситуации, — рывкнул он. — Я вернулся не по своему желанию. Просто мне было больше некуда бежать.

Джулиус и его мать растерянно переглянулись, Иен с отвращением закатил глаза.

— Никто не смотрит новости? — он вытащил телефон до их ответа, вывел фотографии в общую дополненную реальность, которую толкнул им в лица. Но, хоть Джулиус видел теперь парящие картинки, он все еще не понимал, на что смотрел.

— Это просто СЗД, — он листал фотографии машин, набившихся на Небесных путях, как сардины. — Пробки хуже обычного, но я не вижу, при чем тут...

— Не пробки, — сказал Иен. — Это эвакуация. Алгонквин приказала вывезти весь город.

— Что? — Джулиус схватил телефон брата, листал фотографии с новым ужасом. — Зачем?

— Никто не знает, — Иен забрал телефон. — Но это вызвало панику у всех магов в мире.

Бетезда приподняла идеальную бровь.

— Людей или драконов?

— Всех, — сказал Иен, карие глаза были мрачными. — Свена все еще отказывается говорить со мной, но Катя говорит, что она переместила весь их клан, включая моих детей, в старые покои Трех Сестер подо льдом. Я не был сам внизу, но это место защищено чарами сильнее всего в мире. И Свена больше всего ненавидит это место. Если она спустилась туда по своей воле, она чего-то боится, и не она одна. У меня множество магов-людей на связи для бизнеса. Два десятка магов на трех континентах. Каждый из них позвонил мне на взводе из-за всплеска маны под СЗД.

— Всплеск маны? — Джулиус нахмурился. — Ты уверен? Я ничего не чувствовал.

— Ясное дело, — фыркнул Иен. — Ты — дракон. Если ты не изучал магию всю жизнь, как Свена, мы ощущаем в этом измерении только местную магию. А это куда глубже, в первобытной магии, и это серьезно. Через десять минут после начала эвакуации ООН издали международный запрет на колдовство, что включает улучшенные магией самолеты. К счастью, я уже решил вернуться в тот момент, и запрет не касался самолетов, которые уже были в воздухе. Я рад, что выбрал суборбитальный самолет. Если бы я был на старом сверхзвуковом, я был бы еще над Атлантическим океаном.

— Ты просто убежал домой? — гневно сказала Бетезда. — Без моих яиц?

— Да, — прорычал он. — Потому что, если все так плохо, мои дети в безопасности под чарами Свены. Мы должны найти способ последовать примеру.

— Как? — спросил Джулиус. — Ты говоришь о магии, которая вызвала панику у Алгонквин, но без Амелии или Свены мы беспомощны. У нас нет чар, нет убежища. Даже наши рабочие магии не пришли на работу. Что нам делать? Прятаться в бункере?

— Вряд ли бункер спасет, — мрачно сказал Иен. — Потому я решил вернуться домой. Со мной Совет Хартстрайкер снова полный, мы можем сдаться Золотому Императору этой ночью.

Джулиус в ужасе уставился на него.

— Сдаться? — выдавил он. — Ты сказал, что ты полз к вершине двух кланов не для того, чтобы потерять оба!

— Знаю, — рывкнул Иен. — Я все еще это чувствую, но ситуация изменилась, и сейчас Золотая Империя — наш лучший шанс выжить. Я читал документ о капитуляции, который

отправили вы с Бетездой, и хоть я согласен, что он подозрительно щедрый, у нас нет времени вредничать. В отличие от нас, у Циля есть маги, а еще его удача. Если мы вступим в империю, получим все это. И, будем честны, если не случится чудо, мы все равно сдадимся завтра утром. Можно сделать это сейчас и получить защиту от того, что творится.

— Но ты даже не знаешь, что это!

— Я знаю, это больше, чем мы можем справиться, — Иен хмуро смотрел на него. — Я боролся за клан так же сильно, как ты, Джулиус, но пора принять факты. Мы в этом по головы. Нет смысла стоять, если земля пропадает под нами. Золотой Император предложил нам очень щедрые условия. Нужно принять их и использовать его удачу, чтобы выжить. Когда катастрофа пройдет, мы сможем отстроиться и устроить мятеж.

— Так я и говорила! — завопила Бетезда. — Вот и еще один разумный дракон. Джулиус весь день где-то ходил со своими безумными идеями, решив, что он нас спасет.

— Не безумными, — прорычал Джулиус. — Я знаю, почему Циля сейчас тут. Я знаю, чего он хочет, и я, пожалуй, знаю, как помочь ему это получить, не отдавая наш клан.

Бетезда закатила глаза, но Джулиус смотрел на Иена.

— Если есть способ выбраться, не вступая в Золотую Империю, нужно попробовать, потому что мятеж против Циля кончится плохо для всех. Просто дай мне время до завтрашнего утра.

— У нас нет времени до завтра, — рявкнул Иен. — Катастрофа происходит сейчас. Уверен, ты думаешь, что знаешь ответ на все, но ты понимаешь, как глупо будет, если мы упустим шанс на безопасность, помедлив несколько часов, потому что ты пытался воплотить свои дикие идеи?

— Но мы как раз можем все потерять, — возразил Джулиус. — Если я справлюсь, Циля будет нашим союзником, а не императором. Мы можем сохранить клан и наслаждаться убежищем его удачи. Дайте мне еще час. Я разбужу Челси и...

— Челси? — резко сказала Бетезда. — Она — твой план?

— Да, — сказал Джулиус. — Она...

— Забудь, — прорычала Хартстрайкер, повернулась к Иену. — Не слушай его. Его план никогда не сработает. Я не знаю, что у него за заблуждения, но Челси умрет, но не полезет к Цилю.

— Но она уже согласилась поговорить с ним, — вспыхнул Джулиус. — Мне нужно только убедить его поговорить с ней, и это все может быть...

— Не слушай его, Иен, — предупредила Бетезда. — Я не могу объяснить детали из-за клятвы, но, поверь, Челси и Золотой Император никогда не договорятся. Обычно я была бы рада дать Джулиусу выучить урок тяжелым путем, но если все так плохо, как ты говоришь, злить Циля — последнее, что мы хотим делать. Нам нужно держать Челси подальше от него, а не сталкивать их.

— Но это привело нас к этому бардаку, — сказал Джулиус. — Это может быть единственный шанс сохранить наш клан, и мы сможем исправить шестьсот лет сломанных отношений со вторым по размеру кланом драконов на планете в процессе. Нужно его использовать.

— Нам нужно выжить, — прорычала Бетезда. — Я не буду слушать указания щенка, который никогда не...

— Хватит, — проревел Иен, заткнув обоих. Когда эхо утихло в ангаре, он повернулся к Джулиусу. — Ты можешь исправить проблему за ночь?

Джулиус решительно кивнул, и Бетезда с шипением вскинула голову.

— Это самоубийство. Ты играешь с ядерным оружием. Если глупый план Джулиуса расстроит Золотого Императора, он может устроить катастрофу, а не остановить ее.

— Знаю, — сказал Иен.

— Ты вернулся домой, чтобы помешать этому, — продолжила она. — Это было твоей идеей!

— Знаю! — заорал он. — Но это было до того, как я узнал, что у Джулиуса есть план.

Бетезда отпрянула на шаг.

— Ты доверяешь ему, а не мне? — ее глаза были огромными. — Кто, по-твоему, построил этот клан?!

— Сейчас? — Иен кивнул на Джулиуса. — Он и я. Это уже не твое шоу, Бетезда. Это наше. Я был готов кланяться, если нужно, чтобы спасти клан, но если Джулиус думает, что может сделать это, не отдавая то, за что мы боролись, я готов дать ему попробовать. Я уже видел, как он творит невозможное, много раз.

Джулиус улыбнулся, но улыбка пропала, когда Иен повернулся к нему.

— До полуночи, — прорычал он. — Если Цилинь не согласится укрыть нас как союзников до этого, я голосую сдать, как Бетезда.

— Я постараюсь, — пообещал он.

— Уж постарайся, — мрачно сказал Иен. — Потому что, если ты не справишься, я съем тебя сам, с Клыком ты или нет.

Джулиус сглотнул. Он думал, что привык к угрозам смерти, но Иен выглядел серьезно. Когда стало ясно, что Джулиус понял это, Иен отклонился и сжал дверь ангара.

— Я переоденусь, — сообщил он, поднимая дверь. — А потом поищу того, кто поможет вытащить самолет из грязи. Позови меня, когда будут новости.

Джулиус кивнул, но его брат уже ушел, оставив его с Бетездой, которая выглядела так, словно ее стошнит.

— Не знаю, как ты это делаешь, — сказала она, бросив на него ядовитый взгляд. — Каждый раз, когда я думаю, что ты не можешь испортить нас сильнее, ты находишь способ.

— Я не порчу нас, — гневно сказал он. — Я...

— Плевать, — сказала она, вытаскивая телефон. — Делай, что хочешь. Я узнаю у информантов, когда мы все умрем. Если буду нужна, я буду в бункере. Глубоком. Может, когда ты закончишь все разрушать, я смогу выйти и править оставшимися мутантами.

У других Джулиус назвал бы это шуткой, но Бетезда выглядела серьезно, пока шла из ангара так быстро, как могла, не переходя на бег. Через пару секунд Джулиус побежал изо всех сил по ярко озаренному шоссе к горе.

Глава 10

Марси считала себя опытной в путешествиях, когда дело касалось метафизического. Она проходила порталы, побывала в мертвом измерении драконов. Она была заперта на Земле Восстановления Алгонквин и внутри духа. Она умерла, выбила путь оттуда и попала в Море Магии. Теперь уже в ее жизни/смерти огромные уровни странности были поводом для гордости, но, какой бы безумной ни стала ее жизнь со встречи с Джулиусом, было невозможно не замереть и не глазеть на то, что ждало за Вратами Мерлина.

Снаружи деревянная дверь выглядела обманчиво просто. Настолько простой, насколько могла быть каменная колонна на дне Моря Магии. Но, когда она перешагнула порог, все изменилось. Тьмы больше не было, как и тошнотворного бурления магии. Даже могильный

холод ветра Призрака исчез, сменился теплым тропическим ветром, который дул из места, похожего на рай.

Она стояла в круглом дворе с брусчаткой из пересекающихся белых камней у подножия зеленой горы. У края брусчатки тропические растения росли дико и пышно, создавая такие густые заросли, что кот не протиснулся бы. Но, пока джунгли вокруг были стеной, сам двор был чистым и открытым синему небу, а в центре стоял Широ, слуга, которого призвали древние Мерлины. До этого он ее прогонял.

Марси смогла войти и ожидала, что он прогонит ее, но шикигами не стал ее прогонять. Он ничего не сказал, когда Призрак, Амелия и Мирон прошли за ней в дверь, которая на этой стороне выглядела как большие железные ворота. Только когда железная плита закрылась, шикигами стал двигаться, прошёл вперед и согнулся в талии перед Марси в низком официальном поклоне.

— Приветствую, Мерлин, — с уважением сказал он. — В Сердце Мира.

— Мерлин? — Марси отпрянула на шаг. — Так я это сделала? Я — настоящий Мерлин? Официально?

— Иначе быть не может, — Широ выпрямился. — Сердце Мира было создано Кругом Мерлинов для них. Дверь открывается только для достойных, и она открылась для тебя. Это делает тебя Мерлином по всем возможным меркам. Как слуга, привязанный к Сердцу Мира приказом Последнего Мерлина, Абэ-но-Сэймэя, я обязан встретить тебя и твоих гостей.

— Если твоя работа — встретить нас, — сказал недоверчиво Призрак, скрестив руки на просвечивающей груди из тени, — почему ты прогнал нас до этого?

— Это тоже был мой долг, — сказал Широ. — Я впускаю только достойных, такой титул твоя госпожа еще не заслужила, когда постучала в первый раз.

— А теперь заслужила, — Амелия задумчиво постучала когтями. — Интересно, чем, — она посмотрела на Марси. — Ты прошла какую-то проверку?

Марси пожала плечами, посмотрела на Широ, но он покачал головой.

— Я не знаю эту логику, так что не могу сказать, какой поступок открыл дверь, но Сердце Мира не ошибается. Если ты сейчас тут, то потому что то, что ты сделала между нашей прошлой встречей и этой, завоевало доверие Сердца, и это уже доказательство для меня.

Марси прикусила губу. В этих словах было много смысла. Она пыталась решить, с чего начать, когда Мирон опередил ее.

— Где мы? — спросил он, глядя на гору, покрытую лесом. — В моих исследованиях говорится, что Сердце Мира — заклинание, а не мест.

— Это заклинание, — сказал шикигами, — чтобы создать место.

— Так это иллюзия? — сказала Марси, стуча ногой по брусчатке, которая ощущалась настоящей.

— Думаю, это как модель, — сказала взволнованно Амелия. — Я всегда гадала, как великие маги преодолели врождённые магические рамки человечества. Вы живете в реальности двойной природы, но воспринимаете только физический мир, пока вы живы, а потом застреваете в своих смертях. Даже если вы выбираетесь в Море Магии, вам все еще нужен дух для перехода и направления, ведь вы ничего не видите. Эти ограничения ослабляют, особенно, когда речь идет о магии огромного масштаба, которой знамениты Мерлины. Но, если тайная база — сконструированная реальность — место, которое берет все то, что обычно не видно, и переводит в то, с чем можно взаимодействовать — это многое

объясняет.

— Конечно, — Марси глядела на гору, которая была не неровной, как обычно, а идеально ровной. Безупречный конус, который был множеством кругов друг на друге.

Она упала на колени, задела руками брусчатку двора, которая тоже не была грубой. Камни были вырезаны, на каждом было много крохотных пересекающихся линий заклинания, и поверхность ощущалась как наждачная бумага.

— Это все заклинание, — потрясенно сказала она. — Все это место построили люди.

— Конечно, — Мирон опустил рядом с ней. — Люди не могут видеть или ориентироваться в Море Магии, так что они построили искусственное физическое пространство в нем. Убежище.

— Или линзу, — Марси посмотрела на синий купол безоблачного неба. — Мы все еще внутри Моря Магии, теперь понятно. Вот, что делает это место. Оно переводит весь хаос в нечто, с чем мы можем взаимодействовать.

— Вы оба правы, — сказал Широ. — Море Магии огромное и непостижимое для смертных, как обычное море, не зря оно так названо. Такое смятение мешало продвижению магии, и маги, которые были до моего господина, древние Мерлины, построили это место как интерфейс. Это орудие дает убежище от хаоса Моря Магии и свет, который превращает хаос магии в форму, которую могут понять и использовать люди.

— Но это потрясающе! — завопила Марси, вскакивая на ноги. — Это не просто круг в Море Магии, а целый мир! — она посмотрела на зеленую гору. — Мы стоим в самой большой суперструктуре магической логики. Она сделана без современных инструментов типа компьютерных симуляций или программ, проверяющих заклинание. Это как обнаружить новую Великую Пирамиду, построенную внутри Атлантиды!

— Не знаю, что все это такое, — виновато сказал Широ. — Но я рад, что вы понимаете важность и силу этого места.

— Сила этого места не подвергалась сомнениям, — хмуро сказал Мирон. — Я хочу знать, для чего вся эта сила? Новалли права. Это самое большое заклинание, которое я видел, по нескольким шкалам измерения. Но я работал на ООН достаточно долго, чтобы знать, что люди не строят что-то такого размера, если это не дает им серьезное стратегическое преимущество.

Марси фыркнула.

— Разве это вопрос? Мы говорим об инструменте, который дает людям видеть и взаимодействовать с магией, как духи. Это большое стратегическое преимущество.

— Да, — согласился Мирон. — Но это не все. Смотри.

Он прошел к краю двора и схватился за густой куст, потянул его, показывая Марси зеленый лист.

— Святой... — Марси схватила восковой лист из его рук, смотрела на тонкие вены, тянущиеся по нему, но не в привычном узоре веток.

— Это заклинание, — сказала она, водя пальцами по кругам древних символов, растущих внутри листа на месте хлоропластов. Другие листья были такими же, как и ветка, на которой они росли. — Это все заклинание, — прошептала она, касаясь спиралей символов, из которых состояли узоры на коре. — Каждый дюйм.

— И ты знаешь, что это означает, — Мирон отпустил куст. — Ты не закончила обучение, но даже студенты должны знать, что пересекающееся заклинание работает с двумя частями сразу. Если все это внутри одного круга, а я не вижу повода не верить, что Сердце

Мира — один круг, то все это — камни во дворе и листья в лесу, все, что мы найдем, — части одного целого. Это как...

— Программы в одной операционной системе, — закончила Марси, кивая.

— Не нужно приплетать компьютерные фразы, — презрительно сказал Мирон. — Я собирался сказать: «Органы в теле». Мы творим магию, а не пишем программное обеспечение для торговых точек за минимальную плату. Я знаю, что вам, тауматургам, тяжело это различить, но пока шаманская магия имеет отдачу, они хотя бы понимают, что магия — органичная сила. Мы играем в бога с жизнью. Не пишем логические цепочки для безмозглых вычислительных систем.

Марси закатила глаза.

— Сказал мужчина, напавший книгу «Логика магии».

— Да, — гордо сказал он. — И раз ты заявляешь, что читала все мои работы, ты помнишь, что я сказал, что логика магии функционирует как логика любой другой природной системы: хаос, которым управляет несколько универсальных правил, одно из которых — что все заклинания в одном круге работают вместе. А теперь подумай, о каком масштабе заклинания мы говорим.

Он отошел и посмотрел на гору с густым лесом, поднимающуюся над ними.

— Не считая все, что мы ещё можем найти, если все эти деревья с заклинаниями, как это, то тут больше магических записей, чем во всех современных библиотеках заклинаний. Учитывая количество логики, втиснутой в один лист, мы можем смотреть на миллионы заклинаний, а то и миллиарды, и все работает вместе. Если это так, следующий вопрос: работает для чего?

Марси нахмурилась.

— Они не делают это? — она постучала ногой по камню. — Не поддерживают Сердце Мира?

— Сердце Мира несомненно поразительное, но не такое сложное, — уверенно сказал Мирон. — Я мог бы создать нечто похожее, если бы у меня было время и пространство на деревьях вокруг нас. Даже если удвоить требования, заклинание, которое требуется, чтобы создать отдельную реальность, даже такую сложную, как эту, все еще не сможет наполнить все деревья и камни, весь зачарованный пейзаж, покрывающий этот остров. И это даже не приковано к земле. Смотри вверх.

Он указал на небо, и Марси охнула. Теперь, когда он указал, она видела, что то, что выглядело как ясное небо, не было ясным, не было небом. Это был купол, синий, покрытый сотнями тысяч миллионов мелких символов, как пиксели на старом LED-экране.

Отсюда, снизу, они сливались в плоском синем пространстве, но, прищурившись, Марси видела символы, собранные в заклинание, как во всем остальном. И не одна линия. Небо было решеткой символов, собранных в заклинание, которое можно было читать не только из стороны в сторону, но и вверх и вниз, может, даже по диагонали. Сложность за таким дизайном вызывала головокружение, но это Марси уже видела раньше.

— Это как внутри моей Космолябии.

Мирон уставился на нее.

— У тебя есть Космолябия?

— Была, — сказала она. — Но ты прав. Это место поражает, но тут слишком много заклинаний, чтобы просто выводить магию и поддерживать интерфейс перевода. Это место должно делать что-то еще.

Наверное, много чего-то, включая выбор ее как Мерлина. Но даже это умное с виду решение подходило параметрам логики, которая управляла чарами. Как она могла создать щит, останавливающий пули, или ловить духов, древние Мерлины точно могли написать заклинание, которое не пускало никого, кроме людей, которые подходили под требования. Нужно было много заклинаний — так всегда было с абстрактными чарами — но их тут точно хватало. Их было более, чем достаточно, что было проблемой. Ничто не требовало столько заклинаний.

Все внутри Марси сжалось. Если следовать логике Мирона и посчитать, что остальной лес был напичкан, как дерево и камень под их ногами, то тут хватило бы заклинания, чтобы удержать всю магию мира дважды. И, учитывая причину, по которой Мирон и Алгонквин стремились сюда, у Марси было ужасное ощущение, что в этом был смысл.

— Ты говорил, что это место — орудие, — она повернулась к Широ, который не переставал следить за ней. — Что-то, что не просто позволяет людям видеть магию тут, но использует ее и управляет ею.

— Верно, — ответил шикигами.

Марси кивнула, скрестила руки на груди.

— Так что они с этим делали?

Шикигами широко улыбнулся.

— Ответ на этот вопрос — моя цель, — сказал он, шагая к ней. — Но для этого нам нужно подняться выше.

Она не успела спросить, что это значило, Широ добрался до края двора, где деревья встречались с камнями. Он поднял руку, и густой ряд деревьев, которые изучали Марси и Мирон, раздвинулся, как шторы.

— Идем, Мерлин, — сказал он, шагая в раскрывшийся лес. — Я отведу тебя к Сердцу Мира.

— Я думала, мы уже там, — буркнула Марси, спеша за ним в туннель из деревьев. Мирон следовал за ней, а потом Призрак и Амелия, летящая за ними из залитого солнцем двора по тропе в прохладных тенях темной листвы заклинания сверху.

Учитывая высоту горы, Марси готовилась к долгому подъему. Созданные магические острова не следовали нормальным правилам дистанции. Они шли по тропе вверх по склону между деревьев меньше минуты, и Широ раздвинул еще стену зарослей, стало видно пейзаж из гладкого камня и открытого неба. Моргая из-за слепящего света, Марси пошла следом, вышла из леса в яркий, открытый и странно безветренный мир идеально ровного плато. Такой была вершина горы.

После заметной искусственности всего тут это не должно было ее удивить, но это все еще было странно. Под покровом леса сама гора была идеальным конусом, кроме вершины. Она была плоской и гладкой, как пол фабрики, словно прудящий великан срезал вершину бритвой. Только в центре вершины ровность нарушала изящно искривлённая сосна, которая росла из камня рядом с колодцем. Кроме этого, смотреть тут можно было только на океан.

— Ого, — шепнула Марси, удивленно глядя на дикую синюю воду. — Это на самом деле Море Магии.

— Да, — тихо согласился Призрак, его сияющие глаза были круглыми в пустоте лица. — Хотя я никогда не видел его с такой высоты раньше, — его лицо смягчилось. — Красиво.

Было куда больше. Красивый, ясный и синий океан тянулся вокруг них, отличался от

тошнотворного черного хаоса, каким Марси видела Море Магии до этого. В том и был смысл. Это была линза Сердца Мира, она превращала путающий беспорядок Моря Магии в облик, который ее мозг мог понять: чистое неглубокое море.

С вершины горы — Марси теперь видела, что она была идеальным конусом без пляжа, только ярко-зеленые джунгли тянулись до волн, как стена — она смотрела прямо на дно океана. Еще и далеко внизу, потому что основание Сердца Мира не спускалось постепенно, как естественный остров. Склон был прямым, как колышек, каменная колонна, которую они видели снаружи. И если это было тут, то тысячи дыр и трещин на песчаном дне океана вдруг стали иметь куда больше смысла.

— Посмотри на все сосуды духов, — сказала она, подойдя к краю плоской вершины горы.

Земля под ярко-синей водой была полной вмятин, между трещинами едва ли было место для камня. Часть дыр была такими глубокими, что вода все еще вливалась, формируя большие воронки, море втягивало в бездонные с виду ямы. С ее места можно было заглянуть в несколько, но воронки были всюду, усеивали бушующее море, как веснушки, до горизонта.

— Ужасает, да?

Марси вздрогнула, повернулась. Широ стоял рядом с ней.

— Я бы сказала: красиво, — сказала она, оправившись. — Это ты хотел мне показать?

— Отчасти, — сказал он, серьезно глядя на бесконечное море. — Для этого Сердце Мира. Наверху все сжато, и это позволяет нам безопасно и легко наблюдать за Морем Магии в полном масштабе.

Сжатие объясняло, почему трещины казались такими маленькими. По крайней мере, не размера гор и озер.

— Это Смертные Духи, да? — она указала на воронки. — Они еще не наполнились.

— Верно, — Широ помрачнел. — Это место создано не только наблюдать, а и защищать. Так много духов поднимается, нам нужна дозорная вышка, чтобы видеть приближение монстров и готовиться нанести ответный удар.

— Монстры? — Марси покачала головой. — Должна ожидать, от вас я такого не ожидала. Я думала, весь смысл Мерлинов — сотрудничество со Смертными Духами.

— Так было, — сказал Широ. — Пока нас не затмили.

Он отвернулся от обрыва, махнул ей следовать за ним. Любопытная и раздражённая, Марси так и сделала, шла за ним по плоскому камню в центр, где Амелия, Призрак и Мирон уже ждали в тени кривой сосны у каменного колодца. По крайней мере, она приняла это за колодец. Пока они приближались, Марси поняла, что ошиблась. Каменный круг высотой до пояса не был колодцем.

Это была печать.

Она была одним куском: большой круглый диск белого камня в три фута высотой и десять футов в диаметре, который лежал на боку под деревом в центре круглой вершины горы. Как все тут, его поверхность была покрыта заклинанием, но, в отличие от листа или камней с поляны внизу, которые просто были частями целого, это заклинание сдержалась в своем круг. Край печати был вырезан, формируя твердую линию, создавая четкую границу между остальной вершиной горы и заклинанием внутри.

Как всегда, она не могла прочесть ни слова, и не только из-за того, что она не знала этот язык. Заклинание на листьях выглядело вполне нормально, но организация заклинания на печати было тем, что Марси еще не встречала.

Оно не закручивалось по кругу, как тауматургические заклинания, и даже не формировало решетку, как заклинание в небе, эти линии — каждая была меньше, чем мелкий шрифт в документе — сплетались между собой, как нити. Результатом был фрактальный узел, который заполнял пространство круглой печати, не оставляя и сантиметра пустого белого камня. Это восхищало, такое чудо могло породить целую школу антропологической магии, потому было так трагично, что сплетённое заклинание было повреждено.

На вершине круга красиво сплетенные линии заклинания были рассечены трещиной толщиной с волосок. В трещине поднялись капли воды, как кровь из пореза бумагой, и капли соединились в тонкую струйку, которая стекала с края печати на плоскую вершину горы и за край. Это была такая мелочь, немного протекала трещина. Но, когда Марси коснулась ее, вода обжигала, как магия снаружи.

— Похоже, Алгонквин говорила не образно, что Мерлины запечатали магию, — сказала она, стряхивая обжигающую воду с пальцев. — Это оно, да? Настоящая печать на магии. Она была права.

— Конечно, она была права, — гневно сказал Мирон. — Думаешь, я бы был с ней, если бы верил в иное?

Марси хмуро посмотрела на него.

— Думаю, ты терпел бы все, только бы стать Мерлином. Но не делай вид, что ты знал все это. Я помню, что ты говорил в закуской, что даже не знал, что делали Мерлины.

— Я не знал конкретно, — он мрачно посмотрел на нее. — Но мы всегда знали, что люди — единственные виды со способностью менять магический пейзаж. Другие так не могут, и, учитывая, что вся магия мира исторически росла, а не слабела, логично, что это беспрецедентное полное исчезновение было вызвано людьми.

— Не корми меня этим, — рявкнула Марси, указывая на печать. — Ты не мог знать, что тут такое, до этого.

— Я не говорил, что был уверен, — рявкнул он. — Я сказал, что верил. У меня была теория, что засуху вызвали люди. Я подозревал, что древние Мерлины имели некий контроль над тектоническим магическим потоком. Была гипотеза, которая еще и соотнеслась с отчаянием Алгонквин получить своего Мерлина до того, как один возникнет сам. У меня не было доказательств, но, когда возникла возможность, я был достаточно уверен в своих теориях, чтобы рисковать жизнью, пробираясь сюда. И я был прав.

Он опустил ладонь на треснувшую печать.

— Это бесспорно. Магическая засуха, долгий сон духов, потеря наших знаний — все это началось тут. Магия не пропала из-за естественной катастрофы. Это были мы.

Марси смотрела на него в ужасе и потрясении.

— Почему?

— Потому что у них не было другого выбора.

Ответ пришел от Широ, и Марси с отвращением повернулась к нему. Потому что, если ее недавняя жизнь научила ее что-то ненавидеть, то это такие слова:

— «У них не было другого выбора», — повторила она сквозь зубы. — Ты знаешь, как их выбор нам навредил? Сколько мы потеряли? До того, как магия возникла шестьдесят лет назад, люди даже не думали, что магия была настоящей. Все, что мы построили, знание, как делать такое, — она махнула рукой на красивое заклинание на поверхности печати, — это все пропало. Все, что мы знаем о магии сейчас, мы изобретали заново из ничего!

— Но вы это сделали, — сказал шикигами. — Потому что вы не пропали. Человечество пережило смерть магии, но ты задумывалась, как? Почему в мире драконов, духов и монстров человечество стало хозяевами Земли? Дело не в том, что вы великие или особенные. Просто последние Мерлины жертвой дали вам убежище.

— Стерев все остальное! — закричала Марси. — Вы усыпили всех духов в мире!

Широ оскалился, глядя на нее.

— Почему мы это сделали, по-твоему? Ты не знаешь, как все было тогда. Каково было видеть Смерть, несущуюся по небу, или смотреть на поле боя и видеть, как Война смеется, собирая головы с обеих сторон. Это не было для нас метафорой, историями. Они были настоящими, и они ужасали. Смертные Духи нашего времени были настоящими богами. Они делали, что хотели, и чем больше они делали, тем больше люди верили в них, и тем сильнее они становились. Это был жестокий цикл, и помешать им стереть мир можно было, только остановив колесо.

— Так Мерлины запечатали магию, — Мирон кивал. — Магии и духов не было. В этом есть смысл.

— Нет, — гневно сказала Марси. — Они забрали магию у всех нас! Исправили ошибку лишив всего.

— Ты думаешь, мой хозяин и его товарищи Мерлины легко сделали этот выбор? — гневно сказал Широ. — Они тоже были магами. Как ты, они посвятили жизни магии, но этого было мало. Не важно, сколько раз мы убивали Смертных Духов, они всегда поднимались снова. Мы старались, но не могли победить, потому что наш враг был страхом во плоти, а страх — неотъемлемая часть человечества. Наконец, отчаявшись, Абэ-но-Сэймэй сделал единственное, что осталось: запечатал то, что любил больше всего, ради общего блага.

От этого Марси хотелось плакать.

— Ты не можешь звать это победой.

— Никто не звал, — сказал Широ, качая головой. — Человечество было побеждено в тот день, но, благодаря моему хозяину, вы выжили. Выжили и процветали, потому что, в отличие от духов, люди — не только магия. За тысячу лет с создания печати я увидел, что вы растете, становитесь величайшей силой в мире. Даже драконы дрожат теперь перед вашим оружием, и это стараниями жертвы Мерлинов.

Он улыбнулся ей.

— И я должен сказать это. До того, как его заставила проблемная магия, мой хозяин, Абэ-но-Сэймэй, Последний Мерлин, привязал меня к Сердцу Мира, чтобы я смог рассказать будущим поколениям правду о произошедшем. Отчасти он надеялся на прощение, но куда больше хотел, чтобы вы поняли, почему печать, ради которой он многим пожертвовал, нельзя разбивать.

Марси это понимала. Она не соглашалась, но понимала логику того, как попытка навредить кому-то еще могла навредить самому себе.

— Ладно, — медленно сказала она, потирая виски. — Я понимаю, почему он не хотел бы, чтобы его работу сломали, но как он это сделал? Даже если это не море в прямом смысле, мы все еще говорим о строительстве стены, которая могла заблокировать всю магию мира. Как такое возможно?

— Это невозможно, — признал Широ. — Магия — естественная система. Мы не могли остановить дождь или ветер. Но мой хозяин был гением, понял, что нам не нужно было

выпускать ее. Нам нужно был удерживать ее.

Глаза Марси расширились.

— Конечно, — сказала она, глядя на гору под ногами. Идеально круглую гору с идеально круглой печатью.

Теперь, когда он указал, Марси могла ударить себя за то, что не поняла, что творилось, раньше. Смысл кругов был в удержании магии. Чем больше круг, тем больше он мог удержать. Добавить сильное заклинание, и вместительность можно было усилить в десять раз, и если чего-то тут было много, так это заклинаний.

— Все это место — круг, — сказала она, мотая головой. — Вы не остановили магию. Вы засосали ее и запечатали. Потому Сердце Мира осталось, когда другие заклинания перестали работать. Ты сидел на всей магии, — она посмотрела на камень под своими ногами. — Гора — это резервуар!

— Гора — только верхушка, — сказал Широ. — Внизу еще колонна, которая тянется вниз. Она была изначально построена, чтобы поднять Сердце Мира над Морем Магии, чтобы мы могли видеть, но когда он понял, что нужно было сделать, мой хозяин переделал это место, чтобы оно служило воронкой.

Он указал на небо с заклинанием.

— Как вода, которую она напоминает, магия в постоянном цикле. Она течет из мора в физический мир, где она рассеивается на кусочки, которые со временем возвращается на эту сторону, падают в море, как дождь. Чтобы нарушить этот цикл, мы построили сеть, чтобы ловить входящую магию до того, как она вернется в систему, и направлять ее в гору. Так она убиралась из цикла, а без дождя...

— Море высохло, — закончила Марси, глядя на синюю воду. — Как при настоящей засухе.

— И все это тут? — Мирон встал на колени и постучал костяшками по гладкой вершине горы. — Вся магия старого мира?

Шикигами кивнул.

— Вся магия, какая была в море в наше время, плюс новая магия, которая пала с тех пор.

Мирон вскинул голову.

— Погоди, новая магия? Ты уверен, что она новая?

— Должна быть новой, — сказал Широ. — Мой хозяин и его круг использовали печать, чтобы осушить Море Магии, до того, как их выгнали. Сеть в небе ловила магию, оставшуюся на физической стороне, когда она проникала сюда. Мой хозяин, Сэймэй, оценивал, что на пару лет вся внешняя магия проникнет, но печать продолжала собирать небольшое количество магии все время, пока я был тут. Вся известная магия была уже учтена, и я мог только решить, что она была новой.

Мирон и Марси восторженно переглянулись.

— Ты знаешь, что это значит? — спросил он.

Марси усмехнулась.

— Что теория магического генезиса Мурти правильная? О, да. Но мы знали, что это так, с тех пор, как магические уровни стали расти со временем, а как это происходило бы, если бы не от новой магии, приходящей в систему? Мы не знали только, откуда она бралась.

— Но мы все еще не знаем, — Мирон нахмурился. — Откуда новая магия?

— Наверное, из других измерений, — сказала Амелия. — Измерения — не закрытые

системы. Есть много путей для магии, хотя я не могу сказать точно, что происходит тут, не понаблюдав несколько веков. Сейчас меня больше тревожит то, что мы сидим на вершине сжатой магии, которая собиралась тысячу лет, — она повернулась к Широ. — Как долго Абэ-но-Сэймэй планировал продолжать это?

Шикигами стал ерзать.

— Как я и сказал, это было срочное решение. Боги смерти и страха угрожали всем живым. Просто не было времени...

— Так плана не было.

— То, что он действовал быстро, не означало, что у него не было плана! — гневно сказал Широ. — Мой хозяин построил печать, чтобы ловить и сжимать магию безопасно тысячи лет. Человечество должно было успеть вырасти и научиться. Его планом было дать будущим поколениям безопасность в надежде, что однажды им хватит мудрости решить проблемы, которые он не смог решить, и все работало бы до сих пор, если бы камень не оставил трещину!

— Камень? — повторил Мирон. — Какой камень?

— Думаю, он о метеорите, — сказала Марси. — Тот, что вернул магию.

— Метеорит не вернул магию, — властно сказал Мирон. — Это всего лишь обломок из космоса, ударивший землю в Канаде, в этом ничего магического. Было просто совпадением, что паникующие СМИ объяснили этим то, что тогда было необъяснимым.

Мирон, как всегда, сказал это так, словно это была единственная правда, и это казалось Марси безумием. Хоть было правдой, что теорию о метеорите не доказали, было все еще широко принятым объяснение того, что случилось в ту ночь. Она не успела возразить Мирону, Широ опередил ее.

— Но это был метеорит.

— Невозможно, — сказал Мирон. — Я был председателем тектонической магии в Кембриджском университете. Я всю жизнь изучал глубокую магию, и я могу сказать, что физические катастрофы, типа землетрясений и ударов метеорита имеют незначительное влияние. Мы не проверяли тогда глубокие течения, ясное дело, но могу гарантировать, что кусок железного пирита, упавший из космоса, не мог устроить достаточный удар, чтобы что-нибудь сломать, тем более — древнюю печать внутри крепости Мерлинов.

— Это было бы правдой, — сказал Широ, — если бы это был обычный метеорит.

Марси моргнула.

— А он не был?

— Нет, — сказал он. — У него была своя магия...

— Не была, — рявкнул Мирон. — Тот метеорит проверяли тысячи раз. Я сам этим занимался, и я могу сказать, что это был обычный камень.

— Может, так было, когда ты до него добрался, — сказал Широ. — Но я был там, когда это случилось. Я ощутил, как метеорит ударил по печати, как ощутил удар чужой магии внутри него, что привело к сдвигу в давлении, от чего и появилась трещина.

Глаза Мирона были большими, когда он закончил. Марси была нее лучше. Звучало как сюжет плохого фильма, но Широ знал много, и он серьезно говорил о чужой магии, а это ужасало. Особенно, если эта магия уже не была скована в метеорите, с которым прибыла. Это было как попасть в комнату с яйцами инопланетной королевы, где все яйца уже лопнули, и Марси видела достаточно фильмов, чтобы знать, чем такое кончалось.

— И куда она делась?

— Не знаю, — сказал Широ, опустив плечи. — Я потерял ее в хаосе после трещины в печати. Раз у вас не было проблем, значит, она безопасно внедрилась в магию мира. Важно, что то, что упало с неба той ночью, оставило трещину в печати, и магия с тех пор вытекала.

— Погоди, — сказала Марси, глядя на тонкую трещину с текущей магией, как на порез от бумаги. — Так эта струйка устроила все это?

Она указала на дикое синее море, окружающее их со всех сторон, Широ кивнул.

— Я говорил, это место сжато. Оно передает идею моря, но не масштаб.

— Похоже, разница сильная, — Марси склонилась, чтобы лучше рассмотреть крохотную струйку, которая стала источником возрождения магии. — Но я думаю, что нам повезло. Трещина впустила магию в мир постепенно, дала нам время научиться и подстроиться. Ты можешь представить, как все сразу открылось бы? Это было бы ужасно.

— Я представлял, — гневно сказал Широ. — Это я пытаюсь тебе сказать. Это нестабильная ситуация. Трещина стала вдвое больше, чем была сначала. Она растет с каждым годом, выпуская все больше магии.

Марси не нравилось, куда это вело.

— Так это — что? Станет шире? Сломается полностью?

— Ты видела, как печать ломается под давлением? — мрачно спросил Широ. — Трещина не открывается медленно. Печать лопнет, и скоро. Несколько месяцев, если повезёт, недели, если нет, хотя даже это может не сбыться, если магия будет так дёргаться.

Марси нахмурилась.

— Дёргаться?

— Море Магии беспокоит, — объяснил Призрак, оглянувшись на синие волны. — Я говорил, что оно беспокойнее, чем обычно. Наверное, потому что Дух Земли пожертвовала товарищами, чтобы искусственно наполнить духа города.

Последняя часть была сопровождена убийственным взглядом на Мирона, который вздохнул.

— Тогда это казалось необходимым, — сказал он, потирая руками лицо. — И я не знал, что мы имели дело с трещиной.

— Это просто отлично, — прорычала Марси. — Алгонквин снова все испортит, — она повернулась к Широ. — Что мы можем сделать?

— Только одно, — сказал шикигами. — Тебе нужно восстановить ущерб.

— Я? — пискнула она, глядя на шедевр древнего заклинания перед ней. — Исправлю это? Ты пропустил часть, где я не могу даже это прочесть?

— Но это можешь быть только ты, — твердо сказал Широ. — Печать — магия Мерлина, а ты — Мерлин. Только ты можешь изменить заклинание этого места. Даже я — просто говорящая часть пейзажа.

— Но я даже не знаю структуру, — возразила Марси. — И изменять работающее заклинание ужасно опасно. Если я совершу одну ошибку, все может взорваться. И даже если я чудом все сделаю правильно с первой попытки, разве магия не будет запечатана снова?

— Будет, — Широ обрадовался. — Потому что я не пускал никого, кому не мог доверять, в Сердце Мира. Человек под контролем драконов или духов может захотеть сдвинуть баланс силы к своему хозяину, но истинный Мерлин служит только человечеству, а человечеству лучше без магии.

Он улыбался ей, закончив, протянув руки в приглашении. Марси смотрела на него в ужасе.

— Нет.

Улыбка пропала со спокойного лица шикигами.

— Не понимаю.

— Что не понятно? Н-Е-Т. Нет. Я не лишу мир магии еще раз.

— Но ты — Мерлин, — сказал он. — Твоя работа — делать то, что лучшее для человечества.

— И я говорю, что возвращение нас к магической засухе — не лучшее решение, — твердо сказала Марси. — Ты не сделаешь человечество сильнее, сделав всех остальных слабыми. Это не сила. Это просто удары по ногам всем, потому что ты хромаешь лучше других. И мы только вернули магию. Я даже не знала об этом месте до сегодня. Заклинание передо мной того уровня, какой за жизнь не достичь. Я не отдам это.

— Но ты должна, — гневно сказал Широ. — Долг Мерлина — отбросить эгоистичные желания и делать то, что хорошо для всех.

— Кто сказал, что хорошо — это запечатать магию? Вы даже не голосовали.

— Не было времени! — закричал он. — Ты не слушала? Боги победили! Лица Смерти ездили по небу! Нужно было запечатать магию или умереть.

— Я это понимаю, — сказала Марси. — Но сейчас все не так.

— Пока что, — Широ указал на воронки в мире вокруг них. — Дыры, которое человечество вырыло, стали глубже, пока население росло. Если ты не восстановишь ущерб, если печать сломается, потоп магии наполнит эти бреши, и сотни, а то и тысячи Смертных Духов поднимутся разом. Эта катастрофа крупнее всего, с чем мы сталкивались, и помешать можно, только если действовать сейчас, пока мы еще можем.

Марси отвела взгляд с ругательством. Она не думала, что спор с Алгонквин повторится тут. Это место должно было стать местом, где Смертных Духов принимали как часть человеческой магии. Сердце Мира открыло ей дверь, когда она освободила СЗД. Она понимала слова Широ, но мир изменился сильно за тысячу лет, и, хоть Марси восхищалась Абэ-но-Сэймэем, одним из лучших магов в истории, он был мертв. Теперь наступила ее очередь, и Марси не была уверена, что все было так плохо, чтобы повторять резкие действия прошлого.

— Что насчет компромисса? — сказала она, повернувшись к Мирону. — Когда она пыталась меня нанять, Алгонквин сказала, что хотела отправить Мерлина сюда, чтобы он сделал магию на уровне, какой был сразу после падения метеорита. Я тогда отказалась, потому что не доверяла ей, и я не хотела лишать Смертных Духов, как Призрак, шанса быть живыми, но я не против идеи лимита. Мы могли бы такое сделать? Изменить печать, чтобы она выпускала только определенное количество магии?

— Абсолютно нет, — сказал Широ.

— Я тебя не спрашивала, — Марси смотрела на Мирона. — Я спрашиваю его. Ты всегда говорил, что ты — эксперт, сэр Мирон, так давай. Посоветуй мне.

Мирон нахмурился, но Марси не встречала всезнайку, который мог удержаться и не дать совет. Да, после половины минуты оскала и хмурых взглядов он ответил:

— Думаю, это возможно. Печать уже протекает, так что не нужно менять основное заклинание. Нам просто нужен слой сверху, чтобы убрать давление так, чтобы магия выходила, не делая щель шире.

— Как водосброс на плотине, — сказала Марси, кивая. — Поняла.

— Не думаю, — холодно сказал Мирон. — Раз ты спросила моего совета, ты должна

знать, что я согласен с шикигами. Алгонквин дала мне духа, чтобы я мог пройти сюда, но я не собирался следовать ее плану, став Мерлином. Я пришел сюда, чтобы спасти людей от монстров, как она, закрыв магию.

Марси отпрянула на шаг.

— Что? Но ты рассказал мне о Мерлинах первым! Ты сказал, что они были нашим оружием, нашим шансом встретить духов на равном поле.

— Я в это верил, — сказал он. — Пока не встретил тебя.

Ее глаза расширились, но Мирон не закончил:

— Знаю, ты думаешь, что я продался, — горько сказал он. — Что я предал свою команду и всех людей, став работать с Алгонквин, но ты не понимаешь, что я делал то, что нужно было сделать. Что всегда делал. Вся моя жизнь была посвящена тому, что лучше для человечества. Потому я присоединился к ООН и оставался там десятки лет. Хоть я получал множество предложений с лучшей платой, я оставался там, где мог быть полезнее, раздвигал наше понимание магии и развивал способность людей противостоять монстрам, которые были намного сильнее нас. Годами я думал, что Мерлины были ключом к той победе. Они были магами из легенд, оружием, которое могло поднять нас до уровня духов и драконов. Я надеялся. А потом появилась ты.

Его темные глаза сузились.

— Ты показала мне правду, Марси Новалли. Через тебя я увидел, что Смертные Духи не были нашими сияющими мечами. Они были нашими монстрами. Нашими смертями. Даже скованный, твой Пустой Ветер всегда был сильнее тебя.

— Но это хорошо, — возразила Марси. — Призрак — мой напарник. Его сила — моя сила.

— Да? — спросил Мирон. — Думаешь, твой Пустой Ветер не мог убить тебя за миг если бы ты разозлила его? Или драконы? Думаешь, ты была для них не орудием?

— Эй! — сказала Амелия. — Не втягивай нас в это.

— Почему? Вы — часть проблемы, — он повернулся к Марси. — Ты стояла и критиковала Абэ-но-Сэймэя за то, что он забрал магию, но я теперь понимаю, с чем он столкнулся. Я думаю, он был героем. Тысяча лет покоя была куплена нам его засухой, и они были величайшими в истории человечества. Мы были бесспорными хозяевами мира. Даже драконам пришлось притворяться людьми, чтобы выжить. Когда магия вернулась, мы упали на дно, и там мы остались. Мы с Эмили пытались изменить это, когда искали тебя, но теперь я знаю, что мы были обречены с самого начала. Что бы мы ни изобрели, человечество не может победить, пока магия в деле. Даже если мы научимся разбираться с драконами и Алгонквин, мы все еще будем обречены из-за таких, как он.

Он указал на Призрака, и Марси стиснула зубы.

— Понимаю. Тебе никогда не нравился мой дух, но...

— Дело не в твоём духе, — рявкнул он. — А во всех духах, особенно Смертных. Ты слышала историю Широ о том, как древних Мерлинов подавили, но даже он вряд ли понимает, как плохо будет новым.

— Но...

— Население мира, когда магия исчезла, было около трехсот миллионов человек, — он перебил ее. — Сейчас их девять миллиардов. Это в тридцать раз больше. И это не учитывая глобальное распространение идей из-за массовой коммуникации. Ты видела, какая большая СЗД, и она даже не возникла естественным путем. Алгонквин создала ее специально, чтобы

у нее был Смертный Дух, достаточно маленький, чтобы наполнить его раньше других. Настоящие Смертные Духи — результат общих страхов людей — больше, чем мы можем осознать.

— Думаешь, я это не знаю? — она кивнула на Пустого Ветра. — Я привязана к нему. Я знаю, какой он большой, но то, что что-то может нас убить, не означает, что это нас убьет. Призрак помог тебе, если ты помнишь.

— Но поможет ли другой? — сказал Мирон. — Мы говорим о чуме богов, обрушенной на несведущий мир. Ты просишь меня поверить, что все они могут быть управляемыми, как твой Пустой Ветер, но у тебя не было полного контроля над ним в начале, да? Ты сама мне говорила, что пришлось сковывать его много раз, и тогда он был едва пробудившимся. Мы не получим такой шанс с остальными, и я не буду рисковать будущим людей, надеясь, что эти духи смерти и гнева чудом окажутся сговорчивыми.

Марси закатила глаза.

— Это не...

— Плевать, — рявкнул он, опустив ладонь на сломанную печать. — Хочешь мой совет? Эту трещину нужно поскорее восстановить, а не оберегать. Даже без Смертных Духов возвращение магии уже нанесло непоправимый вред и потери жизни людям всего мира, особенно в Детройте. Запечатать ее снова — ответственное решение. Другой поступок обречет нас всех.

Широ кивнул, когда он закончил, посмотрел с тоской на Мирона, словно жалел, что не впустил его в Сердце Мира первым. Это задевало, но Марси не могла винить шикигами за это. Она не могла злиться на Мирона, потому что, хоть он был напыщенным, он не ошибался. Смертные Духи были угрозой. Мирон говорил сейчас то, что говорила Амелия перед боем с Ванном Егерем: если бы Марси не управляла своим духом, он стал бы управлять ею.

Это почти произошло. Если бы она была мене храброй, когда он вспомнил свое имя как Пустого Ветра, он захватил бы ее. Их отношения были осторожным построением доверия, и хоть она была рада конечному результату, Марси не считала, что процесс было легко повторить. Даже если бы она придумала процесс, каждый Смертный Дух отличался, как и каждый маг. Каждая пара должна была построить свою уникальную связь, свой мост доверия. Это было уже тяжело между двумя обычными людьми, но когда ценой поражения был бушующий бесконтрольно бог, аргумент Мирона имел больше смысла.

И все же...

— Я понимаю твои слова, — медленно сказала Марси. — Конечно, запечатанная магия снова спасёт жизни, но ты упускаешь часть, где жизни людей — не единственное, что на кону тут. Это не только наша планета, Мирон. Это дом духов и всяких магических существ, многие из них жили тут раньше, чем мы вышли из лесов. Если мы вернем засуху, мы можем спасти человечество, но навредить всему остальному.

Мирон оскалился.

— Если просишь меня пожалеть драконов, которым пришлось оставаться в облике людей...

— Я говорю не только о драконах, — сказала Марси. — Я говорю о магических зверях, химерах и барсуках, единорогах и прочих видах, которые появились с возвращением магии. Если я снова запечатаю магию, я их отошлю в спячку, возможно, навеки. А духи? Не все они как Алгонквин. Есть миллионы духов земли и зверей во всем мире, которые живут мирно с

соседями-людьми. Многие из них даже помогают нам. Они — монстры? Они заслуживают умереть?

— Конечно, нет, — сказал он. — Но мы делаем то, что нужно, чтобы выжить.

— Да? — спросила она. — Мы выживаем?

— Ты жива, да?

Марси подняла голову.

— Да?

Он вздохнул.

— Плохой пример. Но твоя смерть была...

— Из-за моей смерти я могу говорить об этом! — закричала Марси. — Магия — не просто сила, Мирон. Это наша душа, и я говорю не образно. Когда мое тело умело, это осталось.

Она подняла руки, которые просвечивали в ярком свете Сердца Мира.

— Мы тоже магия. Может, не такая большая, как духи, но она все еще часть нас. Человечество физически пережило засуху, но то, что мы размножились, не означает, что потеря магии не навредила нам ужасно. Когда я умерла, моя магия жила в моей смерти. Я застряла бы там, пока смерть не рухнула бы, если бы Призрак не пришел спасти меня.

Марси опустила ладонь на плечо Пустого Ветра.

— Ты всегда говоришь, что он — смерть, но ты забываешь, что это не так плохо. Все люди умирают, и духи, как Призрак — Смертные Духи смерти — заботятся потом о наших душах. Если это убрать, если усыпить тех духов, что будет с нами? Куда нам уйти? — она повернулась к Широ. — Что случилось с людьми, которые умерли при засухе?

— Как ты думаешь? — стойко ответил он. — Они умерли.

— А потом? — настаивала Марси. — Если магии нет, то что случается с нашей магической частью? С душой? Это просто умирает?

— Все умирает.

— Ответь, — прорычала она, шагая ближе. — Что случилось с их душами?

Широ опустил взгляд.

— Ничего, — сказал он, наконец. — Они никуда не уходят, потому что они изначально не были там.

— Стой, — Мирон прижал ладонь ко лбу. — Просто стой. Это безумие. Ты говоришь, что люди рождались во время засухи без душ?

— У них что-то было, — быстро сказал шикигами. — Людям нужно определенное количество магии, чтобы жить, и мой хозяин был очень осторожно, оставил немного. Он не мог оставить больше, ведь для меньших духов нужно немного магии, но внешнее кольцо заклинания тут посвящено тому, чтобы печать не забирала последний процент магии, необходимый, чтобы люди сохраняли магическую половину, пока они живы.

— А потом? — спросила Марси.

Широ скривился.

— Боюсь, там все изменилось. Нужна лишь капелька магии, чтобы человечество жило, но смерть куда более требовательная. Сохранение душ вместе на этой стороне требует больше магии, чем мы могли позволить, и нам пришлось дать им рассеяться.

— Рассеяться? — повторила она, голос дрожал. — Пуф — и все? Просто пропадаешь?

— Это было очень мирно, — быстро сказал Широ. — Куда лучше, чем мучения, которые некоторые Смертные Духи...

— Я не о том! — закричала Марси. — Вы лишили сотни поколений загробной жизни! Твой хозяин украл это у них!

— Да! — заорал он на нее. — Чтобы спасти живых! Я говорю, это решение не далось просто. Мой хозяин принял тяжелое решение, и он выбрал сделать то, что мог, чтобы сохранить человечество.

— Я это понимаю, — сказала Марси. — Моя проблема не в том, что Абэ-но-Сэймэй принял трудное решение в плохой ситуации. Ты просишь меня это повторить, а я не стану. Есть небольшой шанс поступить лучше.

Широ опустил взгляд. Когда Марси повернулась к Мирону, старший маг стоял и глядел на печать.

— Я не знал, — сказал он, наконец. — Я не знал, что была загробная жизнь, пока не...

Его голос дрогнул в конце, и Марси вздохнула. Она выросла, читая его книги, но она презирала настоящего сэра Мирона Роллинса почти с момента их встречи. Он был напыщенным поразительным нахалом, который принимал ужасные решения, но он переживал за жизни. Это не удивляло, ведь он всю жизнь работал в ООН, но для Марси это было открытием, и впервые с тех пор, как реальность раздавила ее представление о сэре Мироне Роллинсе, она ощутила вспышку старого восхищения.

— Мы не дадим этому повториться, — сказала она, касаясь его руки. — Смертные Духи, боги смерти, были созданы нами, чтобы нашим душам кто-то помогал. Пустой Ветер многим даровал покой, и это только забытые. Есть другие лица смерти, другие концы. Не все приятные, но любая загробная жизнь лучше, чем просто стать ничем.

— Да? — спросил Мирон, опуская руки со вздохом. — Я всегда думал, что такое будет со мной. Я думал, что умру — и все. Я не знаю, что думать из-за того, что есть куда больше.

— Это шок, — согласилась она. — Но, что бы мы ни думали, мы не имеем права забирать вечность у тех, кто переживает.

— Возможно, — утомлённо сказал он. — Но я не просто горюю из-за того, что тысячу лет души рассеивались. Я горюю из-за смерти нашего последнего приемлемого решения. Я думал, если я остановлю магию, все вернется к тому, как был раньше. Теперь ты говоришь мне, что есть загробная жизнь, и если мы остановим магию, мы заберем и это. Если мы не остановим магию, мы все еще столкнемся с Армагеддоном. Проблема Смертных Духов не пройдет только из-за того, что некоторые из них помогают нашим душам. Мы столкнемся с даже большими версиями ужасов, с которыми древние Мерлины не смогли справиться. Мы должны просто принять это как цену за то, что сохраним свою загробную жизнь?

— Не знаю, — честно сказала Марси. — У каждого выбора есть последствия. Хитрости в том, что нужно выбрать тот, с последствиями которого можно жить. Или умереть.

— Будет много этого, если дать Смертным Духам подняться.

Марси бросила на него испепеляющий взгляд.

— Знаешь, для того, кто посвятил жизнь защите человечества, ты низкого мнения о нас.

— Это не мнение, — гневно сказал Мирон. — Это факт. Моя работа в ООН направляла меня на множество мест катастроф, от истерик духов до атак драконов и магического терроризма. Все это было ужасно, но знаешь, какие катастрофы были хуже всего? Какие были самыми жестокими? — он склонился ближе. — Человеческие. Геноцид, дети-солдаты, бомбёжка школ, торговля людьми — я видел все. Магия была оружием выбора в ситуациях, куда меня звали по работе, но ничего не меняла. Жестокость — это жестокость, и люди в ней преуспели. Потому что я так хотел Смертных Духов. Я думал, они были нашими ангелами, и

если бы я смог заполнить одного, я мог бы решить множество проблем. Столько ошибок исправить.

Он тяжело вздохнул.

— Представь мое разочарование, когда я понял, что они были точным отражением. Тогда я решил покончить с этим, даже если пришлось быть вместе с Алгонквин. Я, наконец, понял, что ты была права, Новалли. Смертные Духи — это мы, и это меня пугает.

— Но не должно, — сказала она. — Да, люди могут быть ужасными, но многие неплохи. Это важно для Смертных Духов, ведь они не работают с одним человеком. Это большие пропасти, вырытые нашими чувствами, и если хотя бы некоторые люди хорошие, то у каждого духа есть положительная сторона, даже у жуткого. Посмотри на Пустого Ветра. Он всегда был пугающим, но он все еще одно из лучших, что со мной случилось. Это может звучать как противоречие, но так все у людей, а эти духи — люди, как мы. И когда приходят плохие, а они будут, мы справимся с ними, как с плохими людьми. Противопоставим им хороших.

Мирон глядел на нее как на безумную.

— О чем ты говоришь?

— Мерлины, — сказала Марси с усмешкой. — Я говорю о Мерлинах. Армии из них. Абэ-но-Сэймэй запечатал магию, потому что его подавили худшие части нас, духи убийства, войны и прочего. Но мир прошел многое за тысячу лет. Современное человечество образованнее, посвященнее, добрее, вежливее, не такое жестокое, как раньше. Когда наши Смертные Духи поднимутся, там все еще будут монстры страха и жестокости, но мы сейчас готовы бороться с ними как общество.

Мирон вздохнул.

— Я забываю, как ты юна и оптимистична.

— И что? — сказала она. — Это хорошо.

Он оскалился.

— Оптимизм не победит бога.

— Но Дух Оптимизма может, — задумчиво сказал Широ. — Человечество так продвинулось?

— Думаю, да, — сказала Марси. — Всеобщая грамотность, современная медицина и земледелие, демократия, равенство для женщин — все это привело ко многому. У нас все еще были свои проблемы, как и говорил Мирон, но мы пытаемся разобраться с ними. Потому существуют организации, как ООН: чтобы укреплять мир и улучшить жизни людей. Даже когда мы не справляемся, я все еще почти жива сейчас, чего не было бы в другое время в истории. Это должно считаться.

— Да, — шикигами постучал по подбородку. — Как тыстроишь армию Мерлинов?

— Почему ты спрашиваешь? — хитро спросила Марси. — Решил перейти на мою сторону?

— Нет сторон, — твердо сказал он. — Для меня важно то, что эффективно. Во время моего хозяина это была печать, и даже он признавал это поражением. Если ситуация так сильно изменилась, что нам уже не нужны такие жестокие меры, я рад изменить курс. Если это правда.

— О, это правда, — сказал Мирон. — Я просто не знаю, хватит ли этого, — он хмуро посмотрел на Марси. — Наши враги — боги. Даже если мы можем стабилизировать трещину, чтобы не вырвалась вся магия, они все еще будут тут раньше, чем мы хотели бы.

Как нам с этим справиться? Мы не можем нанимать Мерлинов и готовить их.

— Почему нет? — Марси взглянула на Широ. — Какие шансы у среднего мага стать Мерлином?

Шикигами выглядел оскорбленно.

— Такое не измеряется в шансах.

— Все можно так измерить, — сказала она. — Просто озвучь догадку.

Он вздохнул.

— Уточню, я не верю, что Мерлинов можно так считать, но если нужно назвать количество, я бы сказал, что около миллиона магов умелые и достаточно везучие, чтобы найти подходящего Смертного Духа, создать связь и пройти врата.

— Фантастика, — сказала Марси, подсчитав. — Если сейчас в мире девять миллиардов людей, и шансы родиться магом примерно один к десяти, что дает нам сейчас около девятисот миллионов магов. Если использовать твою догадку про один на миллион, то мы получаем девятьсот потенциальных Мерлинов.

Это казалось малым для всего мира, но глаза Широ расширились.

— Девятьсот?

— Сколько было раньше?

— Не больше пары десятков, — сказал он с потрясением в голосе. — Девятьсот Мерлинов было бы поразительно.

Марси усмехнулась.

— Что я говорила? Это новая игра. Я не говорю, что будет просто, но мы не вышли из боя. Я знаю, что мы можем справиться, потому что, что бы ни говорил Мирон, человечество — это не только страх, смерть и война, как и наши духи.

Мирон покачал головой, но Широ смотрел на нее новыми глазами.

— Теперь я понимаю, почему Сердце Мира впустило тебя, — сказал он. — Ты — защитник человечества, Марси Новалли.

— Она погубит человечество, — гневно сказал Мирон, хмуро глядя на нее. — Ты завоевала шикигами, но я все еще говорю, что нужно починить печать.

— С ума сошел? — завопила Марси. — Даже если тебе плевать на духов и магических зверей, на все, что мы испортим, ты пропустил часть, где печать на магии уничтожит нашу загробную жизнь?

— Это лучше, чем разрушать саму жизнь! — закричал он. — Растаять — это хотя бы мирно. Ты говоришь об армии Мерлинов, чтобы мы могли заставить богов сражаться с другими богами. Даже если удастся это осуществить, а я в этом сомневаюсь, результаты будут катастрофой. Даже если ты победишь во всех конфликтах, ты можешь оценить, какой ущерб нанесу бои между духами такого размера? Как много невинных жизней будет потеряно? Это немыслимо. Это безответственно.

— Это все еще лучше, чем убрать всех магических существ на планете, — сказала она, хмуро глядя на него. — Обменять нашу вечность на подобие безопасности — плохая сделка.

— Хорошая, если хочешь жить, — прорычал Мирон. — Безопасность — это важно. Не у всех есть твои уютные отношения со смертью.

— Почему ты так убежден, что у нас не получится? Из всех магов я не думала, что сдастся великий сэр Мирон Роллинс.

— Потому что тебе не приходилось разбираться с таким количеством катастроф, как было у меня! — заорал он.

— Может, в этом проблема, — сказала Марси. — Ты так долго был в худшем, что делают люди, что забыл, на какие подвиги мы способны.

Мирон отвел взгляд с отвращением.

— Почему ты пытаешься меня убедить? — горько сказал он. — Ты — Мерлин. Я тут только по твоему разрешению. Делая вид, что тебе важно мое мнение, ты оскорбляешь нас обоих.

— Это не так, — сказала она, обошла печать, чтобы он посмотрел на нее. — Это решение заденет всех, особенно тебя. Ты — величайший из живущих магов, который еще и связан с единственным другим Смертным Духом. Она уже не прикована к тебе, но связь между магом и Смертным Духом навеки. Пока один из вас не умрет. Так что ты сейчас — самое близкое к Мерлину, что у нас есть.

Мирон оскалился.

— Не делай вид, что ты счастлива от этого.

— Не счастлива, — рявкнула Марси. — Ты — циничный дурак, который хочет стереть всю магию, потому что боится. Но ты — маг, который хочет спасти людей, как я. У нас не так много сходств, но мы должны использовать это, потому что, что бы мы ни решили делать, что-то нужно решать с печатью, пока она не сломалась, и я одна не справлюсь.

Это была голая правда. Марси гордилась своим заклинанием, но даже в ее величайшие моменты она не была так хороша, как сэр Мирон Роллинс. Он написал книги о древних языках заклинаний и сложной системе заклинаний, и это было важно, если они хотели превратить треснувшую печать в нечто стабильное.

— Я не прошу тебя соглашаться со всем, что я говорю, — мягко сказала она. — Я просто хочу, чтобы ты рискнул. Ты пришел сюда, готовый отдать магию, чтобы спасти людей. Маг не стал бы делать так, если бы не был настроен серьезно. Мы во многом не согласны, но тут мы совпали. Мы оба хотим все исправить, так давай это сделаем, но вместе.

Она протянула руку, закончив, и Мирон недоверчиво смотрел на нее.

— Серьезно?

— Да, — честно сказала она. — У нас слишком много врагов, чтобы биться друг с другом. Так ты со мной или что?

Она показала ему лучшую улыбку, которой закрывала сделки, но Мирон отбил ее руку.

— Ну же! — завопила она. — Я тебя спасла!

— Это ничего тебе не дает, — он скрестил плотно руки на груди. — Шикигами Последнего Мерлина прямо сказал тебе, что Смертные Духи подавят нас, и ты собираешься игнорировать его. Не из-за фактов, а потому, что у тебя другое мнение. Потому что ты веришь в силу хорошего в людях. Это могло бы стать хорошим вдохновляющим плакатом, но безумие рисковать жизнями всех мужчин, женщин и детей из-за такой дрянной логики, и я не собираюсь быть на твоей стороне, пока ты бьешься с воображаемыми врагами, — он пнул сломанную печать туфлей. — Ты хочешь уничтожить мир? Делай это сама.

Марси хотела уронить каменную печать ему на голову.

— Почему ты такой упрямый? Ты будто хочешь отдать всю свою магию!

— Я хочу обеспечить выживание людей, — прорычал он. — Это тебе магия важнее людей.

— Но люди — магия! — заорала она. — Это не люди против демонов. Это мы ищем способ жить вместе, не убивая друг друга!

— Скажи это Алгонквин, — сказал Мирон. — Она приняла решение. И раз ты права

что я все еще связан с СЗД, я могу сказать тебе, что она уже вернулась в свой город, и встреча не была счастливой. Она и Алгонквин хотят порвать друг друга, что означает, что хаос, о котором я тебя предупреждал, уже происходит. Ты могла бы остановить это, если бы переживала. Я бы помог тебе с радостью починить печать, закрыть все это, но ты не этого хочешь. Ты хочешь бороться. Ты хочешь иметь все, даже если люди будут умирать. Я не могу этого позволить, так что, пока ты не передумаешь, нам нечего обсуждать.

Он отвернулся после этого. Марси тоже отвернулась, скрипя зубами, подавляя желание сбросить его с горы. Джулиус так легко превращал врагов в друзей, но Мирон был упрямее дракона, потому что у нее ничего не получалось. Она просто не понимала, как такой умный мужчина мог быть таким циничным и недалновидным. Если бы он не был единственным другим магом тут, Марси списала бы его полностью. Ей не нужна была его чепуха.

К сожалению, ей нужна была его помощь. Даже если Амелия могла перевести слова, безумное заклинание печати было Марси не по силам. Ей нужна была еще пара рук, чтобы удерживать круг, чтобы магия текла размеренно, пока она вносила изменения. Мирон, даже если он не мог менять заклинание тут, мог двигать магию, и, в отличие от нее, мог прочесть смысл заклинания. Это было важно, когда пытался модифицировать заклинание, где одна ошибка могла выпустить тысячу лет магии на несведущий мир.

Ничего не поделать. Она нуждалась в нем, и раз она зря тратила время, взывая к разуму сэра Мирона, Марси решила попробовать другой подход.

— Как насчет сделки?

Мирон с подозрением оглянулся.

— Я понимаю, что ты не хочешь такого, — продолжила она. — Но печать все еще нужно стабилизировать. Я не могу сделать это сама, так, может, ты поможешь мне понять, как отремонтировать это для выпуска нашей магии в безопасном темпе, а взамен я дам тебе построить аварийное отключение.

— Как аварийная кнопка? — сказал он, повернувшись.

— Именно так, — сказала она. — Я даже дам тебе придумать его, чтобы ты был уверен, что это работает. Так я смогу делать свое, и если ты прав насчет угрозы человечеству, ты получишь то, на что можно нажать, чтобы все перекрыть, когда захочешь.

Мирон, казалось, серьезно обдумывал это, а потом нахмурился.

— Я вижу уловку, — с горечью сказала она. — Ты даешь мне построить аварийную кнопку, потому что знаешь, что я не смогу его использовать. Даже если бы ты заставила меня сделать большую красную кнопку сверху, я не смог бы ее нажать, потому что только Мерлин может управлять заклинанием в Сердце Мира, а я — не Мерлин.

— Конечно, есть уловка, — Марси улыбнулась. — Я предлагаю тебе сделку, а не капитуляцию. Зачем мне давать тебе построить аварийную кнопку, если я знаю, что ты сразу же его нажмешь? Нет-нет, — она погрозила пальцем. — Вот моя часть сделки. Я дам тебе создать кнопку, но тебе нужно стать Мерлином, если ты хочешь на него нажать.

Мирон уставился на нее, не понимая.

— Мерлин?

Марси, — прорычал Призрак в ее разуме. — Что ты делаешь? Нельзя делать его Мерлином. Он хочет уничтожить нас.

— Но это решение, — шепнула она, глядя на Мирона. — Я не могу «сделать» его Мерлином. Сердце Мира решит это, не я, и потому это сработает. Подумай, когда врата выпустили меня. Они открылись не потому, что я была перспективным магом со Смертным

Духом. Меня впустили, когда я освободила СЗД, потому что я доказала, что поняла, что Мерлины — защитники человечества. Духи и призраки входят в это, не только живые люди. Потому я могу дать Мирону построить аварийную кнопку, потому что, если он сможет понять эту правду так, что Сердце Мира его впустит, то он уже не будет тем, кто хочет на нее нажать.

Это не остановило других Мерлинов, — возразил Пустой Ветер. — Это они сделали печать.

— И считали это своим величайшим поражением, — сказала она, повысив голос, чтобы и Мирон слышал. — Я знаю, это риск, но не опасный, потому что я права. Если Мирон сам станет Мерлином, я ничего не скажу. Он сам поймет, как глуп и труслив, или он не будет Мерлином.

Старший маг оскалился.

— А если я откажусь?

— Не откажешься, — уверенно сказала Марси. — Так ты лишишься шанса стать Мерлином, а я в это не поверю. Ты потерял шанс быть первым, но это то, чего ты хотел всю жизнь. Ты не упустишь это теперь. Не когда ты так близко.

Это его задело.

— Я никогда не сдамся, — твердо сказал он. — Я заслуживаю быть Мерлином.

— Отлично, — сказала Марси. — Если можешь притупить чувство важности, так и сделай. Как насчет перевода печати? Я не знаю, с чего начинать.

Мирон тяжело вздохнул. А потом он медленно склонился над печатью.

— Для записи, — сказал он, — я делаю это, только потому, что боюсь того, что ты сделаешь в неведении без меня. Когда трещина будет стабилизирована, ты вернёшь меня в физический мир. Мне нужно вернуть тело, чтобы найти другого духа и вернуться сюда как Мерлину и сделать то, чего ты не можешь.

— Справедливо, — сказала она. — Но, пока ты не стал надеяться, ты не получишь другого духа. Во-первых, СЗД — единственный Смертный Дух в мире, кроме Призрака, а во-вторых, я же говорила, что вы связаны на всю жизнь?

Мирон покачал головой.

— Я не могу использовать ее. Она ненавидит меня.

— Сильно, — сказала Марси. — Она — твоя ответственность. Ты поднял ее. Ты разозлил ее. Теперь нужно убрать за собой. Или ты не веришь, что Мерлин должен быть в ответе за свои ошибки?

Когда Мирон вздрогнул, Марси знала, что задела его.

— Дай этому шанс. СЗД — место, где все могут начать заново. Поговори с ней. Извинись за поведение. Веди себя с ней как с городом, а не монстром, и ты удивишься.

Он потер руками лицо.

— Если она снова увидит меня, она меня убьет.

— Тогда дай ей повод не делать этого, — сказала Марси, подходя к нему у печати. — И ты уже сказал «да», так что за работу. Я хочу, чтобы это было стабильно, чтобы и я могла вернуться в настоящий мир. Я оставила много проблем. Чем быстрее я вернусь и разберусь с ними, тем счастливее буду. Кстати...

Она взглянула на Широ.

— Как мне перенестись отсюда в настоящий мир? Стукнуть пятками или покружиться?

— О чем ты? — шикигами искренне растерялся. — Это настоящий мир.

— Я хочу снова быть живой, — уточнила Марси. — Раз я была привязана к духу смерти, мне пришлось умереть, чтобы попасть сюда. Теперь я официально Мерлин, и я хотела бы исправить это. Получить новое тело, вернуться в физический мир, все такое. История полна известных Мерлинов, так что я знаю, что такое должно быть возможно. Как мне это сделать?

— Зависит от того, — сказал Широ, — есть ли у твоего духа аспект возрождения.

Марси посмотрела на Призрака, тот покачал головой.

Шикигами пожал плечами.

— Тогда, боюсь, обратного пути нет.

Она застыла. Марси долго стояла, как статуя, а потом схватила шикигами за плечи и завизжала:

— Что?

Глава 11

Найти Челси всегда было трудно найти. Даже когда казалось, что знал, где она, она пропадала, стоило отвернуться. Потому, хоть он оставил ее в комнате Боба, первым делом, попав на гору, Джулиус вытащил телефон, чтобы написать Фредрику.

И был тут же вознагражден. Он едва нажал «отправить», и Фредрик ответил, что он и Челси ушли в ее комнату в подвале. Поблагодарив его за то, что не пришлось зря подниматься, Джулиус стал спускаться по лестнице, используя годы опыта, когда он скрывался от семьи, чтобы не пересекаться с драконами императора и слугами, пока он шел к логову Челси в корнях горы.

Фредрик ждал, когда он пришел, на узком диване в библиотеке Челси, где Марси спала одну ночь. Он поднялся, когда Джулиус вошел, глаза фальшивого зеленого цвета были встревожены.

— Что такое?

Джулиус не успевал объяснить ультиматум Иена, и он перешел к делу:

— Где Челси?

— Спит, — ответил Ф, кивнув на закрытую дверь спальни. — И, пока ты не спросил, я бы не советовал ее будить.

— Но это срочно.

— Как и это, — он скрестил руки на груди. — Челси в хорошие дни спит плохо. Она сейчас устала, так что оторвет тебе голову раньше, чем поймет, что происходит.

Джулиус нахмурился. Фредрик всегда был сдержанным, было сложно понять, когда он был серьезен, а когда — нет. Челси сама много раз предупреждала Джулиуса не будить ее, хотя он не хотел слушаться. Он пытался придумать план, чтобы добраться до Челси, сохранив голову на плечах, когда Фредрик что-то ему бросил.

Джулиус инстинктивно поймал.

— Что это? — он разглядывал предмет в руке, который выглядел и ощущался как кирпичик в белой полиэтиленовой упаковке.

— Резервный паек, — ответил виновато Ф. — Я знаю, это не идеально, но слуги Золотого Императора захватили кухни. После того, что случилось с Императрицей-Матерью, я не удивлюсь, если они попытаются нас отравить, так что я залез в запасы Челси.

Он не был удивлен, услышав, что у Челси был запас пайков. У нее тут, наверное, были запасы всего возможного на десять лет. Учитывая пыль в складках упаковки, паек в его руках мог быть старше него. Выглядело не аппетитно, теперь тема еды была поднята, и его желудок напоминал ему, что он не ел с завтрака, и сублимированная еда была лучше, чем

ничего.

— Спасибо, — сказал он, разрывая упаковку.

Фредрик улыбнулся.

— Думаю, это мое слово. Я снова в долгу перед вами. Благодаря вам, моя кладка впервые в жизни получила историю. После шести веков в роли позора Бетезды у нас есть род с матерью и отцом, какими можно гордиться.

— Это был не я, — Джулиус откусил немного от безвкусного и твердого, как камень, батончика. — Ты уже понял все точки. Я просто был там, когда они соединились.

— Но вы убедили Челси признать их, — возразил Фредрик. — Вы заставили ее говорить, что мне не удавалось. Вы уже освободили нас от роли слуг, но тут вы освободили нас от Хартстрайкеров, и мы не можем достаточно отблагодарить вас за это.

Он сказал это искренне, но Джулиус в ужасе смотрел на него.

— погоди, — сказал он, проглотив комок батончика. — Освободил от Хартстрайкеров? Вы же не уходите?

— Зачем нам оставаться? — спросил Фредрик, его не совсем зеленые глаза смотрели в глаза Джулиуса. — Мы были слугами на этой голове шестьсот лет. Для многих Хартстрайкеров мы такими будем всегда. Мы уже боялись боя за наше полноправное место как кладки из вершины алфавита, особенно, когда мы подозревали, что мы не были детьми Бетезды, но теперь нам не нужно переживать из-за этого. Благодаря вам, мы уже не нижайшая кладка Хартстрайкеров, а первая кладка Золотого Императора.

— Мы все ещё не знаем, как он это воспримет.

— Не важно, как. Это правда. Даже если он будет в ярости, если Цилянь не отречется от нас — а я думаю, вы согласитесь, что дракон, которого мы встретили этим утром, слишком благороден для этого — он примет нас как своих детей, — Фредрик радостно улыбнулся. — Понимаете? Одним ударом мы из слуг в нашем доме превратились в королевичей. Дети императора! Знаете, как это важно для моих братьев и сестёр? Как это важно для меня?

Джулиус понимал теперь. Правда всплыла так быстро ранее, и он не задумался, что эти открытия означали бы для драконов кладки «Ф». Он даже не думал, что они уйдут, что было глупо. Кто хотел бы остаться и бороться за признание в клане, который всегда относился к ним как к мусору, когда они могли получить новое начало как дети императора? Если их не убьет гнев Циляня, Джулиус мог представить радость Сяна из-за новости о детях. Как только он преодолит шок, он, наверное, примет их с распростертыми объятиями. Джулиус даже не знал, что чувствовал насчет этого.

Он должен был радоваться. С тех пор, как он узнал правду об их ситуации, он боролся за свободу кладки «Ф», и как он мог не желать им будущего, полного любви и стабильности. Но при этом Джулиус хотел, чтобы хотя бы часть Хартстрайкеров не видела в нем только оружие. И он боялся потерять Челси, потому что, если Ф уйдут, она тоже, а почему нет? Кроме Джулиуса, их семья ненавидела и боялась ее. Без детей она не имела причины оставаться, и хоть это было эгоистично, Джулиус печалился. От всего этого. Даже если в этот раз был повод радоваться, ему надоело терять тех, кто был ему дорог.

Он все еще пытался разобраться в этом узле эмоций, когда телефон зазвонил в кармане. Громко, что было странно, ведь обычно он выключал звук. Рингтон прошел дальше трех первых нот, и он вспомнил, почему. Его телефон играл «Имперский марш» из «Звездных войн», а эту мелодию он выбрал для Неизвестного.

Номер Боба.

Джулиус бросил недоеденный паек на пол, вытащил телефон из кармана как можно быстрее. Когда открылся дисплей в дополненной реальности, он увидел, что это был не звонок. Боб прислал ему фотографию. Селфи, если точнее, и плохое. Его лицо почти не попало в кадр. Фокус был на пейзаже за ним, и Джулиус вздрогнул, поняв, что видел. Боб стоял на парковке под улицей Шанса на Небесных путях, в паре улиц от старого дома Джулиуса и Марси в СЗД. Он пытался понять, зачем Боб прислал ему такую фотографию, когда телефон выхватили из его руки.

Не было звука открывшейся двери или шагов по каменному полу, но, учитывая, в чьих комнатах они были, Джулиус не удивился, когда увидел рядом с собой Челси, сжимающую его телефон с убийственным оскалом на лице.

— Нашла тебя, — прорычала она.

— Челси, стой, — сказал Джулиус. — Не нужно спешить с...

Но когда она слушала? Его телефон упал на пол, выроненный Челси. Она бросилась в пустое пространство между ними. Магия дракона следовала за движением, как лезвие, рассекая воздух, как коготь, она нырнула в брешь, пропала на его глазах.

— Нет!

Джулиус бросился за ней, но его руки поймали лишь воздух, брешь закрылась. Когда стало ясно, что она ушла, он повернулся к Фредрику.

— Что это было?

— Она телепортировалась, — гневно сказал Ф.

Джулиус это уже понял.

— Но как? У нее нет Клыка, — она не носила оружие. Джулиус сомневался, что она была обутой.

— Ей уже не нужен Клык, — гордо сказал Фредрик. — Если вы не поняли по ее чарам на этом месте, моя мама — неплохой маг, и она использовала тот Клык шестьсот лет. Этого достаточно, чтобы умный дракон придумал похожее заклинание.

Джулиус все еще не мог в это поверить.

— Так Челси все время могла перемещаться сама?

— Как еще она умудряется быть всюду? — Фредрик пожал плечами.

Это кое-что объясняло.

— Так она может переноситься усилием воли ко всем в семье?

— Нет, это от меча, — сказал Фредрик. — Как реликвия Кетцалькоатля, Клык Защитника напрямую связан с магией клана, со всеми нами. Челси может только прорезать путь к местам, которые знает, и она не может перемещать других. Без меча ее дыры пропускают только ее, и только если она быстрая.

— Но она могла переместиться в СЗД?

— Легко, — сказал Фредрик. — Но не переживайте. С мечом или без меча, она не проигрывает Бобу.

— Я не за это переживаю, — Джулиус поднял телефон с пола.

Фотография пророка все еще была на экране. Джулиус убрал ее, открыл новостную ленту. Да, эвакуация СЗД была среди главных новостей на всех сайтах, а еще предупреждения о повышении уровня магии там.

— Это плохо, — буркнул он, повернув экран к Фредрику. — Я не знаю, что или почему, но что-то ужасное вот-вот произойдет, и Боб заманил Челси в центр.

Лицо Фредрика побледнело.

— Когда это произошло?

— Пару часов назад, — сказал Джулиус. — Я узнал, потому что Иен вернулся, но весь мир сходит с ума от этого. Потому это так подозрительно. Боб избегал Челси с тех пор, как я освободил ее. А теперь он возникает вовремя, чтобы заманить ее в сердце самой большой бури магии с ночи, когда она вернулась? Это не совпадение.

— С пророками нет совпадений, — согласился Фредрик. — Но что он пытается сделать?

— Не знаю, — гневно сказал Джулиус. — Но меня злит, что он использовал меня для этого, — он хмуро глядел на жуткие заголовки, просящие людей Северной Америки искать укрытие. — Нужно остановить его. Это слишком опасно. Плевать, видит ли он будущее. Если он играет с тем, что делает Алгонквин, он кого-то погубит.

— Он уже кое-кого убил, — напомнил ему Фредрик.

— Потому мне нужно туда, — Джулиус повернулся к двери. — Я уже потерял Амелию. Я не потеряю больше никого.

Он был в коридоре, когда Фредрик сжал его рукав.

— Может, потому вам не стоит.

— Что?

— Черный Размах сказал, что лучший способ испортить планы Боба — не делать то, чего он просит, — объяснил Фредрик. — Он не отдает вам приказы прямо, но Боб прислал фотографию вам, не Челси. У него есть все ее номера, даже тайные. Он мог легко отправить фотографию сразу ей. То, что он этого не сделал, показывает, что он хотел, чтобы вы оба знали, что он в СЗД.

Джулиус растерянно смотрел на него.

— Откуда ты знаешь, что мне сказал Черный Размах?

— Дверь была очень тонкой, — Фредрик пожал плечами.

— Ты подслушивал?

— Как мне служить вам, если я не знаю, что происходит? — рявкнул Фредрик. — Конечно, я слушал. Лучше вас, видимо, потому что я помню, что Черный Размах сказал в конце: «Увидимся в Детройте». Он знал, что Боб заманит вас туда, значит, туда нельзя.

Это было хорошим замечанием. И все же...

— Я не могу оставить Челси одну, — сказал Джулиус. — СЗД опаснее обычного, а она слишком зла, чтобы принимать хорошие решения. Ей нужна наша помощь, и если Боб пошел по темному пути, то помощь нужна и ему. Мы не можем просто сидеть тут!

— Я не говорю, что мы должны, — сказал Фредрик. — Но вы должны больше верить в способности Челси позаботиться о себе. Брогомир старше и пророк, но он никогда не был бойцом. И он украл ее яйцо. Челси — самый опасный дракон Хартстрайкеров, и я никогда еще не видел ее такой злой, как от этого. Если Боб попадется ей, она его порвет, и зачем ему рисковать?

— Зачем ему это делать?

— Чтобы заманить вас! — закричал Фредрик, хватая Джулиуса за плечи. — Вы не слушали? Вы — его цель. Что бы ни затеял Боб, вы в центре этого, потому вам нужно держаться подальше. Он заманивает не Челси. Он использует ее, чтобы заманить вас, и если вы верите Черному Размаху, то остановить его можно, не пойти туда.

У аргумента был смысл, но Джулиус не мог слушаться этого. Он видел перед глазами прах Амелии на ее диване, а ее Боб любил больше всего. Если он готов убить сестру, которая

была его матерью, ради своих планов, что он сделает с Челси? Он все знал, и он позволил Челси и ее детям быть в рабстве шестьсот лет. Он мог убить ее сейчас, если это требовалось, и хоть Челси была хороша, никто не мог победить пророка.

— Мне нужно идти.

Фредрик оскалился.

— Почему?

— Потому что я больше никого не потеряю! — завопил Джулиус, вырываясь из его хватки. — Не важно, кто победит. Если Челси будет биться с Бобом, мы проиграем, — и ему надоело терять. Он не знал, какое решение было правильным, что ему делать. Это были уловки среди уловок, и все запутывалось. Боб тянул за нити, но Джулиус слишком разозлился, чтобы бороться. Ему надоела смерть, трагедии. Если Боб рассчитывал, что он попытается спасти Челси, то Джулиус сыграет так. Он потерял слишком много, чтобы поступать иначе. — Мы отправляемся в СЗД.

Фредрик низко зарычал, но Джулиус не дал ему шанса.

— Я принял решение, — он пошел прочь из бункера Челси. — Я знаю, что это план пророка. Я знаю, что попал в него, и мне плевать. Я не буду сидеть тут, пока моя семья убивает друг друга.

— Но что вы будете делать? — спросил Фредрик, побежав за ним. — Челси может перемещаться, а мы — нет. Даже если Иен вернул самолет, полет в СЗД займет...

— Знаю, — сказал Джулиус, ускорившись, пока он бежал по коридору Ф и в каменный туннель, который вел к лестнице. — Но я не полечу.

— Тогда куда вы?

Джулиус улыбнулся племяннику поверх плеча.

— Посмотреть, повезет ли мне.

Фредрик побледнел, но Джулиус не слышал, сказал ли он что-то еще. Он уже поднимался по витой лестнице к вершине горы.

* * *

Хоть сознательно идти в ловушку пророка было глупо, Джулиус не был глупым. Он знал, от какой пули увернулся, когда Челси забрала его и Фредрика из коридора. Вряд ли Императрица-Мать передумала убивать его за час, но Джулиус решил попробовать дипломатичный подход: взять одного из слуг-людей императора на лестнице и спокойно, но твердо не отпускать мужчину, пока он не позвонил Лао.

— А ты смелый, — прорычал кузен императора в телефоне, когда Джулиус представился. — Ты понимаешь, какие проблемы устроил?

— Будет хуже, если ты не дашь мне поговорить с ним.

Он даже не понял, как ужасно это прозвучало, пока Лао не зарычал:

— Это угроза?

— Нет, это срочное дело, — быстро сказал Джулиус, проводя рукой по волосам. — У меня есть информация, которую он хочет знать, но я не могу объяснить такое по телефону, и я не могу подняться туда, ведь императрица пытается меня убить. Мне нужно, чтобы ты дал мне поговорить с ним пять минут и выжить.

Синий дракон вздохнул, а потом со щелчком поставил Джулиуса на удержание. Через две секунды голос Лао прозвучал в его ухе:

— Поднимайся.

— А императрица? — нервно спросил Джулиус. — Ты можешь послать нам

сопровождение, чтобы нас не казнили по пути к...

— Не переживай из-за Императрицы-Матери, — быстро сказал Лао. — Просто поднимайся. Цилинь увидит тебя в тронном зале.

Он повесил трубку, Джулиус глядел на телефон испуганного слуги в смятении.

— Что это было?

— Ловушка, как по мне, — Фредрик смотрел на лестничную площадку. — Но в том и смысл, да?

— Не узнаем, пока не попробуем, — Джулиус опустил ладонь туда, где был бы его меч, если бы он не ставил его наверху. Еще причина вернуться. — Посмотрим, как далеко мы зайдем.

Фредрик нахмурился, но пошел за Джулиусом до вершины, где спиральная лестница для слуг заканчивалась за лифтом в теперь пустом Зале Голов. Когда скрытая дверь открылась, два красных дракона ждали на другой стороне.

Джулиус застыл, глаза расширились от страха и удивления. Фредрик был умнее. Он схватил дверь, втащил Джулиуса на лестницу и закрыл ее перед врагами. Он хотел запереть ее, но один из красных драконов сорвал дверь и отбросил. Джулиус был готов отскочить, чтобы убежать, но Лао пробился вперед.

— Все хорошо, — сказал быстро синий дракон, хмуро глядя на драконов императора. — Клань Монголии слушаются императора.

Два красных драконов кивнули, хотя они все еще выглядели так, словно ждали повода порвать Джулиуса и Фредрика. Лао провел Хартстрайкеров в коридор.

— Идемте, — он пошел к тронному залу на скорости, которую смертные называли бы бегом. — Император не привык ждать.

Джулиусу не нужно было повторять. Он побежал за Лао, пронесся мимо двух красных драконов, Фредрик — за ним, добрался до Лао, когда тот распахнул двери тронного зала, и стало видно Цилиня, сидящего на троне из белого нефрита на золотом драконе с двумя тронами.

Увидев императора, Джулиус понял, что было плохо. Даже с вуалью было видно, что плечи императора гневно подняты. Он выглядел более расстроенным, чем когда сказал Джулиусу уйти, сжимал резные подлокотники трона, нетерпеливо ожидая, пока Джулиус и Фредрик займут места.

— Спасибо, что так быстро принял нас, — сказал Джулиус.

— Лао сказал, дело срочное, — сказал Цилинь, голос был резким. — Хотя должен предупредить, время не лучшее. Моя мать пропала, и я хочу ее найти.

Джулиус моргнул.

— Пропала? Уверен?

— Да, уверен, — прорычал Цилинь. — Думаешь, я не знаю, где моя императрица?

Это вряд ли было проблемой, но Джулиус не комментировал. Цилинь прорычал, склонился на подлокотник трона, пытаясь объяснить:

— Я не слежу за ней, но моя мать всегда была ближе всех привязана к моей удаче. Когда я хотел, она появлялась, даже раньше, чем я знал, что желал ее общества. Но в этот раз она не пришла.

— Уверен, она в порядке, — сказал Джулиус. — Я видел ее тут час назад, — и как далеко могла уковылять старая драконша за час. — Но это срочно. Я...

— Ты не понимаешь, — рывкнул император. — Моя мать нуждается во мне. Она

пожертвовала почти всем огнем, чтобы дать мне жизнь, и с ее остатками она полагается на мою удачу, чтобы оставаться стабильной. Если бы мы были в безопасности дома, это не было бы проблемой, но на территории врага сейчас...

Гора загудела, и император замер, его грудь вздымалась от глубокого дыхания.

— Плохое время, — сказал он, когда дрожь унялась. — Если ты не пришел мне сказать, где моя мать, вам лучше самим разобраться со своим срочным делом.

— Боюсь, мы не можем, — сказал Джулиус, глубоко вдохнув. Пора было сделать это. — Нам нужна твоя помощь.

Цилинь рассмеялся. Низко и невесело.

— Ты не серьезно.

Джулиус вглядывался в золотую вуаль, чтобы император видел, как он серьезен.

— Челси в беде.

Император обмяк на троне.

— Ясное дело, — прорычал он, прижал ладонь ко лбу за вуалью. — Как иначе? Но ты уже знаешь, как решить эту проблему. Сдайся, прими мое правление и...

— Я бы это сделал, если бы это помогло, — сказал Джулиус. — Но мы уже не можем решить проблему таким широким поступком. Моя сестра ушла в СЗД, и я боюсь...

— СЗД? — император вскинул голову. — Но там происходят ужасные вещи.

— Знаю, — раздраженно сказал Джулиус. — Иначе почему я тут?

— Почему ты ее отпустил? — рявкнул Цилинь.

— Я не пускаю Челси, — напомнил Джулиус. — Она свободна теперь делать то, что хочет, и она никогда не слушала меня до этого. И она там не потому, что ей это нравится. Ее заманил Боб.

Император в смятении склонил голову.

— Боб?

— Он про Брогомира, Великого Пророка Хартстрайкеров, — быстро объяснил Фредрик. — Боб — семейное имя.

Золотой дракон опешил.

— Зачем одному из трех пророков звать... — он покачал головой. — Не важно. Почему Челси гонится за вашим пророком?

Джулиус прикусил губу. Это был хороший шанс сказать Цилиню, что Челси гналась за последним яйцом из ее кладки с ним, но не в то время. Цилинь уже был сильно расстроен, и хоть правда могла его подтолкнуть, причина, по которой Челси убегала веками, могла быть каплей, которая добьет его. Это не помогало плану Джулиуса подать все мягко, и он выбрал полуправду.

— Боб украл кое-что очень ценное для нее, — он старался звучать ровно. — Он знает, что она не остановится, чтобы это вернуть, и он этим заставил ее погнаться за ним в СЗД. Я не знаю, для чего, но СЗД — последнее место, где сейчас стоит быть дракону.

— Согласен, — сказал Золотой Император. — Но в твоих словах нет смысла. Брогомир — Великий Пророк Хартстрайкеров. Зачем ему работать против тебя?

— Я не знаю, — честно сказал Джулиус. — Есть шанс, что это его план для нашего клана, но это пугает меня больше всего. Он — наш пророк, но я видел Боба в действии много раз, знаю, что его идея приемлемых жертв не совпадает с моей. Он уже убил одну из моих сестер ради своих планов. Я переживаю, что Челси следующая.

Эти слова ощущались как предательство. Никто не знал, в каком большом долгу

Джулиус был перед Бобом. Изменения в семье, победы в боях, то, что он все еще был жив и боролся — все это было стараниями его брата. Постоянная поддержка пророка дала ему слепую веру Джулиуса, но когда Боб попросил его не освобождать Челси, Джулиус увидел черту между ними. То, что всегда разделяло их. Боб сам предупреждал Джулиуса об этой черте каждый раз, когда напоминал Джулиусу, что он не был хорошим.

— Когда я сверг мать, я поклялся, что больше никого в моей семье не бросят. Это касается и Боба. Даже если это план, чтобы будущее стало лучше, в чем смысл, если ради этого нужно бросить семью? Даже если я ошибаюсь насчет Боба, Челси разозлилась достаточно, чтобы убить его сейчас, а я не могу это допустить. Я не хочу ничьей смерти, особенно еще одного Хартстрайкера, так что пожалуйста. Прошу.

Он хлопнул в ладоши перед собой.

— Ты уже далеко зашел ради помощи Челси. Помоги спасти ее сейчас. Дай мне свою удачу, свою магию, самый быстрый самолет — что угодно. Просто помоги сделать что-то, пока еще не поздно.

Он умолял под конец, так бесстыдно, что любой нормальный дракон был бы возмущен. Но Джулиус никогда не был правильным драконом, и он не переживал за свою гордость. Если так он попадет в СЗД быстрее, он упал бы на живот. Он хотел попробовать, но император вздохнул, убрал золотую вуаль с лица, чтобы посмотреть на Джулиуса золотыми глазами.

— Я не могу.

— Почему? — осведомился Джулиус.

— Потому что это не моя проблема, — спокойно сказал Цилянь, поднимаясь с трона. — Если хочешь сдать, мы можем...

— Как это не твоя проблема? — перебил его Джулиус. — Ты пришел сюда из-за Челси! Как ты можешь бросить ее?

— Я поклялся больше так не делать!

Крик императора еще отражался эхом, когда гора снова задрожала. Но в этот раз была не мелкая дрожь. Тронный зал трясся под ногами Джулиуса, залатанные трещины, оставшиеся после боя с Эстеллой, открывались. Трещины потянулись по потолку, пустые цепи, на которых раньше висел череп Кетцалькоатля, дико раскачивались. Одна не удержалась и рухнула на пол за Джулиусом. Если бы он не двигался быстро, большая металлическая цепь попала бы по нему. Он следил, чтобы не упало еще что-нибудь, когда тряска прекратилась так резко, как началась. Он поднял взгляд и увидел, что Цилянь сжался на троне, держался за голову руками.

Он замер, выглядел как статуя сильнее, чем золотой дракон, на котором он сидел. Он даже не дышал, когда император вдруг обмяк на подлокотнике трона, его тело дрожало.

— Тебе нужно уйти, — выдохнул он, его идеальное лицо было бледным, в поту. — Я не... я сейчас не спокоен.

— Все хорошо, — сказал Джулиус. — Я тоже не спокоен.

— Я заметил, — сказал император. — Но когда ты злишься, ты не устраиваешь это, — он махнул гневно на сломанный пол, но Джулиус мотал головой.

— Плевать, если ты разбил тронный зал. Я просто хочу твоей помощи.

— Как ты еще не понял? — завопил император, вскочив на ноги. — Я хочу тебе помочь. Если бы я был другим, мы уже были бы в пути, но нет. Я — Цилянь, удача Золотой Империи и неудача, которая уничтожит ее, если я не справлюсь с долгом. Я научился тяжелым путем

из-за твоей сестры ранее. Я не подвергну империю этому во второй раз.

— Тогда зачем ты тут? — спросил Джулиус. — Зачем тратишь время, если не поможешь Челси, когда она нуждается в этом?

— Потому что я не могу! — закричал Сян, его золотые глаза ужасно сверкали. — Я пришел сюда, потому что думал, что нашел способ обмануть систему. Я думал, если я завоюю Хартстрайкеров и помещу Челси под свою удачу, я смогу уберечь ее... не будучи слабым. Но я не могу, это очевидно, — он посмотрел на поврежденный пол, обмяк на троне с поражением. — Я не должен был приходить.

— Но пришел, — прорычал Джулиус, хмуро глядя на него. — Ты прибыл сюда. Ты завоевал наш клан. Ты давил на нас. Ты делал все это, потому что не хотел, чтобы Челси умирала. Теперь она в настоящей беде, и ты отвернешься от нее, потому что боишься?

Император стиснул зубы.

— Да.

— Я не верю тебе.

— А должен, — прорычал Цилянь, хмуро глядя с гневом, какого Джулиус еще не видел. — Я не скрывал любовь к своей сестре, но жизнь императора не принадлежит ему одному. В прошлый раз, когда я был эгоистом, моя империя заплатила за это. Теперь ты говоришь мне сделать это снова, и у тебя хватает наглости сомневаться в моей честности, когда я говорю «нет»?

— Да, — сказал Джулиус. — Потому что я не думаю, что ты говоришь это, чтобы быть хорошим императором, — он прищурился. — Думаю, ты напуган.

— Конечно, я боюсь! — завопил Цилянь. — Ты видел, что я могу!

И кусок поврежденного потолка в этот миг упал на землю между ними. Джулиус отпрянул, но, когда он поднял взгляд, император сжался на троне, побежденный.

— Видишь? — жалобно сказал он, глядя на обломки. — Всегда так. Даже когда я спокоен. Боюсь, из-за того, что я знаю, что, когда я расстроен, я все уничтожу. Когда твоя сестра бросила меня, каждый день в году у нас были землетрясения. Весь Нанкин сгорел. Дважды. Моя тетя по материнской линии, мама Лао, умерла от сердечного приступа, упомянув при мне имя Челси. У драконов не бывает приступов, но я дал ей это. Я все это устроил, катастрофа за катастрофой, снова и снова.

Он уткнулся лицом в ладони.

— Я не могу снова так рисковать. Ты прав, когда говоришь, что я люблю твою сестру, но в том проблема. Любовь опустила меня ниже, чем все до или после, и когда Цилянь падает, он забирает все с собой. Это правда роли Золотого Императора, и потому я не могу помочь тебе сейчас. Потому что, как бы сильно я ни любил ее, я не могу исправить проблему, и я не имею права тянуть свою империю в грязь с собой снова.

Он сказал это так, словно это был конец. Словно ничего больше нельзя было сказать, но Джулиус покачал головой.

— Ты ошибаешься.

Император поднял голову.

— Что?

— Ошибаешься, — печально повторил Джулиус. — Все зовут тебя драконом удачи, но чем больше я узнаю о тебе, тем больше понимаю, что все наоборот. Ты неудачлив. Ты во многом проклят. Вся твоя империя сосредоточена на твоей волшебной удаче, но та удача хороша, когда ты счастлив, а никто не бывает счастлив все время. Ты говоришь, что твой

долг — оставаться спокойным и нести удачу своему народу, не замечая факта, что просто безответственно ставить судьбу двадцати кланов драконов, сотен миллионов людей, всей земли Китая, а теперь и Хартстрайкеров, на счастье одного дракона. Особенно, когда ты даже не получаешь справедливой оплаты за это.

— Это абсурд, — фыркнул Цилянь.

— Да? — Джулиус упрямо скрестил руки на груди. — Когда в последний раз ты был счастлив?

Император стиснул зубы.

— Я стараюсь всегда сохранять спокойствие...

Джулиус поднял руку.

— Я не говорил о спокойствии. Я спросил о счастье. Когда в последний раз ты наслаждался жизнью?

— Не помню, — раздраженно сказал Цилянь. — Но смысл не в этом.

— В этом смысл! — завопил Джулиус. — Ты говорил мне с тех пор, как попал сюда, что твой долг — нести удачу. Что твоя всемогущая удача накрывает нас защитой и радостью, если мы согласимся присоединиться к тебе. Но я заметил не это. Пока я видел из твоей империи то, что все стараются избежать последствий твоего несчастья.

Он указал за плечо на закрытые двери тронного зала, на другой стороне, скорее всего, ждал Лао.

— Твой кузен, твоя мать, те, кому ты должен доверять больше всего, относятся к тебе как к живому ядерному оружию, и они правы. Ты — катастрофа, которая вот-вот произойдет, потому что ничья жизнь, даже Золотого Императора, не лишена страданий. Будучи живым, ты порой недоволен, но вся Золотая Империя построена на идее, что ты — исключение из этого. Вся цивилизация у вас построена на заблуждении! Сам концепт всегда спокойного Золотого Императора невозможен, а ты верил в это. Ты говоришь себе, что ты — ответственный, стараешься быть спокойным, но в реальности ты так боишься своей магии, что предпочитаешь позволить любви твоей жизни рисковать собой в одиночку, чем рисковать своим несчастьем.

Его слова отражались от потрескавшихся стен, но Цилянь молчал. Джулиус не знал, слушал ли император. Он просто сидел на троне, опустив голову, сжав кулаки. Чем дольше Джулиус смотрел на него, тем больше он переживал за Циляня.

— Я знаю, что заманчиво отбросить свое счастье ради других, — мягко сказал он. — Поверь, я знаю, но это далеко не заводит. Это кажется добрым и благородным делом, но потом самопожертвование становится обязанностью, а не даром, и я думаю, что ты давно прошёл этот переход. Ты так долго старался быть хорошим императором, но это оставило тебя ни с чем. Никакого счастья и надежды. Никакой любви. С тех пор, как ты прибыл, я слышал, что ты — самый сильный Цилянь в истории, снова и снова, но в чем смысл всей этой силы, если ты не можешь ею спасти того, кого любишь?

— Потому что это не моя сила, — Цилянь, наконец, поднял взгляд. — У меня есть обязанности. Драконы, которые полагаются на...

— У тебя есть драконы, которые в состоянии позаботиться о себе, — сказал Джулиус. — Это драконы! Каждый клан в мире выживает без удачи Циляня. Вполне возможно жить долго и полноценно, не будучи благословленным магическим императором, так что, может, тебе пора перестать так переживать за своих драконов и начать переживать за себя. Чего ты хочешь? Что делает тебя счастливым? И пока ты не списал это на эгоизм,

думаю, есть много доказательств, что счастливый Цилянь для империи куда лучше, чем просто спокойный. Ущерб, который ты устроишь сейчас, спасая Челси, будет крохотным, по сравнению с катастрофой понимания, что ты мог ее спасти, но побоялся попробовать.

Цилянь закрыл глаза, вздохнув.

— В твоих словах есть смысл, — признал он. — Но я не знаю, из-за твоей правоты так, или потому что я хочу верить тебе так сильно, что искажаю логику.

— Почему не может быть все сразу? — спросил Джулиус. — Не хочу звучать как типичный Хартстрайкер, но что толку быть императором, если ты не можешь сделать то, чего хочешь?

Все еще бледный, Сян слабо улыбнулся от этого.

— Я соврал тебе раньше, — сказал он. — Когда ты спросил, когда я был счастлив в последний раз. Я помню. Когда я был с твоей сестрой. С Челси, — его улыбка стала шире. — Она тоже не боялась со мной спорить.

Джулиус улыбнулся в ответ.

— Хартстрайкеры известны тем, что не молчат.

— Точно, — согласился император. — Но это мне нравилось в ней. Она не боялась меня злить, ничего не боялась. Я думал, что был безрассуден. Теперь я хочу быть безрассудным. Сколько можно было бы избежать, если бы я вел себя иначе?

— Мы никогда не узнаем, — сказал Джулиус. — Но еще не поздно. До того, как Боб выманил ее, я убедил ее встретиться с тобой.

Глаза императора расширились.

— Да?

— Не ты один сдерживался веками, — усмехнулся Джулиус. — Она хотела поговорить или хотя бы начать, но Боб вмешался и все испортил. Она перенеслась в СЗД и...

— Она может перемещаться? — поразился Цилянь.

— Это было новостью и для меня, — сказал ему Джулиус. — Но это не важно. Важно то, что Челси сейчас одна с Бобом среди бардака в СЗД. Если хочешь шанс на разговор с ней, нужно отправляться туда. Пока не стало хуже.

Цилянь опустил взгляд. Он был на грани, но Джулиус почти мог видеть века страха, висящие на его шее, как груз, годы тяжелых уроков, которые сделали его пленником его неуправляемой удачи. Если бы все было не так плохо, он не стал бы мешать императору разобраться. Но времени не было, и Джулиус решил подтолкнуть еще раз.

— Если бы ты не был драконом удачи, ты отправился бы за ней?

— Конечно, — сказал император без колебаний. — Но...

— Так сделай это, — Джулиус протянул руку. — Твоя удача должна делать тебя счастливым, да? Чтобы от нее был прок. Идем со мной. Используй удачу, чтобы найти и спасти Челси. Давай сделаем что-то хорошее, пока мы не упустили шанс навеки.

Это стало последней каплей. Цилянь вздохнул, словно панцирь треснул, и напряжение в комнате, нависшее в первого землетрясения, растаяло.

— Хорошо, — прошептал он, сошел с трона, чтобы взять Джулиуса за руку. — Хорошо.

— Спасибо, — сказал Джулиус, сжимая изящные пальцы Циляня.

— Пока меня не благодари, — нервно сказал Сян, отдернув руку, чтобы снять тяжелую внешнюю накидку, чтобы оставить одеяние легче, не сковывающее движений, хотя все еще золотое. — Я просто надеюсь, что она не убежит, как только увидит меня.

— Не убежит, — пообещал Джулиус, тайно надеясь, что так и было. — Так как нам

добраться до СЗД поскорее?

Цилинь застыл.

— Я думал, у тебя был план.

— Получить твою помощь было планом, — Джулиус пожал плечами. — Ты — ходячее чудо.

Император что-то пробормотал под нос на китайском.

— Ты знаешь, что я не могу управлять своей удачей?

— Но то, чего ты хочешь, происходит, — напомнил ему Джулиус. — А ты хочешь спасти Челси, верно?

— Больше всего, — мрачно сказал император. — Включая безопасность моих кланов.

— И потому это сработает, — быстро сказал Джулиус, не дав Сяну погрузиться в угрызения совести. — Если хочешь этого, это произойдет. Нужно лишь подождать и...

Грохот прервал его. Через секунды зеленый дракон, один из наблюдателей на вершине горы, сидевший там с прибытия Золотого Императора, пронесся к открытому балкону, сжимая в когтях кусок с вершины горы. Он быстро выпрямился, но его змееподобное тело успело ударить по полумесяцу камня, который был балконом. Камень обрушился.

Треск разнесся эхом по пустыне. Снаружи дракон схватился за сломанный край балкона и подтянулся, явно лепеча извинения и объяснения на китайском императору. Сян отмахнулся, посылая смущенного дракона на пост на горе.

— Он соскользнул? — спросил Джулиус, когда дракон пропал.

— Пинь не соскальзывает, — сказал император. — Камень сломался под ним, — и, судя по боли на лице Сяна, он знал причину. — Мы восстановим ущерб, конечно. Я просто не понимаю, почему это случилось. Я теперь спокойнее, чем был весь день. Я не знаю, почему моя удача все еще ломает твою гору.

— Вряд ли дело в этом, — Джулиус улыбнулся. — Смотри.

Он указал на обломанный край балкона. Падение дракона разбило выпирающую плиту почти надвое. Но даже чистый разлом задел оставшийся камень. Хоть удар не был прямым, выжившая половина сломанного балкона все еще была в трещинах, и края еще обсыпались. Самая большая трещина была посередине, и она становилась шире с каждой секундой, и над ней, как мост над каньоном, лежал меч Челси.

Если бы у Джулиуса были сомнения, что удача Цилиня работала, произошедшее дальше похоронило их. Когда император посмотрел, камень под Клыком Челси обрушился, рассыпался драматично с двух сторон, и меч полетел в пустыню вниз. Он начал падать, но Фредрик бросился вперед, промчался по тронному залу и успел поймать меч.

Он отпрянул, забрав меч, отскочил от поврежденного балкона, и остатки обрушились, обломки гремели по горе. Кривясь от того, как близко было падение, Фредрик попятился, держа меч Челси. Он встал ровно на полу тронного зала, оглянулся и понял, что все пялились на него.

— Что? — возмущенно сказал он, прижимая к груди меч матери в ножнах. — Это незаменимая реликвия семьи. Я не хотел, чтобы она упала.

— Забудь, — сказал Джулиус с улыбкой. — Фредрик, ты держишь Клык Хартстрайкера!

— И? — сказал он. — Я держал его за Челси несколько раз, когда она была ранена.

Джулиус растерянно смотрел на него.

— И он никогда тебя не кусал?

— Нет, — сказал Фредрик, нервно глядя на оружие в своих руках. — А должен?

— Видимо, нет, — счастливо сказал Джулиус, повернувшись к императору. — Я знаю, как мы попадем в СЗД.

На лице Фредрика был ужас, когда он понял, что имел в виду Джулиус.

— Нет.

— Фредрик...

— Нет, — сказал он, бросив меч на пол. — Абсолютно нет. Я — не Клык Хартстрайкера. Я отказываюсь.

— Но это уже сделано, — отметил Джулиус. — Клыки Кетцалькоатля вбиваются в каждую руку, кроме той, которой суждено их держать. Если Клык Челси не кусает тебя, значит, ее меч уже тебя принял.

— Он может найти кого-то еще, — прорычал Фредрик, старательно не глядя в глаза Циляню, который с интересом наблюдал за этим. — Я думал, что ясно дал понять, что ничего не хочу с этой семьей.

— Но это и твоя семья, — сказал Джулиус. — Нравится тебе или нет, в твоих венах кровь Хартстрайкеров, и этот меч создан для защиты семьи, — он указал на Клык Челси. — Это Клык Защитника, меч, защищающий клан. Бетезда заставляла Челси использовать его неправильным образом веками. Даже так он ее не кусал, потому что, какие ужасы наш мать ни заставляла ее делать, целью Челси была наша защита. Потому он не кусал и тебя, потому что в глубине души вы с Челси похожие.

— Но я не как она, — взволнованно сказал Фредрик. — Она — самый опасный дракон клана. Я даже не знаю, как правильно держать меч. До того, как вы сняли с нас печать, мне было запрещено касаться оружия, если я не просто нес его за кого-то.

— Это не важно, — сказал Джулиус. — Как я понял по своему мечу, Клыкам плевать на опыт. Им важны намерения. Твой характер, не навыки, а в этом ты логичный наследник Челси. Как она, ты всегда делал все, чтобы уберечь семью, даже когда мог сделать это, только помогая мне. Вы оба защитники, и Клык уважает это, потому что он никогда не принадлежал Бетезде. Это результат магии Кетцалькоатля, как мой. Потому она не могла раздать Клыки фаворитам, потому что они были не ее. Мечи выбирают руку, и этот выбрал тебя.

— Но я не могу его использовать! — закричал Фредрик. — Я... пытался раз, и ничего не произошло.

— Потому что он все еще служил Челси, — уверенно сказал Джулиус, кивнув на оружие на полу. — Попробуй снова. Ты удивишься.

Фредрик гневно выдохнул дым. Хоть он не хотел быть Хартстрайкером, его взгляд упал на меч его матери.

— Что он делает? — с любопытством спросил Цилянь, сев на корточки, чтобы посмотреть на меч цвета кости, изогнутый, как зуб. — Я слышал, что у Тени Бетеды особе оружие, но я не узнал, что оно делало.

— Вполне обычный меч, — Джулиус пожал плечами. — Но еще он может перенести хозяина и того, кого он касается, к любому Хартстрайкеру в клане, где бы они ни были.

— Так почему мы его не используем? — император вскочил на ноги. — Это наш ответ.

— Потому что, если я приму это, я буду привязан к этому клану вечно, — прорычал Фредрик. — А я этого не хочу.

— Но ты уже привязан к нам, — мягко сказал Джулиус. — Я знаю, что Хартстрайкеры не были добры с тобой, и у тебя есть право ненавидеть нас, но это не просто наш путь к

Челси. Думаю, то, что ты получил этот меч, удача для всех. С Клыкком Хартстрайкера ты становишься одним из самых влиятельных драконов в нашем клане. Это дает тебе шанс на место Клыка в Совете, и когда я оставлю его через пять лет, я буду голосовать за тебя на это место, и, наверное, другие Клыки тоже так сделают. Если так будет, ты, Ф, станешь одним из трех членов Совета Харстрайкеров.

— Это не случится, — сказал Фредрик.

— Случится, — Джулиус улыбнулся шире. — Подумай, Фредрик. Ты будешь главой клана! Я знаю, что это не исправит шестьсот лет, но как часть Совета, ты сможешь все изменить. Ты можешь помочь создать клан, где то, что случилось с тобой и твоими братьями и сестрами, не повторилось. По крайней мере, Клык дает тебе силу помочь Челси, которая всегда помогала тебе.

Фредрик низко зарычал.

— Для дракона, который не любит долги, ты знаешь, как на них давить, — горько сказал он. Но, хоть он злился, он все еще склонился и сжал рукоять Клыка.

Джулиус не скрывал облегчения, когда Ф поднял меч.

— Спасибо.

— Я сделал это не для вас, — прорычал Фредрик, с отвращением сжимая меч. — Я в долгу перед вами за нашу свободу, но этот долг не заходит так далеко. Я думал так, но я готов на все ради Челси, — он покачал головой и повернулся к Джулиусу. — Лучше заберите свой меч.

Джулиус кивнул и побежал к двери комнат матери, спугнув пару слуг, пока несся по коридору. Он схватил свой Клык, который все еще был там, где он его оставил, стоял у стены возле двери гостиной, а потом побежал обратно. Когда он вернулся к тронному залу, Фредрик выглядел мрачнее, чем обычно.

— Надеюсь, твоя удача работает, — сказал Ф, протягивая руку к императору.

— Я все еще не знаю, что случилось, — ответил Цилин, бросив вопросительный взгляд на Джулиуса, который махнул ему хвататься за Фредрика. — Но моя удача в порядке, насколько я вижу.

— Хорошо, — сказал Фредрик, ждал, пока Джулиус возьмется, а потом поднял меч над их головами. — Потому что я никогда раньше этого делал.

Золотые глаза императора расширились, но то, что он хотел сказать, затерялось в остром укусе магии дракона — Фредрика, не Челси — Клык опустил, рассекая воздух перед ними. Джулиус успел увидеть только это, и Фредрик утащил их в дыру, следуя за запахом Челси в пустой город.

Глава 12

— Что значит, я не могу вернуться?

— Прости, — сказал Широ. — Но я этим не управляю. Как Мерлин, ты можешь управлять Сердцем Мира. В этом месте ты в сознании и стабильна, наверное, надолго. Но хоть ты в безопасности в этом убежище, путешествие по Морю Магии и через барьер, который отделяет его от физического мира, всегда могли только духи. Это практическая сторона причины, почему Мерлину нужны отношения человека и Смертного Духа. Они контролируют дороги.

— Я знаю, — рявкнула Марси. — Как я сюда попала, по-твоему? Но, если Призрак может носить меня тут, почему не может вытащить меня?

— Из-за того, кто он, — беспомощно сказал шикигами. — Спроси у него сама.

Призрак вздрогнул в ее разуме, но Марси была в панике и не прочла предупреждение. Она уже отпустила шикигами и повернулась к своему духу, дрожа в ярости.

— Почему? — осведомилась она. — Почему ты не сказал, что я не смогу вернуться?

— Прости, — прошептал он, его голос дрожал. — Ты была мне нужна, и я думал... я не понимал, что я был единственным путем.

— Но ты возвращал других призраков, — возразила она. — Почему не меня?

— Потому что они были другими, — сказал он, наконец, посмотрев на нее. — Я слежу за забытыми, Марси, а это не ты, и ты не хочешь такой быть. Ты видела мое истинное лицо. Ты знаешь, какой я. Только я помню души, о которых забочусь, и я могу звать их через барьер только ради их последних сожалений. Потому тебе нужно было умереть, чтобы попасть сюда, потому что это царство мертвых, но наша изначальная проблема остается. Я — Дух Забытых Мертвых. Пока ты не мертва и забыта, ты — не часть моих владений, и раз наши владения — это то, как духи проявляются в обоих мирах. Я не могу тебя вернуть, как бы ни хотел.

Марси закрыла глаза, ругаясь. Она хотела закричать, что он ошибался. Что он обещал, что она могла вернуться. Она не могла даже формировать слова, потому что они не были правдой. Призрак обещал довести ее до Врат Мерлина. Он не говорил ничего о возвращении. Это она сделала такой вывод.

Она думала, что Мерлины могут вернуться, потому что они должны быть живыми, чтобы выполнять работу. Учитывая слова Широ, она поняла, что можно был оставаться мертвой и быть Мерлином, потому что такой она и была. Мертвой. По-настоящему. Она уже не вернется. Никогда...

Она всхлипнула, рухнула на землю. Второй душераздирающий всхлип последовал за первым, а потом еще и еще, пока она не сжалась в комок на каменном полу. Казалось несправедливым, что это происходило, когда у нее не было настоящих слов, как и внутренностей, чтобы они сжались, но она не могла остановиться.

Прости, — прошептал в ее разуме Пустой Ветер, его голос был отчаянным. — *Я не хотел, чтобы это произошло. Я должен был...*

— Это не твоя вина, — слабо сказала она. — Я все равно была мертва. Я даже благодарна. Из-за тебя я тут, а не застряла в своей смерти. Было глупо надеяться. Стоило быть умнее, знать лучше. Я просто всегда думала...

Она думала, что могла вернуться домой.

С момента, когда она проснулась во тьме, это было ее призом, ее наградой за все страдания. Она станет Мерлином, использует фантастические силы, чтобы исправить, а потом оживет и уйдет домой к Джулиусу. Эта надежда придавала ей силы продолжать, а теперь это пропало. Она была Мерлином, даже не представляла, что станет такой сильной, а это ничего не меняло. Даже если бы все сработало, и она одолела Алгонквин. Сохранила магию, создала бы мир, где люди и духи могла жить счастливо, для нее счастливого конца не было. Насколько бы хороша она ни была, она все еще была мертвой, как когда истекала кровью в руках Джулиуса. Эгоистично, но это было обидно. Она не была готова умереть. Она так много хотела сделать, хотела сказать. Она даже не смогла попрощаться с Джулиусом.

Это было последней каплей. С этой мыслью способность Марси держать себя в руках развалилась, как и она. Она с болью осознавала, что за ней все следили, но не могла не рыдать.

Это было несправедливо. Труд и жертва должны были вознаграждаться. Хорошие

должны побеждать, а не заканчивать так. Ни с чем. Но, когда она стала падать в глубины отчаяния, Амелия опустила на землю у ее головы.

— Хватит этого, — она плотно сложила крылья у маленького змеиного тела.

Марси отвернулась.

— Если это о ситуации, Амелия, я не хочу это слышать.

— Будто я могу быть так банальна, — фыркнула драконша. — Можешь впасть в истерику, сколько хочешь, но пока не упала глубоко, проверь свои варианты.

— Варианты? — Марси села, вытерла красные глаза, хмуро глядя на драконшу. — Какие у меня есть варианты? Я мертва, и мой дух не может меня вернуть.

— Да, Пустой Ветер не может тебя вернуть, потому что возвращение душ ему не по силам, — сказала она. — Но с тобой тут не только Призрак, да?

После того, как ее надежды растоптали, было безумием надеяться снова, но Марси не сдержалась.

— Ты можешь меня вернуть?

Улыбка Амелии стала нахальной.

— А с кем ты говоришь? Думаешь, я умерла бы без стратегии выхода?

Марси схватилась за ноющую грудь.

— Не делай так со мной, Амелия, — гневно сказала она. — Ты можешь вернуть меня к жизни или нет?

Драконша пожала плечами.

— Когда ставки так высоки, нет уверенности в сто процентов, но я не стала бы рисковать с тобой, если бы не думала, что у нас обеих есть шанс вернуться. Мы с Бобом...

— Боб? — глаза Марси расширились. — При чем тут он?

— При всем, — сказала Амелия. — Чей это был план, по-твоему? Если бы я хотела посмотреть на магическую половину этого измерения, я могла бы зацепиться за смерть любого старика, но я этого не сделала. Мы выбрали тебя, потому что Боб предвидел, что только ты можешь меня сюда довести. В место, где все сходится.

Она голодно посмотрела на дикое Море Магии, но Марси не понимала.

— Как Боб предвидел меня? Я даже не дракон. И чего ты хочешь от Сердца Мира? Это место Мерлинов. Ты не можешь ничего тут сделать.

— Не нужно быть драконом, чтобы попасть в план пророка, — заявила Амелия. — И Боб давно наблюдал за тобой. Кто, по-твоему, разместил рекламу, на которую ты ответил в первую ночь, когда ты попала в СЗД? Точно не старушка, которой мешал злой Смертный Дух, который только родился, желающий накормить ее телом свой легион бродячих котов. Боб устроил это, потому что предвидел, что ты возьмешься за работу, привяжешь Призрака и станешь командой с Джулиусом.

— Ты шутишь, — сказала Марси. — Это глупо.

— Нет, — сказала Амелия. — Большие цепи совпадений — то, как работают пророки, мой брат — гений. Когда он предвидел, что Смертный Дух поднимется рано, Боб начал маневрировать, чтобы убедиться, что мы могли его кем-то поймать. Тот, кто ценит то, что нам нужно, чтобы она ценила, кто рискнет, когда нам будет нужно, — драконша улыбнулась ей. — Ты.

Марси все еще не могла поверить. Призрак тоже был в шоке, хотя другие не были так удивлены.

— Я знал, что ты работала на драконов, — буркнул Широ.

— Не намеренно! — завопила Марси, в ужасе глядя на Амелию. — Так все это не было настоящим?

— Это все было настоящим, — сказала Амелия. — Боб заметил тебя, но ты все сделала. Ты прошла все сражения, приняла все тяжелые решения, которые привели тебя сюда, и потому мой брат выбрал тебя среди других потенциальных магов. Он знал, что у тебя есть амбиции и смелость добраться туда, куда нам нужно было. Я тоже знала. Потому я рискнула жизнью ради тебя. Из всех людей, кто мог пройти в те ворота и стать первым Мерлином, только ты выбрала бы не закрывать магию снова.

— Какое вам дело? — Мирон хмурился. — У драконов своя магия. Вы бы пережили засуху прекрасно.

— Пережить и процветать — разные вещи, — рявкнула Амелия, мрачно глядя на него. Она повернулась к Марси. — Ты была в нашем изначальном измерении. Ты знаешь трагедию нашей расы лучше любого смертного и, к сожалению, многих драконов. Я не знаю, чем мы были раньше. До того, как мы сбежали в это измерение, драконы в среднем жили тринадцать тысяч лет. Тринадцать тысяч! Ты можешь назвать дракона, который хотя бы половину срока пережил, сегодня?

— Нет, — сказала Марси. — Но драконы обычно скрывают возраст, так что это не...

— В этом случае, все так, — сказала Амелия. — Ты не можешь их назвать, потому что их больше не существует. Эстелла и Свена считаются древними драконами, но по старым меркам они даже не среднего возраста. Если посмотришь на нашу историю, легко обвинить в наших заниженных ожиданиях жизни бои внутри кланов. Не одна Бетезда убила отца ради власти. Но драконы всегда пытались убить родителей. Разница в том, что за последние десять тысяч лет они стали преуспевать в этом. Это не из-за того, что современные драконы умнее, сильнее или беспощаднее прошлых поколений. Это потому, что старые драконы, как Кетцалькоатль, который был очень сильным, ослабели, живя тут.

Она впилась коготками в камень.

— Это не наш мир. Мы прибыли сюда как беженцы, и хоть мы завоевали, мы полностью не адаптировались. Это пустыки для юных драконов, которые еще маленькие, и им хватает их огня, но когда мы достигаем определенного размера, огня не хватает. Как все магические существа, включая людей, мы нуждаемся в природной магии, чтобы мы были стабильны. Мы могли терпеть до засухи, потому что, хоть мы не могли использовать магию этого измерения, мы могли на нее опираться.

— А потом это пропало, — сказала Марси.

Амелия кивнула.

— У нас ничего не было. Многие драконы даже не могли изменить облик во время засухи, а те, кто мог, не удерживали его дольше пары минут. Но даже уловка с пребыванием в облике человека, который пожирает меньше магии, работала только для юных и маленьких. Большие драконы, которые бежали из нашего изначального измерения, или ушли в спячку, или наши другие источники дополнительной магии, как кровавые жертвы моего отца и его ацтекская кровь. Те, кто мог покинуть это измерение, ушли искать места лучше, но это всегда был просто костыль. Даже самая большая сила чужого измерения не заменит магию твоего дома.

Марси нахмурилась, обдумывая ее слова. Как дочь Бетезды, Амелия родилась перед засухой, но драконы уже давно убежали в это измерение. Но, хоть она не пережила ту потерю, звучало так, словно она говорила по своему опыту, и вдруг Марси поняла, почему.

— Потому ты всегда была в других измерениях, да? Ты не убегала от Бетезды. Ты была слишком большой, чтобы оставаться.

— Не списывай матушку полностью, — сказала Амелия. — Это все еще причина, по которой я не приходила домой, но я и приближалась к границе того, что этот мир мог выдержать.

Она гордо встопорщила дымящиеся перья.

— Помнишь мой впечатляющий размах крыльев на пляже? Я могла уже это упоминать, но, благодаря замедлению времени между измерениями, я намного старше, чем должна быть. Невозможно сказать, насколько старше, ведь никто еще не смог создать надежный календарь между измерениями, но, по моим догадкам, мне около четырех тысяч, плюс-минус век.

— Это невозможно, — сказал Мирон. — Это делает тебя самым старым драконом на Земле.

— Так и есть, ведь Три Сестры мертвы, — спокойно сказала Амелия. — Я старше Свены или Эстеллы, и я достаточно большая, чтобы иметь большие проблемы с магией. Во время засухи я не могла быть в этом измерении дольше пары дней, потом я ощущала себя опасно обессиленной. Теперь магия вернулась, и я могу выдержать месяц, хотя это все еще неприятно. Но дело не только в моем комфорте. Когда Мерлины запечатали магию тысячу лет назад, оставалось больше дюжины древних драконов. Когда печать сломалась, остались только Три Сестры, и только из-за того, что они проспали все время. Многие ильные драконы быстро умерли, и хоть никто из них не умер из-за потери магии, не совпадение то, что их победили меньшие драконы, которые не должны были суметь победить их, включая мою очаровательную мать. Из-за этой слабости я тут, потому что, если никто ничего не изменит, это будущее моего вида.

Мирон фыркнул.

— Умирать из-за детей?

— Умирать из-за того, из-за чего мы не должны, — сказала Амелия. — И хоть я знаю, что у вас нет проблем с этим, это куда серьезнее, чем пара старых драконов, умерших раньше времени. Это потеря старейшин, единственных драконов с силой и опытом, которые могли сдерживать в узде юных идиотов. Почему, по-вашему, кланы были такими непостоянными с тех пор, как мы попали сюда? Не только из-за того, что нужно было занять землю, попав сюда. Просто по меркам драконов мы все — дети. Мы — целая раса юных вспыльчивых дураков, и когда один из нас доживает до момента, когда учится уму-разуму, магии не хватает, чтобы поддерживать нас, и потому приходится тянуться к силе, которую не стоило трогать, чтобы выжить.

Это звучало плохо.

— Что за сила? — спросила Марси.

Амелия пожала плечами.

— Все, что мы можем найти. Кровавая жертва была популярным выбором. Даже при засухе в крови была сила, но это был не эффективный обмен. Даже с империей, предлагающей ему жертвы, Кетцалькоатль проиграл Бетезде, ведь она ударила его в спину. Лично я не переживала из-за крови, так что справлялась с разницей, переносясь в места, где магии было много. Это работало, но это было временным решением, и Хождение по измерениям — не распространенный навык. Даже Свена им не овладела, а она — величайший из магов-драконов в современной истории, хотя, если скажете ей, что я так

говорила, мне придется вас убить. Дело в том, что, даже если бы я могла научить Ходить по измерениям, прыжки через пространство в поисках еды — не тот способ жизни, который выдержат многие драконы. Мы глупо привязаны к территории. Нам нужен дом. И раз мы уже тут, я решила, что пора правильно передвинуться в это измерение.

— Как ты собираешься это сделать? — Мирон пытался, но не мог скрыть любопытство за стеной академического презрения. — Драконы действуют в другой магической системе. Вы не можете просто «передвинуться» в наше измерение.

— Но мы уже это сделали, — Амелия посмотрела на Марси. — Помнишь, какой хорошей была твоя смерть? Какой просторной и уютной? Чьи воспоминания построили ее для тебя?

— Джулиуса, — сказала Марси. — Но...

— Именно, — рявкнула Амелия. — Джулиус — дракон. После всего, что мы знаем о магии, его воспоминания не должны были влиять на это, потому что, как нам напомнил капитан Ворчун, драконы — не часть магии этого мира. Но так было десять тысяч лет назад. Видимо, разница стала стираться, потому что, как мы видели, воспоминания Джулиуса важны. И если воспоминания дракона могут построить смерть человека, что еще мы можем? Вопрос уже не в том, возможна ли интеграция. Вопрос в том, сколько ее уже произошло, и как далеко мы можем ее продвинуть?

Когда она закончила, Марси уже размышляла.

— Это возможно, — восторженно сказала она. — Магия — естественная система, а системы меняются и развиваются под давлением.

— Не так сильно, — Мирон хмуро смотрел на них. — Вся эта теория глупа. Драконы были тут всего десять тысяч лет. Это ничто в плане эволюции, особенно, учитывая длительность жизни драконов. Вряд ли за такой небольшой период времени произошли важные изменения.

— Но мы уже это видели, — возразила Марси. — Мы с Амелией были внутри смерти которую Джулиус создал для меня воспоминаниями. Как это было бы возможно, если это не происходит?

— Уверена, что это был он? — парировал Мирон. — Не секрет, что ты влюблена в своего хозяина-дракона. У тебя есть доказательства, что его воспоминания сделали это, а не твои мечты?

— Да, — рявкнула она. — Я была мертва, и, как мне сообщил мой дух смерти, смерти людей — ямы в полу Моря Магии, вырытые воспоминаниями живых. Мои друзья из Невады не знали, что я была в СЗД, как и не знали, в каком доме я жила. Только у Джулиуса были те воспоминания. И я была там, потому что меня помнили, Дух Забытых Мёртвых не мог меня от этого найти. Откуда бы те воспоминания, если не от драконов?

— Они были от драконов, — подтвердил Призрак. — Воспоминания — это воспоминания, чья бы голова их не содержала. Маг, которого помнит дракон, не может быть забытым.

— И тут все совпало, — сказала Амелия. — Даже во время засухи драконы были частью культуры всех народов. Мы наполняли ваши истории и легенды, украшали картины, бились с вашими героями. Даже сегодня есть бесконечно много видеоигр, книг и фильмов о нас. Драконы с вами все время! И раз мы так плотно проникли, ничто не двигает магию так, как люди.

— Погод, — Марси удивленно смотрела на нее. — Хочешь сказать, что люди вклинили

вашу магию в нашу за вас?

Амелия быстро кивнула.

— Это я и говорю. Нам не нужно ждать физической эволюции, чтобы мы внедрились, потому что люди уже это сделали. Нам уже приготовили магическую постель, так сказать, и мы еще не в ней, потому что нам не хватает связи наших огней в физическом мире с этим.

Глаза Марси расширились.

— Тебе нужен дух.

— Он у нас уже есть, — Амелия указала когтем на синее море. — Помнишь, я говорила о драконах, которые были большой частью культур во всем мире? Это много внимания людей, и когда много людей уделяет чему-то вниманию, что случается?

— Возникает Смертный Дух, — тут же сказала Марси.

— Бинго, — Амелия смотрела на бушующие воды Моря Магии голодными глазами. — Где-то там, под одной из воронок, огромная яма, созданная общей идеей людей о «Драконах». Когда яма заполнится, магия в ней станет Духом Драконов, или хотя бы идеей людей о нем. Если его оставить, он будет лишь проблемой для нас, настоящих драконов. Кто хочет бога, сделанного из стереотипов, лезущего в твоих дела? Но если настоящий дракон попадет в ту яму первым и повлияет на магию, растущую внутри, получится совсем другой дух.

— Что за влияние? — нервно спросила Марси. — Ты хочешь попытаться стать Мерлином?

— Ни за что, — фыркнула Амелия. — Мерлины — фишка людей. Я — дракон, — она показала острые зубы в хищной улыбке. — Я его завоюю.

Все в ужасе уставились на нее.

— Что? — завопила Марси.

— Нельзя завоевать Смертного духа! — сказал в это время Мирон. — Они огромны, чистая магия. Ты — размером с кота.

Амелия фыркнула.

— Как сказал бы мой брат: «Судишь меня по размеру?». Я сейчас маленькая, но я — тоже магия. Все на этой стороне — магия. Это одно из лучших качеств этого измерения: части — это части. Как маги могут втягивать магию из всего, чтобы использовать в их заклинаниях, так я могу направить огонь в любую магию, с какой контактирую. Потому я дала Марси долю своего огня. Это не наш мир, у драконов нет загробной жизни. Когда наш огонь угасает, это конец. Мы — пепел. Но, когда Марси умерла с моим огнем в ее магии, она протащила меня сюда, в единственное место в измерении, где я могу заставить это работать, — она усмехнулась небу в заклинании. — В убежище Мерлинов.

— Не стоило тебя впускать, — прорычал Широ. — Драконы — всегда беда.

— Но зачем ты хотела сюда прийти? — спросила Марси. — Я понимаю Море Магии, но только Мерлины могут управлять Сердцем Мира. Что толку тебе от него?

— Никакого толку, — сказала Амелия. — Я тут не ради заклинания. Мне нужно это, — она указала на синее небо. — Спокойствие, свет, не сгорать заживо — этого я хочу. Не забывай, Море Магии было для меня таким же темным, ужасным и опасным, как и для вас. Хорошо знать, что там есть яма в форме дракона, ждущая меня, но если бы мне пришлось искать ее во тьме, Море Магии поглотило бы меня раньше, чем я приблизилась бы. Отсюда я могу отыскать сосуд своего духа, не переживая из-за того, что меня порвет. Это важно, потому что, когда я найду наш дух, мне понадобится весь оставшийся огонь, чтобы захватить

его, а дух явно будет огромным. Мы говорим об общей идее человечества о драконах, собранной в одном месте. Знаешь, сколько о нас историй? Мы — практически жанр.

— Уверена, дух очень большой, — сказала Марси. — Но разве это не проблема? Даже если ты сможешь распространить вой огонь, как ты захватишь что-то такого размера?

— Попав туда рано, — сказала Амелия, ее сияющие глаза были серьезнее, чем Марси когда-либо видела. — Возвращение магии — шанс раз на вечность, Марси. Потому я хочу рискнуть всем ради этого. Где-то там — огромный сосуд духа-дракона, и это единственный момент в истории, когда он будет наполовину полным. Если я смогу попасть туда в верный момент и направить в магию свой огонь, пока она не развила свое сознание, я ничего не захвачу. Я просто буду разумом, который уже там, когда новый дух проснется. Когда это произойдет, мы сольемся, и его магия естественно станет моей. Я тут для этого. Это уловка. Кроме природы силы, которая вырезает сосуды, особой разницы между духом озера и Смертным духом нет. Это все еще кратеры в земле Моря Магии, которые наполняются и получают личность. Драконы не могут вырыть духа, потому что это не наш мир, но если я смогу захватить духа, которого люди вырыли для нас, и наполнить его настоящим огнем дракона, конечный результат должен быть духом драконов от драконов, как и все другие духи зверей на планете. И когда мы это получим...

— Вы будете местными видами, — восторженно закончила Марси.

— Лучше, — Амелия улыбнулась. — Мы пустим тут корни. Все мы. Огонь дракона горит индивидуально, но источник один — магия нашего родного измерения. Сила, которая родила нас, все еще горит в каждом драконе. Это тонкая связь, но если моя теория верна, общий источник означает, что если я захвачу этого духа, это буду не только я и мой огонь. Это будем все мы. Я стану связью драконов с магией этого измерения. Мы уже не будем ограниченными той силой, которую смогли наскрести или накопить сами. Мы будем снова дома, драконы этого измерения, и все будет благодаря мне, — она глубоко вдохнула, янтарные глаза сияли. — Я буду их богом.

Марси вздохнула. Вот, какой была идея.

— Я знала, что «спасение видов» было слишком альтруистично для тебя.

— Я не была бы драконом, не извлекая выгоды, — сказала Амелия, не извиняясь. — И я не коварна. Я это придумала, я рискую — справедливо, что я получаю награды. И это хорошо для всех. Всему миру будет лучше, когда драконы вложатся в наше далекое будущее, и мы сможем вырасти и миновать нашу стадию безудержной мании величия.

— Из этого можно вырасти? — с сарказмом спросил Мирон.

— Мы зреем с возрастом, — ответила Амелия, фыркая. — Просто посмотри на меня. Моя игра в становление бога драконов близится к концу ради общего блага. Я почти святая.

Марси пришлось рассмеяться.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что ты не шутила, когда говорила, что у тебя амбиции больше Хартстрайкеров.

— Прошу, — с отвращением сказала Амелия. — Я никогда не хотела работу Бетезды, и, думаю, Боб должен извиниться перед Джулиусом за то, что навязал ему страдания с кланом. Это намного лучше. Если я преуспею, я не только буду божеством, которое решило глубочайший экзистенциальный кризис наших видов, я буду духом, то есть, бессмертной. Даже если кто-то сможет убить меня, я просто восстановлюсь в моих владениях. Минус в том, что я могу быть привязана к магу, но я всегда умела справиться с людьми, так что я буду в порядке. Такая сила и долг всего моего вида стоит риска, — она подмигнула Марси. — Это

я зову победой.

Марси закатила глаза. Амелия выглядела отвратительно довольной собой, но, хоть ей не нравилось, что драконша скрывала от нее истинные намерения, ее устраивал план Амелии. Ощущалось немного сомнительным захватывать Духа Драконов до его пробуждения, но, учитывая, что без драконов не было духа драконов, нельзя было спорить, что это был уже их дух. В любом случае драконам нужен был способ внедриться, потому что после десяти тысяч лет они тут останутся. Чем раньше они соединятся с природной магией, тем более мирным и хорошим все будет.

Если это сработает.

— Я не сомневаюсь в твоей гениальности, Амелия, — сказала Марси, — но как ты собираешься это проверить? Я привела тебя в Сердце Мира, но там много воронок, и даже если ты сможешь найти правильный сосуд, как ты попадешь внутрь? Это место — модель, а не настоящее. Ты не можешь просто нырнуть.

— Это я собираюсь сделать, — сказала Амелия. — Помни, эта модель не передает размер. Учтывая, какое большое Море Магии, что критичное преимущество, я могу лететь годами и ничего не найти снаружи, но тут все приятно сдвинуто, — она улыбнулась морю. — Думаю, если я туда полечу, я найду свой сосуд. А потом нужно будет играть.

— Играть, — вяло повторила Марси. — Это твой план?

Драконша пожала плечами.

— Так я действовала тут. Работало пока что. Помни, ни один дракон еще не был на этой стороне измерения, и Боб не может видеть, что на этой стороне.

— Ты продумывала это все время? — завопила она. — Зачем следовать совету пророка, если ты дальше действуешь вслепую?

— Смысл есть, — Амелия строго посмотрела на нее. — Боб выбирает лошадей, не гонки. Он выбрал тебя не из-за особого события, а из-за твоей личности и твоих решений, которые дают тебе шанс преуспеть. Остальное зависело от нас. План был долгим, до твоей смерти, потом до этого места, но мы справились. Теперь нужно двигаться дальше. Последняя часть самая тяжёлая, потому я запросила внешнюю помощь.

Широ в тревоге вскинул голову.

— Что за внешняя помощь?

— Лучшая, — сказала Амелия, посмотрела на кривую сосну. — Я удивлена, что он еще не вышел. Обычно он обожает драматичное появление.

Марси не видела ничего в ветках, но Широ вдруг стал возмущенным.

— Где ты, по-твоему, дракон? — завопил он, схватив Амелию. — Ты — гость Сердца Мира! Священной крепости Мерлинов! Ты не можешь никого сюда приводить. То, что змея, как ты, смогла войти, уже чудо. Ты не можешь ждать, что такое...

Он умолк, глаза расширились, хотя Марси не знала, почему. Ничего на вершине горы не изменилось, как она думала. Когда она спросила у шикигами, что не так, он сказал лишь:

— Тут птица.

Марси растерянно подняла взгляд еще раз. Он был прав. Над их головами на ветке сидела птица. Огромный черный ворон со знакомым блеском умных глаз.

— Мои уши горели, — каркнул он, спрыгивая на край треснувшей печати. — Я что-то упустил?

— Здравствуй, Ворон, — Амелия выскользнула из ослабевших пальцев Широ. — Вовремя.

— Как и должен быть. Я проверял это место каждую пару минут, услышав, что ты умерла. Хотя, должен сказать, Амелия, ты выглядишь хуже каждый раз, когда я тебя вижу. И твоё общество... — он бросил на Мирона взгляд. — Ужасное.

Амелия с отвращением скривила губы.

— Я его не приглашала. Он пролез из-за доброты Марси. Одна из плохих привычек, которую она переняла у моего крохи-брата.

— Да? — сказал Ворон и хмуро повернулся к Марси. — Нужно быть тщательнее, мадам Мерлин. Предательство склонно повторяться.

— Я не должен оправдываться перед тобой, — Мирон поднял голову выше. — Я сделал то, что было необходимо, чтобы сохранить будущее человечества.

— Знаю, — утомленно сказал дух. — Это одна из худших черт людей. Хорошие намерения оправдывают все ужасное поведение.

Мирон открыл рот, чтобы спорить, когда Широ прервал его:

— Как ты сюда попал? — осведомился шикигами, его обычное спокойствие пропало, он попытался схватить Ворона. — Ты — дух зверей! Как ты попал в это место?

— Во-первых, воронов не прогнать, — сказал Ворон, легко уклоняясь. — Во-вторых, я теперь лишь отчасти дух зверей, но я улучшил себя за годы.

— Как это: улучшил? — спросила Марси.

— Ничего жуткого, — заверил ее Ворон. — Но, как ты уловила, люди были моим хобби долгое время. Я помогал твоему виду с тех пор, как вы раскрыли язык. За такой долгий период было несложно внедриться в ваши истории и мифы, начать строить свое наследие. В каждой культуре в мире есть истории об умных воронах, и это моя заслуга.

Амелия фыркнула.

— Ты украл истории Вороны?

— Ворона — ворчунья, которая не пользовалась поразительными способностями людей, — Ворон не звучал виновато. — И многие люди не могут нас отличить, и я это использовал.

Марси удивленно смотрела на него.

— Ты не преувеличивал, когда мы встретились. Ты — Ворон из историй, не просто Дух воронов, а Ворон — бог-обманщик. Ты использовал наши мифы и легенды о себе, чтобы сделать себя Смертным духом!

Ворон выпятил грудь.

— Наконец, кто-то это понял. Пора уже похвалить мою гениальность, — он указал клювом на Амелию. — Думаешь, откуда она взяла идею по захвату духа драконов? У меня.

Марси открыла рот, чтобы задать вопрос, но Мирон схватил ее за плечо и отодвинул, шагнув мимо нее.

— Ты был Смертным духом? — заорал он на Ворона. — Все время?

— Долго доходит, да? — холодно сказал Ворон. — Но, пока ты не назвал меня нахально предателем, я не настоящий Смертный Дух. Мой изначальный сосуд всегда был вырезан для меня воронами всего мира. Я просто создал для себя расширение, используя истории людей о моих действиях как мифологического Ворона. Результатом была смесь двоих, но, хоть тяжело играть две роли, мне всегда нравился вызов. И, пока вы не упомянули, магии на моей стороне Смертного духа все еще недостаточно, чтобы я решил нашу проблему с Мерлином раньше Марси. Хотя ты не помогал. Из-за тебя, по большей части, я тут.

Мирон нахмурился, но Ворон уже повернулся к Широ.

— Ты один из старых шикигами Сэймэя?

— Да, — с подозрением сказал Широ. — И что?

— Ничего, — сказал Ворон. — Просто ценю работу мастера. Я тоже делаю слуг, хотя я выбираю физические конструкты, а не умную магию, как ты. И все же я ценю искусство. Скажи, ты привязан напрямую к этому месту, или ты заперт, как послание в бутылке, для следующего, кто сюда придет.

Это показалось Марси разумным вопросом, но Широ выглядел оскорбленно.

— Мой мастер не стал бы безответственно оставлять своего шикигами без якоря, — сказал он напыщенно. — Конечно, я привязан к структуре, которая управляет Сердцем Мира.

— Отлично, — Ворон повернулся к Марси. — Это значит, он должен тебя слушаться. Как нынешний и единственный Мерлин, ты — неоспоримый хозяин Сердца Мира, что, как только что признался Широ, включает его. Так, мадам Мерлин, можете приказать своему шикигами создать круг наблюдения в СЗД?

Удивленно моргнув, Марси повернулась к Широ.

— Ты должен меня слушаться? Почему ты этого не сказал?

— Я говорил, — буркнул он. — Я говорил, что был привязан к Сердцу Мира, и сказал, что ты — его хозяин. Я просто подумал, что ты сложишь дважды два.

— Конечно, — Марси закатила глаза. — Делай, как говорит Ворон.

Широ стиснул зубы.

— Не стоит его слушать. Он — дух без привязи, еще и хитрец, и он не должен тут быть.

— Я даю ему разрешение тут быть, — рявкнула Марси. — И круг наблюдения — хорошая идея. Если я — Мерлин, мне нужна информация, так что вперед.

Хмурясь, шикигами повернулся и прошел по плоской вершине горы к чистому месту у края. Когда он добрался туда, он вытащил веер из-за пояса и махнул им по кругу перед собой. Пока круг заклинания не появился на камне внизу, Марси не поняла, что произошло.

— Твою...

Она подбежала, упала на колени у края сияющего круга, чтобы рассмотреть, но она не ошиблась. На земле не было отметок, не было вырезанного заранее круга, который он активировал. Широ просто махнул веером, и все это: круг, заклинание, символы — появилось из воздуха.

— Как ты это сделал? — завопила она, раскрыв рот. — Ты только что свободно создал круг наблюдения!

Она не думала, что произнесет такое. Свободное колдовство — колдовство без написанного заклинания — было одним из основных элементов магии шаманов. Это работало для маленьких заклинаний, если не переживать о безопасности или стандартах качества, но так нельзя было сделать ничего сложного, что точно включало заклинания наблюдения. Особенно такое. Круг у ног Широ был теперь ясным окном, откуда открывался сквозь гору на СЗД с высоты самолета. Не было тумана или искажения, и картинка двигалась, пока шикигами направлял ее вершиной сложенного веера.

— Ты должен научить меня так делать.

— Конечно, — сказал он смиренно. — Я привязан к этому месту, чтобы сообщать и защищать. Но я все еще не понимаю, почему мы это делаем.

Опустив взгляд, Марси тоже не понимала.

— Я не понимаю этого, — сказала она, глядя на город. — Это просто СЗД.

— Именно, — сказал Ворон, прыгнул на плечо Призрака, и другой дух не возражал. — Это просто СЗД. Никаких машин. И людей. Ничего.

Он был прав. Чем дальше Марси смотрела, тем страшнее была картинка. Не было автоматических такси, дронов доставки, даже людей на тротуарах. В городе, который почти не замирал, когда Трех Сестер убили в небе над ним, пустота была неправильной, но, когда Марси взглянула на Ворона, чтобы задать вопрос, ответ нашел ее:

— ПРОЧЬ!

Слова прогремели из земли. Они разнеслись эхом по городу, в реве был гнев, окна ломались, как и колонны, поддерживающие Небесные пути. Это уже ужасало бы, но в тысячу раз хуже было то, что Марси узнала голос.

— Это...

— Да, — сказал Ворон. — Это дух СЗД. Та, которую гений привязал и наполнил моим заклинанием, потому что он не мог вынести мысль, что кто-то другой станет Мерлином.

— Нет, — Мирон кивнул на Марси. — Я не мог дать ей стать Мерлином. Я все еще так думаю, ведь ее план только ускорит магический апокалипсис, а не спасет от него.

— Поздравляю. Ты ее опередил, — каркнул Ворон, кивнув головой на город. — Из-за тебя вырвался сформированный и разъяренный Смертный Дух. Она еще не сжигает все, потому что Алгонквин подавляет ее, но это не продлится долго, потому я тут.

Амелия повернула к нему голову.

— Я думала, ты был тут, потому что я попросила.

— Я всегда рядом для тебя, моя дорогая змейка, — сказал Ворон. — Но это чуть важнее старых симпатий, — он повернулся к Марси после этого. А потом, к ее удивлению, он опустил голову, кланяясь так, что его клюв коснулся камня.

— Я пришел от всех духов попросить Мерлина о помощи, — тихо сказал он. — В своем страхе Алгонквин использовала духов земли, которые боялись перемен, наполнить СЗД д краев. Потому новорожденный Смертный Дух наполнен старым гневом земли. Понятно, что ситуация опасная, и хуже стало от приказа Алгонквин эвакуировать СЗД.

— Как от эвакуации могло стать хуже? — спросила Марси. — Я удивлена, что Алгонквин переживает за людей.

— Это не для спасения людей, — сказал Ворон. — СЗД — дух города. Ее инстинкт — защищать ее население, потому что люди — душа города. Без них СЗД пустая не только в очевидном плане. У нее нет якоря, только гнев и страх духов, которыми ее наполнила Алгонквин, и без помощи Мерлина, который мог бы ее успокоить, она быстро выходит из-под контроля. Алгонквин умудрялась сдерживать ее из-за плагиата Мирона на заклинание, которое я создал для Эмили, но СЗД — Смертный Дух. Она куда сильнее Хозяйки Озер. Даже моя гениальность не может выдержать такую разницу в силе. Если мы чего-нибудь не сделаем вскоре, она вырвется, и когда она сделает это, она уничтожит Алгонквин и, возможно, свой город.

— Спасение СЗД очевидно, — согласилась Марси. — Но почему ты переживаешь о том, что она уничтожит Алгонквин? Я думала, вы ненавидели друг друга.

— Это сейчас не важно, — сказал Ворон. — Что бы ни случилось, мы не можем дать Алгонквин поверить, что она проиграла, — он повернулся к Широ. — Покажи нам озеро.

Шикигами не двигался. Только когда Марси махнула ему слушаться, он тряхнул веером, повернул окно круга наблюдения к озеру под белой башней Алгонквин. Над ним парила тень.

— Ого, — прошептала Марси, ее глаза были огромными.

Она знала, конечно, на что смотрела. Левиафан Алгонквин был почти так же знаменит, как Хозяйка Озер, и Марси близко его узнала, когда была в плену у Алгонквин. Но монстр, парящий в воздухе над озером Сен-Клер, был во много раз больше, чем тот, с которым они боролись на Земле Восстановления. Даже со щупальцами, проникающими в воду озера, уровень которого был ниже, чем раньше, вершина его скругленной спины, напоминающей жука, была над суперскребами Небесных путей.

— Ого, он прокачался.

— Нет, — сказал Ворон, обычно шутливый голос был мрачным. — Он просто уже не скрывает свою истинную природу, а это знак, что ситуация критическая.

Марси бросила на него взгляд.

— Смертный Дух города сошел с ума, а ты переживаешь из-за Левиафана?

— Да, — его когти сильнее сжали плечо Пустого Ветра. — Помнишь, что мы обсуждали на самолете до твоей смерти? Когда ты спросила о Безымянных Концах?

— Ты о том, что мы не обсудили? — Марси скрестила руки. — Я припоминаю, что ты сказал, что это было слишком опасно знать для смертных.

— Я сказал, что это опасно для обычных смертных, — исправил Ворон. — Но я обещал тебе сказать, если ты станешь Мерлином, а ты стала.

Марси улыбнулась. Наконец, плюс роли Мерлина.

— Так кто они?

— Ого, — Амелия указала на подозрительно притихшего Мирона. — Разве стоит раскрывать все при лишнем грузе? Он не заслуживает доверия.

— Он предатель, — согласился Ворон. — Но это может сработать в нашу пользу. Если все сыграет так, как я думаю, положение Мирона в круге приближенных Алгонквин будет нашим единственным шансом выбраться живыми.

Мирон заметно обрадовался, но Марси начала злиться.

— Так что происходит? — осведомилась она. — Почему Левиафан становится таким большим? Что делает Алгонквин?

Рейвен вздохнул.

— То, что должна, по ее мнению.

— Алгонквин не всегда ненавидела людей, — сказал он, стуча когтями по зачарованному камню. — Это все изменило. Когда Мерлины подавили магию и погрузили мир в засуху, не только Смертные Духи пропали. Пропали все мы.

Это не было новостью, но он произнес это странно. Марси никогда не слышала, чтобы один из старых духов звучал не требовательно, нахально или гневно, но тут было иначе. В этот раз Ворон звучал напугано.

— Знаете, как это было для нас? — прошептал он. — Мы — бессмертные духи, старые и неподвижные, как сама земля. Наши изменения происходят вместе с эрозией гор, которые становятся долинами, или крохотными птицами, которые эволюционируют в воронов. Это было нашей реальностью, мир, который мы всегда знали. А потом вдруг это пропало. Магия, наша сущность, высохла, как река летом, а без нее мы — бессмертные — умерли.

— Это чересчур драматично, — сказала Марси. — Вы же вернулись.

— Мы не знали этого тогда, — горько сказал Ворон. — Мерлины приняли решение, не спросив у нас. Они знали, что это случится с нами, но решили принести неприемлемую жертву ради безопасности людей. Все духи в мире плохо это восприняли, но Алгонквин

приняла это как личную обиду.

— Но я не буду запираю магию, — быстро сказала Марси. — Последние Мерлины столкнулись с негативными эффектами, но сейчас все иначе. Я не буду повторять...

— Знаю, — сказал Ворон. — Почему, думаешь, я так рад, что ты опередила Мирона? Но, хоть мы знаем, что ты — не как твои предшественники, Алгонквин этого не знает. Я проник сюда, потому что я умный и легко приспосабливающийся, но Алгонквин — истинный дух земли, упрямый, как камень. У нее нет доступа к Сердцу Мира, она не знает, что происходит на нашей стороне. Она видит только то, что перед ней, а сейчас это тело Мирона без сознания и Смертный Дух без привязи. Она думает, что не смогла создать Мерлина, и теперь Мирон застрял на этой стороне, пока его дух буйствует, что означает, что СЗД должна подавить она, пока та не уничтожила ее озера.

Марси прикусила губу.

— Я вижу, почему ты тут. Алгонквин и Левиафан уже плохие, но если они заставят духа СЗД слушаться, весь город будет разрушен. Все будет как в ночь потопа. Еще раз.

— Это, кстати, хорошая часть, — сказал Ворон. — Мы хотим, чтобы она билась с СЗД, потому что это означает, что она еще надеется, что может исправить ситуацию. Опасно будет, когда она впадет в отчаяние.

— Насколько отчаяннее ей нужно стать?

— Намного, — сказал он. — Помнишь, я сказал о ночи, когда магия пропала? Мы думали, это был конец света. Мы никогда даже не думали о смерти, а потом вдруг все упали, как мухи. Мы не знали, как остановить происходящее, и вернется ли магия, питающая нас. Такой страх даже мудрых духов доводит до отчаяния, глупостей, и Алгонквин не была исключением. Она думала, что конец света пришел к ней, и она сделала единственное, что могла. Она звала на помощь, предлагая все, только бы это прекратилось. К сожалению для нас, кое-что ответило.

— Что? — выдохнула Марси.

Ворон открыл клюв для ответа, но Амелия опередила его:

— Безымянный Конец.

Марси повернулась к дракончику.

— Ты знала об этом?

— Ясное дело, — Амелия пожала плечами. — Мы с Вороном долгое время были близки. И я — Ходящая по измерениям. Это моя область.

— Как? — спросила Марси. — Безымянные Концы — что-то из измерений? Что они такое?

— Хорошие вопросы, — сказала Амелия. — У меня есть на них ответы, но, чтобы их понять, нужно кое-что рассказать перед этим, — дракончик устроилась удобнее на печати, собираясь поведать историю. — В нашей коллективной вселенной миллионы измерений, — начала она. — Некоторые огромные, как это. Другие намного меньше, но они со своей магией, физикой и правилами. Большую часть времени эти правила совпадают с другими измерениями, с редкими отличиями. Правила физики кажутся универсальными. Но и у каждого измерения есть своя специфика. Маленькая вселенная, отделенная от всего остального барьером измерения, который я, как Ходящая по измерениям, пересекаю, чтобы пройти между ними.

— Это я знаю, — нетерпеливо сказала Марси. — Ты описываешь принцип всей магии порталов. Даже мы это поняли.

— Ах, — Амелия подняла коготь. — Но вы, современные маги, еще не раскрыли то, что нельзя прорезать дыру всюду, потому что не все измерения соприкасаются во всех местах. Представь мультивселенную как комнату, полную воздушных шаров. Есть места, где шары соприкасаются, а есть те, где изгибы формируют бреши. Все не так просто, ведь мы работаем во множестве измерений, но основная идея Хождения по измерениям в том, что ты хочешь сделать портал там, где твое измерение касается того, куда ты хочешь попасть. Потому артефакты, как Космолябия, очень крутые. Они показывают, где измерения соприкасаются.

— И где резать, — сказала Марси, кивая. — Но при чем тут Безымянные Концы?

— Я к этому иду, — сказала драконша. — Вернемся в комнату с воздушными шарами. Как есть места, где поверхности соприкасаются, есть пустоты. Эти пространства между изгибами барьеров измерений — места, где обитают Безымянные Концы. Мы зовем их «существа вне измерений», но они куда больше и шире, чем мы можем представить. Они огромные, старые и чужие, и никто, с кем я говорила, во всех измерениях не знает, когда они пришли, но все они, похоже, уникальны. У них всех свои цели и поведение. Несмотря на их различия, все Безымянные Концы исполняют одну функцию внутри экосистемы измерения: разложение.

— Разложение, — медленно повторила Марси. — Они едят мертвые измерения?

— Мертвые, рушащиеся, на грани, — Амелия пожала плечами. — Как ни назови, они разбираются с ними по-своему, и способов много. Я не слышала точное количество, но говорят, Безымянных Концов столько, сколько есть способов всему закончиться. У каждого своя версия: жестокие взрывы, бесконечное расширение до точки коллапса, смерть от жара вселенной, классическое уничтожение — ты меня понимаешь. Но хоть они могут сильно отличаться, каждый Безымянный Конец назван так, потому что он представляет способ, каким мир может и закончиться, потому то, что такой есть у Алгонквин, тревожит.

Марси зажала ладонью рот.

— Левиафан, — сказала она. — Потому никто не знал, откуда он, потому что он не из нашего мира. Это Безымянный Конец! — Ворон кивнул, и она склонилась ближе. — Ты знаешь, что это за конец?

— Нет, — сказал он. — И раз невозможно узнать, пока все не придет к концу, я не хочу. Я просто хочу, чтобы он ушел.

Марси хотела спросить, как это сделать, когда Мирон заговорил:

— Если Левиафан такой, как ты говоришь, почему мы еще не мертвы? — спросил он. — Этот монстр был с ней с ночи возвращения магии. Может, раньше, если твоя история о помощи Алгонквин — правда. Как-то долго нечто с названием «Безымянный Конец» находится там и ничего не заканчивает, особенно, учитывая то, как Алгонквин ведет себя с ним. Будто это ее питомец, хотя я не ожидал, чтобы так дух относился к возможному концу всего. Почему она вообще вызвала такого монстра? В чем бы она ни была виновата, верность Алгонквин ее озерам не вызывает сомнений. Безымянный Конец уничтожит и их. Зачем она так рискует?

Тут он был прав.

— Как она вообще вызвала Безымянный Конец? — спросила Марси. — Если он — существо вне измерения, разве его присутствие в нашем измерении не разрушает мир?

— Разрушило бы, — сказала Амелия, — если бы он был внутри. К счастью, он не тут. Пока что, — она указала на тень Левиафана в круге. — Не знаю, заметили ли вы, но он

всегда будто сделан из теней. Дело в том, что Левиафан в этом мире — просто проекция. Капля его магии в нашем измерении из пространства снаружи. Если бы он был тут, наш мир уже поджарился бы, и мы не вели бы этот разговор. Но Безымянные Концы только «убирают» измерения, которые уже разваливаются. До этого их не пускает барьер измерения, как стенка здоровой клетки не пускает вирусы. Это сильное и стабильное измерение. Обычно Безымянный Конец даже щупальце не смог бы просунуть через наш барьер. Но с большой силой все возможно, и, боюсь, у нас был прорыв.

Она постучала коготками по трещине в каменной печати. Марси выругалась.

— Метеорит. В нем была чужая магия, о которой говорил Широ. Это был Левиафан.

— Да, — подтвердил Ворон. — Алгонквин вызвала его, когда магия исчезла. Я не знаю, что она пообещала, но через тысячу лет Левиафан пришел это забрать, ударил по нашей планете так, что треснула печать Мерлинов, и духи пробудились.

— Потому никто из космических агентств не видел метеорит заранее, — сказал Марси. — Он был не из космоса. Он был из-за границы измерения.

— И это объясняет, как физический камень мог оставить трещину в заклинании Мерлинов, — признал Мирон, хоть и не хотел. — Это был не камень.

— Это был кусок Безымянного Конца, — закончил Ворон. — Вызванный сюда Алгонквин. А теперь мы все в опасности.

— Но почему сейчас? — спросил Мирон. — Если он был в метеорите...

— Был, — сказал Ворон.

— Тогда почему он не убил нас всех шестьдесят лет назад? — закончил маг. — И почему он послал кусок? Если он такой большой, почему он не пробил путь?

— Потому что он не может, — сказала Амелия. — Я только что сказала, что Безымянные Концы поглощают только рушащиеся измерения, а наше измерение не рушится. Он смог хоть что-то бросить сюда, потому что кто-то впустил его через барьер измерения. Наверное, Алгонквин, раз она отчаянно звала на помощь. Или, может, он просто ждал брешь. Порой они появляются. Как бы там ни было, это измерение достаточно здоровое, чтобы он смог протолкнуть лишь кусочек себя. Если он хочет направить остальное, должен помочь кто-то изнутри. Кто-то сильный, чьего магического веса хватит, чтобы втянуть остальное его тело через стену измерения. Кто-то как Алгонквин.

— Потому он ее разбудил, — сказал Ворон. — И потому он ей служил с тех пор. Левиафану нужно, чтобы Алгонквин втянула всего его внутрь, чтобы он мог разрушить наш мир.

— Но зачем ей делать это? — спросила Марси. — Разрушение мира будет означать уничтожение и ее озёр. Даже Алгонквин не так безумна.

— Пока что, — сказал Ворон. — Потому что она еще надеется все перевернуть. Пока нет Мерлина, который может сломать печать, у нее есть шанс подавить магическое течение до уровня, который не даст подняться Смертным Духам, оставив остальных нас целыми. Это ее конечная цель. Для нее полное возвращение магии — конец света. Если это случится, она обезумеет, и нам конец.

Марси выдохнула.

— Я понимаю, о чем ты. Но, если наше выживание зависит от надежд Алгонквин, у нас проблемы, потому что она уж проиграла. Я Мерлин, а не Мирон.

— Ты могла бы починить печать, — предложил Мирон. — Это ее остановило бы.

— Я не буду вредить всему человечеству, Смертным Духам и шансу Амелии внедрить

драконов в наше измерение из-за того, что Алгонквин держит пистолет у наших голов, — сказала Марси гневно. — Это вымогательство. Нужно просто найти другой выход.

— Вряд ли можно одолеть Безымянный Конец, — сказал Ворон. — Но ничего, потому что, если мы правильно сыграем нашими картами, нам и не придется.

Амелия рассмеялась.

— Обманщик за работой.

— Мне нужно оправдывать репутацию, — Ворон подмигнул ей, повернулся к Марси и, что удивительно, Мирону. — Вот мой план. Сейчас Алгонквин не знает, что происходит в Сердце Мира. Она все еще думает, что ты мертва, — он кивнул на Марси, — а ты не справился, — он кивнул на Мирона. — Она не знает, появился ли Мерлин, и пока она не знает, есть шанс все починить.

— Как она может не знать? — Марси указала на пустой город в круге. — Она вот-вот будет воевать с духом СЗД. Плевать, ради чего она устроила эвакуацию, нельзя опустошить город с девятью миллионами людей за пару часов. Там еще есть люди, а я — Мерлин. Разбираться с бушующим духами — моя работа. Я должна что-то сделать. Я не знаю, что, но когда я это сделаю, Алгонквин поймет, что я не мертва.

— Нет, если она не увидит тебя, — сказал Ворон. — Город большой, и она — большой дух, но ты размера человека. Если мы тебя пропустим, ты сможешь разобраться с СЗД. Связать ее, лишить сил, вырубить — не важно. Главное, вернуть ее под контроль. Как только она будет заперта, Мирон сможет прибыть и присвоить достижение себе.

— Что, прости? — сказал Мирон.

— Почему он? — сказала Марси в то же время.

— Потому что Алгонквин послала его, — терпеливо объяснил Ворон. — Вспомни Алгонквин — дух земли. Она слышала истории и видела колонну, но она не была внутри Сердца Мира. Если СЗД притихнет, а потом Мирон выйдет, нахальный, как всегда, с хорошей историей о том, что он временно потерял контроль над его духом, но все теперь хорошо. У Алгонквин нет причины не верить ему. Эта история ее устроит, она хочет ее услышать. Она хочет верить, что она победила, что она успешно взломала систему. Как только мы обманем ее, Мирону нужно только пообещать, что он задержит магию на том уровне, какой ей нужен, но только если она сначала выгонит Левиафана.

Мирон был в ужасе.

— Ты хочешь, чтобы я обманул Алгонквин?

— Ты уже это сделал, — сказал Ворон. — Ты не можешь меня обмануть. Я работал с тобой десятки лет. Я знаю, что ты пришел сюда, намереваясь полностью отключить магию, и я уверен, что ты не сказал Алгонквин об этом, пока рвал Эмили на кусочки. Ты уже ее обыграл. Теперь мы продвинем все на шаг вперед.

— Алгонквин не знает о моих истинных намерениях, но это не то же самое, что врать ей в лицо, что я — Мерлин, — глаза Мирона были большими и испуганными. — Как мне объяснить, откуда я знаю о Левиафане?

Ворон пожал плечами.

— Просто скажи, что я тебе поведал. Она уже плохого мнения обо мне. Что изменит еще капля?

— Особенно, раз это правда, — сказала Марси. — Но в твоём плане есть критический изъян. Если мы хотим заставить Алгонквин поверить, что Мирон — ее Мерлин, ему нужно показаться со своим Смертным Духом, а я не вижу, как это произойдет сейчас.

Мирон повернулся к ней.

— Ты десять минут назад сказала, что хотела, чтобы я связал себя с СЗД законно! — завопил он. — Это было твое требование для создания аварийной кнопки в печати. Теперь ты говоришь, что я не могу это сделать? Определись!

— Уже! — завопила Марси. — Ты можешь это сделать, но не так.

Она направила руки на круг наблюдения, где город стонал, как зверь в цепях.

— Когда я говорила раньше, я имела в виду, что мы подождем, пока она успокоится, а потом медленно построим доверие, но эта ситуация — безумие. Она бьется с Алгонквин всем, чем может. Если ты сейчас пойдешь туда, если мы вообще найдем способ это сделать, ведь мы оба призраки, я уверена, что она тебя съест.

— Тогда тебе лучше понять, как заставить ее передумать, — сказал Ворон. — Потому что Алгонквин уже теряет контроль над ситуацией. Даже с Левиафаном, помогающим удерживать ее, СЗД скоро вырвется. Когда это случится, будет война между Алгонквин и единственным полным Смертным Духом. Учитывая разницу в размере, мы знаем, как это закончится.

— Не списывай Алгонквин так легко, — предупредил Призрак. — Она намного меньше, но она опытная, решительная и отчаявшаяся. СЗД — разъяренная, юная и без якоря-человека. Если она будет бездумно бросаться силой, или маг будет вливать в нее силу, она быстро иссякнет, и Алгонквин победит.

— Нельзя убить Смертного Духа, — напомнила ему Марси.

— Но можно уничтожить ее владения, — ответил Призрак, глядя на знакомые здания. — СЗД — душа город. Алгонквин не может убрать это из разумов людей, но она может легко уничтожить Детройт снова. Это не убьет дух СЗД, но такая отдача не даст ей подняться десятки лет.

— И весь город будет разрушен, — мрачно сказала Марси. — Снова.

Она хмуро посмотрела на круг, а после долгого мгновения вскинула голову.

— А мы не можем все это подделать? А если Призрак притворится Смертным Духом Мирона, это сработает?

Залп холода в ее разуме показал мнение Пустого Ветра о ее плане, но ответ Ворона заставил ее обмякнуть.

— Нет, — сказал он. — Даже если Пустой Ветер сможет сыграть свою роль, Алгонквин не поверит, потому что Мирон не выглядит как Мерлин.

— Мерлин выглядит иначе? — спросила она, глядя на свое тело, которое, хоть просвечивало, выглядело нормально. — Как?

— Во многом, — сказал ей Ворон. — Люди обычно не могут понять, ведь вы не видите все так, как мы, но дух может легко узнать, Мерлин ли перед ним. Нет, если мы хотим выдать Мирона за Мерлина, он должен быть Мерлином, и раз СЗД — единственная из двух Смертных Духов, которые уж существуют, ему лучше бы вспомнить, как кланяться.

Марси не думала, что так можно было загладить вину за то, что сделал Мирон, но слова Ворона дали ей идею.

— А ты? — спросила она, глядя на птицу. — Ты сказал, что ты почти Смертный Дух.

— И последний в мире, кому Алгонквин будет доверять, — Ворон покачал головой. — Если Мирон придет со мной как со Смертным Духом, Алгонквин ему не поверит, и это убивает весь план. Нам нужно, чтобы она верила, что победила. Только так она сможет расстаться с козырем.

— Если она еще не решила все разрушить, — с горечью сказал Мирон. — У нее низкое мнение о мире.

— Я так не думаю, — задумчиво сказала Марси. — Не пойми превратно. Я уверена, что Алгонквин ненавидит каждого из нас, но никто бы так долго и изобретательно не сражался, чтобы сдать перед концом. Пока у нее будет хоть капля надежды все перевернуть, вряд ли она обратится к Левиафану. Это дает нам время.

— Понадеемся, что этого хватит, — Ворон сложил плотно крылья. — Да, сделаем это. Но все по порядку, нам нужно вернуть вас на физическую сторону. С Мироном будет просто. Нам просто нужно найти, где Алгонквин оставила его тело, и забрать его. Но твое возвращение, Марси, будет сложнее, и я уверен, что все учел, так что если ты готова...

Он умолк, но Марси просто смотрела на него, боясь говорить.

— Я... — она сглотнула, грудь ужасно сдавило. — Так ты можешь меня вернуть? Оживить?

— Конечно, — он подмигнул ей. — Почему иначе Амелия просила бы меня о помощи? Вороны известны тем, что возвращают души мертвых.

После того, как надежды разбились, Марси не могла заставить себя в это поверить. И все же...

— Правда?

— Да, — пообещал он. — Я сам выдумал эту часть легенды. Думал, пригодится, и не ошибся. Я рад, что это закрепилось.

— Ты можешь меня вернуть, — сказала еще раз Марси. — К жизни?

— Да, — он повернулся к Амелии. — Она всегда такая недоверчивая?

— Она недавно многое пережила, — сказала драконша. — А ты — обманщик.

— Не в таком, — рявкнул Ворон. — Я не жестокий, — он повернулся к Марси. — Да, мисс Новалли, я искренне предлагаю вернуть тебя в мир живых. Но я не связанный с тобой дух и даже не до конца Смертный дух, так что предупрежу, путь будет...

— Не важно, — тут же сказала Марси. — Пока я не проснусь как зомби, мне плевать, что ты сделаешь. Только, пожалуйста, верни меня.

— Я уже предложил, но мольба приятна, — радостно сказал он. — Теперь давай...

— погоди! — завопила Амелия, спрыгнула с печати и впила когтями в руку Марси. — Ты пока не можешь уйти!

— Почему? — Марси уставилась возмущенно на подругу. — Ты привела его сюда для этого.

— Да, но еще рано. Помнишь, я сказала, что все это — часть плана Боба? Он меня предупредил. Никому нельзя покидать Сердце Мира, пока мы не получим сигнал.

Марси не могла в это поверить.

— Какой сигнал?

— Не знаю, — признала Амелия. — Но он сказал, что я пойму, когда увижу.

— И все? — закричала она. — Это должно успокоить? Ты узнаешь, когда увидишь?

— Мне нужно только это, — твердо сказала Амелия, отпуская руку Марси. — Я доверяю Брогомину свою жизнь и смерть. Если он говорит, что что-то важно, я слушаю, особенно, когда он дал мне четкие указания про эту затею. Он сказал, если я попаду в Сердце Мира, нельзя никого выпускать до сигнала, и я пойму, когда его увижу.

— И ты в это верила? — недоверчиво сказал Ворон.

Амелия пронзила его пылающим взглядом.

— Почему я не улетела пока еще искать Духа Драконов, по-твоему?

Ворон вздохнул.

— Меня устраивает, — он сел на печать. — Похоже, нужно подождать.

— Шутишь, — сказал Мирон. — А как же спешка и «надеюсь, еще есть время»?

— О, все это еще там, — сказал дух. — Но, когда пророк-дракон говорит, что нужно что-то делать, лучше слушаться указаний. Они видят будущее.

— Но сколько ждать? — спросила Марси, поглядывая на круг наблюдения. — СЗД вот-вот рухнет.

— Не знаю, — сказала Амелия. — Но это не зря. Ты видела Боба в действии. Ты знаешь что он может. Доверься ему.

Марси закрыла лицо руками. Она была так близко к возвращению домой, а теперь это. Хоть она ненавидела это, Амелия была права. Она видела Боба в действии, и хоть ей не всегда нравилось, куда вели его планы, она еще не видела, чтобы пророк ошибался. Если он сказал, что будет сигнал, то он будет. Вот только успеют ли они выполнить свои планы после этого, или выгодно будет только для его планов?

Она не могла знать. У множества игроков были свои цели, и выбрать правильное было как ловить снежинку в буре, хотя она стала сильнее сочувствовать Джулиусу. Он все время имел дело с таким. Если бы он был тут, Марси была уверена, что у него уже был бы гениальный компромисс, который устроил бы всех. Но Джулиуса тут не было, и если она хотела увидеть его снова — снова быть живой — ей нужно было принять решение.

— Ладно, — она выдохнула. — Мы подождем.

Уверена? — прошептал Призрак.

— Нет, — сказала она. — Но, хоть я уверена, что Боб может избавиться от нас, как от пешек в его игре, он не сделал бы так с Амелией. Если он говорит, что ей нужно ждать, то так она выберется отсюда живой, а раз и я этого хочу, мы подыграем.

А если нас обыграют?

Марси рассмеялась.

— Уже поздно для этого. По словам Амелии, рука Боба была в моей жизни еще до нашей встречи. Но, кроме смерти, мне нравится, куда он привел меня, так что я останусь. Хорошо, что на нашей стороне есть тот, кто знает, что делает.

— Я не уверен насчет этого, — Мирон мрачно посмотрел на Амелию. — Разве Боб не безумец, который чуть не переехал тебя у закусочной возле горы Хартстрайкер?

— Он не такой плохой, — Марси пожала плечами. — И он никогда не ошибается, — она села на землю рядом с кругом. — Мы будем ждать его сигнала.

— Ты не пожалеешь, — пообещала Амелия, прыгнув на ее колени. — Мой брат вложил в это много работы. Поверь, будет чудесно.

Мирон закатил глаза. Ворон тоже не был рад, и Широ был готов выгнать их во тьму. Но, хоть реакции были разными, они уважали власть Марси как Мерлина, потому что никто больше не спорил, даже Мирон. Они просто стояли в тишине, смотрели на пустую оболочку СЗД через круг наблюдения, пока стон духа становился все хуже.

Глава 13

Челси появилась в пустой тьме старого дома Джулиуса, только тут точно никого не было. Да, тут было пусто. Не было даже бомжей, хотя стена все еще была разбита от удара Конрада.

Это ожидалось. Даже если они не знали, чего искали, люди инстинктивно избегали

логова дракона. Джулиус тут, правда, не сделал логово, но этого хватало, потому что Челси не ощущала запах людей.

Ее старший брат был другим делом.

Она гналась за его тенью так долго, и запах Боба был как кулак. Он был тут, и близко. Так близко, что даже не нужно было искать. Она следовала за носом, за его запахом, через тьму гудящего Подземелья СЗД, как хищница.

Не удивительно, что запах привел ее к пустой парковке с фотографии: плоский пустой участок земли между дорогой и рекой. Спуск к воде был в камнях, чтобы помешать эрозии, и участок земли выше был в следах погруженного фундамента, где какой-то идиот архитектор тяжелым путем понял, что строить там ничего не выйдет. За берегом река Детройт текла, широкая и тихая, ее черная вода ночью блестела цветами с Небесных путей, торчащих над водой. Кроме этого, свет был только от одинокого оранжевого фонаря в конце дороги. Под ним, прислоняясь к потрепанному деревянному столбу, как малолетний преступник, был дракон, которого она искала.

— Ты рано, — Боб оторвал взгляд от сияющего экрана древнего телефона. — Я хорошо оставил след?

Он улыбнулся ей, как всегда, но Челси не играла.

— Верни.

— Вернуть? — повторил он, приподняв брови в наигранном потрясении. — Что это? А как же фирменное «Привет, брат» или «Зачем ты это сделал?» от Челси?

— Ты давно научил меня, что просить у тебя объяснений бесполезно, — прорычала она. — Но теперь все иначе. Я свободна, так что мне плевать на тебя или твои планы. Я пришла за своим, — она вытянула руку. — Отдай мое яйцо, Брогомор, или мы посмотрим, как хорошо ты знаешь будущее.

Боб тяжело вздохнул.

— Вот и приехали, — он оттолкнулся от фонаря. — Сразу угрозы. Даже не попыталась урезонить меня или понять мотив, — он покачал головой, цокая языком. — Нам нужно поработать над твоими навыками решения конфликта.

— Нечего решать, — Челси огляделась, проверяя парковку в поисках того, за чем она пришла, но ничего не было. Ни сумки, ни коробки, ничего, в чем могло храниться яйцо дракона. Боб ничего не держал. Даже свой Клык Мага, хотя он его никогда не носил. И все же отсутствие оружия или того, что можно было сделать заложником, заставляло Челси нервничать. Она знала, что это была ловушка, с тех пор, как фото пришло на телефон Джулиуса. Все делал Боб. Но ловушки можно было сломать, и, благодаря Джулиусу, она пропала из поля зрения пророка. Ей нужно было взять себя в руки и... — Последний шанс, — прорычала она, глядя снова ему в глаза. — Я готова ко всему, что нужно сделать, но это не нужно заканчивать жестокостью. Просто скажи, где мое яйцо, и мы разойдемся.

— Я старался заманить тебя сюда не для того, чтобы мы разошлись, — возмутился Боб. — Ты не хочешь узнать, почему я украл твою Прелесть? Потому что я тебе скажу. Очень хочется. Знаешь, как тяжело было скрывать гениальный план? Это убивало меня. Так что давай. Спроси, и я все тебе расскажу.

Он закончил очаровательной улыбкой, но Челси видела эту уловку слишком много раз, чтобы поверить. Боб мог обманывать остальной клан, играя непредсказуемого безумного гения, но Челси наблюдала за ним, как и за всеми Хартстрайкерами. Его мотивы были непостижимыми для тех, кто не знал будущего, но его привычки были сформированы давно,

как у любого старого дракона, и он предлагал объяснить свои планы, только когда тянул время.

Уловка, из-за которой он вызвал ее сюда, еще не была готова, поняла она. Это означало, что, если Челси хотела забрать яйцо и сбежать, пока ловушка не закрылась, ей нужно было сделать это сейчас. И она оттолкнулась от земли босыми ногами и бросилась к его горлу.

Как ожидалось от пророка, Боб уклонился от ее первого удара, но не смог спастись от второго, и ее кулак попал по его животу. Он охнул от боли, Челси шагнула вперед и обвила рукой его горло, придавив его к своей груди и начав душить.

— Это было... не обязательно... — выдавил Боб, пытаясь дышать, сжимая ее руку. — Мы не... можем поговорить?

В ответ Челси сжала сильнее. Она пыталась лишить его сознания, но Боб как-то смог зацепить ногой ее ноги. Она подвинулась, а он ударил, лишил ее равновесия достаточно, чтобы вырваться.

Он отпрянул во тьму, делая расстояние между ними как можно больше, потом повернулся и следил за ней настороженно. Челси еще не видела лицо старшего брата таким.

— Я такого не ожидал, — он слотнул пострадавшим горлом, сверкнул слабой улыбкой. — Bravo. Ты быстрее, чем я думал.

— Это твоя вина, — Челси кружила. — Тень Бетезды не может никому показывать все свои способности, даже тебе. И кто сделал меня такой?

Боб вздохнул.

— Ты не можешь винить во всем меня.

— Почему? — прорычала она. — Все — твоя вина. Ты — всезнающий пророк. Ты видел, что грядет моя катастрофа — все это, с самого начала — и ничего не сделал.

— Я сделал куда больше, — оскорбился он. — Ты знаешь, как сильно я работал, чтобы привести нас к этому моменту? Как тщательно планировал все мелкие детали, ведущие к...

— Ты сделал это со мной! — завизжала она на него. — Я признаю свои ошибки в Китае, но мои страдания с тех пор — твоя вина. Ты был пророком Бетезды. Одно твое слово могло освободить меня и моих детей, но ты ничего не сказал, — она оскалилась. — Ничего! За шестьсот лет!

— Что я мог сказать? — утомленно спросил Боб. — Ты была мне нужна, Челси. Бетезда была полезной, но ты была клеем, на котором все держалось. Страх перед тобой объединял Хартстрайкеров, не давал нам перебить друг друга. Ты дала нам стать самым большим кланом в мире. Больше Золотой Империи. Достаточно большими, чтобы добраться сюда, — он указал на землю между ними. — До этого момента. Этого будущего. Все, что я делал, вело сюда, и я мог сделать это только с тобой.

— Перестань, — рывкнула Челси, приближаясь. — Плевать, был ли это единственный способ избежать конца света. Ты меня использовал. И моих детей. Но это все прекратится сегодня. Хочешь поговорить о будущем? Вот слова, которые тебе нужны: это конец, Брогомил. Ты больше не будешь использовать меня или моих детей, и если ты не отдашь мне мое яйцо сейчас, ты не уйдешь отсюда живым.

— Не спеши, — он поднял ладони. — Ты имеешь право злиться. Я знаю, мои действия выглядят жестоко, но на то есть причина. Я буду рад объяснить, если ты перестанешь быть Челси хоть на минуту и...

Она перенеслась за него. От этого она стала близко, ощутила кончики его длинных волос, но потом Боб отскочил, ловко танцуя по грязи. Но недостаточно далеко.

Едва он замедлился, Челси снова перенеслась, прорываясь сквозь свою магию, чтобы появиться на нем. Она даже не целилась для удара в этот раз. Она просто бросилась вперед, толкая изо всех сил, двигаясь слишком быстро, чтобы видеть и планировать.

Это был ужасный бой. Челси обычно была осторожным охотником, у нее всегда был план. Когда твой враг был пророком, план не помогал. Брогом мир уже предвидел все возможные умные идеи, какие могли прийти в ее голову, и Челси не утруждалась. Она просто атаковала, нападала на старшего брата голыми руками, инстинктом убийцы, шестью веками сдерживаемого гнева и ревом, который отразился от Небесных путей, когда они рухнули на землю.

Под ними земля продолжала дрожать, но Челси не замечала в бою.

* * *

Когда он прошел в портал, Джулиус понял, что что-то серьезно не так. СЗД всегда ощущался сильнее других мест, но густая магия, к которой он привык, пока жил тут, теперь была как кипящий котел. Он ощутил гул под ногами, когда взмах мечом Фредрика выбросил их на пустую парковку из селфи Боба. В других обстоятельствах гул отвлек бы его. Но сейчас дрожащее давление ушло на фон, еще один кризис в списке, ведь он, Фредрик и Циля оказались посреди убийства.

Клык Защитника выбросил их почти на Челси, и теперь Джулиус мог идеально видеть спину самой опасной сестры, пока она бросалась на Боба. Пророк уклонился, конечно — это же был Боб — но Челси даже не замедлилась. Она повернулась и напала снова, топнула ногой по земле, уперлась ею и развернулась и схватила пророка за плечо.

На жуткий миг Джулиус увидел, как глаза Боба расширились от удивления, а потом Челси оттащила его. Она подняла другую ногу и ударила коленом по пояснице пророка, удар отправил его в полет в перекошенный гараж на другой стороне улицы, как пушечное ядро, разбивая оставшееся целое окно, обрушив остатки крыши.

Даже для дракона удар был серьезным. Джулиус уже двигался на помощь брату, когда Боб выбрался из обломков и вскочил на ноги. Он стряхнул пыль с длинных волос, шагнул влево и уклонился от Челси, перенесшейся за него.

Но, хоть от первого удара он уклонился, ничто не спасло его от второго. Джулиус не видел даже, как ее рука поднялась. Ее ладонь вдруг была там, врезалась в бок Боба, и она сбила его на землю, оказалась на нем.

Челси подвинулась, когда они упали, оказалась на корточках над грудью Боба, ее колени были на его руках, ее ладони потянулись к открытому горлу пророка. Джулиус потянулся к Клыку, чтобы остановить ее, пока она не убила, когда низкий спокойный голос опередил его:

— Челси.

Имя пронеслось во мраке теплым ветерком. Где оно пролетало, мир замирал и слушал, хотя не так, как Челси.

Джулиус еще не видел ничего такого неподвижного, как его сестра в тот миг. Пять долгих ударов сердца она не двигалась. Застыла. Не вздрагивала. Даже не дышала. А потом до боли медленно она повернула голову, оторвала взгляд от прижатой добычи и посмотрела в ужасе на золотого дракона, стоящего на улице за ней.

— Сян.

Шепот был испуганным ругательством. Если бы кто-то другой так произнес его имя, это вызвало бы наказание, но Циля не расстроился. Он обрадовался, в золотых глазах почти

горела надежда, пока он смотрел, как она разглядывала ее. Они все еще глядели друг на друга, когда Джулиус уловил запах крови Боба.

Нервно взглянув на сестру, Джулиус пробежал по улице к разрушенному гаражу. Он не знал, как собирался вытащить брата из-под Челси, но эффект Циля был сильнее, чем он ожидал. Его сестра не дрогнула, когда Джулиус подобрался к ней и схватил Боба под руки, оттянул его от ее хватки.

Было все еще тяжело. Челси почти сидела на нем, но Боб был скользким во многих смыслах. С помощью Джулиуса он смог выбраться из-под веса Челси, отпрынул на несколько футов в относительную безопасность рухнувшей двери гаража.

— Спасибо, Джулиус, — сказал Боб, упав на спину, вздохнув с облегчением.

Джулиус не мог ответить из-за злости, так что сосредоточился на том, чтобы убрать шестидюймовый кусок кривого металла из плеча Боба. Большой кусок стекла торчал в его ноге, наверное, от столкновения с гаражом. Самая страшная рана была на горле: два идеальных отпечатка ладони в виде синяков, обвивающие его шею, как ошейник.

— Боб, — его голос дрожал. — Чем ты думал?

— Знаю, — сказал пророк, глядя на кровь, текущую по его пальто из красного бархата. — Я думал, если буду в красном, пятно не будет ужасным, но...

— Какая разница, что с одеждой? — прошипел Джулиус, нервно оглядываясь на Челси, все еще застывшую от присутствия Циля. — Она почти убила тебя.

— Я не такой мягкий, — возмутился Боб. — Хотя я признаю, что все прошло хуже, чем я ожидал.

— Ты украл ее яйцо и выманил сюда! — закричал Джулиус. — Как это могло пройти?

— Не вини меня, — сказал Боб. — Это твоя вина. Я говорил не выпускать ее. Если бы у нее еще был Клык, был бы другой бой. Она использовала тот меч сотни лет, и бой был бы как по сценарию. Но бой без оружия не такой предсказуемый, как видишь.

Он кивнул на окровавленную ногу, но Джулиусу хватило.

— Ты должен быть благодарен, что жив и можешь жаловаться, — прорычал он, злясь все сильнее. — Это самое глупое, что ты делал. Ты чуть всех нас не убил! Ты убил Амелию, чуть не убил себя сейчас...

Боб зажал рукой рот Джулиуса, прерывая его. Он прижал еще палец к своим губам, посмотрел зелеными глазами на их сестру. Джулиус так увлекся Бобом, что не заметил, что Челси поднялась. Она была недалеко от них, все тело было готово бежать, пока она смотрела на Циля. Но, хоть все в ней напоминало Джулиусу загнанного зверя, Золотой Император все еще смотрел на нее как на самое чудесное создание.

— Ты... — сказал он, наконец. — Ты хорошо выглядишь.

Челси стиснула зубы.

— Ты всегда плохо врал.

— А ты хорошо, — он шагнул ближе. — Джулиус рассказал мне правду, Челси. Ты соврала в день, когда я прогнал тебя, но не о том, что я думал. Ты соврала в конце, когда сказала, что все было планом. Твой брат заявляет, что не знает, почему, но я решил, что мне все равно. Мне надоело жить в тени того, что случилось шестьсот лет назад. Я хочу быть живым сейчас. Я хочу снова быть счастливым. Я хочу...

Он умолк, затаил дыхание, словно ждал, что что-то сломается.

— Я хочу тебя, — закончил он. — Только тебя. Всегда, — он вытянул руку. — Прощу, дай мне шанс.

Джулиус в шоке смотрел на императора. Не так он хотел, чтобы это произошло. Он думал, что Цилянь потребует ответы, но он недооценил свои слова. Сян просто хотел снова быть счастливым. Челси испугалась сильнее, чем до этого.

— Не могу.

Император вздрогнул.

— Скажешь, почему?

— Нет, — резко сказала она, скрестив плотно руки на груди. — Я знаю, что сладкие речи Джулиуса соблазняют. Он и меня поймал, но наше прошлое — не то, что можно просто списать. Тебе легко говорить, что тебе все равно, когда ты не знаешь, но...

— Так скажи, — Сян шагнул ближе. — Я не боюсь, Челси. Что бы ни случилось, мы это преодолеем. Я знаю, мы можем, ведь мы уже пробовали другой вариант, и было ужасно. Я не надеюсь, что будет просто, но если я буду страдать, то хотя бы вместе с тобой. Просто расскажи, что случилось.

— Не могу, — голос Челси задрожал. — И ты не хочешь этого. Ты придумал эту идею, чтобы все снова было хорошо, но даже если я тебе все расскажу, это ничего не изменит. Мы не можем вернуться к тому, какими мы были раньше, потому что я не... — она умолкла, сжала окровавленные пальцы в кулаки. — Я уже не девушка с твоих картин.

— И что? — гневно сказал Цилянь, сделав еще шаг. — Думаешь, я такой же? Прошло шестьсот лет. Конечно, мы изменились, — еще шаг. — Я хочу знать, кто ты сейчас, Челси. Я хочу снова говорить с тобой, видеть тебя. Я скучаю. Ты можешь врать, но я не могу больше притворяться, что не люблю тебя. Что я не думаю о тебе каждый день. Потому я не боюсь, ведь твои слова и тайны не могут ранить меня сильнее, чем годы с мыслями, что тебе на меня плевать.

— Ты не знаешь этого.

— Испытай меня, — прорычал он, пересекая остаток расстояния. — Скажи мне правду, Челси, и мы разберемся, но не списывай меня до начала. Ты мне должна, — он улыбнулся ей. — И ты обычно не сбегала.

Челси скривилась от этого, но не отступила. Она склонялась к императору, сжав кулаки по бокам, словно с трудом удерживала руки подальше от него. А потом, когда она стала проигрывать, новый голос прорезал тьму:

— Император не должен так быстро обещать прощение, не зная преступления.

Цилянь повернул резко голову. Челси тоже вздрогнула, повернулась к дороге. Фредрик и Боб уже смотрели, Джулиус повернулся последним и увидел, как Императрица-Мать вышла из темной машины, скрытой за колонной Небесных путей у реки.

— Мама, — сказал император, удивленный, как остальные. — Что ты делаешь...

Он умолк. Императрица-Мать что-то держала в руках. Она прошла в свет одинокого фонаря, и Джулиус увидел ребенка. Девочку, чуть старше младенца, с чернильными прямыми волосами. Она была в полосатых леггинсах и лиловом свитере с вышитым на груди голубем. Хоть одежда была человеческой, ребенок человеком не был. Джулиус еще не видел маленького дракона в облике человека, но девочка не могла быть никем иным. От нее пахло его кланом. Ребенок поднял глаза — большие красивые глаза, которые сверкали, как золотые монеты, в оранжевом свете фонаря — и он, наконец, понял.

— Нет, — прошептала Челси, лицо было пепельно-бледным, когда она повернулась к Бобу. — Что ты сделала?

— Похоже, вопрос нужно повернуть, — Императрица-Мать стучала по земле тростью,

сжимая его кривой ладонью, крепко прижимая девочку к боку. — Что ты сделала, дочь Хартстрайкер?

Челси скривилась, нервно взглянула на Сяна, но он уже не смотрел на нее. Он глядел на кроху-дракона, будто таких еще не видел.

— Кто это?

— Вижу, шок ее предательства ослепил тебя, мой император, — сказала печально Императрица-Мать. — Позволь прояснить ее преступление.

Она махнула тростью с золотой ручкой на Фредрика, который удивленно смотрел на ребенка. Последовала магия. Капля, даже заклинанием не считалась, но иллюзия Фредрика уже едва держалась, и этой капли хватило, чтобы убрать фальшивые зеленые глаза. Он выругался от укуса магии, и все стало хуже, потому что Цилинь посмотрел на него, и скрыть правду уже нельзя было.

— И ты? — прошептал он, глядя на отражение своих золотых глаз, а потом повернулся к Челси. — Что это?

В его голосе не было обвинений, гнева. Он звучал растерянно. А еще испуганно, он явно рассчитывал, что Челси что-то скажет, объяснит то, что он видел, но Челси даже не могла смотреть на него. Императрица заметила это и пошла в наступление.

— Я предупреждала, — сказала она, сжимая девочку так крепко, что она ерзала. — Я говорила тебе, что Хартстрайкер использует нас. Теперь мы видим, как, — она оскалилась. — Дочь не ушла далеко от матери.

Император поднял руку, заглушая ее. Он не сводил взгляда с Челси.

— О чем она говорит?

Челси судорожно вдохнула. Еще раз, словно не могла найти слова, и еще. Императрица лишила ее шанса.

— Она была беременна, — сказала старая драконша. — Потому она убежала, и потому она не приняла бы твое прощение сейчас. Даже она знает, что за такое преступление нет прощения. Она украли твоих детей, мой император. Она врала тебе, забрала их на гору Бетезды в Америке, где они жили как Стыд Бетезды, — она указала тростью на Фредрика. — Твой сын работает как слуга Джулиуса Хартстрайкера. Твой старший сын.

— Нет, — Цилинь отпрянул на шаг. — Этого не может быть.

— Это так, — твердо сказала императрица. — Посмотри на него, великий император, и пойми сам. Увидь своими глазами, что она забрала у нас.

Она указывала на Фредрика тростью, пока Цилинь не отвел взгляд от Челси. Он повернулся к Фредрику. Тот глядел в ответ, золотые глаза смотрели в глаза его отца. Лицом к лицу, золотые глаза против золотых. Было невозможно не заметить, как они были похожи. Только слепой не заметил бы семейного сходства, но император старался не видеть. Он повернулся к Челси.

— Это правда?

Она опустила голову и молчала, это разозлило его сильнее.

— Он — твой сын, Челси?

Все теперь смотрели на нее, но, хоть на ее опущенном лице был заметен страх, ее голос был четким, когда она сказала:

— Да.

— Но это невозможно, — отчаянно сказал Цилинь. — Я еще жив. Есть лишь один Цилинь, — он схватил Челси за плечи. — Скажи, что ты врешь! Скажи, что он не...

— Не могу! — закричала Челси, вскинув голову. — Я не могу больше врать, Сян. Фредрик — мой сын, первый в моей кладке, — она глубоко вдохнула. — И твой.

Весь мир затих. На Небесных путях не было машин, на улицах не было людей, как и шума из города. Даже река утихла, ждала, пока Золотой Император осознает, что это значило.

— Нет, — тихо сказал он, отпуская плечи Челси и отшатываясь. — Нет.

— Да, — Императрица-Мать хмуро глядела на Челси, не скрывая ненависти. — Наш род уничтожен. Работа поколений, сотни тысяч лет магии, пропала. Ты теперь последний Золотой Император, — она оскалила желтые зубы. — Это все ее вина.

Это заходило слишком далеко, но Джулиус не успел защитить сестру. Цилянь уже упал на колени на разбитой улице, и когда он рухнул, цунами магии дракона поднялось к нему. Это давление Джулиус ощущал до этого на горе, но тут оно было намного сильнее, росло с каждой секундой. А потом, когда он подумал, что хуже быть не может, давление треснуло.

С момента как Цилянь прибыл на гору, Джулиуса предупреждали, что могло произойти, если император разозлится. Он думал, что понимал опасность. Он даже думал, что испытал ее сам. Но до этого такого не было, только теперь Джулиус понял, что не знал. Не было ничего — магии, дракона или какой-то силы, какую он ощущал раньше — что могло подготовить его к волне несчастья, которая обрушилась на них с магией Циляня.

Дело было не в том, что земля дрожала, а в том, как. Она двигалась, как было нужно, чтобы ударить по слабым местам в опорах Небесных путей. Даже так опоры не просто сломались. Они рассыпались, как гнилое дерево, оставив стальные стержни, отлетая большими кусками на землю, как булыжники перед оползнем.

Без опоры мосты Небесных путей стали выгибаться, плиты под зданиями, дорогами и тротуарами верхней части СЗД трещали и соскальзывали на город внизу. Они упали бы на голову Джулиуса, но, пока он застыл и наблюдал за разрушением над ним, другие драконы слушались инстинктов. Когда Джулиус понял, что стоит убежать, Челси уже кричала:

— Иди!

Она врезалась в него, как поезд, сбивая его за секунды до того, как кусок Небесных путей размером с грузовик рухнула туда, где он стоял. И он был только первым. Целые здания рушились, Небесные пути не выдерживали под ними. В этот раз Джулиус не застыл. Он уже бежал, ноги едва касались земли, он несся по пустой парковке к безопасности реки, нырнул в быструю воду за каменистым берегом.

Холод ноябрьской воды чуть не сковал его, лишив чувств. Жуткий миг он барахтался вслепую в темном потоке, а потом его ноги нашли землю. Он вырвался из воды, вдохнул. Когда он повернулся посмотреть, что случилось с другими, он увидел лишь пыль.

Пустая парковка пропала, ее раздавил огромный кусок города сверху. Джулиус пару мгновений думал, что всех раздавило, когда Фредрик вырвался из воды на несколько футов ниже по течению. Челси была рядом с ним, уже плыла к берегу. Боба не было видно.

Если подумать, Джулиус не видел пророка с появления Императрицы-Матери. Джулиус не знал, убежал он, пока все отвлеклись, или когда все стало рушиться, и времени выяснять не было. Боб мог сам о себе позаботиться. Сейчас Джулиуса больше переживал за Циляня.

Он был под Небесными путями, когда они рухнули, и его должно было придавить. Это было ли логическим исходом, но логика не касалась Циляня, как и грязь. Вокруг был хаос, но Золотой Император был защищен плитой дороги, которая чудом упала боком, вонзилась в землю под идеальным углом, чтобы создать плотный щит из бетона и асфальта над его головой. Его мать тоже была там, улыбалась неудаче Хартстрайкеров, золотоглазая девочка

была в ее руках. Улыбка стала шире, когда Челси выбралась из воды.

— Карга! — прорычала она, бросаясь к императрице. — Отдай мне мою дочь!

Крик еще вылетал из ее горла, когда обломок размером с машину, который свисал с края над ними, держась за стальной прут, вдруг полетел вниз. Челси отскочила, но с трудом. Сила рухнувшего камня отбросила ее в реку.

— Ты это заслужила, — сказала Императрица-Мать, когда Челси всплыла, вдохнув. — Все вы, — она посмотрела красными глазами на Фредрика, который помогал Джулиусу выбраться на берег. — Ваша ужасная семья уничтожила все, что я веками строила жертвами. Из-за вас род Цилиней прерван, и этот мир навеки стал хуже, — она вскинула голову. — Вы заслуживаете все, что получите.

Челси оскалила мокрые зубы, но Джулиус сжал ее плечо.

— Зачем ты это делаешь?

— Она забрала моего ребенка! — взревела его сестра.

— Не ты, — тихо сказал он, держась за камни на берегу, чтобы смотреть на Императрицу-Мать, не борясь с течением. — Зачем ты это делаешь?

Он указал на Цилиня, согнувшегося на земле у ее ног.

— Твой сын страдает. Он говорил мне, как уважал тебя, какой хорошей матерью для него ты была. Я завидовал, слушая, как он говорит о тебе, потому я не могу понять, что ты думаешь сейчас, — он огляделся на разрушения. — Что за мать так поступает со своим ребенком?

— Хороший вопрос от Хартстрайкера, — прорычала она. — Но я делаю это не как мать. Я делаю это как императрица.

Она вонзила трость в грязь и опустила кривую ладонь на спину Цилиня.

— Мой сын — сердце нашей силы. Я растила его, чтобы он не испортился, всегда ставил долг выше, как я. И почти во всем он был идеален, но у него была тайная слабость. Когда я поняла, что это было, твоя сестра уже испортила его.

— Как испортила? — спросил Джулиус. — Любовь сделала его счастливым. Тогда его удача была сильнее всего, да?

— Потому я и терпела это так долго, — прорычала она. — Знаешь, как я была рада, когда Бетезда забрала ее? Я думала, что это был шанс вернуть сына, убрать от него ее когти. Но я еще не понимала размаха ее преступлений. Когда я услышала о новой кладке Хартстрайкер в том году, все стало ясно.

Челси застыла.

— Ты знала?

Императрица оскалилась.

— Я не глупая. Даже Племенная кобыла не может создать две кладки за два года, и она не была беременна, когда покидала Китай. Когда я услышала, твои отпрыски уже год как вылупились. Даже если мои худшие страхи сбылись, все уже было потеряно, и я подавила тревоги и продолжила. Мне нужно было утешать императора, управлять землями, и доказательств не было. Я не думала о вас, пока пророк не позвонил мне.

— Пророк? — холодный ком появился в горле Джулиуса. — Какой пророк?

Старая драконша посмотрела на него с жалостью.

— А ты как думаешь?

Сомнений не было. Даже если бы Джулиус хотел обмануть себя и подумать на Черного Размаха, девочка в руках императрицы этого не позволяла. Было лишь одно яйцо, откуда она

могла вылупиться, и Боб его забрал. До того, как Золотой Император прибыл к ним.

— Почему? — его голос дрогнул. — Почему он предал нас?

Императрица пожала плечами.

— Я не спрашивала. Для меня была важна — всегда была важна — моя империя. Измена Брогомира подтвердила то, что я всегда знала в сердце: твоя сестра — наглая змея, какой нет дела до других. Она уже сломала моего сына раз своим эгоизмом. И это было до того, как мы узнали глубины ее греха, — она отвела взгляд, скалясь. — Она должна тут умереть.

Джулиус не мог поверить в то, что слышал.

— Думаешь, Челси этого хотела?

— Плевать, чего она хотела, — рывкнула императрица. — Мне важно то, что она сделала. Она разбила моего сына и уничтожила мой клан!

— Если ты так думаешь, почему ты завершаешь работу? — закричал он, указывая на Циля. — Может, он — последний Золотой Император, но твой сын был в порядке, пока ты не пришла сюда. Ты сделала это. Зачем?

— Потому что он уже был сломан! — взревела она, красные глаза сверкали. — Не важно, что я сделала, как я пыталась, он не забыл ее! Он должен был стать самым сильным Циляем. Удача должна была сыпаться на нас с небес, но мы не получаем больше, чем при его отце. Никаких новых завоеваний, новых земель. Шесть веков Золотой Император простаивал, а потом вдруг заявил, что хочет завоевать Хартстрайкеров?

Она покачала головой.

— Знаю. Даже до того, как пророк убрал все сомнения, Я знала, что близился наш конец. Я знала, что он сломается, так что убедилась, что это произошло в месте, где это навредит только нашим врагам.

Когда она закончила, Джулиус мог лишь смотреть в ужасе и потрясении.

— Поэтому, — прошептал он, глядя на вечернее небо через неровный круг в сломанном асфальте. — Я думал, ты была просто черствой, но теперь я понимаю. Ты подала ему новости в худшей манере намеренно. Ты использовала его как оружие.

Императрица-Мать ничего не сказала, но ей и не нужно было. Улики были вокруг них. Они были временно в безопасности, ведь над их головами было нечему упасть, но неудача Циля все еще бушевала в городе. Джулиус ощущал магию дракона как голодные зубы на своей коже. У нее не было цели, мишени. Только слепо бросающаяся ярость, и всюду, куда она ударяла, следовала катастрофа.

По всему городу рушились Небесные пути, наполняя воздух треском камня. Вертолеты падали с неба, пока он смотрел, их двигатели просто останавливались, неудача императора была по ним. С каждой секундой шум падений и разрушений становился громче и громче, пока неудача поглощала весь город. Уже смежные Небесные пути дальше по реке стали накраиваться, все, что шло не так, происходило. Если это продлится дольше, весь СЗД рухнет, и хоть Джулиус ненавидел Алгонквин, он не мог допустить такое. Не город, где он встретил Марси, и не из-за Сяна.

— Я знаю этот взгляд, — тихо сказала Челси, приблизившись к нему в воде. — У тебя есть план.

Джулиус кивнул, взглянув на Фредрика, который мрачно держался за берег рядом с ними.

— Ты можешь поднять нас туда?

Он смотрел на треугольное убежище под куском дороги, где Императрица-Мать стояла над рухнувшим Цилинем с ребенком на руках. Фредрик нахмурился.

— Я могу попробовать, — прошептал он, взглянув на Клык. — Но это работает только на Хартстрайкерах. Я не уверен...

— Это сработает, — уверенно сказала Челси. — Она — твоя сестра, Фредрик. Она — одна из нас.

Он не выглядел убежденно.

— Но...

— Если будешь пробовать, делай это сейчас, — сказал Джулиус, нервно глядя на воду. — Потому что вряд ли эта зона долг будет безопасной.

Это не казалось важным в свете других катастроф, но пока они были в воде, уровень реки упал на пару футов. Джулиус не знал, делал это Цилинь, или причиной была другая странность, происходящая в СЗД, но становилось хуже с каждой секундой. Пока он говорил с Императрицей-Матерью, вода у берега доставала ему уже не до груди, а до пояса. Он не думал, что результат будет хорошим.

— Давай, — шепнул он, сжимая Фредрика. — Сейчас.

Нервно взглянув, Фредрик послушался, рассек Клыком воду под их ногами. Он сделал это под ними, и они даже не шагали в этот раз. Они просто провалились из одного места в другое, рухнули с парой галлонов ледяной речной воды на еще не тронутую землю за Золотым Императором и перед его матерью. Ее красные глаза все еще расширялись от удивления, когда Челси бросилась вперед, протянула руки к своей дочери, чтобы забрать ее у старой драконши.

Это произошло так быстро, что Императрица-Мать не должна была уклониться. По крайней мере, так думал Джулиус, когда она не пошевелилась. Руки Челси тянулись, и он понял, что ошибся. Императрица-Мать не уклонялась, ведь ей не нужно было, ведь, пока Челси тянулась, машина рухнула с обвалившейся дороги над ними. Машина летела к ее голове.

Если бы Челси была одна, это ее погубило бы. Нужна была не только машина, чтобы убить дракона, даже в облике человека, но это вырубил бы ее. Наверное, хуже, ведь неудача Цилиня делала все катастрофически неправильным. Но в этот раз Челси не была одна. Фредрик был за ней, и он оттащил ее в последний миг, повернул их обоих в сторону, машина пролетела мимо. К сожалению, так они оказались на пути грузовика, который упал следом и придавил драконов к земле.

— Нет! — завопил Джулиус, бросившись вперед. Он отчаянно пытался оттолкнуть грузовик, когда она поехала сама, дрожа, когда Челси толкнула ее. Она была грязной, в крови, но живой. Как и Фредрик, хотя он был потрепан. Императрица-Мать злорадствовала, улыбаясь им с невыносимой уверенностью той, кто думала, что они победили.

— Попробуйте еще? — она поманила их ближе к ее безопасному месту рядом с тихим Цилинем на коленях. — Бросайся, сколько хочешь. Конец у врагов императора всегда будет один.

— Как мы можем быть его врагами? — гневно сказал Джулиус. — Ты это сделала!

— Я просто сказала ему правду, — она хмуро глядела на него. — Я — его мать и его императрица. Мой долг — сказать ему то, что ему нужно знать. Сян понимает и уважает это. Его долг был ему известен с рождения. Я могла плевать ему в лицо, но его магия не дала бы мне пострадать. Но вы — другое дело.

Ее красные глаза взглянули на Челси.

— Ты — источник его страданий, и твои дети — живое доказательство его огромного провала. Теперь, когда он знает, его удача исправит проблему, и вы не покинете этот город живыми.

Лицо Челси было пепельным, когда она закончила, и впервые в жизни Джулиус знал, почему. Императрица описала то, чего Челси все время боялась. Но, пока все были убеждены, что это был единственный конец, Джулиус отказывался сдаваться.

— Он не убьет их.

Императрица-Мать фыркнула и посмотрела на грузовик, чуть не раздавивший Челси и Фредрика.

— Не глупи.

— Это ты бредишь, — прорычал Джулиус. — Может, тебе плевать на сына, но я знаю, что тебе нужен император. Ты хочешь поговорить о том, как разрушаешь его? Как он реагирует, когда очнется и поймет, что его удача убила Челси и его сына?

— Не хуже того, что уже произошло, — императрица пожала плечами. — Но ты не понимаешь, что тут творится, щенок. Я этого не сделаю. А он сделает. Смотри.

Она склонилась, сдвинула длинные темные волосы Циля в сторону. Когда она убрала их, лицо императора было чужим. Его красивые черты обмякли, словно он спал, но золотые глаза были полностью открыты и ужасно пусты.

— И теперь вы знаете правду, — сказала она, возвращая волосы императора на место. — Магия Циля никогда не была управляемой, и мой сын все еще самый сильный. Он может обуздать силу до какой-то степени, но когда он сталкивается с тем, что заходит слишком далеко, ломает его резко, удача захватывает его. Когда это происходит, он пропадает, и он не вернется, пока его магия не истребит все, что делает его несчастным.

— То есть просто истребит все, — голос Джулиуса дрожал.

Императрица пожала плечами.

— Это не точное оружие, но плохое нужно вытерпеть, чтобы наслаждаться хорошим, да и кто знает? — она жестоко улыбнулась Джулиусу. — Может, когда твоя гадкая сестра умрет, он, наконец, забудет ее.

— Или он полностью сломается.

— Она уже это устроила, — прорычала императрица, с ненавистью глядя на окровавленное лицо Челси. — Что бы из этого ни получилось, я не дам Хартстрайкерам победить. Сломав его тут, я лишила шанса на успех величайшую катастрофу нашего клана. Мой сын вряд ли будет прежним, но он хотя бы уничтожит вас, город, все земли Алгонквин в процессе. Когда это кончится, мир будет лучше, безопаснее для нашей империи. Сян согласился бы, что только это важно, — она гордо опустила ладонь на неподвижное плечо императора. — Я вырастила его хорошим.

— Нет, он стал хорошим вопреки тебе, — прорычала Челси, глядя на девочку на руке императрицы. — А наша дочь? Ее ты тоже принесешь в жертву?

— Конечно, нет, — сказала императрица. — Ты испортила род Золотого Императора навеки. Нам нужна компенсация, и Бромгомир сообщил, что эта мелочь — будущий пророк. Предсказатель, от которого воняет Бетездой, не замена Цилю, конечно, но нужно брать хотя бы то, что можно.

Челси низко зарычала. Джулиус ощущал себя так же. Он не знал, что за игру тут затеял Боб, но он еще никогда не ощущал такое предательство. Работать с императрицей было

плохо, но отдать ему свою племянницу — их племянницу, ведь дочь Челси была и племянницей Джулиуса — было непростительно. Он был не лучше Бетезды, бросался семьей, как пешками, ради результата, и Джулиусу надоело.

— Она тебе не принадлежит, — прорычал он, грозно шагая вперед. — Она — Хартстрайкер. Одна из нас. Она — не компенсация.

— Я ничего тебе не отдам, — сказала Челси в то же время, схватила кусок стального прута с земли. — Мои дети, Сян. Они мои. Я не дам тебе их тронуть!

— Тогда стоило думать об этом до того, как ты беспечно уничтожила мое, — прорычала императрица, двигаясь ближе к императору. — Но что сделано, то сделано. Все уже сломано так, что не починить. Я могу лишь попытаться что-то сделать из пепла.

— Или спасти это до того, как все стало пеплом.

Джулиус и Челси вздрогнули. Рычащий голос звучал за ними, но он был таким злым, что Джулиус не узнал его, пока Фредрик не прошел вперед с мечом в руке.

— Ты сделала это с нами, — прорычал он, слова были такими тихими и кровавыми, что даже императрица отпрянула. — Ты — ужасная императрица и отвратительная мать, но, хоть ты ужасна, все не должно так заканчиваться. Род Циляня прерван, но мы еще тут. Два наших клана — самые большие в мире. Теперь мы объединены кровью. У нас есть пророк и еще живой Цилянь. Мне плевать, что тебе сказал Брогомор, мы все еще можем изменить будущее, если работать вместе, — он прищурил золотые глаза, глядя на нее. — Бабушка.

— Ты не имеешь права так меня звать! — взревела она, склоняясь над сыном. — Ты — позор! Твоя мать и Племенная кобыла, породившая ее, эгоистичные шлюхи, и ты не лучше. Твоя кровь интересуется меня только как лужа на земле.

Она плюнула под его ноги, закончив, и Фредрик грозно зарычал, но было слишком поздно. Императрица уже схватила неподвижные плечи Циляня, как камень в море, и закричала:

— Спаси меня, Сян!

Как всегда, Цилянь не пошевелился, но когда его мать прокричала его имя, бушующая магия дернулась. На жуткий миг Джулиус ощутил, как она поднялась, как гадюка для удара. А потом магия треснула, как до этого, и весь мир содрогнулся.

Джулиус инстинктивно прикрыл голову, но ему нужно было переживать не о Небесных путях в этот раз. Они уж рухнули, и неудача не могла их поднять. Но, хоть земля дрожала, рев в воздухе был не от зданий или ломающегося бетона. Он был от реки.

Вода опускалась, когда они нырнули в реку, спасаясь от обломков. Когда Джулиус посмотрел туда, река Детройт в половину мили шириной стала размером с ручей, оставив акры грязи, обломков и барахтающейся рыбы на воздухе. Джулиус не знал, что вызвало высыхание, но магия Циляня явно развернула процесс, потому что пропавшая вода теперь лилась по пустому речному дну к ним волной, жестокой, грязной и в двадцать футов высотой.

И волна была широкой. Этот шум Джулиус слышал. Волна не просто двигалась по реке. Она двигалась по земле у реки в Подземелье как бульдозер, поднимая все по пути — обломки, урны, даже машины — и неся с собой, двигаясь к ним.

— Челси, — охнул Джулиус, хватая сестру. — Нам нужно...

Он не закончил. Он едва успел приготовиться, и волна размером со здание добралась до них, рухнула на кусок Небесных путей, который защищал Циляня и его мать. Челси и Фредрик рухнули, но не Джулиус. Ему повезло устоять на его месте недалеко от

Императрицы-Матери, так что кусок Небесных путей прикрыл его. Вода его даже не тронула из-за идеального угла вонзенного обломка. Она лилась, как водопад, за ним, скрывая Челси и Фредрика. Их смывало.

— Нет! — закричал он, бросился вперед, а потом опомнился. Волна еще обрушивалась. Если он шагнет в нее, его тоже смоеет. Его не сбило до этого, потому что он оказался в правильном месте. Ему повезло, и когда он понял это, Джулиус знал, что нужно делать.

Он отпрянул от стены еще падающей воды, которая забрала его сестру и Фредрика, побежал к императору, сидящему на коленях. Он двигался так быстро, что добрался до Сяна до того, как императрица напала на него.

— Прочь, Хартстрайкер, — предупредила она, красные глаза сияли, как угли. — Я не знаю, почему его удача пощадила тебя, но это кончено. Ты больше ничего не можешь сделать.

— Я всегда могу что-нибудь сделать, — прорычал Джулиус, упал на колени в грязь рядом с Цицинем. — И начну с разговора с ним.

— Для чего? — императрица встала между Джулиусом и своим сыном. — Он ушел. Никто там тебя не услышит.

— Он слышал, как ты позвала его.

— Это другое, — рявкнула она. — Я — его мать. Ты — никто.

— Тогда ты не будешь мешать мне попробовать, — он потянулся за нее. Но, когда он стал убирать занавес из черных волос, что скрывала лицо Цициня, Императрица-Мать сжала его запястье.

— Стой.

Джулиус посмотрел ей в глаза.

— Нет.

— Наглец, — прорычала она, вонзая ногти в его кожу. — Думаешь, я не убью тебя?

— Серьезно? — он пожал плечами. — Да.

Императрица оскалилась, но Джулиус не закончил.

— Ты сама сказала: удача Цициня не точное оружие. Это бьющий инстинкт, и он сработал от твоего крика о помощи. Но, в отличие от тебя, Челси и всех тут, Цициню плевать на меня. У него нет глубоких чувств ко мне, как к остальным тут. Я — просто еще один Хартстрайкер, который не вредил ему, и это делает меня невидимым.

— И ты думаешь, это спасёт тебя от меня? — прорычала она.

— Нет, думаю, это сделает удача, — сказал Джулиус. — Настоящая удача, как то, что я стоял в нужном месте в нужное время. Ты не убьешь меня, потому что еще не убила.

— Тогда я это исправлю, — прошипела императрица, отпустив его руку, обвив рукой его горло. Но даже когда ее острые ногти впились в нежную плоть его горла, Джулиус не вздрогнул, не бился. Он сидел на коленях и принимал это, глядя упрямо на императрицу, пока она не стала испуганной. — Что с тобой? — завопила она. — Защищайся!

— Я защищаю себя, — Джулиус опустил руки. — Удача Цициня не так неуправляема, как ты говоришь. Ты пытаешься сейчас ею манипулировать. Если я нападу на тебя, я сделаю себя врагом и буду наказан. Но если я ничего не делаю, я не буду угрозой, и его удаче будет все равно. А ты станешь угрозой, потому я уверен, что ты не убьешь меня. Если бы ты могла, я бы уже умер.

Морщинистая ладонь на его горле задрожала.

— Это опасное предположение.

— Не совсем, — сказал он. — Я дразню тебя, а ты все еще этого не сделала. Думаю, я знаю, почему, — он улыбнулся. — Ты сказала, что Боб нас продал, а я — единственный дракон, которого Боб не может убить.

Ее лицо побледнело, и Джулиус понял, что был прав. Он все еще не знал, какую игру вел Боб. Пророк всех их продал. Но если визит Чёрного Размаха утром что-то доказывал, так это то, что Боб давно вкладывался в Джулиуса, и хоть ему не нравилось быть пешкой, Джулиус собирался использовать это, когда было необходимо.

И сейчас это было нужно. На кону были две семьи, включая малышку, которая не двигалась в руках бабушки, глядела на потоп с детским бесстрашным интересом. Она не должна была стать трофеем за победу в битве кланов. Они все заслужили лучшего, и Джулиус держался, доверяя манипуляциям брата, хоть и не намерениям. Императрица отпустила его.

— Похоже, ты сильнее как дракон, чем кажешься, — едко сказала она. — Но знание правил игры не спасет тебя. Брогомир предупреждал, что если я убью тебя, Сян умрёт, но он не говорил о том, если ты станешь жертвой неудачи.

— Но у меня не будет неудачи, — уверенно сказал Джулиусу. — Я не собираюсь тебе вредить, и я не буду вредить ему, — он кивнул на неподвижного Циля. — Я сделаю то, что должна была сделать ты. Я помогу твоему сыну остановить это, и ты ничего не можешь с этим поделать.

— Я не обязана ничего делать! — закричала императрицы. — Ты не понимаешь? Ты проиграл! То, что я не могу помешать тебе поговорить с Сяном, не означает, что он послушает. Я вырастила его императором, в первую очередь, и теперь, благодаря твоей сестре, он провалил величайшую ответственность. Древний род Циля мертв, и твои слова не могут его вернуть.

— Верно, — признал Джулиус, поворачиваясь к Цилю. — Я не могу изменить прошлое, но мне не нужно, потому что мы живем не там. Мы живы сейчас, и если меня чему-то научила роль орудия Боба, так это тому, что сейчас всегда можно изменить к лучшему.

Императрица-Мать была ошеломлена, но Джулиус уже не думал о ней. Он прогнал и тревогу за Челси и Фредрика, которых не видел после удара волны, еще бушующей за ним. Он отпустил все, сосредоточился на драконе перед собой. Он лег на живот в холодной грязи, чтобы видеть пустое лицо Циля.

— Ваше величество?

Ничего.

— Император?

Снова ничего.

— Сян?

Может, ему показалось, но Джулиус вроде бы увидел, как золотые глаза императора дрогнули от имени. Этого было мало, но Джулиус все равно обрадовался.

— Помнишь, что я сказал в тронном зале? — тихо сказал он. — Челси сказала тебе правду сегодня, и хоть ты — последний Циля, вряд ли это плохо. Ты был пленником силы, которой не можешь управлять, всю жизнь, все сдерживал в себе и страдал веками ради долга. Но если страдания — цена за удачу Циля, то это вовсе не удача. Это проклятие. Я бы не хотел твою удачу как своего врага, да и ты не хотел бы.

Он улыбнулся.

— Если так посмотреть, все это даже хорошо вышло. Ты не потерял незаменимый дар. Ты не дал сыну страдать так, как ты страдаешь, а это больше счастья, чем твоя удача когда-либо приносила тебе.

Он сделал паузу, затаив дыхание, но лицо императора все еще было пустым, Джулиус вздохнул.

— Челси сказала, ты всегда хотел детей, — он попробовал другой подход. — Теперь у тебя двадцать. Двадцать один, считая малышку. И Челси. Она не хотела уходить от тебя. Она соврала, потому что боялась этого.

Он махнул на разрушения вокруг них.

— Но так не должно быть. Ты не можешь управлять удачей, но ты можешь управлять своей реакцией, и это не катастрофа, как говорит твоя мать. Да, род Циляня прерван, но ты все еще император. У тебя все еще есть драконы и земли, а теперь есть и семья. Твоя семья, которой ты нужен. Ты уже потерял Челси раз из-за этого. Сколько еще ты позволишь роли Циляня забрать у тебя?

В конце Джулиус ощутил, как земля движется под его ладонью. Он опустил взгляд и увидел, что пальцы Циляня впились в мягкую землю. Он не знал, был ли он причиной, но это было первое движение с тех пор, как Цилянь упал. Джулиус гадал, как лучше продолжить, когда Фредрик вырвался из воды, вдохнул.

Огромная волна прошла, пока он говорил с императрицей, но потоп все еще бушевал. Джулиус был на возвышении и сухой, благодаря куску Небесных путей и холму, на котором рухнул император, но парковка, улица и здания на другой стороне были под несколькими футами жестоко бушующей коричневой воды.

Она текла так быстро, что сбила Фредрика с ног. Он с трудом всплыл через секунду, схватился за кусок Небесных путей, чтобы держать голову над водой, безумно озирался. Когда он вернулся в воду, Джулиус понял, что Челси еще не всплыла.

Страх пронзил его льдом, и он повернулся к императору.

— Прощу, Сян, — взмолился он. — Не давай им так использовать тебя! Ты — не оружие. Ты — дракон. Император! Какая разница, чего хочет твоя мать? Ты все еще можешь иметь то, чего хочешь: Челси, сына, детей, империю. Ты все еще можешь это иметь, но нужно вернуться сейчас и спасти это, пока не...

Всплеск перебил его. Когда Джулиус оглянулся, это оказался всплывший Фредрик. Он был в панике, бросил меч на кусок Небесных путей и нырнул снова. Когда он пропал под бушующей водой, Джулиус повернулся к Циляню, схватил императора за голову и заставил его смотреть.

— Твой сын умрет, — сказал он, голос дрожал. — Он утонет в поисках Челси. Она могла уже погибнуть. Эта трагедия хуже потери Циляня. Ты сказал, что хотел быть счастливым. Твое счастье под водой, и если хочешь спасти ее, спасти их, тебе нужно очнуться и помочь своему сыну!

Он кричал в конце, сжимая дрожащими ладонями пустое лицо Сяна. И ничего не произошло. Император не моргнул, не дрогнул, ничего не сделал. А потом, когда Джулиус отпустил и вскочил на ноги, чтобы помочь Фредрику самостоятельно, голосок прошептал:

— Мой сын?

Джулиус развернулся. Император все еще сидел так же, как до этого, глаза были как у куклы, но мышцы были напряжены, чего не было раньше. Напряжение быстро стало сильной дрожью, он заставлял себя двигаться.

— Мой сын, — выдохнул он, подняв сжатые ладони с земли. — У меня есть сын.

— Да, — сказал Джулиус, упал на колени, чтобы помочь императору. — У тебя десять сыновей и одиннадцать дочерей, одна из них — будущий пророк. Ты не можешь оставить ее в этом одну! Ты ей нужен. Всем им, но сейчас ты нужен Фредрику, так что вернись. Ты сказал, что будешь нашим императором, но какой император бросает подданных, когда они больше всего в нем нуждаются? Если бы ты переживал из-за долга, ты бы вернулся и сделал это. Помоги нам. Сейчас.

Он замер, затаив дыхание, но дракон не двигался. Вода за ними плескалась, Фредрик всплыл, чтобы вдохнуть, и снова нырнул, но Сян даже не вздрогнул. А потом, когда Джулиус был готов сдаться, император выдохнул дым.

После этого все происходило до боли медленно. Джулиус не знал. Что творилось, но со стороны казалось, что Цилинь пытался двигаться через стену холодной тяжелой глины. Он приходил в себя частями, мышцы напрягались и расслаблялись, снова напрягались, пока магия резко не отпустила его, так же быстро, как схватила. Он рухнул в грязь рядом с Джулиусом.

— Сян! — Джулиус протянул руку. Цилинь сжал его ладонь, поднял лицо — конечно, лишенное грязи — и растерянно огляделся.

— Что случилось?

Описать это хорошо не вышло бы, но Джулиус попробовал:

— Ты, — сказал он. — Но это уже кончилось. Пора все исправить, начиная с Челси.

Уже бледное лицо императора стало бледнее, и он вскочил на ноги.

— Где она?

Джулиус указал на воду, и Цилинь стал снимать золотое одеяние, чтобы нырнуть. Он не успел вытащить руку из рукава, Фредрик всплыл, и в этот раз Челси была с ним.

— Джулиус! — закричал он, его обычно спокойный голос был безумным. — Помоги мне!

Джулиус был там раньше, чем он закончил, бросился в воду, чтобы помочь брату вытащить мертвый груз Челси в убежище обломка дороги. Когда император устремился помочь, Фредрик повернулся к нему с рыком:

— Не трогай мою мать!

— Все хорошо, Фредрик, — Джулиус поднял руки. — Он снова в себе.

Цилинь быстро закивал, но Фредрик не обратил внимания. Он склонился, чтобы сделать Челси искусственное дыхание, пять раз быстро вдохнул в ее рот, а потом надавил сцепленными ладонями на ее грудь. Он повторил цикл дважды, то толкая воздух в ее легкие, то давя на грудь. Он собирался повторить еще раз, когда тело Челси содрогнулось.

Она повернулась с хрипом, откашливая грязную воду, пока Фредрик стучал по ее спине. Она все еще с трудом дышала, когда голос позвал императора:

— Сян?

Все посмотрели на Императрицу-Мать, стоящую далеко под куском дороги, ее шелковые туфли были сжаты на последнем оставшемся сухом участке земли.

— Идем, — спокойно сказала она.

Цилинь смотрел на нее как на безумную.

— Я никуда не уйду.

— Ты не можешь хотеть остаться с ней, — сказала императрица, скалясь Челси, которая хмуро смотрела в ответ, пока давилась. — Чья в это вина, по-твоему?

— Моя, — сказал твердо Сян, вставая на ноги. — И твоя.

Он огляделся среди разрушений, словно впервые это видел, хотя, наверное, так и было.

— Я это сделал, — прошептал он, голос дрожал. — Но ты меня толкнула, — он стиснул зубы и повернулся к матери. — Ты использовала меня.

— Да, — она подняла голову выше. — Ты — Цилян. Ты существуешь ради блага Золотой Империи. Оружие против врагов, которые...

— Врагов? — завопил он, махнув на Фредрика. — Мой сын — враг? Или она? — он указал на малышку, которую императрица все еще сжимала в руках. — Как долго ты знала, что у меня есть дети?

— Как долго, мама?

Она вздохнула.

— Я заподозрила вскоре после того, как услышала, что Бетезда сделала две кладки за два года, но я ничего не знала точно до сегодня. Это правда, Сян, но не было бы важно, если бы я знала сначала. Я все равно не сказала бы тебе, потому что я знала, что ты это сделаешь.

Она махнула рукой на затопленную парковку, усеянную рухнувшей дорогой.

— Позволить такую катастрофу было бы позором для моего имени и твоего. Но это нужно было когда-нибудь сделать, и я решила, что это произойдет тут. Тогда пострадает Алгонквин. Ты должен быть благодарен за мою прозорливость.

— Я рад, — тихо сказал Сян. — Рад, что не было хуже. Рад, что я не... — он умолк, кривясь, а потом отвернулся от нее. — Иди домой.

Красные глаза императрицы расширились.

— Я не буду прогнана как...

— Пока я император, ты будешь тем, что я скажу, — прорычал он. — Иди домой, императрица. И оставь ребенка.

Она крепче сжала девочку. Она не успела ничего добавить, Челси выдохнула огонь на ладони, чтобы согреть их.

Магия вспыхнула, и девочка вскинула голову. Она стала вырываться, кусая императрицу детскими клыками, когда старая драконша не отпустила. Императрица выронила малышку с воплем боли, и девочка проехала по земле, а потом бросилась к Челси, впилась в ее тело руками и ногами, как обезьянка.

Судя по ее лицу, Челси была удивлена не меньше остальных. Джулиус мог лишь улыбаться.

— Думаю, дело в твоём огне, — он улыбнулся крохе, которая будто пыталась зарыться в грудную клетку Челси. — Ты кормила ее огнем шестьсот лет, каждый день. Конечно, она узнала этот огонь.

— Думаю, ты прав, — прошептала Челси, робко обвив рукой дракончика. Робость длилась лишь секунду, потом она сжалась, обвила малышку руками, всхлипнув. — Ты со мной, — прошептала она, целуя густые черные волосы ребенка снова и снова. — Все хорошо. Теперь ты в безопасности.

В стиле малышей дракончик тут же попытался ее укусить. Она даже справилась один раз, погрузила зубы в руку матери. Выглядел больно, но Челси не была против. Она просто рассмеялась, отцепила дракончика от руки с улыбкой, пока Джулиус в шоке смотрел.

Он не думал, что видел у сестры такую улыбку. Он точно не слышал ее смех, но она, видимо, слишком устала, чтобы сдерживаться, потому что теперь она улыбалась и смеялась, облегчение сделало ее на века моложе, она сияла дочери, которую и не надеялась увидеть

вне яйца.

— Настоящая драконша, — сказала она, щелкнув малышку по носу, а потом отдернув палец, пока не лишилась его. — Боб хотя бы не морил тебя голодом.

Малышка запыхтела, и Челси рассмеялась снова, но радость пропала с ее лица, когда она подняла взгляд и заметила, что Сян наблюдает за ними с выражением лица, которое могло быть ошеломлением или ужасом.

— У меня есть дочь, — прошептал он.

— И не одна, — Челси опустила взгляд. — Я думала, эта не пробьётся, но Боб нашел способ вылупить ее, — она вздохнула. — Видимо, я в долгу за это перед ним.

Учитывая то, через что их провел Боб, Джулиус не думал, что она была в долгу. Он хотел сказать это, когда Сян упал на колени перед Челси.

— Прости.

— Не надо, — она неловко переминалась. — Это моя вина. Я убежала.

— Потому что боялась меня, — гневно сказал он. — Я не должен был пугать тебя. Ты была всем для меня, а я тебя отпустил. Я верил лжи, даже когда должен был знать лучше. Я оставил тебя с Бетездой, бросил страдать, — он сжал кулаки. — Прости, Челси. Я совершил много ошибок, и я не могу... я просто... — он замолк, хмурясь, а потом на лиц проступило сожаление. — Мне так жаль.

— Это не только твоя вина, — рявкнула она, встретившись с ним взглядом. — Я паниковала и соврала. Я должна была сильнее доверять тебе. Я должна была тебе сказать.

— Ты сделала то, что было нужно, чтобы защитить себя и их, — настаивал Сян. — Кто-то должен был защитить их от...

Он не закончил, но боль в глазах сказала остальное. Челси вздохнула.

— Возможно, — признала она. — Но это не означает, что это было правильно. Многого можно было избежать, если бы я не пыталась все сделать сама. Даже если у меня были хорошие намерения, я не имела права. Все-таки, — она улыбнулась ему, — они и твои дети.

Джулиус тоже так говорил, но он не мог вызвать ту радость, которая озарила лицо Циляня, когда она сказала это.

— Это так, да? — сказал он, золотые глаза посмотрели на Фредрика, а потом на малышку и Челси. — У нас есть дети.

— Если можно назвать шестисотлетних драконов детьми, — сказала Челси, сдвинув темные брови. — Я даже не знаю, где многие из них сей...

Она не смогла закончить, Цилянь обвил руками Челси и малышку на ее коленях. Каким-то ловким движением он смог притянуть и Фредрика к себе, крепко обнял их всех.

— Ничего не потеряно, — сказал он, голос не был сдержанным, а звенел от облегчения и счастья. — У меня есть вы. У меня есть семья.

Никто ничего уже не мог сказать. Сян сжимал их слишком крепко, чтобы говорить, но, кроме малышки, которая дико извивалась, никто не хотел вырываться. Они все были просто... счастливы, и Джулиус решил отвернуться, пока не стал завидовать теплоте семейному моменту, что он не хотел делать. Они заслужили счастье, он желал для них этого. Ему просто нужно было ненадолго отвести взгляд.

К счастью, ему было на что посмотреть. Вода отступала, грязная река мирно стекалась в свои берега. Он поискал среди мусора, смутно надеясь уловить следы Боба, но вода смыла запах пророка.

Он подумывал проверить машину императрицы. Она не выделялась, когда ребенок

вырвался, но Джулиус хотел убедиться, что она ушла, а не ждала в тених, чтобы отомстить или сделать что-то глупое. Он хотел проверить, когда кто-то постучал его по плечу.

Ощущалось как Фредрик, но когда Джулиус повернулся, он оказался лицом к лицу с Золотым Императором. Это не казалось возможным, но Цилянь выглядел идеальнее сейчас с грязным одеянием, спутанными волосами от падения. Дело было в улыбке, решил Джулиус. Он не видел еще никого идеально счастливым, каким Сян был сейчас, и было странно, когда изящный дракон упал на колени.

— Джулиус Хартстрайкер, — серьёзно сказал он, склонившись и прижавшись лбом к земле у ног Джулиуса. — Ты спас меня и мою семью от коварства моей матери. От Золотой Империи и всех драконов, которые процветают от моей удачи, спасибо, — его голос задрожал, он поклонился еще ниже. — Спасибо от всего сердца.

Джулиус сжался в ужасе. Ему не нравилось, когда ему кланялись, но это было дальше всего, что он мог представить. Его спасло только «спасибо». Это он будет беречь всю жизнь, но от остального хотелось провалиться сквозь землю.

Он пытался понять, как заставить Циляня прекратить, когда император сам поднял голову. Его взгляд встретился с глазами Джулиуса, и сила магии благодарного Циляня обрушилась на него, как золотая гора, отгоняя все остальное.

Глава 14

Если бы Марси могла потерять жизнь, последние полчаса лишили бы ее двадцати лет.

Через пять минут после ее согласия подождать сигнала Боба СЗД стал трястись как желатин. Потом все начало рушиться. Началось у реки, но за минуты все Небесные пути в городе были в трещинах или обвалились. Это было худшей катастрофой с затопления Детройта, а Марси застряла в Сердце Мира и ничего не могла сделать.

— Я не знаю, сколько могу еще вытерпеть.

— Боб придет, — заверила ее Амелия. — Просто жди.

— Если мы подождем дольше, спасать будет нечего, — Мирон сжимал кулаки. — Нужно это остановить.

— Но что остановить? — Марси указала на рушащийся город. — Это делает СЗД или Алгонквин?

— Вряд ли это они, — Ворон задумчиво склонил голову. — Я еще не чувствовал такой магии раньше.

— Как и я, — сказала Амелия. — Но там явно вовлечен дракон. Большой, — она склонилась над картинкой, с любопытством вглядывалась в разрушения в круге. — Кто же это?

— Дракон — меньшая из проблем, — сказал Призрак, указывая на северный край города. — Смотрите.

Марси выругалась под нос. Ниже тени Левиафана озеро Сен-Клер сильно опустилось. Так было и с рекой Детройта, грязная вода отступала, будто что-то выше по течению всасывало ее. Дно реки на юг от острова Борьбы высыхало, пока она смотрела, оставляя плоский участок грязи и барахтающуюся рыбу вплоть до озера Эри, которое тоже высыхало. Вся вода пропадала, и, чем дольше Марси смотрела, тем больше боялась.

— Думаю, времени нет.

— Погоди, — сказала Амелия. — Боб придет.

— Не сомневаюсь, — сказала Марси. — К тебе. Но нам нужно что-то делать сейчас. Посмотри на это! — она указала на город, где здания рушились, вертолеты падали с неба как

мертвые жуки. — Это уже не просто «жди и смотри». То, что делает дракон, устраивает катастрофу, и если мы это не остановим, это сделает Алгонквин.

Словно она ждала намека, отступающая вода хлынула в реку волной высотой с Небесные пути. Волна обрушилась на город, вырывая телефонные столбы, поднимая грузовики как сухие листья. Вода ударила по мостам, сбивая автобусы к перилам, унося людей, которые не успели закрыть окна в машинах, в бушующую реку внизу.

— Все, — прорычала Марси.

— Марси, нет, — взмолилась Амелия, вонзая коготки в ее руку. — Доверься мне!

— Я верю, — она смотрела на подругу. — Я верю тебе, когда ты говоришь, что у Боба есть план. Но я не могу больше ждать. На кону не здания и жизни людей. Наш план — заманить СЗД на нашу сторону. Это всегда было сложно, но будет невозможно, если мы позволим разбить ее владения.

— Она права, — казал Ворон.

— Я и не говорила, что она не права, — рявкнула Амелия, глядя на Марси. — Ты права, но это не отменяет факта, что, если мы поспешим, мы не победим, — она сцепила коготки. — Прошу, Марси. Умоляю. Дай Бобу больше времени. Клянусь остатками своего огня, он придет.

Марси стиснула зубы, хмуро глядя на рушащийся город, волна Алгонквин закончила движение. Она все еще пыталась принять решение, когда Широ сказал за ней:

— Вряд ли у нас есть еще время.

Она удивленно подняла голову. Когда она видела его в последний раз, шикигами был слева от нее, управлял кругом. Но, видимо, он отошел, пока они смотрели на разрушения, потому что он вернулся центр вершины горы, стоял у печати с бледным тревожным лицом.

— Мерлин.

Марси тут же оказалась рядом с ним. Мирон присоединился через миг, его глаза расширились в тревоге, он коснулся трещины в поверхности. Ущерб, который когда-то был размером с волосок, теперь пропускал его ноготь.

— Как это произошло?

— Я уже говорил, — сказал Широ. — Это непостоянство, — он посмотрел на Море Магии, которое выглядело как побережье Флориды во время урагана. — Алгонквин и СЗД — очень большие духи. Когда они сражаются, море бушует. Если мы его не успокоим, чинить печать не придется. Все сломается.

И тысяча лет магии обрушится разом на мир.

— Как нам это остановить? — спросила она, повернувшись к Мирону.

— Не знаю, можем ли мы, — нервно сказал он, склонился над камнем, чтобы изучить рассеченные трещиной символы. — Залатать печать Мерлинов — это магический эквивалент скотча на трещине в Плотине Гувера. Теперь Алгонквин и СЗД бьют молотом с другой стороны, — он покачал головой. — Я поражен, что трещина не стала еще больше.

— Нужно их успокоить, — отчаянно сказал Широ. — Даже до того, как печать была повреждена, она не могла выстоять такой удар. Если вы хотите вернуть магию медленно, эта война между богами не может продолжаться.

— Это не может продолжаться, если мы хотим выжить, — каркнул Ворон, сидя у края круга. — Владения СЗД рушатся. Если она падет, нужно заставить Алгонквин избавиться от Безымянного Конца.

— А если она вырвется, Море Магии будет бушевать еще сильнее, — сказал Мирон. Он

повернулся к Марси. — Мы не можем больше ждать. Печать на пределе. И со всей водой, которой разбрасывается Алгонквин, мое физическое тело, оставленное в Яме, может быть в серьезной опасности. Я не привязан к духу смерти, как ты. Если я утону, я просто умру, и план Ворона не сработает. Чем дольше мы ждем, тем меньше шанс на успех. Пророк или нет, нужно идти сейчас.

— Тогда это не сработает! — гневно сказала Амелия. — Дело не в шансе. Боб уже видел будущее. Он знает, что произойдет, и мы получим будущее, которое хотим, если будем следовать его указаниям и ждать его сигнала, — она прижала коготь к ладони Марси. — Он придет, — прошептала она. — Жди.

Марси выдохнула. Она знала, что Амелия была права. Идти против совета пророка было очень глупо, но все же...

Она повернулась и прошла к кругу, глядя на то, что осталось от ее города. Волна уже отступала от Подземелья, но ущерб был нанесен огромный, и это была ее вина. Она порвала поводок Мирона и выпустила СЗД, она решила не останавливать магию. Это были ее решения, и хоть она еще верила, что поступила правильно, цена была выше, чем она могла представить. Куда бы она ни смотрела, всюду был хаос и разрушения, и чем дальше они ждали, тем хуже становилось.

Логично было слушаться Амелию и ждать сигнала Боба, но когда ставки были так высоки, разве она могла так рисковать? Стоять и ждать подходящего момента, пока другие страдали из-за ее решений?

Нет.

Марси закрыла глаза. Голос в ее голове был холодным утешением. Но, хоть мнения Призрака могли быть резкими, они были уместными, и она взяла себя в руки и спросила:

— Почему?

Никто не может заставлять других платить за их решения, — сказал ее дух, шагнув к ней. — *Но это цена принятия решений в таком деле.*

Марси не понимала.

— Но...

Мы — теперь Мерлин, — сказал он. — *Что бы ты ни решила, будут последствия. Кто-то пострадает, и это будет твоя вина. Это бремя лидерства, но я не выбрал бы тебя, если бы думал. Что ты не выдержишь.*

Он оглянулся на Амелию, глядящую на Марси как маленький красный ястреб.

Мы с драконом выбрали тебя, потому что поверили, что ты примешь верные решения, когда придет время. Не безопасные или простые, а решения, которые приведут нас туда, куда нужно. Мы опустили на тебя это бремя, но ты не должна нести его одна. Мы с тобой, что бы ты ни решила.

Он протянул призрачную руку, закончив. Через миг Марси взяла его за руку, обвила своими дрожащими пальцами его неподвижные и холодные. Ощущалось неправильно и безрассудно принимать такое доверие. Она тянулась выше, чем могла достать, с ночи, как взорвала свой родной дом. Даже сейчас, стоя как Мерлин в Сердце Мира, она едва справлялась. Она не знала, что делала, как собиралась все проверить без катастрофы, но, несмотря ни на что, она была Мерлином. Даже если Боб тянул за нити, Врата Мерлина открылись для нее. Это должно было считаться.

— Смелость — требование для входа, — прошептала она, сжимая руку духа. Она повернулась к Амелии. — Мы подождем.

Драконша расслабилась, но только она. Все выглядели встревожено, включая саму Марси. Но, когда она открыла рот, чтобы сказать им — и напомнить себе — о тех случаях, когда у Боба получалось невозможное, произошло нечто поразительное.

Позже Марси не смогла сказать, что это было. Не было толчка, вспышки света или волны магии. Было лишь чувство. Странное веселье разлилось в ее разуме, как золотой солнечный свет.

Если бы это была лишь она, Марси списала бы это на радость от принятия решения, но Амелия тоже это ощутила. Едва счастье расцвело в разуме Марси, она подпрыгнула так высоко, что чуть не упала в круг наблюдения.

— Ты это ощутила?!

Марси кивнула, глаза расширились.

— И я ощутил, — низкий голос Призрака был удивленным. — Это было красиво. Что это было?

— Какая-то драконья магия, — сказала Амелия, ее глаза округлились. — Безумно сильная. Почти первобытная. Я такого еще не ощущала.

— Это хорошо или плохо? — спросила Марси.

— Не знаю, — Амелия улыбнулась с острыми зубами. — Но, думаю, это наш сигнал.

Мирон фыркнул.

— Я ничего не почувствовал.

— Как и я, — разочарованно каркнул Ворон. — Можете это описать?

— Нет, — Марси улыбалась широко, как Амелия. Это расстроило Ворона, но она не могла остановиться. Приятное золотое чувство росло, наполняя ее счастьем, безумной уверенностью, что, как бы рискованно это ни было, это сработает. Сегодня был ее счастливый день. Все сработает!

После жуткого получаса ожидания внезапная радость была как пистолет на старте. Амелия уже неслась к краю горы, хлопая быстро крыльшками. Она полетела над зеленым лесом к бушующему синему морю.

Улыбка пропала с лица Марси. Даже сверхъестественная радость не смогла подавить панику, когда она поняла, что Амелия делала.

— Постой! — крикнула она, побежав за подругой.

— Нет уж, — отозвалась Амелия, хлопая быстрее. — Я ждала этого веками. Я не буду ждать ни секунды. Где-то там дух драконов, и я его найду!

— Но ты даже не знаешь, где это! — закричала Марси, замирая на краю вершины. — Там тысячи духов. погоди, пока я не помогу тебе найти...

— Я же говорила, — крикнула драконша, ее голос утихал, ведь она была все дальше. — Больше никакого ожидания. Это был сигнал для меня и для тебя. Я не знаю, что случится, но Боб сказал, что это единственный способ, а он меня еще не подводил.

Она оглянулась, глаза восторженно сверкали.

— Я справлюсь, Марси. Иди с Вороном. Он отнесет тебя, и ты сможешь сделать все дела Мерлина, ради которого все это мы пережили, — она повернулась, прижала крылья к телу, готовясь пикировать. — Придерживайся плана, и мы увидимся на другой стороне.

— Но как ты туда попадешь? — заорала Марси. — Амелия!

Но было слишком поздно. Дракончик уже падал стрелой, змеевидное тело исчезло почти без плеска в бесконечной синеве Моря Магии в интерпретации Сердца Мира. Марси все еще глядела туда, где она пропала, когда тяжелый вес опустился на ее плечо.

— Ну-ну, — Ворон мягко ее сжал когтями. — Она сказала, что захватит Смертного Духа, и она не может сделать это с вершины.

— Я не знала, что она нырнет в воду! — безумно сказала Марси. — Она едва могла держаться в Море Магии без Призрака. Как она найдет верный сосуд до того, как магия превратит ее в пасту? Она даже не знает, куда двигаться!

— Это ее дело, — Ворон подмигнул. — Но не только ты хорошо подстраиваешься. Я знал Амелию с тех пор, как она была младше тебя. Она хитрая, как любой дракон, но не прыгает, пока не знает, что приземлится на ноги. Она будет в порядке. Тебе нужно переживать за себя.

Он опустил голову, склонился и смотрел в ее глаза черными глазами-бусинками.

— Пора сдержать обещание, Мерлин.

Судорожно вдохнув, Марси кивнула. Она отвернулась от края, где пропала Амелия, и прошла к другим, которые все еще стояли у треснувшей печати.

— Мирон, — твердо сказала она, — следи за трещиной. Подавляй ее своей магией, если нужно, но не дай печати сломаться.

— Я сделаю, что смогу, — сказал он. — Это вряд ли поможет, но я постараюсь. Просто не медли. И удачи, — он нервно взглянул на дикое море. — Она тебе понадобится.

Марси казалось, что удача уже была с ней, потому что, хоть она боялась, она ощущала, что ей повезет. Она не знала, было ли это из-за вмешательства Боба, но когда Мирон это сказал, Марси знала, что он был прав. Это был ее удачный день, и она использует каждую каплю везения.

— Готов? — спросила она у Призрака.

Вместо ответа ее дух прыгнул к ней, стал пушистым белым котом и упал в ее руки. Когда он свернулся холодным комком у ее груди, Марси повернулась к Ворону с решительным видом.

— Забери нас.

Было невозможно понять из-за клюва, но она могла поклясться, что дух улыбался ей. Он раскрыл крылья. Когда он хлопнул ими, его когти до боли впились в ее плечо, потянули ее душу из Сердца Мира во тьму.

* * *

В СЗД все шло не так.

Алгонквин сидела на дне озера, которое она сделала в Яме. Озеро должно было подавлять монстра, но теперь оно иссякало. Она даже не знала, как это происходило. Вода была ее, она вытянула ее из рек, озер и луж, со своего дна. Часть СЗД должна была находиться под ее полным контролем. Слушаться ее, как дно озер, которые дали ей имя. Но это не работало.

Вода ускользала. Магия не работала. Остатки заклинания ее магов не помогали. Безумный дух внизу смог пару раз удачно ударить. Что-то одно не навредило бы. Но все вместе давило на нее, и ей пришлось отпустить воду — ее воду, ее сущность. Теперь все утекало по ее городу волной поражения, и она не знала, хватит ли ей сил притянуть воду во второй раз.

Я говорил, что победы не будет.

— Это не поражение, — с горечью сказала Алгонквин, оглянувшись на тень, которая всегда была за ней. — Это просто неудача.

Такая неудача не происходит случайно, — сказал Левиафан. — *Ты видела отчеты о*

прибытии китайских драконов в Нью-Мексико. Ты знала, что Цилинь был близко. Я просил тебя быть осторожной.

— Я была осторожной! — закричала она. — Я убила всех драконов, которые заходили в мой город, но я не могу сделать ничего с червями на другой стороне мира. Мне нужно было затопить Китай? — она пошла рябью от гнева. — Я не могу истребить их вид сама!

Я могу.

— Да, — сказала она, ее голос был тихим. — Ты можешь. Но пока — нет.

Почему?

— Потому что я не готова, — рявкнула она, повернувшись к кругу. — Я еще не побеждена!

Черные щупальца вылетели из тьмы и обвили ее.

Ну-ну, — прошептал он. — Ты так сильно боролась, но нет смысла врать себе. Ты всегда знала, что до этого дойдет. Потому ты позвала меня. Никто не может сказать, что ты не пыталась, но один дух не может бороться со всем миром, — щупальца проникли в ее воду, обвили ее петлями. — Дай мне закончить твою работу. Впусти меня, и я поглощу всех твоих врагов.

Слова были прохладной тьмой в ее разуме, манящие, как сон, но Алгонквин уже достаточно поспала для бессмертной жизни.

— Нет, — упрямо сказала она, отталкивая его щупальца. — Еще нет, — ее вода сжалась. — Я еще не побеждена.

Но будешь, — пообещал Левиафан, его большая голова поднялась над ней во тьме. — Это уже грядет. Слушай крылья.

Она не могла их пропустить. Она не видела небо из Ямы, но эта птица была не в небе. Он был в мире, который принадлежал только им, большой черный призрак летел через Море Магии с добычей в когтях. Ворон, предатель, нес кого-то с другой стороны. Кого или для чего, Алгонквин не знала, но если он мог так сделать...

Конец ближе, чем ты думала, — закончил Левиафан, качая головой. — Это не остановить, Алгонквин. С каждой секундой поток магии растет, и твоя мечта о возвращении состояния тает, если она вообще была возможной.

Его щупальца задели круг, который Мирон сделал из конструкта Ворона. Этим кругом она подавляла монстра, которого они построили.

Твой почти Мерлин потерян, город в руинах из-за проклятой удачи дракона, и ты уже отдала все, что у тебя есть. Тебе конец. Пора сдаться. Я тебе помогу. Дай мне спасти тебя, пока еще есть, что спасти.

Алгонквин плотно сжала воду. Она не успела сказать ему, что не сдастся, пока в ней останется хоть капля, круг заклинания, который она сдерживала закрытым силой, взорвался, остатки ее воды взлетели во тьму, дух, которого она отчаянно пыталась подавить, вырвался в мир.

— АЛГО-О-О-ОНКВИ-И-И-ИН!

Имя было ненавистной какофонией, уродливой смесью гудков машин, выстрелов и прочих жутких звуков гадкого города. Хозяйка Озер взревела в ответ, ударила по существу, которое пыталось выбраться из сломанного круга, волной воды, речного ила и решимости.

— Еще нет! — завизжала она, ударяя снова и снова. — Я еще не мертва!

Она даже не знала, кому кричала: городу, который пытался вырваться через нее, или тени, которая ждала за ней, как хищник. Но слова были правдой. Даже так, даже сейчас она

была Алгонквин, Хозяйкой Озер. Единственным духом, который боролся с человечеством и выжил. Ее ярость уже затопила Детройт раз. Если СЗД будет давить на нее сейчас, она с радостью сделает это снова, и город уже не отстроится.

— Я еще не мертва, — прошептала она, слова были горькими, пока она смотрела на тьму. — Сделка еще действует! Я дала тебе имя, Левиафан! Я тебя вызвала сюда. Я тебя выпустила. Пока я не умру, ты мой, и я приказываю тебе помочь мне!

Вздых сотряс огромную тень, а потом черные щупальца стали опускаться вокруг нее, как бомбы, вдавливая кричащего Смертного духа в черную грязь.

— И удержи ее там в этот раз, — рявкнула Алгонквин, погружаясь в воду. — Я соберу больше воды.

Я сделаю, что смогу, но это не будет долго. Пока ты не вступишь меня, я — лишь тень, а тени не могут биться с богами.

Она это знала, что у нее была тень, и она ее использовала. У нее уже не было выбора, и Алгонквин оставила его и понеслась по затопленному пейзажу, чтобы подготовить свои озера к войне.

И за ней, скрытый тьмой, Левиафан держал достаточно долго. Как только он выполнил приказ, который дал ему имя и трещину в это измерение, он растаял во тьме, выпуская кричащий дух СЗД в руины ее города.

* * *

Марси все еще была во тьме, когда Ворон отпустил.

— погоди, — завопила она, схватив его за когти раньше, чем он улетел. — Ты не можешь оставить меня тут!

— Почему? — с любопытством каркнул он. Он звучал любопытно. Она не могла точно понять, ведь видела только тьму.

— Ты сказал, что вернешь меня в мир живых, — гневно сказала она. — Туда, где я начала.

Она знала эту тьму. Это была та же пустая чернота, которую она видела, когда только умерла, пока она не поняла, как открыть глаза. Или кто-то ее научил? Марси не помнила, и у нее не было времени на тревогу. Даже Призрака уже с ней не было, что вызывало панику.

— Не время для шуток, Ворон, — она старалась не звучать напугано. — Верни меня в мое тело.

— Глупый ребенок, — ответил дух, насмешливый голос был мягким, как перышко, в ее ухе. — Где ты, по-твоему?

Его когти пропали из ее ладони, когда он закончил, и тьма стала тяжелой. Такого Марси еще не ощущала. Тяжелая, холодная и твердая, как бетонное одеяло, давящее на нее. Она все еще пыталась понять, что произошло, когда поняла, что не могла дышать.

Ужас пронзил ее. Марси запаниковала, боролась, била руками и ногами по черному весу, давящему на нее. Земля, поняла она, впившись пальцами. Она была закопана в землю. Похоронена заживо.

— Марси!

Крик Призрака был настоящим звуком в ее ушах, а не ощущением в голове. Звук был приглушенным, откуда-то над ней. Когда она попыталась закричать, она получила полный рот земли. Ей пришлось копать, рыть безумно землю ладонями, пока ее рука не вырвалась из неглубокой могилы, куда кто-то поместил ее тело.

Когда ее ладонь вырвалась, смертельный холод поглотил ее. Через миг Призрак потянул

ее, вытащил ее тело из земли в слишком яркий свет мира. Настоящего мира, полного настоящего воздуха, который она глубоко вдохнула. Марси рухнула на разрытую землю, кашляя и сплёвывая грязь изо рта, пытаясь перевести дыхание.

— Ты в порядке? — спросил Призрак, похлопав ее по спине, помогая прочистить легкие.

Марси закашлялась снова, подняла дрожащую руку и стряхнула грязь с лица.

— Я жива, — сказала она, голос охрип. — Я жива.

Было слишком хорошо, чтобы это было правдой, и потому Марси стала безумно проверять тело. Хотя она была грязной, а тело онемело от холода, она была в порядке.

Ее конечности были на месте, целые. Голова была в порядке, лёгкие работали отлично, ведь она откашляла землю. Даже дыра, которую прострелила генерал Джексон в ее груди, зажила, хотя в ее футболке осталась огромная окровавленная дыра. Но за грязной тканью ее кожа, мышцы, органы и кости ощущались хорошо. Слишком хорошо.

— Как такое возможно? — с дрожью спросила она, прижав грязные ладони к лицу. — Я даже не сгнила.

— Поблагодари меня за это.

Марси повернулась и увидела Ворона за собой, сидящего на вершине почерневших остатков огромного костра. Пепел и обугленные кусочки не пахли как огонь. Они никак не пахли. Поле недавних странностей это казалось мелкой деталью. Пока Марси не поняла, где они были.

— Ты издеваешься, — она прильнула к Призраку, глядя на живописную долину, окруженную лесом и коронованную горой, которую она хорошо знала. — Ты вернул меня на Землю Восстановления?

— Ты и не уходила, — сказал Ворон. — Тут ты умерла, если помнишь.

Марси не могла такое забыть. Теперь она знала, где была, и горелая груда, на которой сидел Ворон, приобрела новый зловещий вид.

— Это...?

— Да, — сказал Ворон, стряхивая с перьев пепел. — Это останки драконов, из которых Алгонквин забирала силу для первой попытки поднять СЗД. В них осталось недостаточно магии, чтобы попробовать еще раз после того, как ты и Пустой Ветер все сломали, и Алгонквин бросила их тут, когда стала выполнять план Мирона. Но я — бережливая птица. Я ненавижу, когда что-то тратится зря, особенно, что-то редкое и ценное, как труп дракона. И, раз я знал, что ты и котенок могли еще не выйти из игры, я решил их использовать.

Он указал клювом на небольшую яму, которую кто-то вырыл у основания груды пепла до могилы Марси. Там была строка кривых символов заклинания, видимо, написанных Вороном. Она не могла прочесть символы, но ей и не нужно было. Струйка крови текла от груды мертвых драконов к ее могиле, и было просто понять, что тут произошло.

— Фу, — Марси зажала рукой рот. — Ты вернул меня к жизни кровью дракона?!

— Нет, — сказал Ворон. — Я вернул тебя к жизни своими фантастическими силами. Кровь дракона была для того, чтобы твой физический сосуд работал, когда придет время возвращать его тебе, — он выпятил грудь. — Ловко, если я могу говорить так о себе, и уместно. Все всегда обвиняли тебя, что ты — пешка дракона, и даже справедливо, что ты насладишься хоть раз каплей их силы.

В этом был смысл, но Марси была слишком занята, подавляя рвоту, чтобы оценить его ум.

— Не верится, что ты использовал на мне кровавую магию.

— Вот тебе и благодарность за чудо, — Ворон вскинул клюв. — Кстати, это кровавая магия, если все участники — люди. Если бы я был смертным магом, как ты, это было бы некромантией, но я — дух, использующий драконов, которых даже не убивал.

Технически, да, но...

— Ты использовал трупы!

— Я питаюсь падалью! — завопил Ворон. — Я не собираюсь оставлять хорошую силу на земле, когда я могу ее использовать, и я не слышал, чтобы ты переживала из-за деталей, когда я возвращал тебя к жизни!

— Ладно, — Марси стряхнула землю с коротких волос. — Я не жалуясь. Просто... я лично знала хотя бы одного из тех драконов, и от мысли, что ты исцелил меня магией, оставшейся в мертвых телах, не по себе.

— Говорит женщина, которая вылезла из своей могилы и держит идею смерти как питомца.

Марси скривилась.

— Туше, — сказала она, глядя на гладкую кожу зажившего живота сквозь дыру в футболке. — И, кхм, спасибо.

— Не за что, — Ворон взлетел. — Теперь прости, но у нас есть срочные дела. Мне нужно к старому другу, а тебе, видимо, спасти город.

— Верно, — Марси взяла себя в руки. Шок проходил, и она стала осознавать, что снова была жива. Жива, дышала и все такое. У нее было тело, настоящее, без дыры в животе. Кстати... — погоди! — крикнула она улетающему Ворону. — Так я снова на сто процентов человек?

— А кто еще? — каркнул он, кружа над ее головой. — Ты — человек, как и была, и тебе нужно постараться больше не умирать. Я смог вернуть тебя в этот раз из-за удачного стечения событий. Нам не повезет так снова, так что думай дважды, прежде чем прыгать перед пулей.

Марси не хотела снова такое проходить. Когда это закончится, она хотела поймать Широ и заставить его научить ее всему, что древние Мерлины знали о продлении жизни, ведь она слышала истории о магах, которые жили веками, и она хотела такого. Ей нужно было не отставать от дракона. Дракона, которого она собиралась найти, как только все перестанет быть в опасности.

— Идем, — она потянулась к Призраку, чтобы встать. — У нас много дел и мало времени. Сначала нужно вернуться в город. Ворвемся в гараж корпорации Алгонквин, украсть машину и...

— Можно куда лучше, — Пустой Ветер взял ее за руки и поднял, но не на ноги, а к себе на руки. Марси не успела спросить, что он делал, ледяной ветер поднялся с земли, поднял их плавно в воздух. Так он нес ее по Морю Магии, но тут было больше тряски, и было куда страшнее, ведь Марси видела, как земля уменьшается под ногами.

— Ого, — она прижалась к его телу, как коала — к дереву. — С каких пор ты летаешь на этой стороне?

— С тех пор, как ты стала Мерлином, — ответил Призрак, его голос был гордым. — Наша связь всегда была сильной. Теперь ты видела мое истинное лицо, и мы нерушимы, а у тебя есть снова физическое тело в месте, полном магии. Это дает мне шанс делать тут то, что я не мог раньше. На этой стороне.

После его слов Марси поняла, что он имел в виду. Воздух был напряженным от магии, но не обычной. Дикая тяжелая магия Земли Восстановления, которая обычно царила тут, была полностью подавлена резкой силой, от которой пахло жиром и мокрым асфальтом. Эту магию она ощущала в бесконечном городе, где встретила с СЗД. Но внимание Марси привлекло то, как магия липла к ее коже, проникала в ее тело, как вода, а потом текла потоком через ее связь с Призраком.

— Ты пьешь магию через меня? — завопила она. — Без моего разрешения?

— Мы связаны, — невинно сказал он, они набирали скорость. — И мне нужна была сила. Я не ел ничего нового с твоей смерти.

Это было правдой. Но все же...

— Я — не твоя губка, — прорычала она, хотя было сложно злиться на него за то, что он брал, что ему было нужно, и Марси не переживала уже, что он захватит ее. После всего, что они пережили, она доверяла Пустому Ветру жизнь и смерть, так что могла привыкнуть так путешествовать.

Призрак летел по воздуху так, как в Море Магии. Кроме периодической качки и проносившейся внизу земли, не было ощущения движения, что было безумством, ведь они уже миновали лес на краю Земли Восстановления Алгонквин. Когда они пролетели старый район, где Марси впервые поселилась в доме с котами, она на сто процентов освоилась в этом новом способе передвижения.

— Это круто! — завопила она, озираясь, чтобы лучше рассмотреть быстро приближающийся город. — Ты лучше вертолёт!

— Я — ветер, — напомнил он ей, но его голос звучал нервно. — Осторожно. Мы уже близко.

Марси кивнула, проверила свои браслеты, которые, к счастью, все еще были на ее запястьях. Быстрый поиск показал, что в кармане чудом сохранился кусочек мела для заклинаний. Все было мокрым, и маркеры были бы полезнее, но, хоть Марси вернула тело, ее сумка была потеряна.

Наверное, она оказалась у какого-то мага из корпорации Алгонквин, как и ее Космолябия, потеря которой расстраивала ее больше потери набора маркеров за двести долларов. Но после ее чудесного возвращения из мертвых жаловаться о потере Космолябии было как критиковать цвет билета, который принес победу в лотерее, так что Марси подавила разочарование. Она хотела спросить у Призрака, что дальше, когда залп магии взлетел с земли внизу.

На жуткий миг удар сотряс их. Даже после того, как Призрак вернул контроль, дикая сила хлестала в воздухе вокруг них волнами, заставляя их уклоняться, чтобы их снова не задело. После пары резких пируэтов он сдался и опустил Марси на остроконечную крышу одного из суперскребов, который еще не перекосялся.

— Что это было? — закричала она, цепляясь за здание.

Пустой Ветер парил, его сияющие глаза были тревожными в пустоте его лица.

— Не знаю, но, думаю, Алгонквин потеряла контроль над ситуацией.

Он еще не закончил говорить, когда вторая волна магии, еще больше первой, пронеслась по городу как залп из пушки. Как раньше, магия была физическим присутствием, движущейся стеной силы, которая разбивала окна, вызвала звон в ушах Марси. В этот раз внутри залпа был голос. Вой гнева и потери поднимался из города.

— АЛГО-О-О-ОНКВИ-И-ИН!

— Ого, — прошептала Марси, крепче сжимая крышу. — Это точно плохо.

— Она хотя бы не злится на нас, — шепнул Призрак, сжимаясь рядом с ней. — Общий враг может пойти нам на пользу.

— Нет, если она побежит в бой раньше, чем мы доберёмся до нее, — Марси выглянула из-за края здания, чтобы лучше видеть город внизу. — Нужно ее успокоить, убедить ее, что удары вслепую по Алгонквин вредят больше, чем помогают. Это не должно быть сложно. Ее город уже сломан...

Здание стонало под ними, и не оно одно. В СЗД набухала земля. Она поднималась, как волна, и обломки Небесных путей с покосившимися зданиями ехали во все стороны жуткий миг, а потом вдруг рывком встали на место, бетонные фундаменты и балки двигались, как провода, и земля раскрылась под ними в ночи, как огромный рот.

— СОЗДАТЕЛЬ РАБОВ.

Рев поднимался из основания города, отражался от канализации, ливневых стоков и забытых труб нижней части города в какофонии гнущегося металла и ломающегося стекла. Даже с таким шумом и искажением Марси узнала голос. Тот же голос она слышала, когда Призрак съел ее в Море Магии. Голос города гудел как землетрясение.

— УМРИ!

С этим словом залп обломков вылетел из зияющей пасти города. Машины, автобусы, куски зданий, оторванные перекрестки в хаосе летели над головами Марси и Призрака в воды озера Сен-Клер. Каждый снаряд падал с громким плеском, вода взлетала на сотни футов в воздух. Но это было только начало, уловка, чтобы вызвать смятение. Вода еще не закончила падать, СЗД взревела снова, и суперскреб, за который держались Марси и Призрак, стал сильно раскачиваться. Через секунду все накренилось, и огромное здание вырвалось из земли и полетело к Башне Алгонквин, как снаряд.

Это Марси увидела последним, ее отбросило в сторону, и она полетела в пустой воздух.

* * *

— Ну же, — Джулиус тянул сестру за руку. — Нужно идти.

Он не думал, что придется говорить это Челси, но, кроме неожиданной благодарности Циля и поразительного прилива магии после этого, все просто... остановились.

Джулиус не мог их винить. После лет тревоги и неудач сила удачи Циля работала на полную, как наркотик. Все ощущалось правильным, идеальным, словно в мире больше не могло быть ничего плохого.

Но даже счастливый туман удачи не мог скрыть факт, что земля дрожала хуже, чем до этого. Что страшнее, магия двигалась с ней, дрожала, как натянутая нить. Хуже всего было то, что Джулиус мог поклясться, что ощущал запах Марси в магии.

Это было невозможно, конечно. Магическое безумие тут было новым, а Марси была мертва. Наверное, смятение было вызвано фактом, что ее запах и магия СЗД были близко связаны в разуме Джулиуса. К сожалению, от осознания, что это была иллюзия, легче не стало. Каждый раз, когда он вдыхал, она была там, слабая, но безошибочная.

Каждый вдох оставлял трещинку в стене, которую он построил, чтобы сдержать боль от ее смерти, грозящую захлестнуть его. Это уже ослабило счастье от удачи Циля, и он хотел собрать семью и уходить, пока он не сломался снова. Но, когда он смог поднять драконов на ноги, ужасный скрежет заставил их рухнуть.

Звучало так, словно сталелитейный завод проходил через измельчитель, но ужаснее. Такую ярость можно было ощутить костями, хоть она была чужой. Джулиус все еще пытался

заставить тело разжаться, когда неестественный крик ударил по нему снова. В этот раз гнев создал слово:

— АЛГО-О-О-ОНКВИ-И-ИН!

Звук был отовсюду и из ниоткуда, дрожал в потрескавшемся асфальте и рухнувших зданиях, в обломанных краях обвалившихся Небесных Путей. Звук доносился из воды и земли, из самого воздуха. Даже Цилянь уже не выглядел парящим от счастья, а озирался в тревоге в поисках источника звука.

— Что это было?

Джулиус не успел сказать, что он не знал, голос снова ударил по ним:

— СОЗДАТЕЛЬ РАБОВ.

— Это наш сигнал идти, — прорычала Челси, прижав к себе дочь, повернувшись к сыну. — Фредрик.

Ф уже действовал. Он поднял Клык, чтобы вернуть их на гору Хартстрайкер, и третий крик распорол воздух.

— УМРИ!

Слово взорвалось как бомба. Весь город содрогнулся, бросая их в стороны вместе с остатками перекошенных Небесных путей. Если бы их не окружало все еще чудо удачи Циляня, кусок дороги, укрывавший их от воды, рухнул бы на их головы. Но, хоть это казалось невозможным, кусок Небесных путей не упал. Он поднялся, улетел в темное небо, словно его забрала из земли огромная невидимая ладонь.

Не только этот кусок. Сквозь дыру в сломанных Небесных путях Джулиус видел, что в воздухе летало много предметов. Машины, куски бетона, урны — все, что не было прибито, летело над городом к озеру Сен-Клер.

Или так показалось Джулиусу. С их места у реки, где их от озера Алгонквин отделял квартал, он ничего не видел. Но через пару секунд он понял, что ему и не нужно было. Взрыв воды, когда атака попала, был таким большим, что он увидел его над суперскребами. И тогда — пока он смотрел, как белая вода поднялась выше зданий — он увидел две фигуры на вершине одного из самых высоких зданий Финансового района.

Они были так далеко, человек увидел бы их как точки в ночи. Теперь он был без печати, и Джулиус видел хорошо, он четко различил девушку, спокойно стоящую на вершине суперскреба.

Девушка с короткими темными волосами стояла рядом с высоким мужчиной в шлеме римского центуриона.

— Джулиус?

Голос Челси был резким в его ухе, но Джулиус едва его слышал. Он протирает глаза, вжимая в них ладони так, что видел точки. Когда он посмотрел снова, женщина еще была там. Она повернулась к нему, опустила голову и смотрела на город внизу. Любимое лицо, которое он узнал бы всюду, но он и не мечтал, что увидит ее снова.

Марси.

— Джулиус! — заорала Челси, хватая его за плечо. — Что ты...

Он вырвался из ее хватки, бросил свой Клык, убирая лишний вес, и устремился вперед. Он бежал так быстро, что его ноги едва касались земли, а потом и вовсе не касались. Он не успел понять, когда изменил облик, пока он не оказался в воздухе, полетел через дыру в Небесных Путиях быстрее, чем обычно мог.

Но все еще недостаточно быстро.

Мир словно замедлился, он увидел, как здание, на котором стояла Марси, поднялось, как до этого обломки, словно его взяла невидимая рука. Ладонь бросила здание в сто этажей, как копьё, к башне Алгонквин, и Марси полетела в другую сторону.

Она летела в пустом воздухе, размахивая руками, отчаянно пытаясь замедлить падение, и сердце Джулиуса сжалось от ужасного осознания, что он не успеет. Как бы быстро он ни летел, он не мог добраться до нее вовремя, пока она не упала на землю. Он отчаянно пытался, когда магия Циля зазвенела в нем как золотой колокол.

Когда император поблагодарил его, его удача была молотом, сильным присутствием без цели, просто несущим счастье. Это было другим. В этот раз удача была острой, как его когти, хотела порвать мир на ленты, чтобы дать Джулиусу то, чего он хотел. То, чего он больше всего желал.

«Марси, — думал безумно Джулиус. — Марси, Марси, Марси».

Он все еще повторял ее имя, когда жестокая волна магии — той же магии, которая бросала здания — поднялась снизу. Джулиус инстинктивно сложил крылья, дал взрывной силе врезаться в него.

В логичной вселенной это раздавило бы его. Но золотая удача Циля пела для него, повернула его тело так, что магия бросила его, и он понесся быстрее, чем мог сам. Быстрее, чем падала Марси, несясь через дыру в Небесных путях к земле. Джулиус уже был там, раскрыл крылья, чтобы поймать ее, и она врезалась в него.

Глава 15

Марси падала с ночного неба.

Это произошло так быстро. Одну секунду она держалась за здание, смотрела, как город оживал. А потом она летела в хаос, ее тело дико кружилось. А потом она стала падать к земле, все быстрее и быстрее. А потом, когда в ее голове стали кружиться слова «предельная скорость», она врезалась в мягкие синие перья.

— Марси!

Знакомый голос был испуганным в ее ушах. Больше и ниже, чем она помнила, но все еще узнаваемый. Она огляделась в шок и поняла, что держалась за спину дракона. Дракона с синими перьями, широкими крыльями и красивыми потрясенными зелеными глазами.

— Джулиус.

Имя вылетело из нее, что было чудом, ведь остальная Марси не работала. После всего, что случилось — падение с суперскреба было лишь еще одной каплей — оказаться с ним тут, ощутить его пальцами... Это было слишком. Она пыталась вернуться к жизни по множеству причин, включая спасение мира, но глубже всего было эгоистичное желание быть с ним. С ее драконом.

И он был тут.

Она уже не могла скрывать эмоции. Марси изо всех сил схватилась за Джулиуса, обнимая его так сильно, что чуть не испортила их приземление на разбитую улицу. Как только он опустился, Джулиус обвился вокруг нее, как змея, обнимая ее всем, чем мог.

— Это ты, — прошептал он, крепко сжимая ее. — Ты жива, — он прижался широким лбом к ее лбу, зеленые глаза блестели так счастливо, как она еще не видела. — Марси, ты жива!

Марси кивала, слишком счастливая, чтобы говорить или думать. Слишком счастливая, чтобы делать что-то, кроме как сжимать его изо всех сил, что было логично, ведь он ее спас.

Я бы тебя поймал, — буркнул Призрак.

— Не порть это для меня, — прошипела Марси, бросив взгляд на своего духа поверх крыльев Джулиуса. Она повернулась к своему дракону, и его счастье быстро сменилось смятением.

— Не верится, — он чуть отодвинулся, чтобы окинуть ее взглядом. — Я так счастлив, но как... как это возможно?

Марси прикусила губу.

— Это сложно.

— Сложно? — он потрясенно смотрел на нее. — Марси, ты умерла. Я это видел. Челси тебя похоронила.

Это объясняло землю над ней. Но, хоть Джулиус заслужил объяснение, на это не было времени.

— Я обещаю, что это все можно объяснить, — сказала она, стараясь звучать спокойно. — Но я не могу отвлекаться на это сейчас. Алгонквин пытается уничтожить СЗД. Если я ее не остановлю, они разрушат весь город.

Словно в доказательство, грохот разнесся эхом вдаль, за ним — громкий плеск. Когда Марси попыталась повернуться и увидеть, какая часть города улетела в воду, Джулиус схватил ее лапами за плечи.

— Зачем тебе ее останавливать? — спросил он, убирая острые когти, чтобы они не задели ее. — Ты только вернулась из мертвых! Я не дам тебе умереть в бою с Алгонквин. Я уже нашел выход. Просто идем со мной и...

— Нет, — твердо сказала она, глядя в его зеленые глаза. — Я не могу убежать от этого, Джулиус. Этот бардак отчасти моя вина. Я освободила дух СЗД.

Теперь он растерялся сильнее.

— С каких пор у СЗД есть дух?

— Уже шесть часов, как есть, — сказала она с беспомощной улыбкой. — Нет времени объяснять, но если вкратце: если я не исправлю это, у нас будет много проблем на разных уровнях.

Это было удивительно спокойно по меркам Марси. К ее удивлению, Джулиус не засыпал ее вопросами. Он просто вздохнул и с неохотой отпустил ее.

— Что нам нужно делать?

Она удивленно моргнула.

— Нам?

— Да, нам, — потрясенно сказал он. — Я только вернул тебя из мертвых. Это чудо, Марси. Плевать, даже если ты пойдешь к Алгонквин. Я тебя не оставлю. Что бы тебе ни нужно было делать, мы сделаем это вместе, так что запрыгивай и говори, куда нам нужно.

Он лег на землю после этого, опустил крылья, чтобы она могла забраться на место между ними, но Марси могла лишь глазеть.

— Ты хочешь, чтобы я ехала на тебе?

— Так быстрее, и я так останусь с тобой, — упрямо сказал он. — И я обещал тебе полет. Так и было.

— Это будет безумно, — предупредила она, забираясь на его пернатую спину.

— Еще причина остаться близко, — сказал он, повернув голову, пристально глядя на нее. — Я потерял тебя раз, и это было хуже всего в моей жизни. Я больше тебя не потеряю.

Он звучал так серьезно, что Марси чуть не заплакала снова. Это было глупой реакцией, но она не могла ничего поделать, потому что он всегда был таким. Что бы ни случилось,

Джулиус всегда оставался рядом с ней. Он всегда помогал ей, прикрывал ее. Даже сейчас, когда он не знал, что их ждало, и весь город разваливался, он не медлил. Он был с ней, готовый прыгать в огонь, и, как с самого начала, Марси любила его за это.

— Спасибо, — сдавленно прошептала она.

Он прижался головой к ее плечу, глубоко вдохнул ее запах, а потом прыгнул в воздух, заставляя Марси крепко держаться, крылья хлопали по бокам от нее, поднимая их в облачную ночь с поразительной скоростью. Или не такой поразительной. Хоть Джулиус звал себя посредственным драконом, он всегда был быстрым, и так было и сейчас. Даже Призраку было непросто успевать, пока они неслись через зияющие дыры в Небесных путях к дрожащему городу.

Или к тому, что от него осталось.

— Что за...

Всю ее жизнь СЗД был городом будущего. Огромный, с неоновыми огнями, двуслойный — чудо человеческой магии, коммерции и гениальности во всех формах. Теперь город выглядел как боевая зона.

Все строения были повреждены. Здания были разбиты, обрушились или горели, наполняя небо клубами черного дыма. Многие мосты Небесных путей рухнули, а те, что еще не рухнули, были в трещинах, провисли. Без их поддержки известные суперскребы склонялись, как столбы в зыбучих песках, но ущерб задел не только верхнюю часть города.

В Подземелье бушевал огонь, газопроводы были повреждены, электрические щиты взрывались. Другие районы были все еще затоплены, улицы были под несколькими футами грязной воды. Но, хоть это выглядело ужасно, в тысячу раз хуже было то, что разрушение двигалось.

Город был не просто сломан. Он шел волнами, здания и дороги двигались, дрожали и сжимались, как загнанные в угол звери. На дымящемся горизонте посреди мелких зеленых вод озера Сен-Клер торчала разбитая белая башня Алгонквин. Марси не успела увидеть, что произошло, но, видимо, вырванный суперскреб попал метко, потому что верхушка знаменитой крепости Хозяйки Озер была сбита.

Со спины Джулиуса Марси видела изящно закрученную верхушку башни — и все головы драконов на копьях, которые были собраны сверху — лежащую в грязи в нескольких сотнях футов на берегу озера с канадской стороны. Но, хоть было странно видеть Башню Алгонквин, символ города, без верхушки, это было ничем, по сравнению с духом рядом с ней.

Марси видела Алгонквин много раз, во многих обликах, но не так. Это была не Хозяйка Озер, похожая внешне на человека. Это была Алгонквин, как она, наверное, появилась в первую ночь, когда магия вернулась: яростно крутящаяся воронка воды высотой с суперскреб.

Больше была только тень Левиафана за ней. Сначала Марси подумала, что он просто парил, но потом она увидела щупальца в озере, черпающие воду в Алгонквин, и ее крутящаяся колонна становилась все выше и больше, пока она не лопнула без предупреждения, обрушившись на извивающийся город разрушительной высокой волной.

— Джулиус!

Он стал двигаться раньше, чем она открыла рот. Крылья хлопали, он поднял их на безопасную высоту за мгновения до того, как вода озера обрушилась цунами на здания. Город завизжал от удара, нечеловеческий вопль боли и гнева Марси ощутила костями. Даже

Призрак дрожал, его страх пронзал их связь, как ледяное копьё.

Нам нужно это остановить! — завопил он в ее разуме. — *Так Алгонквин утопит город раньше, чем мы с ней поговорим.*

— Знаю! — заорала Марси, опасно склоняясь со спины Джулиуса, чтобы осмотреть город внизу. — Нам нужно понять, как поговорить с ней, убедить ее прекратить бой.

Она не перестанет биться, пока Алгонквин пытается уничтожить ее.

— Тогда лучше добраться до нее раньше, чем Алгонквин бросит еще волну, — сказала отчаянно Марси. — Она не может так продолжать. СЗД больше, но Мирон уже не кормит ее магией, и она быстро ее выжигает. Смотри.

Она указала на здания, которые дико извивались, как водные растения в бурю.

— Я не знаю, сколько нужно силы, чтобы бетон двигался как змея, но, наверное, много. Печать еще на месте, Мерлин не добавляет ей магию, так что вскоре СЗД выдохнется. Когда это случится, Алгонквин сделает из нее отбивную.

Что же нам делать?

— Придерживаемся плана, — приказала Марси. — Найдем СЗД, успокоим ситуацию, вызовем Мирона и продолжим с уловкой Ворона, пока еще есть город, который можно спасти.

Или можно позволить им биться, — предложил Пустой Ветер, глаза сияли. — *У СЗД нет Мерлина, но сейчас она больше Алгонквин. Если бы мы сразились с ней, не нужно было бы рассчитывать на уловку Ворона. Мы могли бы одолеть Алгонквин старым образом, раздавив ее силу и выкачав ее магию, пока она не вызвала Левиафана.*

— Или можно загнать ее в его липкие щупальца, — отметила Марси. — Мы не можем так рисковать. Может, ее водный палец уже на кнопке, — она посмотрела мрачно на затопленный город. — Мы держимся плана.

Как скажешь, — горько сказал Пустой Ветер, двигаясь перед Джулиусом, который не показал, что видел что-нибудь. — *Я поищу ее, но будь осторожна, Марси. Алгонквин прижата к стенке, и дракон не так быстр, как я.*

— Потому ты и будешь искать, — сказала она с улыбкой. — Я буду в порядке. Поспеш.

Вздых Призрака пронесся в ее голове, а потом он пропал в гудящей ночи.

— Я слышал только половину разговора, — сказал нервно Джулиус, юркнув за огромное здание, чтобы скрыться от воды Алгонквин, воронка снова поднималась. — Но, видимо, мы остаемся тут, пока Призрак поищет... что?

— Дух СЗД, душа города.

— Верно, — сказал он, приземляясь на стену суперскреба, впиваясь в него когтями, как ящерица на дереве. — И как нам такое найти?

— Я даже не знаю, — признала Марси. — Но я надеюсь, что Призрак...

Оглушительный гул прервал ее. Это было так близко, что Марси подумала, что что-то ударило по ним. Они все еще были целыми, значит, дело было не в этом, к счастью, но реальность не была намного лучше.

Алгонквин было мало просто топить врага, она теперь катапультировала воду в город, залпы воды размером с грузовик неслись на скорости в СЗД. Один из залпов — гул, который они слышали — попал по зданию, за которым они спрятались. В результате весь суперскреб падал, как срубленное дерево, и Джулиус с Марси были не на той стороне.

— Лети! — завизжала она.

Джулиус оттолкнулся от стены, крылья хлопали, он пытался улететь, но даже ему не

хватало скорости. Падающее здание было слишком большим, а места для ускорения было так мало, что небоскреб падал на них со стоном гнущейся стали и ломающегося бетона. Но, когда падающая сторона здания стала так близко, что Марси видела свое испуганное лицо в треснувших окнах, оно замерло.

На жуткий миг здание зависло в воздухе, а потом откатилось влево, словно скатывалось с холма. Марси все еще пыталась понять, как это произошло, когда сломанное здание откатилось достаточно далеко, чтобы было видно огромного золотого дракона, спокойно парящего на другой стороне.

После этого она могла лишь глазеть. Дракон не был самым большим из всех, кого она видела — эта честь все еще принадлежала Дракону, Видящему Начало — но он был самым поразительным. Чешуя на его длинном извивающемся теле была чистым золотом, каждая чешуйка блестела как сокровище в свете огней внизу. Его сияющие глаза тоже были золотыми, и у него не было крыльев. Если бы не белый дым, вылетающий из его рта, как дым от благовоний, Марси поклялась бы, что он был большой парящей статуей.

Даже когда он стал двигаться по воздуху к ним, извиваясь, движение выглядело слишком идеальным, чтобы быть настоящим. Она гадала, не был ли он иллюзией, когда дракон чуть меньше — но все еще ужасно огромный — с черными матовыми перьями и знакомыми зелеными глазами появился в воздухе рядом с ним.

— Что ты творишь? — зарычал новый дракон голосом Челси, грозно глядя на Джулиуса, который почти задыхался от попыток улететь от здания. — Ты должен был улетать от опасности, идиот, а не к... — она умолкла, ее зеленые глаза заметили Марси, цепляющуюся за спину Джулиуса, а потом черная драконша вздохнула, выпустив дым. — Это многое объясняет.

— Кто она? — спросил золотой дракон прекрасным голосом.

— Его важная смертная.

Золотой дракон выглядел растерянно.

— Я думал, она была мертва.

— И я так думала, — сказала Челси. — Но я должна была знать лучше, что с этими двумя все не так однозначно, — она показала Марси стену зубов, которая явно должна была стать улыбкой. — С возвращением.

Марси медленно кивнула, но, хоть зубы пугали, ее больше интересовал крохотный дракон, цепляющийся за шею Челси, золотые глазки малышки расширились от восторга.

— Что это?

Как обычно, все, кроме Джулиуса, проигнорировали ее.

— Это ее дочь, — прошептал он. — А золотой дракон — Цилинь Сян, известный еще и как Золотой Император.

— Дракон, который правит Китаем? — он кивнул, и Марси охнула. — Что он тут делает?

— Расскажу позже, — Джулиус утомленно улыбнулся. — Не у тебя одной многое произошло.

Точно. Она не успела ничего добавить, Джулиус повернулся к золотому дракону и опустил голову.

— Спасибо, что спас нас.

— Это был не я, — сказал император. — Это был мой сын.

Он указал идеально изогнутым когтем, и Марси с Джулиус посмотрели на третьего

дракона, парящего ниже, чем они.

Он был большим, как Золотой Император, но с крыльями и перьями, как Челси и Джулиус. Блестящие черные перья красиво оттеняли золотые довольные глаза, он стряхивал с когтей кусочки здания, явно впился ими в стену, отталкивая строение. Но даже это впечатляло не больше всего. Марси охнула при виде белых, как кость, ножен на изогнутых когтях. Это был признак трансформировавшегося Клыка на Хартстрайкере.

— Кто это?

— Это Фредрик, — сказал Джулиус, глаза расширились от восторга. — Он огромный.

Цилинь гордо улыбнулся.

— Он — мой старший сын.

— Фредрик — твой сын? — поразилась Марси. — Хмурый дракон-дворецкий? — когда Цилинь кивнул, она повернулась к Джулиусу ошеломленно. — Ты должен рассказать, что произошло, пока меня не было.

— Как только будет время, — пообещал Джулиус, нервно глядя на озеро. — Сейчас у нас проблемы крупнее.

Это он мягко сказал. Несмотря на то, что Алгонквин бросила воду всего озера на город, столб ее стал еще выше. Она теперь была высотой с Левиафана за ней, и она не собиралась останавливаться.

Как и город. Внизу затопленный СЗД гудел, как барабан. На берегу озера, где было много зданий, те строения, что еще не были раздавлены, двигались, сгибаясь, как пальцы в кулак, а потом они ударили по воде внизу. Они впивались в воду Алгонквин одно здание за другим, формируя каменную баррикаду от новых волн.

Так было и с Подземельем. Старые здания, припаркованные машины, даже рухнувшие куски Небесных путей, собрались, как кирпичи, чтобы сделать стену напротив мест, где нижняя часть города была открыта воде.

Когда барьеры встали на место, гудящая магия в воздухе сжалась, как узел, сомкнулась так быстро, что Марси охнула. Даже драконы скривились, инстинктивно укрылись, когда город взревел и бросил в воздух обломки.

Этот залп был больше. Первая атака бросила здание в Башню Алгонквин. В этот раз здания полетели над барьерами в самую Алгонквин. Здания врезались в воду, ломали ее и посылали брызги воды высоко в воздух, падали на канадский берег как дождь. Когда она попыталась вернуть себе форму, город ударил по ней снова, крича торжествующим воем скрежещущего металла, продолжая бросать автобусы, здания и куски дорог в озеро.

— Хватит, — сказала Челси, машина пролетела мимо нее. — Пора идти. Фредрик, бери Джулиуса и его смертную. Мы с Сяном сможем уклоняться, пока вы...

— Я остаюсь, — сказал Джулиус.

— С ума сошел? — закричала Челси, уклоняясь от пролетевшего автобуса. — Я не знаю, что тут происходит, но город будто воюет с Алгонквин!

— Это и происходит, — сказала Марси. — СЗД...

— Мы не хотим быть посреди этого, — перебила ее Челси, спикировала к брату. — Идем.

— Нет, — упрямо сказал Джулиус, уклоняясь. — Я не уйду, пока не помогу ей!

Он мог говорить только об одном человеке. Все драконы посмотрели на Марси. Но, хоть ей хотелось сжаться от взглядов огромных магических хищников, Марси уже не был просто смертной. Она была Мерлином, и хоть она не знала историю этот титула так хорошо, как

Мирон, она была уверена, что Мерлины не сжимались.

— Я должна это остановить, — она гордилась тем, что ее голос лишь немного подрагивал. — Все, что вы видите, происходит, потому что Алгонквин бьется со Смертным Духом СЗД, и будет хуже. Но, несмотря на то, что происходило, СЗД — не жестокий дух. Если я смогу добраться до нее, уверена, я смогу ее уговорить.

Челси не была убеждена.

— И тебе нужен Джулиус для этого, потому что...?

— Потому что я ее не оставлю, — прорычал Джулиус. — Никогда.

Его сестра раздраженно выдохнула дым.

— Что с тобой? Почему ты никогда не убегаешь от опасности как разумный дракон?

Джулиус стиснул зубы.

— Потому что я...

— Это был риторический вопрос, — рявкнула она, повернувшись к столбу воды Алгонквин, который почти доставал до неба. — Хочешь остаться? Ладно, но не глупи. Ты идешь со своим человеком. Я полечу туда и найду способ отвлечь водный столб. Фредрик, забери императора и сестру на гору.

Джулиус моргнул, глядя на нее.

— Что?

— Это мой вопрос, — прорычал Фредрик, прилетев к ним. — Что ты творишь?

— Не то, что хочу, — прорычала Челси. — Но Джулиус не оставит смертную, а я в долгу перед ним за все, так что тоже не могу оставить ее.

— Я не говорил, что ты должна оставаться! — завопил Джулиус.

— Я не оставлю тебя биться одну, — сказал в то же время Фредрик. — Ты хороша, Челси, но даже ты не можешь одолеть Алгонквин.

— Если бы один дракон мог одолеть Алгонквин, мы исправили бы эту проблему годы назад, — сказала она. — Но я не буду с ней бороться. Я куплю Джулиусу время, чтобы его смертная могла сделать то, что она прибыла сделать. И мы сможем уйти.

— Еще раз, — прорычал Джулиус, — ты не обязана...

— Тогда я с тобой, — сказал Фредрик, игнорируя его. — Я тоже в долгу перед Джулиусом, и я не дам тебе делать это одной.

— Как и я, — Цилинь приблизился к Челси. — Я все это прошел не для того, чтобы теперь оставить тебя. И, если ты хочешь, чтобы отвлечение длилось дольше минуты, тебе понадобится моя помощь.

— Удача пригодилась бы, — признала Челси, хоть не была рада. — Но мы все сделаем, как я скажу. Никакого героизма, все чисто.

— НЕТ! — заорал Джулиус, проталкиваясь между других драконов. — У вас нет ушей? Я сказал: нет! Н-Е-Т. Вы не будете биться с Алгонквин.

— У кого нет ушей? — рявкнула Челси. — Мы с ней не бьемся. Мы ее отвлечем.

— Нет разницы, — рявкнул Джулиус, дыша быстро и в панике. — Я не дам тебе это сделать.

— Это не твой выбор, — спокойно сказал Фредрик, хмуро глядя на Джулиуса, и это не сочеталось с послушным Ф, которого Марси помнила. — Это наш долг. Если хочешь остаться со своей смертной, мы отвлечем духа озера, сколько сможем. Она будет хотя бы бить по нам, а не городу.

— Это было бы полезно, — сказала Марси. — Будет проще поговорить с СЗД, если ее

не будет при этом бить по лицу Алгонквин.

— Так она должна вместо этого бить мою семью? — завопил Джулиус.

Челси оскалилась с отвращением.

— Будто мы ее подпустим близко, — она полетела к озеру. — Решение уже принято, Джулиус. Лети, потому что много времени мы не выиграем.

Кивнув, Цилянь устремился за ней, змеясь в ночи, как золотая лента.

— Похоже, это решено, — Фредрик улыбнулся Джулиусу и повернулся к другим. — Удачи, сэр.

— Погодите! — закричал Джулиус. — Все не так должно...

Но три дракона уже пропали, улетели в ночь к Алгонквин.

— Идти, — закончил Джулиус, опустив голову.

Марси прикусила губу.

— Прости. Я не хотела...

— Все хорошо, — быстро сказал он. — Ты не виновата. Это... — он выдохнул гневно дым. — Драконы очень упрямы.

Марси хотелось сказать, что и он был таким, но времени не было. Она не была уверена насчет размера долга, но если Челси, Фредрик и Цилянь решили отплатить Джулиусу, она не будет тратить шанс. Особенно, когда Призрак тянул за их связь.

«Нашел что-нибудь?» — мысленно спросила она.

Долгая пауза, а потом картинка скользнула в ее разум. Темная пещера, сделанная людьми, полная воды, обломков и запаха смерти.

— Поняла, — Марси посмотрела на Джулиуса. — Она в Яме.

Он поежился, пернатое тело дрожало под ее.

— Конечно, она там. Разве она могла быть в приятном месте?

Он вздохнул с дымом, бросил взгляд на драконов, летящих к Алгонквин. А потом он принял решение, спикировал, полетел к скоплению чудом стоящих суперскребов Финансового района, загрязненная Яма была скрыта под ними.

* * *

Полет в Яму сильно отличался от прошлого раза, когда Джулиус был там.

Было все еще ужасно, конечно. Даже кипящая магия, накрывшая город, не могла подавить маслянистое ощущение самой загрязненной магической пустоши Подземелья. Вместо этого две силы смешались, создав гадкую пленку, от которой воняло старой гнилью, топливом и затхлой озерной водой. Последний запах был скорее физическим, чем магическим из-за слоя грязной воды в пять футов глубиной, которая покрывала Яму.

— Мило, — Марси зажала нос, пока Джулиус нес их. — А я думала, это место не может стать хуже.

— Тут уже не так темно, как раньше, — он посмотрел на потолок из Небесных путей, который, как и всюду в городе, теперь был в трещинах, пропускающих свет сверху. В основном, оранжевый свет огня, который тянулся по городу, несмотря на потоп Алгонквин. Но свет был плюсом.

— Нужно покончить с этим, — буркнула Марси, сжимая его перья. — Вскоре будет нечего спасать.

— Не спорю, — сказал Джулиус. — Но что мы ищем?

Она вздохнула.

— Не знаю. Когда я видела ее в последний раз, СЗД не могла выбрать между обликом

человека или огромной крысы, но раз духи — разумная магия, это не очень важно. Она может быть чем угодно, но мы ее узнаем, когда увидим.

Джулиус надеялся на это, потому что сейчас он ничего не видел. Когда он был тут в последний раз, Яма выглядела как плоский заброшенный пригород, погребенный, как тело, под самой густой частью поднятого города Алгонквин, в чем был смысл, ведь так и было. Как первая жертва потопа Алгонквин, Яма — или Гросс-Пойнт, как место звалось ранее — так и не восстановилась.

Пока остальной Детройт был отстроен или скрыт слоем новых зданий, это место было запечатано, как гробница, накрытое Небесными путями и запертое во тьме, как грязная тайна. Ничто не стало лучше или изменилось. Даже ил от первого потопа еще был там, лежал одеялом на сломанных улицах и основаниях домов, разбитых волной Алгонквин, так что казалось, что район был на дне тёмного неприятного моря.

Иллюзия стала сильнее от нового слоя воды, покрывшего все. Но, хоть из трещин сверху стекали ручьи воды, Джулиус не думал, что потоп тут был от недавней волны, или даже от разлива реки до этого. Он не мог сказать, почему, но он ощущал уверенность, что это вода была тут куда раньше, от какой-то ранней катастрофы.

Он решил, что пахло старым. Старым и очень сильным запахом озера. Он пытался понять, было ли это важно, когда Марси закричала:

— Там! — закричала она, показывая.

Увидев это, Джулиус не понимал, как не заметил раньше. Даже в странной густой тьме Ямы было невозможно упустить большую грудку мусора на низшей точке Ямы, напоминающей чашу.

Груда была неправильным словом, решил он, когда они приблизились. Это была башня, наклоненная колонна двадцати футов в диаметре, сделанная из разбитых машин, стиральных машин, кирпичей, гипсокартона, старые части компьютеров — всякий мусор.

Башня тянулась с затопленного дна Ямы до потолка сломанных Небесных путей в тридцати футах над головой, соединяя части города, как огромный корень. Джулиус не был магом, не знал, что это означало, но структуры не было тут раньше.

— Это наша мишень?

— Скорее всего, да, — взволнованно сказала Марси, указывая на ржавую машину у дна кучи. — Опускайся там. Призрак уже направился внутрь, чтобы проверить.

Даже для духа смерти проникнуть в огромную колонну загадочного мусора, которая могла быть сердцем разъяренного духа, звучало как плохая идея. Джулиус не хотел туда приближаться. Теперь они были ближе, и он ощущал, как башня пульсировала той же магией, которая редела в городе. Но потому они и были тут, так что он решился и опустился туда, куда указала Марси, сел на край бампера машины, как птица — на подоконник.

Отвратительный подоконник.

— Фу, — он поднял лапы. — Тут скользко. Как в тот раз, когда мы ходили по канализации.

— Ощущается скользко, — Марси спрыгнула с его спины и коснулась машины. — Странно. Может, это от потопа?

Место было жутким, и Джулиус подозревал другое. Он ощутил за все время больше магии Алгонквин, чем должен любой дракон. Но, хоть ее озерная вода была холодной и склизкой, ужасно неприятной, она никогда не была грязной. Тут же казалось, что грязная магия Ямы стала физической, и чем больше Джулиус думал об этом, тем меньше ему

правились ситуация.

— Вряд ли это хорошее место для духа СЗД.

— Точно, — согласилась Марси, шагая по машине, чтобы встать перед стеной из обломков, формирующих колонну. — Я заметил, что на Смертных духов сильно влияют эмоции в их магии. Помнишь, как на Земле Восстановления Призрак стал большим и жутким? Дело было в том, что его вел гнев всех, кого убила Алгонквин. Может, такое происходит и с СЗД? Она уже злилась на Алгонквин, но это место первым пострадало от волны. Плохое воспоминание.

— Это точно, — Джулиус закрыл нос крылом. — Магия пахнет ужасно.

— Да? — Марси повернулась с восторженной улыбкой. — Тебе нужно будет как-нибудь научить меня чують запах магии!

Требование было в ее стиле, и его сердце сжалось. Все еще не ощущалось реальным то, что Марси вернулась, живая и улыбающаяся, просила об учебе. Это было чудом, и это даже беспокоило его. Он был счастлив, но она была слишком важной, чтобы просто принять это. Вся идея смертности была в том, что никто не возвращался из смерти, и хоть он привык к тому, что Марси творила невозможное, у этого всегда была цена, и он хотел знать, что заплатила Марси. Что она пережила, пообещала или отдала, чтобы вернуться, и как он мог ей помочь? Он набирался смелости, чтобы задать вопрос, когда она застыла.

— Что? — тут же встревожился он. — Что такое?

— Ничего, — она хмурилась. — Призрак говорил со мной, а потом резко замолк.

— Думаешь, что-то произошло?

Она покачала головой.

— Не знаю. Он не звучал встревожено, но обычно он не замолкает посреди разго...

Марси охнула. Из глубины склизкой колонны, которую она тыкала, вылетели две руки. Они были длинными и тонкими, как у худой женщины, но они схватили Марси, как стальной капкан, обвили ее шею и талию, а потом потащили в мусор.

— Марси!

Джулиус бросился за ней, врезался в стену случайных предметов, но не успел ее схватить. Он увидел, как ее глаза расширились от удивления, мусор раскрылся, как рот, и закрылся перед его лицом.

— Нет! — взревел он, терзая когтями стену. Нет, нет, нет.

Он упустил ее. Она была с ним, и он снова потерял ее. Он потерял...

Джулиус взревел, сотрясая Яму до Небесных путей, ударил всем весом по склизкой стене обломков. Башня тряслась, как дерево, кусочки мусора с плеском падали в воду вокруг него. Он хотел ударить снова, когда хриплый голос крикнул:

— Я бы так не делал.

Джулиус вскинул голову. Даже с его отличным ночным зрением он не сразу заметил огромную черную птицу, сидящую в тени под пострадавшими балками Небесных путей, как пожиратели магии в прошлый раз, когда Джулиус был тут. Это сравнение не было приятным, и Джулиус низко зарычал. Огромная птица раскрыла крылья и слетела, рассекая тьму, чтобы опуститься на сломанную антенну машины, на которой стоял дракон.

— Снова здравствуй, Джулиус Хартстрайкер, — сказал Ворон. — Уверен, ты меня помнишь.

— Как я мог забыть? — ответил Джулиус, скаля зубы. — Твой человек убил Марси.

— Ну-ну, не будем втягивать в это бедную Эмили, — сказал дух. — Ты уже лишил ее

части, и ты должен быть мне рад.

— Почему? — прорычал он, потому что он не видел ни одной причины.

Ворон повернул голову, посмотрел на него черным глазом.

— Потому что я принес твою любимую Марси из мертвых.

Рычание Джулиуса стало громче.

— С чего мне верит известному обманщику?

— Потому что я известен и тем, что приношу души мертвых, — бодро каркнул

Ворон. — Проверь как-нибудь, но не сейчас. Нам нужно идти за нашим Мерлином.

Джулиус поднял голову.

— Мерлин? — он невольно улыбнулся. — Марси — Мерлин?

— Величайший из всех, что есть, — заверил его Ворон. — И единственный, потому нужно спешить. Я принес душу Марси в ее тело в рамках гениального плана, детали которого некогда описывать, да и тебе не хватило бы опыта понять. Марси еще не завершила план, но я переживаю, ведь все пошло немного странно.

— Как? — осведомился Джулиус. — И что Марси там должна сделать?

Ворон скривился.

— Ответ на все — СЗД. Нет времени объяснять подробно, но быстрая версия в том, что город сошел с ума от силы. Марси должна успокоить ее, но только после того, как она начнет ослабевать. Это должно было произойти несколько минут назад, но, как ты точно заметил, ее бой с Алгонквин не смывается, — он рассмеялся. — Вот так шутка.

Джулиус зарычал, и дух быстро продолжил:

— Раз СЗД все еще сильна, я могу лишь заключить, что она нашла другой способ поддерживать течение магии, и мне это не нравится. Она и Алгонквин сейчас наравне, но если исход боя начнет меняться, и Алгонквин будет в отчаянии, все будет очень плохо.

— погоди, Алгонквин? — пролепетал Джулиус. — Ты переживаешь за Алгонквин?

— Я переживаю из-за многого, — сказал Ворон. — Включая человеческую девушку, которая уже получила ответственности по уши. Я могу помочь тебе пройти за ней, но нужно слушаться меня.

Чтобы вернуть Марси?

— Что угодно.

Дух рассмеялся.

— Так я и думал, — он спрыгнул с антенны на изгиб крыла Джулиуса, хмуро посмотрел на стену мусора. — Существо в той куче забрало кое-что дорогое для нас обоих. Нас не хватит по одному, и я не уверен, справимся ли мы вместе. Но, если интуиция меня не подводит, мы не будем такими долго.

Джулиус не знал, что это означало, но ему было все равно. Он хотел найти Марси.

— Просто скажи, что делать.

Черные глаза духа блестели.

— Сжечь это.

Джулиус моргнул.

— Что?

— Ты же выдыхаешь огонь? — Ворон кивнул на склизкий мусор. — Сожги им это.

— Но Марси внутри! — закричал он. — Я не могу просто...

— Если бы она была близко и могла пострадать от твоего огня, мы бы не говорили об этом, — сказал дух. — Как я и сказал, все стало немного странным. Но это может стать

нашим преимуществом. Просто попробуй.

Джулиус не хотел выдыхать огонь. Он всегда был в этом плох, и он не мог не думать, что Марси была на другой стороне стены. Если огонь будет слишком горячим, он мог ее поджарить. Но страх снова потерять Марси заставлял дракона творить безумные вещи, и он глубоко вдохнул, дотянулся до огня, горящего внутри него, пока его кожа не нагрелась, а горло не стало покалывать.

Не включая его атаку по генералу Джексон, которую он едва помнил, так что она не считалась, Джулиус давно не выдыхал огонь. Потому первая попытка получилась слишком быстрой и широкой. Вторая попытка была намного лучше, залп огня стал из оранжевого желтым, потом белым, он давил все сильнее.

Он растопил стену, за которой пропала Марси, а потом машину за ней. Дальше был кусок гипсокартона, который почернел, а потом стиральную машинку и урну, но все еще было больше. Колонна мусора в двадцать футов в диаметре, но, чем больше он сжигал, тем больше там было. Вскоре он сделал туннель, в который мог войти, прижав крылья к телу, чтобы сияющие края дыры, которую он пробил, не задели его.

Теперь он был глубоко в колонне, но конца не было видно. Каждый раз, когда он пытался остановиться, Ворон на плече каркал ему продолжать, давить.

Он был в серьезной опасности перегреться, когда дух вдруг взлетел и сел на его макушку, его черные глаза сияли в свете огня Джулиуса, склонился и прошептал:

— Готов?

Слово пронзило его ножом. Он ощущал, как оно пронеслось по его огню, а потом глубоко внутри, в частях, которые Джулиус не трогал легко или часто, что-то сжалось. Это было как зубы, которые впились в источник его огня, но не для того, чтобы лишить его огня. Вместо этого его огонь стал жарче, другого цвета. Знакомый женский голос заговорил в огне:

Готова.

Слово еще плясало, когда огонь Джулиуса вылетел из его рта. Точнее, выпрыгнул, огонь двигался сам, скрутился и взревел, принял облик дракона. Огромный красный дракон с широкими горящими крыльями и острыми зубами, которые рвали бесконечную стену мусора, как пылающие мечи, но не вредили ей. Этот огонь не трогал физический мир, который Джулиус медленно сжигал. Зато склизкая магия сторала, как воск или бумага, пока колонна мусора не оказалась поглощена, и в пепле появился новый мир.

Джулиус удивленно отпрянул, кашляя от дыма в легких. Они стояли в Яме. Но не затопленной, а Яме, какую он помнил с их боя с Биксби.

Через пару секунд Джулиус понял, что это было не совсем так. Эта Яма была куда больше, чем он помнил, огромная открытая пещера, которая пахла как могила. Странно, что Джулиус не смог даже бросить туда взгляд. Он инстинктивно сосредоточился на новом драконе перед ним.

На драконе, который вышел из его огня.

— Кто ты? — прошептал он.

Драконша глянулась, ее красный огонь мерцал, как смех.

Не узнаешь меня, малыш Дж?

Джулиус вздрогнул. Как до этого, слова звучали в нем, но не из его разума. Это было глубже, как из корней его огня. Это было странно, но Джулиус растерялся из-за того, что она была права. Он узнал голос. Он хорошо знал голос, но не думал, что услышит его снова.

— Амелия?

Она самая, — огненная драконша улыбнулась. — Хотя и не во плоти. Но я понимаю, что это немного пугает. Дай мне секунду.

Она раскрыла крылья, и огонь ее тела стал двигаться, становиться компактнее. Когда огонь успокоился, перед ним была Амелия в человеческом блике, как он помнил ее с их первой встречи, вплоть до красного платья и фляги на боку.

— Вот так, — сказала она уже сама, глядя на Джулиуса глазами, блестящими как огонь, каким она только что была. — Как приятно вернуться.

Она улыбнулась ему хитро, но Джулиус просто стоял и лепетал:

— Как? — выдавил он. — Ты была...

— Мертва? — она рассмеялась. — Лишь временно.

— Но Свена видела, как Боб тебя убил, — гневно сказал Джулиус. — Я собрал твой прах.

— Да? — она была тронута. — Это было мило, малыш, но нужно было знать, что в этом нет нужды. Мы говорим обо мне! Это просто «то, что нас не убивает, делает нас сильнее» на новом уровне.

— Скромная, как всегда, — Ворон опустился ей на плечо. — Но, должен сказать, ты выглядишь намного лучше.

— Я и чувствую себя намного лучше, — Амелия посмотрела на свое тело. — Джулиус дал мне много, — она благодарно улыбнулась ему. — Спасибо за это, кстати. Ты не поверишь, что я пережила сегодня.

Джулиус в это не верил.

— Так Боб не убил тебя?

— О, нет, он меня убил, — сказала Амелия. — Но только потому, что я его попросила.

Он глядел на нее в ужасе.

— Зачем тебе это делать?

— Потому что только он мог, — она гордо подняла голову. — Если ты не заметил, я — тяжелая цель. Но все это было частью нашего плана. Он убил меня, чтобы я со смертью Марси могла попасть в мир духов и стать этим, — она взмахнула руками, ее голос снова зазвучал в огне Джулиуса:

Поприветствуй Духа Драконов, своего нового бога!

Джулиус отшатнулся. Даже радость, что сестра не умерла, и Боб мог и не быть убийцей, как он боялся, не могла помочь ему привыкнуть к поразительной странности ощущения другого дракона в его огне.

— Вряд ли я готов к этому.

— Никто не готов, — заверила его Амелия, задиристо улыбаясь. — Я говорила, что у меня амбиций больше, чем место главы клана. Но я расскажу детали позже. Сейчас есть дела важнее.

Она повернулась, закончив, указывая сквозь тьму новой Ямы на строение в центре. На том месте, где в реальности была башня мусора, на иле блестел серебряный круг заклинания. Внутри серебряные ленты заклинания пересекались, как сеть в ловце снов, и там же был мужчина, которого Джулиус тут же узнал. Сэр Мирон Роллинс, замминистра магии ООН Джулиус не знал, что он тут делал, но, хоть его глаза были закрытыми, его руки двигались, сжимаясь и разжимаясь на темном неровном предмете, прижатом к его груди. Голова, с ужасом понял Джулиус. Голова Эмили Джексон.

— Почему это здесь?

— Потому что она — ключ, — сказал Ворон, его хриплый голос вдруг стал большим и пугающим. — Так она это делает.

— Делает что? — спросил он.

Оба духа игнорировали его.

— Это многое объясняет, — согласилась Амелия, озираясь. — Единственный вопрос, где хозяйка этого дома?

— Это не единственный вопрос, — рявкнул Джулиус, его голос был напуганным, ведь больше никто не ждал во тьме. — Где Марси?!

* * *

Марси надоело оказываться во тьме.

Руки, утащившие ее в груды обломков, почти сразу же отпустили, и она рухнула спиной сквозь мусор, который ощущался все сильнее как мир духов, который она только покинула. Остатки света в Яме пропали, оставив ее в тесной тьме, воняющей затхлой водой, грязью и магией.

Столько магии. Больше, чем она когда-либо ощущала свободно на этой стороне. Она была такой ссыльной, что обжигала ее кожу, заставляя ее шипеть, пока она безумно тянулась ментальными руками, хватая как можно больше силы, чтобы использовать ее как барьер. И рупор.

— Призрак! — завопила она, сила сделала ее громче. Ответа не было, и она попробовала снова. — ПРИЗРАК!

Снова ответа не было, и Марси сжала магию с ругательством. Она знала, что что-то было не так, когда он перестал говорить. Но, когда она зачерпнула еще горсть магии, чтобы пробить путь, что-то ударило ее сзади, вытолкнуло из тьмы в ослепительное море огней.

Марси упала на землю, охнув, быстро моргая, пытаясь наладить зрение. Когда она смогла более-менее смогла видеть, она подняла голову и оказалась в знакомом месте.

Это был СЗД. Не разрушенный город, но и не тот, который она помнила. Она стояла на людной площади из бесконечного города, который она видела во владениях СЗД в Море Магии, и перед ней была сама СЗД.

— С возвращением.

Марси вскочила на ноги, хмуро посмотрела на фигуру в капюшоне. Девушка была маской города, когда дух не выглядел как крыса.

— Где мой дух?

Оранжевые глаза СЗД жестоко сверкнули в ответ, а потом она махнула рукой, и что-то маленькое, белое и обмякшее упало к ногам Марси. Нечто ужасно похожее на мертвого кота.

— Призрак!

Она подхватила на руки своего обмякшего духа.

— Что ты с ним сделала?

— Только то, что было неизбежно, — ответила город. — Он был слабым. Я была сильной. Он напал на меня. Я его вырубил. Вот и все.

— Но он не был против тебя! — закричала Марси. — Как и я. Мы тут, чтобы тебе помочь!

— А похоже, что мне нужна помощь? — сказала СЗД, глядя на бесконечный простор суперскребов, поднимающихся над их головами. — Где ты, по-твоему?

Когда она это сказала, Марси вдруг поняла, что не знала. Выглядело так, словно они

были во владениях СЗД на дне Моря Магии, но это было невозможно, ведь они не были в Море Магии. Это был физический мир, а не мир духов, и все ощущалось неправильно. Магия тут не была мягкой, ненавязчивой силой, к которой она привыкла. Это была даже не тяжелая магия Земли Восстановления или кипящая магия, которую она ощущала, когда Призрак нес ее по городу. Что бы тут ни происходило, это было новым, и ощущение росло с каждой секундой.

— Что ты сделала?

— Что было нужно, — прорычала СЗД. — Алгонквин пыталась раздавить меня удержать меня, но она уже не самый большой дух. У меня теперь вся сила, и я уничтожу ее за то, что она сделала со мной.

— Ты уничтожаешь себя, — гневно сказала Марси. — Выгляни наружу! Твой город — руины.

— Из-за Алгонквин.

— Из-за тебя! — закричала она. — Ты бросаешься зданиями! Алгонквин собирает воду, когда идет дождь, но ты не можешь вырастить новые суперскребы.

— Конечно, могу, — сказала СЗД. — Детройт всегда отстраивается.

Ты не можешь восстановить потерянные жизни.

Марси вздрогнула, опустила голову к коту у нее на руках. Он все еще выглядел ужасно слабым, но призрачные голубые глаза были открытыми, хмуро глядели на духа перед ними, горя праведной яростью.

Ты их не слышишь? — прорычал он. — Алгонквин эвакуировала твой город, чтобы ослабить тебя, лишить тебя сердца, но она плохо сделала работу. Бедные забытые, которые не могли уйти, все еще тут. Твой народ, кровь твоих улиц. Они тут, а ты их убиваешь.

СЗД оскалилась.

— Они — лишь смертные.

Мы — смертные! — взревел Призрак, раскрыл рот в беззвучном шипении. — *Мы — души человечества, надежд и страхов! Мы — они, а они — мы, и ты жертвуешь все Алгонквин!*

— Я борюсь с Алгонквин! — взревела СЗД, ее оранжевые глаза были до боли яркими. — Я — единственная из нас, кому хватило смелости биться с ней и ее монстром! И мне плевать, если потребуются все здания. Я уничтожу ее озера. Я убью ее, как она пыталась убить меня!

Гнев духа дрожал в магии, и Марси поежилась. Она не знала, откуда СЗД брала всю силу, но сейчас количество магии было менее важным, чем источник.

Как тауматург, Марси была обучена тому, что магия была магией. Откуда бы она ни шла, как только она проходила через заклинание, все было одинаковым. Чем больше времени она проводила с духами, тем больше Марси понимала, что с ними было иначе.

Духи не были заклинаниями. Они были самой магией. Их владения давали им облик, но тип магии в том пространстве определял разум духа или его отсутствие.

Она видела, как это случалось хотя бы дважды с Призраком: один раз во время боя с Ванном Егерем, во второй раз — на Земле Восстановления. Оба раза его поглощал гнев Забытых мертвых, и оба раза она оттягивала его. Теперь Марси подозревала, что такое происходило с СЗД.

Не только праведный гнев на Алгонквин вредил ей. Еще был слепой гнев, разрушающее

ее безумие. СЗД была готова разрушить свой город, саму себя, чтобы ударить по Хозяйке Озер. И Марси знала, что такой нигилизм не подходил этому городу.

СЗД была городом надежды и амбиций, где люди делали состояния. Люди приходили сюда ради нового начала, а не мести. Гнев в воздухе, гнев, который сотрясал девушку перед ней — это была не магия СЗД, которую она знала, но это была магия духов, которые были такими злыми, что отдали жизни для Алгонквин.

Это не все, — нос Призрака подрагивал. — Она пропитана старой смертью. Старым гневом и мстью. Они на ней как масло.

Это звучало знакомо.

— Это Яма, — Марси щелкнула пальцами. — Она тянет магию из Ямы.

— А почему нет? — закричала СЗД, ее голос звучал жутко и отчаянно. — Тут я родилась. Алгонквин всегда топила меня. С самого начала она давила на меня, заставляла меня страдать. Теперь ее очередь, — дух подняла лицо к фальшивому небу иллюзии. — Я закопаю ее озера и уничтожу ее воду! Я заставлю ее заплатить!

Слова прозвучали визгом, и гудящая магия сжалась, как кулак. В результате, давление било по зданиям и безликой толпе ее владений. Земля трещала, воздух содрогался, голова Марси звенела. Даже Призраку было больно, он прижал уши к черепу.

Не ощущала это только СЗД. Она смеялась от трещащего давления, сжимая кулаки.

— Я убью ее! — радостно кричала она. — Я заставлю ее страдать! Я...

Было больше, но Марси уже не слушала безумный голос, сосредоточилась на магии вокруг них, и как ее остановить.

Нужно обрезать ее, — сказал Призрак в ее голове, холодные когти впились в ее плоть. — Она не просто полная. Она переполнена. Я не знаю, откуда все это, но Смертный Дух не может управлять таким количеством магии без Мерлина.

— У нее есть Мерлин.

Не тот, какого она хочет.

— Но есть только такой, — Марси размышляла. — И, думаю, потому это происходит.

Она повернулась к СЗД, которая все еще кричала небу. Вид был жутким, но Марси заставила себя подавить страх и посмотреть на нее, отметила все детали черной толстовки и простой одежды духа, вещи были дешевыми, как из торговых автоматов, которые были так популярны в СЗД. Ее оранжевые глаза-фонари и короткие мышинового цвета волосы. На ее запястьях, шее и лодыжках сияли неоновые обручи, и она выглядела как типичная уличная крыса СЗД, но...

— Там! — Марси вытянула руку, указывая на вспышку серебра, которая тянулась от левого мизинца духа. Тонкая, едва заметная во всем другом хаосе, но она была там, тянулась от ее ладони к тротуару внизу, где пропадала в бетоне, как леска в воде. — Поймала, — прошептала она, крепко прижала кота к себе, оттолкнулась от земли побежала по фальшивой площади к лестнице, которая в этой версии СЗД вела в Подземелье.

Куда мы?

— Туда, где это началось, — она тяжело дышала, сбегая по лестнице. Она перешагивала по две ступни за раз, когда дух в ее руках изменил облик, и она обнимала уже не кота, а злого солдата с тeneвым лицом и пылающими решимостью бело-голубыми глазами.

— Тогда идем, — прорычал он, унося их с лестницы в тени раскинувшегося Подземелья со скоростью порыва ветра.

Глава 16

— Нужно найти Марси, — безумно сказал Джулиус. — Я не знаю, что это за место...

— Я знаю, — Ворон прыгал у странного серебряного круга, где был привязан Мирон, как ужин паука. — Это владения СЗД. Две половинки пересечены. Она втянула так много магии, что порвала барьер, и теперь физический мир и Море Магии смешиваются.

— Звучит плохо.

— Это катастрофа, — согласился Ворон. — Но неустойчивая.

— И мы стоим в слабой точке, — закончила Амелия, сев на колени рядом со странной серебряной лентой. — Потяни за булавку, и все взорвется.

— Все еще не успокаивает, — Джулиус поднялся в воздух. — Если это место взорвется, я поищу Марси.

Амелия схватила его за хвост.

— Расслабься, — она притянула его на землю. — Марси теперь Мерлин. Она тут сильнее всех. Она придет к нам. Просто нужно убедиться, что мы будем готовы, когда...

Ее слова заглушил ревущий ветер. Он пронесся по пещере Ямы холодным потоком, поднимая ил пыльной бурей. А потом ветер быстро исчез, оставив...

— Марси!

Как до этого, она появилась из ниоткуда, стояла прямо и решительно в центре облака оседающей пыли. Она стряхивала пыль с волос, когда Джулиус прыгнул к ней.

— Ты в порядке? — закричал он. — Где ты была? Что случилось?

— Я в порядке, — Марси смотрела на него в смятении. — Как ты сюда попал? — она повернулась к Пустому Ветру, Джулиус только теперь заметил его за ней. — Ты его принес?

— Не я, — сказал дух вслух.

Марси нахмурилась.

— Тогда как...

— Это была я, — сказала Амелия, подходя с хитрой усмешкой. — Точнее, командная работа. Джулиус дал огонь, а я сделала остальное.

— Амелия! — радостно завопила Марси. — Ты это сделала! Ты жива!

— Куда больше, — драконша подмигнула. — Но мы обсудим это позже. Сейчас нужно разобраться с ним.

Она указала на Мирона, и Марси помрачнела.

— Я так и думала, — она подошла к серебряному кругу. — Я знала, что СЗД получала всю магию откуда-то, и духов магией кормить может только маг. Для нее это Мирон.

— Но как? — Джулиус поспешил за ней. — Он без сознания.

— Это просто его пустое тело, — объяснила Марси. — Его душа все еще в Море Магии.

Это звучало хуже, чем быть без сознания.

— Ты можешь его починить?

— В том и план, — сказала она, опускаясь на колени у серебряного круга. — Сначала мне нужно выгнать его из... — она утихла, склонилась над металлической лентой с заклинанием. — Эм, что это?

— Мое заклинание, — гневно сказал Ворон, сев на ее плечо. — Мирон и Алгонквин не могли никак сковать Смертного духа, и они украли мое творение.

Он кивнул на голову в руках Мирона, но Марси не сразу поняла, на что смотрела, потому что Джулиус увидел момент, когда ее любопытное смятение сменилось ужасом.

— Твою... — она отпрянула, глаза расширились в ужасе. — Это...?

— Да, — сказал дух-ворон мрачно и гневно. — Плохо уже то, что Алгонквин и Мирон

изменили мою Эмили, чтобы она была сосудом, но потом Мирон безрассудно пошел за СЗД в Море Магии, оставив свое физическое тело связанным с ее магией. Теперь разросшийся город использует это, чтобы тянуть магию через пустое тело этого идиота, как через соломинку, пока воюет с Алгонквин, что было бы гениально, если бы не было так разрушительно.

— И опасно, — добавил Пустой Ветер, взглядываясь во тьму. — Магия этого места сильно загрязнена. Без помощи Мерлина, чтобы успокоить ее...

— Это сводит ее с ума, — закончила Марси, побледнев. — Как нам отсоединить его?

— Очень осторожно, — сказала Амелия. — СЗД уже забрала достаточно магии, чтобы подвить барьер, разделяющий это измерение, смешав ее физические владения с ее сосудом в Море Магии. Я даже не думала, что такое было возможно, но, видимо, все возможно, если есть достаточно силы. К сожалению, это означает, что мы стоим внутри магической скороварки.

Джулиус мало знал о магии, но видел достаточно видео с неудачами в интернете, чтобы знать, что случится, когда скороварка не справлялась.

— Это место может взорваться.

— Только если мы не будем осторожны, — сказала его старшая сестра. — Или если нам не повезет.

Джулиус хоть тут мог помочь. Золотая музыка удачи Цилия была уже не такой сильной, но еще гудела в его костях. Сейчас ему не могло не повезти.

— Я помогу.

— Я как раз хотела попросить, — Марси тепло улыбнулась ему, поманила его ближе. — Мне нужно одолжить твою магию.

— Почему его магию? — спросил Ворон, когда Джулиус сел рядом с ней.

— Потому что он — дракон, — она запустила пальцы в мягкие перья на шее Джулиуса. — Амелия связала их с нашим измерением, но даже дух не может сделать их полностью местными. Пока у них есть огонь, они всегда будут на другой частоте волн, по сравнению с остальными, а мне эта разница и нужна.

Она повернулась к серебряному кругу.

— Сейчас тут течет так много силы, что я даже не могу коснуться его, не сварившись. Но если я добавлю сюда немного магии дракона, связь может разорваться и нарушить поток достаточно, чтобы вытащить Мирона.

— Сотрясти систему чужим элементом, — сказала Амелия. — Умно. Но хватит ли Джулиусу сил для этого? Я взяла много его огня, чтобы провести сюда.

— Мне не понадобится много, — сказала Марси. — В магии духа важнее источник, в отличие от обычных заклинаний, а драконы всегда были частью СЗД. И Алгонквин их ненавидит. Потому драконы — союзники СЗД, и учитывая, как ее поглощает гнев, немного дружелюбной магии нам поможет.

— И нет никого дружелюбнее Джулиуса, — сказала Амелия с усмешкой.

— Технически, личность тут не играет роли, но не повредит, — согласилась Марси. — Мне нужно, чтобы она замешкалась достаточно, чтобы нарушить цепь без взрыва.

— Мне просто не нравятся разговоры о взрывах, — нервно сказал Джулиус. — Мы не можем просто поговорить с ней? Мы все против Алгонквин.

— Ты сможешь говорить с ней, сколько хочешь, как только мы выведем ее из фазы безумного хохота, — сказала ему Марси. — Я на это и рассчитываю. Как я и сказала, она не

плохая. Она просто опьянена силой.

— Думаю, ты имела в виду опьянена мстостью, — сказал Призрак, глаза сияли ярче, он смотрел на тьму над ними. — Осторожно. Она...

Он не закончил. Звука или предупреждения не было — Пустой Ветер просто согнулся, сияющие глаза расширились в шоке от тонкой ладони, которая прошла сквозь его ребра. Она пропала через секунду, и его тело воина рассыпалось песком, стало видно фигуру за ним. Фигура выглядела как человеческая девушка в простой одежде и с запахом безумия и смерти.

— Призрак! — Марси вскинула руки, и в них упал белый кот, его просвечивающее тело тяжело дышало, он был меньше, чем Джулиус видел в последнее время. — С ума сошла? — закричала она девушке, вскакивая на ноги, прижимая Призрака к груди. — Я пытаюсь тебе помочь, и было бы намного проще, если бы ты перестала вредить моему коту!

— Это ты вредишь людям, — ответила СЗД, ее странно сияющие оранжевые глаза посмотрели на мага в серебряных лентах. — Отойди от него.

— Нет, — упрямо сказала Марси. — Ты используешь его.

— Он использовал меня первым!

— Это тебя не оправдывает!

— Так я выиграю! — завизжала СЗД, взметнув руку, как копьё.

Магия взлетела в то же время, став такой плотной волной, что Джулиус видел ее очертания, мерцающие в воздухе. Он смог разглядеть лучше, когда прыгнул перед волной, приняв удар раньше, чем он попал по Марси.

Это был умный ход, если подумать. Как любимая боксёрская груша семьи, Джулиус знал, как принимать удар. Он знал, как принимать магию и использовать ее как щит, как он делал против монстра в канализации СЗД, казалось, вечность назад.

Но, хоть это было умно, Джулиус не обдумал это. Он просто прыгнул, потому что это не могло быть больнее, чем еще раз потерять Марси. То, что все остальное сложилось, было счастливым совпадением. Удачей.

Так он думал, пока не понял, какой большой была магия духа.

Атака врезалась в него как круизный лайнер, вырвавшийся на сушу. Она была сильнее огня его матери, сильнее всего, чем Джулиуса били раньше. Магия еще не закончила давить на него, и он ощутил, как таял. Но когда он понял, что умрет, что-то в его огне извернулось, и дракон появился перед ним.

Она уже делала так раньше, и Джулиус уже не поразился, когда Амелия вдруг появилась перед ним. Поражало то, что в этот раз не было огня. Она просто была там, схватила гневную чистую магию, которую в нее бросила СЗД.

Она упала, как бомба, в паре темных кварталов оттуда, взорвалась, и ударная волна отбросила всех, кроме Амелии и СЗД на землю. Даже Ворон упал в грязь, хлопая крыльями и каркая, но Амелия даже не дрогнула. Она просто стояла там, глядя на СЗД с кривой улыбкой, опуская дымящуюся руку.

— Что ты сделала? — осведомилась город, впервые выглядя нервно. — Это мои владения. Как ты это сделала?

— Тише, — спокойно сказала Амелия. — Я больше.

СЗД сузила оранжевые глаза.

— Врешь.

— Проверь, — дразнила драконша, выдыхая дым. — Ты накачана украденной силой, но это не отменяет факта, что твои владения — ничто, по сравнению с моим. Я — Амелия,

Ходящая по измерениям, Дух Драконов, а это, — она указала на Джулиуса, — мой сосуд. Я уже не дракон, у которого есть огонь, я — огонь дракона, и я сжигала города лучше тебя.

Она усмехнулась в конце, показывая СЗД свои острые белые зубы. Она была хищником, сущностью дракона. Даже Джулиус сжался, а она даже не смотрела на него. Но, хоть она вздрогнула, дух СЗД не отступила.

— Это мой мир, — сказала она, сжимая кулаки. — Мой шанс уничтожить тирана, который всегда подавлял меня. Ты меня не остановишь!

— Она и не пытается, — Марси поднялась с земли.

— О, пытаюсь, — рывкнула Амелия, глядя на духа города огненными глазами. — Мне надоел этот бред. Я займу ее. Перережь связь.

— Нет, — гневно сказала Марси, хмуро глядя на спину Амелии. — Ты не помогаешь, — она повернулась к Джулиусу. — Скажи ей.

— Не смей направлять Джулиуса на меня, — сказала Амелия, но, к его удивлению, несмотря на ее заметный гнев, она отошла. Это заметила СЗД.

— Дух Драконов принимает приказы человека?

— Я не принимаю ничьи приказы, — заявила Амелия. — Но, в отличие от тебя, я достаточно умна, чтобы слышать разумный совет. Марси всегда пытается помочь духам, как мы. Она освободила тебя, а ты сошла с ума, если ты забыла. Если бы у тебя был мозг крысы, какой ты всегда притворялась, ты бы послушала...

Она умолкла, когда земля поднялась. Джулиус подумал, что это снова была СЗД, но она была так же удивлена, как они.

— Что это было? — спросила Марси, хватаясь за землю.

— Алгонквин, — прорычала СЗД, лицо исказила ненависть. — Она ударила еще одной волной, — город снова задрожал, и в этот раз это была СЗД. — Я убью ее за это! Я...

— Джулиус!

Его имя было единственным его предупреждением. Он все еще смотрел на истерику СЗД, когда Марси схватила его за левую заднюю лапу, и он ощутил любимое и знакомое — хоть и очень неудобное — чувство Марси, тянущей магию из него.

Она схватила серебряный круг Мирона. Когда она соединила их, Джулиус ощутил впервые весь масштаб магии СЗД. Какой огромной и злой она была. Это была лишь доля секунды, но он был связан с магией мира, как никогда раньше.

К его потрясению, это было море. Бушующий океан силы в шторм, и он был его частью. Как и все они. Глубоко связаны. Как он не понимал это раньше?

Потому что это не было правдой раньше, — Амелия шептала через его огонь. — Мы с Бобом сделали это, и мы сделаем куда больше. Просто жди и смотри.

Джулиус не хотел ждать. Он не успел потребовать ответа, поразительная связь исчезла в ослепительной вспышке, сила подавила попытку Марси нарушить поток, вызвав отдачу, которая отбросила их обоих в воздух.

Как всегда, Джулиус не смог приземлиться на лапы. Он вскочил на них в рекордное время, тут же отыскал носом Марси, которая стонала на спине в паре футов от него.

— Ты в порядке?

— Фантастика, — прохрипела она, вытирая струйку крови, текущую из ее носа. — Давно не получала отдачи, но смотри, — она посмотрела на духа, — это сработало.

Да, СЗД застыла, когда он повернулся, ее рот раскрылся, а ревущая магия пропала из воздуха.

— Нет, — прошептала она, отчаянно хватаясь за пустеющее пространство перед ней. — Нет, нет, нет! — она повернулась к Марси. — Как ты могла так со мной сделать?

— Она просто создала помеху, — прокаркал Ворон из тьмы. — Я забрал твою силу.

Дух повернулась и снова застыла. Ворон сидел внутри серебряного круга, который все еще сиял ярко, хотя уже не слепил. И весь свет был сосредоточен внутри, озарял кусочек металла, где сидел Ворон, единственный кусочек круга, который не блестел серебром.

Это была сталь. Старый потрепанный обломок, где кто-то вырезал имя. Джулиус не знал, какое имя. Буквы были выцарапаны, а над ними, вдоль края металла, дрожащими когтями было начертано имя Ворона.

— Ты украл это, — прошептала СЗД.

— Я не могу украсть то, что изначально не было твоим, — сказал Ворон, серебряный свет собрался на его имени. — Эмили Феникс — мое творение. Она принадлежит мне. Не тебе, не Мирону и точно не Алгонквин.

Свет вспыхнул, когда он закончил, и все серебряные ленты стали извиваться, как хлысты. Они свистели в воздухе, по крику Ворона круги и складки, которые были старательно сложены, расплелись, включая сеть петель, удерживающих тело Мирона.

Он вылетел из круга, как мертвая рыба, упал лицом в грязь. Серебряные ленты подняли спящую голову Эмили из его рук, пока он падал, втянули ее в серебряный кокон, который теперь формировался в центре круга. Ворон прыгнул следом, сложил крылья и нырнул в кружащееся заклинание с громким карканьем. Джулиус увидел только это, а потом шар серебра пропал со вспышкой, оставив запах озона и жженных перьев.

— Что случилось?

— Ворон забрал свой конструкт и улетел, — сказала Марси, поднимая руки, чтобы он помог ей встать. — И нам нужно уходить. Я не знаю, что происходит с магическими скороварками, когда вытаскиваешь ее из розетки, но это вряд ли...

Земля раскололась, большая трещина потянулась по дну Ямы и одной из колонн, ведущей к Небесным путям.

— ...хорошее, — закончил она, глядя большими глазами на разрушения, а потом повернулась и забралась на спину Джулиуса. — Пора улетать.

— Куда? — встревоженно спросил он, помогая ей встать. Он схватил Призрака. Бедный дух трепетал, сияющие глаза были тусклыми. Джулиус опустил его в руки Марси. — И как? Я все еще не знаю, как сюда попал.

— Выйдем так, как вошли, — Амелия вдруг оказалась рядом с ними. — Мы прождем путь. Сначала...

Она повернулась и подхватила под руку тело Мирона, как мешок с мукой.

— Не могу уйти без приза.

— А она? — Джулиус оглянулся на СЗД, все еще рыдающую на земле.

— Мы ничего не можем сделать, — сказала Марси. — Это ее владения. Мы не можем вытащить ее. Но он — бессмертный дух. Она будет злиться, но восстановится. Мы же...

— Точно, — Джулиус огляделся в дрожащей Яме. — Мне нужно найти край или стену...

— Просто используй огонь, — Амелия закинула Мирона на его спину за Марси. — Я все сделаю дальше.

Горло Джулиуса еще болело от прошлого залпа, но он сделал, как она просила, выдохнул залп огня в пустоту перед ними. Амелия ждала рядом с ним, смотрела, как его

огонь из красного стал оранжевым, а потом белым. Когда Джулиус начал перегреваться, она схватила его огонь.

Он чуть не подавился. Она не просто схватила огонь перед ним. Она схватила его, ее кулак сжался вокруг огня, который горел в сердце его магии.

Джулиус все еще пытался понять это, когда Амелия рассекла огнем тьму, как когтями. Все было так, как когда они проходили сквозь мусор, но в этот раз перед ними мерцал не воздух, а все остальное.

Как труха, куда попала искра, ложный СЗД оказался в огне. Все горело, окружило их огнем. Это должно было пугать, но Джулиус не боялся. Жар был приятным, потому что он был его жаром. Это был его огонь, его магия, усиленная Амелией, и когда это угасло, они были в реальном мире, стояли в затопленной Яме у колонны мусора СЗД.

Которая падала.

— Шевелитесь!

Крик Амелии еще звенел в его ушах, когда Джулиус повернул налево, проехал по мелководью, а колонна в это время развалилась на кусочки.

Она упала, как разбитое здание, машины, урны и стиральные машины разъехались, как сбитая гора бревен, и рухнули в воду внизу. Когда все с шумом остановилось, осталась груда мусора, торчащая как остров со дна затопленной Ямы, и на коленях сверху, уткнувшись лицом в дрожащие ладони, была СЗД.

— Все кончено, — всхлипывала она, голос был хриплым и жалким. — Вы все сломали. Она теперь меня убьет.

— Нет, — твердо сказала Марси, съехав со спины Джулиуса. — Мы не позволим ей.

— Что вы можете? — горько сказала СЗД, подняв голову, которая уже не выглядела как человеческая. — Ты не можешь биться с Алгонквин. Никто не может. Потому что я это сделала. Мне нужно было защитить себя, — она сжала кулаки, ладони больше напоминали когти крысы. — Почему ты остановила меня?

Вопрос прозвучал визгом в сторону Марси, но ответил Джулиус:

— Потому что ты убивала себя.

— Это не твое дело, — прорычала дух, хмуро глядя на него глазами-бусинками. Он наблюдал за ней все время, но даже Джулиус не мог уверенно сказать, когда СЗД, похожая на человека, стала крысой. Теперь она была такой. Большая, злая, раненая крыса сжималась в мусоре. — Что ты знаешь? — закричала крыса. — Ты — дракон. Ты можешь улететь, когда захочешь! Но я прикована к Алгонквин навеки, и она никогда меня не отпустит, — дух оскалила желтые зубы. — Ты не имеешь права говорить мне, что делать!

— Я не пытаюсь сказать тебе, что делать, — спокойно сказал Джулиус. — Но СЗД был моим домом. То, что делает Алгонквин, вредит всем нам, но так вредило и то, что ты делаешь с собой.

Крыса нахмурилась.

— Тебе-то что?

— Я знаю, как это, когда ты под чьим-то каблуком, — ответил он. — Я знаю, как ощущается, когда ты в руках врага, как ощущается беспомощность. Весь этот гнев не вредит Алгонквин, а рвет тебя на части. Ты просто делаешь работу за нее, но это не обязано быть так.

Он посмотрел на Марси, которая была рядом с ним.

— Марси — лучший маг, какого я встречал. Она и Призрак уже выстояли против

Алгонквин. Они теперь тебе помогут. Как и я, ведь Алгонквин и мой враг. Там сейчас драконы рискуют своими жизнями, борясь с Алгонквин и ее Левиафаном, чтобы дать нам время помочь тебе, — он улыбнулся ей. — Ты не обязана биться одна.

Он рисковал. Он все еще не совсем понимал ситуацию или план Марси по ее исправлению, но, хоть Джулиус не был магом или духом, он понимал отчаяние. Он знал, как ощущалась ловушка, или когда тебя придавливали, но у него были Марси, Джастин, Челси и даже Боб, а у СЗД никого не было. Она была городом миллионов, но думала, что боролась одна, и, как один из миллионов, Джулиус не мог такое допустить.

— Мы — твои союзники, — твердо сказал он. — Ты не можешь выстоять против Алгонквин, но Алгонквин не может выстоять против мира. Она одна, а не ты. Мы хотим тебе помочь. Ты — наш город, наш дом, и мы будем биться, чтобы защитить тебя, если ты позволишь нам.

Крыса глядела на него еще долго после этого.

— Я тебя помню, — прошептала она. — Ты жил в доме под дорогой, и ты убирал крыс из канализаций. У тебя был тут бизнес. Жизнь, хоть ты лишь маленький дракон.

Она опустила взгляд.

— Я тронута, что ты хочешь биться за меня, но ты ошибаешься. Даже с твоей помощью мы не равня Алгонквин. Вся магия, какую я собрала, пропала. Без нее я не больше, чем она, — она посмотрела на затопленную Яму, пожившись. — Когда придет следующая волна, она всех нас утопит.

— Тогда нам нужно убедиться, что этого не произойдет, — сказала Марси, прошла к грудке мусора. — Я пыталась тебе это сказать. У Ворона есть план.

— Ворон? — крыса скривилась. — Ворон ненавидит меня.

— Ворон никого не ненавидит, — сказала Марси. — Я даже не думаю, что он ненавидит Алгонквин. Он просто злится, ведь ты забрала его конструкт и использовала. Но он пришел в Сердце Мира, чтобы помочь мне, и он вернул меня в этот мир, чтобы я могла помочь тебе. Все это — часть плана, чтобы остановить угрозу Алгонквин, и это начинается с того, что тыпустишь Мирона в его тело.

— Что? — СЗД с воплем отбежала. — НЕТ! Он меня сковал!

— Да, — сказала Марси. — И он был идиотом. Как ты, он творил только глупые разрушительные дела, потому что боялся. Он думал, что духи уничтожат человечество, и он принял плохие решения. Если дашь ему еще шанс, думаю, ты узнаешь, что он передумал. Тебе нужно хотя бы отпустить его тело, чтобы он вернулся из Сердца Мира.

Крыса выглядела удивленно.

— Он прошел?

— Я егопустила, — сказала Марси. — Чтобы он не умер. Теперь он заперт там, пока ты его непустишь.

— Я не хочу ничего с ним сделать, — буркнула дух. — Почему Ворон не может это сделать? Он тебя вернул.

— Я была мертва, — напомнила ей Марси. — Мирон жив. По крайней мере, пока что.

Она оглянулась на Джулиуса, на спине которого все еще было тело Мирона.

— Но теперь ты — его Смертный Дух. Вы оба внутренне связаны через две половинки этого мира. Только ты могла провести его в Море Магии, так что только ты можешь его вытащить, — она улыбнулась. — Это даст тебе шанс покричать на него.

Этот аргумент привлек СЗД больше других, но, когда Джулиус подошел к горе мусора,

чтобы осторожно уложить бессознательного мага перед ней, дух нервничала.

— Я не знаю, как...

— Просто дотянись до него, — сказал Призрак. Он все еще был котом в руках Марси, но его глаза были снова открытыми и яркими, глядели на СЗД со снисходительным терпением стрика, помогающего глупому новичку. — Протяни руку, и он ухватится, — сказал он. — Люди быстро учатся, и Мирон, наверное, готов вернуться домой.

СЗД не была убеждена, но она склонилась, ткнула тело Мирона острым носом. Пару секунд ничего не происходило, а потом тело Мирона содрогнулось, его глаза открылись, и он резко вдохнул.

— Мирон? — Марси помахала рукой перед его огромными глазами, пока он тяжело дышал, лежа на мусоре. — Ты вернулся?

В ответ Мирон вскочил на ноги, безумно размахивая руками, словно его атаковали.

— Нам нужно остановить!

Марси отпрянула.

— Что остановить?

— Все, — сказал он, глаза были запуганными, он провел дрожащими руками по седеющим волосам. — Печать, Новалли. Я пытался удержать ее, но атаки Алгонквин и то, что сделала СЗД, чтобы смешать свои владения, и ты! — он указал на Амелию. — Ты направила весь огонь дракона мира в Море Магии одним магом! Чем ты думала?!

— Тише, — Амелия подняла руки. — В чем проблема?

— Со всем! — закричал он, повернулся к Марси. — Печать ломается. Я удерживал ее, как мог, но вы тут размахиваете магией, как битами, и я ничего не мог поделать. Если мы не успокоим все сейчас, печать раскроется.

— Все хорошо, — сказала Марси. — Мы просто...

— Не хорошо! — закричал он. — Это я пытаюсь сказать! Когда ты оставила меня сдерживать поток голыми руками, ты не сказала, что будешь раскачивать магию! Трещина шириной с мою руку! Это...

— Мирон, — рявкнула она. — Мы понимаем. Все кошмарно. Но мы все еще можем это исправить, потому что твой дух, — она посмотрела на крысу за ним, — уже успокоилась. Почему не успокоиться тебе?

— Ты все еще не понимаешь, — процедил маг, нервно оглянулся на СЗД, которая с опаской смотрела на него. — Я очень благодарен СЗД за спокойствие, но ущерб уже нанесен. Тысяча лет магии не рухнула сейчас на наши головы, потому что я устроил самый глупо временный барьер в мире, и он не продержится долго. Это больше, чем СЗД. То, что вы сделали тут, послало волны по всему Морю Магии. Если мы не обратим это, вся гора треснет.

— Какая гора? — растерялся Джулиус.

— Он про Сердце Мира, — объяснила Марси. — Это место, где древние Мерлины собрали всю магию, которую запечатали при засухе.

— Погоди, — в ужасе сказал он. — Мерлины вызвали засуху?

— Это долгая история, — сказала она. — Важно то, что вся магия не ушла. Она заперта за печатью.

— И печать трескается, — Джулиус кивнул. — Это я понял.

— Трещина — меньшая из тревог, — гневно сказал Мирон. — С трещиной можно справиться, что я и делал, пока вы, безрассудные идиоты, не стали раскачивать корабль. Мы

на грани катастрофы. Как только мой барьер падет — а он падет — треснет все, не только печать. Вся гора может взорваться, выпустив одним ударом тысячу лет магии в наш мир.

— О, — Марси поджала губы. — Это хуже, чем я думала.

— Так как нам это остановить? — спросил Джулиус.

— Я говорил, — рявкнул Мирон. — Нужно успокоить Море Магии. То есть, придавить его. Если мы сможем это сделать, есть шанс, что мы с Марси построим слой на печати, пока давление не стало критическим.

— Слишком много «шансов», — отметила Амелия. — Но ты забываешь, что важный фактов в этом «мы», — она повернулась к Джулиусу. — Кто, говоришь, отвлекает Алгонквин?

— Челси и Фредрик, — сразу ответил он. — И Цилянь.

Амелия приподняла брови.

— Да ладно! В этом Золотой Император? — он кивнул, она присвистнула. — Это многое объясняет. Не верится, что Боб втянул на доску Циляня. Я знала, что у него был талант!

Джулиус уставился на нее.

— Ты не думаешь, что это работа Боба.

— Кто еще это мог быть? — спросила она. — Как я сюда попала, по-твоему? Или ты? Почему ты был в СЗД в тот же миг, когда Марси вернулась и втянула тебя в это веселье? Удачное стечение обстоятельств?

Обычно Джулиус сказал бы «нет», но с Цилянем...

— Возможно?

Амелия фыркнула, выпустив кольцо дыма.

— Тебе нужно доверять брату, — возмутилась она. — Мы все — фигуры на его доске, даже я. И меня это устраивает, ведь Боб всегда побеждает. Это его суперсила. Он берет невозможную ситуацию и обращает себе на пользу. Кстати о невозможных ситуациях, я дам своей сестре и ее золотому парню свою божественную помощь. Это даст вам, — она хмуро посмотрела на Мирона, — достаточно времени, чтобы завершить свою часть работы.

— Вы не слушали? — закричал Мирон. — Уже нет работы! План Ворона — бред. Печать куда более...

— У нас есть только план Ворона, — прорычала Амелия. — Печать — ничто, по сравнению с тем, что будет, если Алгонквин обратится к своему Концу, понял?

Джулиус не понял, но от ее слов Мирон побледнел. Он открывал и закрывал рот, когда груды мусора под ними задрожала.

— Это не я, — сказала СЗД, когда все посмотрели на нее. — Я не...

Она не закончила, ведь в тот миг одна из раздавленных машин взлетела с земли, будто снаряд, пронеслась во тьму и рухнула с далеким плеском. Вода еще падала, когда Ворон вылетел из дыры на месте машины, а за ним была... Джулиус даже не знал, что именно.

Выглядело как статуя современного искусства из кусочков металла, соединенных серебряной лентой. Кроме правильного количества рук и ног, на человека это было похоже только головой, которая была головой строгой темнокожей женщины средних лет, ее брови были решительно сдвинуты, пока она вытаскивала тело из обломков из горы мусора.

— Простите за задержку, — бодро сказал Ворон. — Мне пришлось починить своего любимого игрушечного солдатика.

— Ты точно преуспел? — Амелия окинула взглядом смесь кусочков. — Она выглядит

как куски мусора, соединенные вместе.

— Я — мусорщик, — возмутился Ворон. — Я справился с тем, что имел. Но в этом и плюс моей Феникс: она не выглядит мило, но всегда поднимется из ее пепла.

— Прости, что была недоступна, — сказала генерал Джексон, голос был хриплым, но человеческим. — Я еще не готова для боя, но Ворон мне все описал, и когда мы услышали, что вы планируете биться с Алгонквин, нам пришлось выйти раньше графика.

— Завидно стало? — Амелия пошевелила бровями. — Вы можете пойти с нами.

— Вы вообще не идете, — твердо сказал Ворон.

— Что?

— Он не говорит, что с ней нельзя биться, — терпеливо объяснила Эмили. — Но план Ворона требует, чтобы Алгонквин думала, что победила, что будет сложно, если новый Дух Драконов будет атаковать ее огнем.

Амелия помрачнела.

— Можно и так сказать.

— Иначе не сказать, — генерал повернулась к Мирону. — Ты убедил СЗД сделать ее часть?

— Еще нет, — сказал он. — Я собирался... это... — он умолк, глядя на нее беспомощно и ошеломленно. — Ты не злишься на меня, Эмили?

— Злюсь? — она скрестила руки из кусков поверх груди из кусков. — Ты воспользовался положением, встал на сторону врага, порвал мое тело, использовал его, чтобы получить силу. Теперь я застряла в этой смеси ржавых кусков, которые Ворон смог найти в Яме. Я в ярости, Мирон, но на это сейчас нет времени. Мы тут на миссии, народ.

— Что за миссия? — сказал Джулиус, снова растерявшись. Он повернулся к Марси. — Сколько ты вернула из мертвых с собой?

— Было тяжело, — сказала Марси. — Но я рада, что ты спросил о миссии.

Она повернулась к СЗД, которая тихо пыталась скрыться во тьме.

— Джулиус был прав, сказав, что ты не одна. Мы тут, чтобы бороться с Алгонквин, но ты еще не знаешь, что у Алгонквин есть союзник. Ужасный.

— Не так свободно с этой информацией, пожалуйста, — быстро сказал Ворон, хлопая крыльями. — Я говорил, что это большая тайна только для Мерлинов, помнишь?

Марси закатила глаза.

— Немного поздно для этого. Если Джулиус рискует шеей из-за этого, он заслуживает знать причину. И СЗД нужно знать. Она в этом всем важна.

— Почему я? — пискнула СЗД, хмуро глядя на Мирона. — Я тут, потому что он и Алгонквин вытащили меня.

— Я о том и говорю, — Марси повернулась к ней. — Ты — не естественный Смертный Дух. Тебя создала Алгонквин, чтобы получить первого Мерлина в свои руки и управлять магией. Она боялась тебя, Призрака и всех других Смертных Духов, потому что вы больше нее, а она ненавидит людей, потому что мы лишаем ее магии и отправляем в сон. Если честно, она не ошиблась. Смертные Духи опасны, и древние маги подставили ее. Но она не стала разбираться сама, а позвала помощь снаружи.

— В смысле: снаружи? — нервно спросил Джулиус. — Что такое «снаружи» для духа?

— Она говорит о Левиафане, — голос СЗД дрожал. — Я знала, что он не был духом.

— Мы не знаем, что он такое, — сказала Марси. — Он не часть этого мира. Он — существо вне измерений, названное Безымянным Концом, и хоть он ответил на крик

Алгонквин, он тут не для помощи. Он тут, чтобы использовать ее.

— Она еще и сделала себя легкой мишенью, — горько сказал Ворон. — Алгонквин одержима тем, как ее подвели, и она готова разрушить мир, а не принять ошибки, — он посмотрел на СЗД. — Думаю, ты в этом ее понимаешь.

СЗД упрямо впилась когтями.

— Я просто пыталась защититься.

— Как и она, — сказал Ворон. — В своем стиле. Но это хорошо для нас. Пока у Алгонквин есть надежда, она будет бороться, и хоть это разрушительно, это лучше другого варианта.

Джулиус скривился.

— Что хуже борьбы с Алгонквин?

— То, что будет, если она сдастся, — тихо сказала Марси.

— Безымянные Концы выживают, пожирая измерения, — сказала Амелия. — Такое случается, когда измерение рушится, но, похоже, Левиафан убедил Алгонквин впустить его рано, и он еще не съел все, потому что он тут на испытательном сроке.

— Как это понимать? — спросил Джулиус.

— Безымянные Концы — силы вне измерений, — объяснила Амелия. — Снаружи. Раз наше измерение здоровое, он не может пересечь барьер измерения, пока кто-то с силой внутри — скажем, большой дух озер — не впустит его. Так я сделала с драконами, став их духом. Мы могли жить тут, но не были частью естественной магии, пока я не слила свой огонь с магией в сосуде, который я захватила, чтобы стать духом. Теперь у нас есть якорь, магическая связь. Если Левиафан хочет пролезть внутрь, ему понадобится то же самое. Потому он играет Алгонквин. Если он заставит ее отдать ему свою магию, это его вход. Алгонквин еще не сдалась ему, потому что надеется спасти ситуацию, но если она потеряет эту надежду...

— Она даст монстру буйствовать, — прорычала СЗД, скаля острые зубы. — Горделивое озеро.

— Как нам ее остановить? — спросил Джулиус, глядя на Ворона. — Все говорит, что у тебя есть план.

— Очень умный, — заверил его Ворон. — Мы...

— Мы заставим ее думать, что она победила, — восторженно сказала Марси. — Если она подумает, что у нее контроль над магией, у нее не будет повода оставлять при себе Левиафана. Чтобы убедить ее в этом, нам нужно доказать, что у нее контроль над Сердцем Мира, что значит, что нужно послать ей пару дух/Мерлин, чтобы доставить новости.

Джулиус не понял, что это означало, но СЗД вскочила, словно Марси замахнулась на нее.

— Нет.

— Это лишь...

— Нет! — завизжала дух, ее глаза-бусинки глядели на Мирона со страхом и гневом. — Он сковал меня! Привязал меня! Я не приму его как своего мага.

— Врата Мерлина тоже его не впустили, — Амелия фыркнула. — Что? — добавила она от недовольного взгляда Марси. — Кто-то должен был это сказать.

— Амелия, — процедила Марси. — Ты не помогаешь.

— Но она права, — Мирон повернулся к СЗД, которая отпрянула еще на шаг. — Прости.

— Поздно, — прошипела крыса. — Ты позволил мне родиться в цепях.

— Я подвёл тебя, — согласился он. — Тебя и многих других, но я пытался сделать то, что считал лучшим для всех. Я был...

Он умолк со вздохом.

— Я боялся, — выдавил он. — Работая в ООН, я видел жестокость людей в ужасных формах. Я всю жизнь верил, что Смертные Духи будут нашим спасением. Что они были хорошими силами в нас, которые поднимут человечество до уровня драконов и духов. Это была моя мечта, но после Пустого Ветра, после того, что я увидел в пруду крови Алгонквин, я ощутил себя дураком. И позже, когда Алгонквин сказала, что магия пропала, потому что Мерлины сковали ее, чтобы изгнать монстров, какими были неуправляемые боги человечества, это совпало с моими впечатлениями, потому я поверил ей. Тогда я решил запечатать магию снова навеки. Потому я использовал тебя. Я хотел спасти человечество от самих себя.

СЗД хмуро посмотрела на него.

— Но?

— Никаких но, — сказал Мирон. — Человечество глупое, эгоистичное, трусливое и жесткое, наши духи это отражают. Если я и сделал вывод из всего этого, так это то, что вы — Смертные Духи. Вы — это мы, и об этом я сожалею больше всего.

Марси прижала ладонь к лицу.

— Мирон, — застонала она. — Это не помогает.

— И не должно, — гневно сказал он. — Я говорю ей правду. Я видел все, что случилось тут, из Сердца Мира. Я видел гнев СЗД, и я знаю, что он не только от духов, которыми ее наполнила Алгонквин. Мой гнев тоже был там. Я тоже был готов уничтожить себя и всю магию людей, если бы это одолело Алгонквин и всех, как она. Я все еще думаю, что было бы хорошей жертвой отдать мою жизнь, чтобы сделать мир безопаснее для будущих поколений. Потому я вступил в ООН, потому сделал все, что я сделал. Разница лишь в том, что я больше не вижу в Смертных Духах врага, которого нужно одолеть.

Он посмотрел на Марси.

— Ты была права, Новалли. Они — это мы, и это причина запереть магию навек. Только так они не будут страдать, как мы. Если подумать, все Смертные Духи — магия, которую мы опустили до своего уровня. Причина, по которой я делаю это, а не волочу тебя в Сердце Мира, чтобы изгнать всех духов навеки, в том, что это не работает. Мы не можем остановить магию. Она течет, что бы мы ни делали. Даже если мы сделаем еще одну печать, проблема повторится через тысячу лет.

— Это я и говорила, — буркнула Марси.

— И я признаю, что ты была права, — рявкнул Мирон. — Мне это не нравится, но тот, кто не может передумать перед лицом улик, дурак, а я, хоть и с изъянами, дураком никогда не был.

Марси удивлённо смотрела на него, но СЗД ее опередила с ответом:

— Так что ты будешь делать? — с опаской спросила дух. — То, что ты сдался, пытаешься заблокировать магию, не означает, что остальное прощено. Хорошие намерения не оправдывают того, что ты сделал со мной. Почему я не должна тебя отрезать?

— Потому что мы нужны друг другу, — строго сказал Мирон. — Я думал, отрезание магии было лучшим решением всех наших проблем, потому я был готов творить ужасы. Прости за это, но это не означает, что я сложил руки. Я все еще в этом ради будущего людей, только теперь вместо простого решения придется идти тяжелым путем. Нам придется

измениться, подавить склонность людей к жестокости дух за духом, маг за магом. Я не смог достичь этого при жизни. Вряд ли такое можно достичь. Но мы провалим задание, если Алгонквин даст Левиафану то, чего он хочет.

Он протянул руку.

— Я не прошу прощения. Я хочу лишь, чтобы ты помогла мне остановить катастрофу. Дай быть твоим Мерлином, чтобы обмануть Алгонквин. Обещаю, я отпущу тебя сразу же после этого.

— Отпустишь ее? — поразился Призрак. — Так не бывает. Связь Мерлина на всю жизнь.

— Тогда я закончу свою, — сразу сказал Мирон. — Я рисковал жизнью из-за меньшего. Если нужно умереть, чтобы помочь человечеству избежать этой катастрофы, я буду считать, что это небольшая цена, но я не буду стоять и ничего не делать, — он указал на СЗД. — Дай мне быть твоим Мерлином. Клянусь, я не проживу так долго, чтобы увидеть, как ты жалеешь об этом.

Это звучало ужасно, но, к потрясению Джулиуса, СЗД улыбалась. Она сменила облик крысы на человеческое тело, глядела на Мирона с новым блеском в оранжевых глазах.

— Ты безумен, — сказала она. — Напыщенный нахал. Но я всегда была городом людей, которые не принимают «нет» как ответ. И мечтателей, — она склонила голову. — Ты же всегда хотел быть Мерлином, да?

— Моя величайшая цель.

СЗД усмехнулась и схватила Мирона за руку.

— Я принимаю, — она сжала его пальцы так, что он скривился. — Хочу посмотреть, как ты попытаешься выкрутиться из смерти.

— Это ее специальность, — Мирон кивнул на Марси, хотя попытки играть спокойствие не скрыли его заметное облегчение. — Попробуем снова дверь? В этот раз не так жестко?

Дух в ответ потянула его вперед, и они пропали в открытом люке, которого не был секунду назад. Он пропал через миг, оставив тело Мирона лежать лицом вниз на горе мусора, тело снова было пустым.

— Это нездорово, — сказала Амелия.

— Мирон никогда не позволял физическим ограничениям мешать ему, — ответила генерал Джексон, подходя и переворачивая Мирона, чтобы ему было легче дышать. — Думаете, он выживет?

— Хочешь знать, пройдет ли он Врата Мерлина? — Марси пожала плечами. — Не знаю. Я все еще не знаю, какая логика управляет решением врат, но в этот раз его шансы выше. С ним Смертный Дух, и требование для роли Мерлина — быть защитником человечества. Не обязательно при этом быть хорошим. Просто нужно хотеть защищать людей. Все это, включая наших духов, у Мирона есть. Остается надеяться, что Сердце Мира думает так же.

— Ох, — Ворон вздохнул. — Наше выживание зависит от программы проверки, созданной теми же людьми, которые решили, что закрыть магию — отличная идея.

— Это твой план, — напомнила ему Марси. — И нам лучше найти какое-то место, потому что, если это сработает, все произойдет быстро.

— Что будет дальше? — спросил Джулиус, пока Марси забиралась на его спину.

Ворон тряхнул перьями.

— С нами? Нужно прятаться. Все зависит от того, поверит ли Алгонквин, что Мирон один управляет Сердцем Мира. Ничего не выйдет, если она заметит мисс Чудесное

Возвращение Мерлина из Мертвых тут, — он указал клювом на Марси. — Мы найдем высокое сухое место и будем смотреть на шоу.

— А моя семья? — с тревогой сказал Джулиус. — Они все еще бьются с Алгонквин. Пс крайней мере, бились.

— Тогда лучше останови их, — каркнул Ворон. — Чем спокойнее она будет, когда Мирон будет говорить с ней, тем лучше. Она нужна нам уверенной, а не в гневе из-за драконов.

Это было логично, но Джулиус медлил. Ему нужно было предупредить Челси, но для этого пришлось бы оставить Марси, а он не мог этого сделать. Но если он не полетит туда, он оставит семью в беде, что он не мог сделать, особенно, когда они полетели в ту беду из-за него. Он разрывался между двумя приоритетами, когда ладонь Амелии легла на его крыло.

— Иди, — мягко сказала она. — Я пригляжу за Марси. Вытащи сестру из опасности. Боб воссоединил ее с ее любовью не для того, чтобы она погибла.

Сердце Джулиуса сжалось.

— Думаешь, все это делал Боб?

Амелия улыбнулась ему.

— Я не знала ту часть плана, ведь она была после моей смерти, так что не могу говорить точно, но это в его стиле. Он заставил тебя помучиться, но конец игры Боба стоит усилий. Поверь, он хороший.

Джулиус не понимал, как можно было звать хорошим того, кто заставил их сестру и ее детей страдать шестьсот лет, чтобы выстроить события, но слова Амелии все еще были как вода в пустыне. Все это время, хоть улики указывали на обратное, он хотел, чтобы Боб был таким, как она сказала. Он не знал, сможет ли принять кого-то, кто думал, что было нормально заставлять страдать так долго, чтобы потом все наладилось. Боб убил Амелию ради ее шанса получить больше сил, но ситуация стала лучше, чем была сутки назад.

Это не было идеально, но Джулиус так устал терять людей, что был готов рискнуть. И, если он сможет уберечь Челси, он никого не потеряет.

— Я заберу ее, — решил он.

— Вот так, мальчик, — Амелия помогла Марси слезть с его спины. — Забери их на безопасное расстояние. Мы подхватим.

Джулиус кивнул, но уже смотрел на Марси.

— Береги себя.

— Я буду в порядке, — пообещала она. — Я теперь Мерлин, и я с Амелией, Вороном и остальными. Что может случиться?

— Ты была с сильными людьми и в первый раз, когда умерла, — сказал Джулиус. — Включая меня, и я... не выдержу снова, Марси. Уверен, и ты тоже, но я просто...

Он склонился и прижался головой к ее лбу.

— Прощу, береги себя.

Она тепло улыбнулась ему, поднялась на носочки, чтобы поцеловать короткие перья на его носу.

— Буду, — прошептала она. — Теперь поспеши спасти свою сестру.

Он с неохотой отодвинулся, но, когда он раскрыл крылья, чтобы взлететь, Ворон взлетел перед ним.

— Еще одно, — быстро сказал дух. — Не выдыхай огонь.

Джулиус и не планировал, но предупреждение встревожило его.

— Почему нет?

— Мирон не ошибался. Мне не нужно возвращаться в Сердце Мира, чтобы знать, что печать, защищающая нас от тысячелетней магии под давлением, висит на волоске. Это не было бы проблемой для тебя, ведь у драконов своя магия, но теперь у вас свой дух, так что вы рискуете со всеми нами, и это имеет последствия.

Он хлопнул крыльями по лицу Джулиуса.

— Теперь это командная работа, так что не выдыхай огонь, не давай никому выдохнуть огонь и не давай Цилиню сбрасывать еще бомбы удачи. Они все ужасно сбивают, и я не знаю, можем ли мы выдержать еще одну, когда Амелия все ваше направила в Море Магии.

— Я сделаю, что смогу, — нервно сказал Джулиус. — Но я не знаю, как остановить...

— Не думай, — сказал Ворон, толкая его когтями. — Просто делай. Кыш. Времени осталось мало.

Нервно еще сильнее, Джулиус бросил тревожный взгляд на Марси и полетел как можно тише из Ямы, миновал дыру в Небесных путях, попав в дым горящего города.

Глава 17

Долгая ненависть Алгонквин к драконам обрела новую силу.

Она ехала высоко над своим озером, смотрела с высоты на дымящийся город, который она построила, который еще не пал из-за трех драконов перед ней. Два черных, один золотой.

И они не умирали.

Она повернула поток воды с шипением, втянула новую воду из части ее тела, которое смертные в этом времени звали озером Эри. Волны поднялись по ее приказу, как копья, полетели к драконам сверху. Она ударила при этом по ним огромной волной с вершины воронки, которую сформировала рядом со своей сломанной башней.

Атака была с двух сторон и почти в милю шириной. Ее нельзя было избежать, но как-то атака промазала. Драконы двигались, словно знали заранее, где будет каждая капля воды, огибали ее волны, как угри — невод. Так было с каждой ее волной с их появления.

Но ты продолжаешь их посылать.

Вода Алгонквин дрогнула, ее внимание переключилось на тень за ней.

Думаешь, ты можешь так победить? — сказал монстр, его едкий голос скользил по ней, как нефть, которая покрывала ее берега, когда она пробудилась. — *Это Цилинь. Живая удача драконов. Ты не можешь его одолеть.*

— Мне и не нужно, — прорычала она. — Он уклоняется, не побеждает. Мне нужно просто сделать достаточно большую волну, чтобы даже его удача не могла его спасти.

Это сработало бы, — согласился Левиафан. — *Если бы ты могла. Но ты не можешь, да?* — теневая голова повернулась к дымящемуся городу. — *Ты уже потратила за ночь больше воды, чем для уничтожения Детройта в первый раз. Тебе хватит, чтобы закончить это?*

Словно в доказательство, в этот момент драконы спикировали, ударив огнем по падающей воде, оставшейся от ее атак, испаряя ее мгновенно. Огонь золотого был самым большим, но огонь женщины обжигал сильнее, уничтожал озеро Алгонквин до песчаного дня.

— Я скормлю ее голову своей рыбе, — прошептала Алгонквин, потянула еще больше воды из озера, чтобы заменить то, что драконы сожгли. — Я превращу их тела в речной ил. Я...

Для этого уже поздно.

Щупальце Левиафана появилось перед ней, опустилось в бушующую воду озера Сен-Клер. Но, хоть он выбрал самую глубокую точку, щупальце коснулось песчаного дня, и вода едва скрыла тупой конец отростка.

Ты на пределе, Алгонквин. Твоя вода опасно низко. Твоя рыба умирает. Ты не можешь биться дальше.

— Буду, — прорычала она, тянула воду из всех своих тел. — Я убила сотни драконов. Тысячи. Эти — ничто.

Они куда сильнее, — прошептала тень. — *Ты не бесконечна, а я такой,* — черные щупальца поднялись, сбили одного дракона в сторону, а потом обвили ее крутящуюся воду. — *Впусти меня. Дай мне закончить то, что ты начала, а я...*

— Нет! — взревела Алгонквин, бросая еще волну в драконов, чтобы занять их, пока она повернулась, чтобы разобраться с угрозой за ней. — Я еще не мертва. Пока я не решу иначе, ты привязан ко мне, Левиафан. Ты служишь мне, подчиняешься мне. Это наша сделка, и если ты не перестанешь ее нарушать, я отзову...

Она замолкла, вода замерла. Глубоко под ними Море Магии звенело, как гонг. Было сложно слышать поверх шторма, но дрожь была узнаваемой. Человеческая душа прошла врата.

Вторая душа? — гневно сказал Левиафан. — *Невозможно. Откуда это?*

— Нет второй души, — вода Алгонквин закружилась быстрее. — Это явно вторая попытка.

Я думал, нет второго шанса.

Она тоже так думала, но постоянным в человечестве были перемены, и она мало знала о Сердце Мира. Когда в первый раз Врата Мерлина звенели в Море Магии сегодня, она подумала, что победила. А потом СЗД вырвалась, и все пошло не так. Ей пришлось думать, что Мирон провалился, позволил Смертному Духу сходить с ум.

Но, в отличие от предателя, Ворона, она никогда не была у Врат Мерлина, тем более — внутри. А если она чего-то не знала? Что-то не учла? А если Мирон не был мертв?

А если это ловушка?

— Как это может быть ловушкой? — спросила она, погружаясь в свои воды. Чтобы уклониться от развернувшихся драконов. — В Море Магии из человеческих душ только так, которую я туда поместил. Это явно он.

Тогда пусть придет к тебе, — предупредил Левиафан. — *Твоя вода опасно низко. Если перестанешь обращать внимание, драконы сожгут все, что осталось, под тобой, и потом нам будет не с чем работать.*

— Если я права, это не будет важно, — восторженно сказала Алгонквин. — Я перерожусь со следующим дождем, но это может не повториться.

Тень загудела, но она уже не слушала. И не боролась. Она ныряла, мелькала между прудами воды, которая покрывала ее разрушенный горд, пока не добралась до тёмного затхлого озера, покрывающего остатки Ямы.

Когда она поднялась, Алгонквин знала, что что-то изменилось. Бушующая магия СЗД теперь была спокойной, почти послушной. Тишина дала ей надежду. Она на опыте знала, что боги не переставали буйствовать, пока не уничтожали все, или пока их не побеждали. Раз ее озера еще не были наполнены зданиями, это оставляло лишь один вариант, и Алгонквин увидела его на острове мусора в центре Ямы.

Он выглядел плохо. Алгонквин видела смертных на всех стадиях смерти, но сэр Мирон Роллинс выглядел так, словно прошёл все стадии сегодня. И все же он стоял, а на коленях рядом с ним была СЗД в облике человека.

Алгонквин задрожала, но, хоть она была в восторге, она была слишком стара, чтобы верить всему, что видела. Ей придется проверить его, убедиться, что это было чудо, каким оно и выглядело. Она поднялась из черной воды перед ним, сделала из своего лица отражение Мирона.

— Ты сделал это?

— Да, — сказал он, его голос был слабым, но уверенным, он коснулся опущенной головы города. — Прошу прощения за проблемы, которые причинила СЗД. У нас был фальстарт, но я все развернул. Вторая попытка у Ворот Мерлина была успешной, — он вскинул нахально голову. — Перед тобой Первый Мерлин, Хозяин Сердца Мира.

Алгонквин нахмурилась, ее маска стала недоверчивым лицом мага. Он врал, она ощущала это в его пульсе. Но смертные всегда ввали, особенно эгоисты. Вопрос был в том, врал ли он о чем-то важном?

— Ты починил печать?

— Да, — твердо сказал он. — Я не могу ничего сделать с магией, которая уже вытерла, но поток новой силы был подавлен. Через несколько недель все, что было пролито сегодня, уйдет, и мы останемся сухими.

— Насколько сухими? — осведомилась Алгонквин. — Ты сделал, как договаривались?

Мирон был оскорблен.

— Конечно. Я ненавижу Смертных духов так же, как ты. Я сделал уровень магии как в ту ночь, когда ты проснулась, как ты и просила. И я — Мерлин, как ты и просила, так что наша сделка выполнена, Хозяйка Озер, — он улыбнулся. — Мы победили.

Алгонквин не слушала. Она была слишком занята, проверяя каждый дюйм своих владений, погружаясь в глубокие холодные воды ее сосуда на дне Моря Магии. Но, хоть она была там, она не могла понять, говорил ли он правду. Все вокруг еще бушевало. Она не могла понять, пока магия не успокоится, и все же...

Она вернулась в воду в Яме, поднялась на остров, чтобы посмотреть на мага свысока. На человека. Но тут не было лжи. Изменения, которые она видела во всех Мерлинах с тех пор, как смертные начали себя так звать, были заметны в его душе.

Ее вода задрожала. Чем бы еще он ни был, сэр Мирон Роллинс точно был теперь Мерлином. Ее Мерлином. Ее агентом, орудием, которое она получила, отдав все.

— Я победила, — прошептала она, маска растаяла, ее вода пошла рябью от восторга. — Я победил.

— Мы победили, — исправил Мирон, опираясь на сжавшегося духа города рядом с ним, СЗД еще не издала ни звука. — Эта ночь была победой для всего мира. Ты свободна от тирании наших безумных духов, а человечество защищено от себя. Я получил Сердце Мира как личную лабораторию, а ты можешь уже не переживать из-за СЗД.

Он был прав. Теперь дух СЗД сделала свою работу, и она могла стереть этот грязный город со своих берегов. Она могла стереть все города, лодки и человечество, которые загрязняли ее воды. Но сначала она заберет остатки магии этой ночи и закончит то, что начала, когда убила Трех Сестер.

Тут хватало сил, чтобы растопить гору Хартстрайкер и все крепости других кланов до основания, особенно, раз Золотой Император уже подал себя ей на тарелочке. Когда она

уничтожит их убежища и их лидеров, будет лишь вопросом времени, чтобы стереть оставшихся змей охотой, и теперь, раз Смертные Духи больше не были угрозой, Алгонквин получит все время мира. Вечность безопасности лежала перед ней, возвращение к времени до смертных и их богов. Шанс вернуться домой.

И он был ее шансом.

Еще нет.

Алгонквин повернулась. Она размышляла и не ощутила приближения Левиафана, но это было не важно. Он был там же, где и всегда: за ней.

— На каком основании ты это говоришь?

Логика, — ответил он, его щупальца окружили остров, где стоял Мирон. — *Твой маг — известный предатель, который ходил в место, которое ты не можешь видеть. Теперь он вернулся и говорит, что совершил невозможное, что совпадает с твоими желаниями. Глупо верить ему так быстро, особенно, когда он еще не показал доказательства.*

— Я ощутила, как он вошел в Сердце Мира, — сказала Алгонквин. — Это доказательство.

Это в его интересах, — прошептал монстр, его многочисленные глаза были недоверчивыми. — *Но его верность тебе не доказана. Ты не ощущаешь магию?*

Она не могла ничего ощущать. Но Море Магии бушевало как океан во время урагана и до того, как Мирон пробудил СЗД, и большая система долго успокаивалась.

— Это иссякнет, — уверенно сказала она. — Иначе я убью мага и уничтожу город его духа. В этот раз — навсегда, — она оглянулась на Мирона. — Но ты говоришь мне правду?

— Я никогда не говорил иное, — сказал Мирон. — Это ты врала.

Он поднял голову, глядя вверх ее воды на темную тень за ней.

— Я узнал многое в Сердце Мира, Алгонквин. Например, я знаю, что такое твой Левиафан, и я это не потерплю.

— Мои поступки — не твое дело, — холодно сказала она. — Я — Хозяйка Озер. Ты — просто человек.

— Я куда больше этого, — сказал Мирон. — Я — Мерлин, защитник человечества. И я нужен тебе для управления печатью.

Она замерла.

— Это угроза?

— Да, — он смотрел на нее. — Личные амбиции в сторону, я действовал по твоему плану, чтобы изгнать Смертных Духов, потому что хотел сделать этот мир безопасным для людей, а не для того, чтобы ты играла нашим будущим с темным божеством. Я знаю, что Левиафан тут по твоему приказу, и из-за него печать Мерлинов и треснула. Но, как бы он ни попал сюда, Безымянному Концу нет места в здоровом измерении. Прогони его, или я сотру все, что сделал.

Волны кружились в затопленной Яме, гнев Алгонквин стал расти.

— Ты мне угрожаешь? Я — земля, на которой ты стоишь, дурак. Мне не будет указывать умирающее насекомое!

Улыбка Мирона стала раздражающей.

— Если бы так было, ты не согласилась бы со мной работать. Похоже, тебе нужны мы, умирающие насекомые. Ты должна это принять, потому что я победил тебя сегодня больше, чем он когда-либо, — он кивнул на Левиафана. — Его победа — твое поражение. Он — Безымянный Конец, сила, которая пожирает павшие измерения. Ему не нужно, чтобы ты

преуспела. Он получит то, что хочет, если ты провалишься. Я же поставил на кон так же много, как ты. Я хочу, чтобы ты победила, потому что мы разделяем будущее. Это делает меня надежнее, чем он.

Алгонквин нахмурилась. Это было правдой.

Нет, — прошипел Левиафан, его огромная тень оказалась над ней. — *У нас сделка, Алгонквин.*

— Да, — она посмотрела на него. — Но потому он прав. Наша сделка была в том, что ты будешь служить мне, пока я не провалюсь. Только если я не справлюсь, я дам тебе закончить работу. Я всегда знала, что ты согласишься, только думая, что я не могу победить. Я победила, Левиафан, — она посмотрела на его тени. — Ты мне уже не нужен.

Я всегда буду тебе нужен, — прогудел он, его голос дрожал в ее воде. — *Ты вызвала меня сюда. Дала мне имя. Я — твой конец, Алгонквин. Я не уйду пустым, когда сделка еще не завершена.*

— Она завершена! — закричала она, поднимаясь перед ним. — Магия обрезана! За день море успокоится, и этот избыток исчезнет. За год магия станет такой, как в первую ночь. Когда магии будет так мало, Смертные Духи не смогут угрожать нам, как бы много людей ни было. Мир снова будет принадлежать земле, как всегда должно было быть. Я победила, Левиафан, и то, что ты не можешь принять поражение, доказательство, что Мерлин говорит правду.

Это так? — огромная тень стала распространяться, заполняя Яму щупальцами, которые тянулись и разделялись, неслись по затопленной земле и к оставшимся колоннам Небесных путей. — *Бедная Алгонквин, ты стала такой наивной. Такой отчаявшейся. Ты была самым мудрым духом, но теперь любой маг-шарлатан может очаровать тебя. Он говорит, что ты хочешь слышать, а ты ведешься.*

— А ты трагишь мое время, — Алгонквин собрала воду, оказалась выше него. — Ты был хорошим запасным планом, но победителями это не нужно, да? Я не жалею о нашей сделке. Только из-за тебя я смогла сегодня победить, но это кончено. Мы оба играли, и я победила.

Она указала водой на небо, наполненное дымом.

— Иди, Левиафан. Найди новую добычу, потому что тут больше для тебя охоты не будет.

Алгонквин давно хотела это сказать. Шестьдесят лет, если точно. Слова ощущались приятно, как она и представляла, но была проблема, потому что Левиафан не ушел. Он даже не слушал. Он парил во тьме, в затопленной Яме кишки его щупальца, тянущиеся во все стороны.

Она не могла понять, искал он что-то конкретное или хватался за нити, но Алгонквин теряла терпение. Но, когда она открыла рот, чтобы изгнать его, щупальца Левиафана вернулись, сжимая что-то маленькое, удивленное и смертное, забранное с Небесных путей, и бросили это в мусор у ног Алгонквин.

* * *

Марси снова грызла ногти, быстро отрывая кусочки.

— Не делай так, — рявкнула Амелия, потянувшись к ней, сидя на обломке моста, чтобы отбить руку Марси. — Ты только вернула тело. Хватит его портить.

— Прости, — сказала Марси, глядя через трещину на Мирона, который держался бесстрастно при Алгонквин и жути за ней. — Я просто ненавижу ждать. Ты их слышишь?

— Немного, — сказала драконша. — Мирон умело врет. Не знала, что он так может.

— У Мирона Роллинса много талантов, — сказала Эмили, лежа на спине, глядя на ночное небо в дыму, пока Ворон продолжал работать над ее телом из кусочков. — Потому мы его терпели.

— Надеюсь, он ускорится, — сказал Ворон с куском металла в клюве, который он заталкивал в грудную клетку генерала Джексон. — Я знаю, что хорошая игра требует времени, но если он будет тянуть, Алгонквин заметит, что магия становится сильнее, а не слабее.

Марси не знала, почему она еще не заметила. Мирон не шутил, сказав, что трещина росла. Теперь она сидела смиренно и могла ощутить, как уровень магии поднимается, как волна.

— И мы уверены, что печать еще не сломана, да? Никто за ней не следит, так что...

Она не сломана, — сказал Призрак.

Она скептически посмотрела на просвечивающего кота на ее коленях.

— Откуда ты знаешь?

Потому что мы сидим и болтаем, — сказал он, зализывая раны. — *Это больше магии, чем мы привыкли, но это даже не близко к опасному уровню. Когда печать сломается, это изменится. Поверь. Мы не сможем это пропустить.*

— Это, видимо, успокаивает, — Марси кусала ногти снова. — Джулиус почти вернулся?

— Он быстро летит, — Амелия улыбнулась. — Это так круто. Теперь магия стала сильнее, и я ощущаю огонь каждого дракона, — ее улыбка стала ухмылкой. — Жду, когда я смогу оказаться хоть раз за Челси.

Амелия не была бесшумной, и Марси сомневалась, что это произойдет скоро. Она не успела сказать это Амелии, вода под Левиафаном забурлила.

— Что это?

Все прошли к крошащемуся краю Небесных путей.

— Думаю, это щупальца, — сказала генерал Джексон. — Он направляет их.

— Фу, — с отвращением сказала Марси. — Я ненавижу эти склизкие штуки.

— Сколько их у него? — спросил в это время Амелия.

— Столько, сколько нужно, насколько я знаю, — мрачно ответила генерал. — Количество, длина и размер варьируются, как весь он. Что ожидать от существа, которое не тут?

Марси поежился.

— Он казался мне реальным.

— И мне, — Эмили нахмурилась сильнее. — Интересно, что он пытается...

Она замолкла с ругательством, вскочила, одно черное щупальце взлетело, пробивая трещину в Небесных путях, в которую они подглядывали. Марси тоже отскочила, унося Призрака с собой, пятясь по оставшейся части улицы на верхнем уровне.

И прямо во второе щупальце.

Она вскрикнула от холодной слизи на ее спине. Но, когда она уперлась ногами, чтобы побежать в другую сторону, кончик щупальца обвил ее грудь.

Нашел тебя.

Она задыхалась от страха. Даже Призрак вздрогнул от холодного жидкого голоса, который пронзил их шепотом. Он вонзил ледяные когти в ее руки, чтобы вырваться, но он не успел. Левиафан потянул их обоих назад, через трещину в Небесных путях и вниз-вниз-вниз сквозь тьму. Щупальца быстро отпустили Марси, и она с ее духом рухнула в мусор у ног

Мирона.

Удар лишил ее дыхания. Марси все еще пыталась вернуть его, когда холодный голос сказал:

— Что это?

Вопрос прозвучал сверху. Водянистый голос Алгонквин был усилен количеством воды как из ванны, дух резко опустилась и схватила ее за горло.

— Что это?

Марси отчаянно хваталась за хлыст воды, обвинивший ее шею, но, хоть оно душило ее, это была просто вода, и ее пальцы проходили сквозь нее.

— Ответь мне, Левиафан! — взревело озеро, размахивая Марси в воздухе. — Что это за трюк?

Низкий гул пробежал по земле, как гром, и Левиафан склонился ближе.

— Мерлин.

В этот раз он заговорил вслух. Хотя это было скорее давление, чем звук.

— Тебя обыграли, Алгонквин, — продолжил он, тыкая щупальцами в брыкающиеся ноги Марси. — Посмотри на нее. На то, кто она. Она тоже Мерлин, — гулкий звук стал низким смехом. — Мирон Роллинс предал тебя. Он не пытался два раза. Есть два Мерлина.

— Как? — осведомилась Алгонквин. — Откуда ты узнал?

— Я знал лучше, что нельзя верить, что смертную, которая привязана к смерти, можно одолеть смертью, — просто сказал он. — И я знал, что Ворон крутился у твоей груди трупов драконов не просто так. А еще я видел ее летящей до этого.

Щупальце снова поднялось, похлопало влажно Марси по голове.

— В следующий раз, когда решишь изображать смерть, маленькое существо, тебе стоит научиться скрытности.

Марси закрыла глаза, кривясь. Глупо, глупо, глупо. Когда она открыла их, она поняла, что раскрытие правды о ней было меньшей из фатальных ошибок этой ночи. Весь этот фарс был для того, чтобы Алгонквин надеялась на победу и отпустила свой Безымянный Конец. Теперь, обвитая водой Алгонквин, Марси видела, как все надежды рушились.

— Нет, — прошептала вода, чистый поток стал мутным. — Нет!

Ее визг разнесся эхом по Яме, и вода крепче сжала шею Марси. Если бы она была одна, это оторвал бы ей голову. Но Марси теперь не была одна. Она была Мерлином, и когда Алгонквин стала двигаться, Призрак отпрянул, его холодная магия взорвалась, отгоняя воду. Они оба рухнули в мусор рядом с Миронем.

Старший маг тут же помог ей подняться, а Пустой Ветер шагнул перед ними, защищая. СЗД тоже шагнула вперед, шипя на Алгонквин, как зверь, охраняющий свою территорию, но дух озера не атаковала снова.

Она уже даже не формировала колонну воды. Все рухнуло, оставив промокшее и дрожащее отражение коренной американки, как Алгонквин выглядела на публике. Она сидела на коленях в черной воде Ямы.

— Это было ложью, — прошептала она. — Все это было ложью.

— Только части, — быстро сказала Марси, кашляя. — Мы не подавили магию, но печать на месте. Тебе не нужно сдаваться ему, Алгонквин. Он — монстр вне измерения. Он — не часть этого мира. Мы из этого мира. Мы можем тебе помочь.

— Не можете, — сказал дух, ее человеческий облик стал таять. — Вы — не часть моего мира, потому что мой мир погиб. Я пыталась его спасти, но Ворон был прав. Наш рай

пропал, он никогда не вернется.

С каждым горестным словом она сжималась сильнее.

— Нечего ждать. Только боги, люди, драконы и монстры, давящие нас, крушащие нашу землю вечно. Мы не можем сбежать, даже умереть. Ничего...

— Алгонквин!

Имя было оглушительным боевым кличем. Ворон спикировал, но не такой Ворон, какого знала Марси. Тот дух был просто большой черной птицей. Этот был божеством, огромный Ворон размером со слона с умными глазами, которые сверкали, как молния, когда он опустился на воду.

— Алгонквин, слушай, — его хриплый голос гудел. — Ничто не потеряно, пока ты не сдаешься. Безымянный Конец — твой враг, а не мы. Прогони его, и мы поможем тебе отстроиться, — он склонился ближе, в глазах было отчаяние. — Вернись к нам, старая подруга.

Алгонквин подняла остатки головы, посмотрела на него с такой ненавистью, что она не подходила человеческому лицу.

— Я никогда не была тебе подругой, и мне не к чему возвращаться.

Она опустилась, закончив, остатки человеческого облика пропала в черной воде без звука. Левиафан исчез в то же время, огромное тело слилось с тенями, словно он был одной из них. Когда они оба пропали, вода на полу Ямы стала опускаться.

— Что происходит? — спросила Марси.

Ворон покачал большой головой.

— Ничего хорошего.

Едва слова вылетели из его клюва, Марси ощутила правду. Это не вода отступала. Дух озера сжималась, втягивала воды в свое озеро. И пока вода отступала, давление росло.

— Плохо дело, — Ворон раскрыл большие крылья, чтобы взлететь к Небесным путям. — Плохо, плохо, пло...

Ужасный звук прервал его. Марси закрыла уши, но это не помогло, потому что жестокий рев не был физическим звуком. Это была магия. Магия Алгонквин ревела как Ниагарский водопад, пока она тянула все — каждую каплю, волну, каждый кусочек магии в озерах в центр озера Сен-Клер. Через новые трещины в стенах Ямы Марси видела, как вода собиралась в огромный шар, Алгонквин сжимала себя все сильнее, а давление все еще росло.

А потом, когда показалось, что давление будет расти вечно, что-то большое треснуло.

* * *

В обычной ситуации Джулиусу было бы сложно успевать за полетом крупных драконов. Но этой ночью им было сложно успевать за ним.

— Помедленнее! — кричала Челси поверх шума ветра. — Я знаю, ты спешишь, но рвать крылья не надо.

— Что-то не так! — крикнул он. — Нам нужно к Марси!

— Я бы больше переживал за нас, — Фредрик летел рядом с ним. — Смотрите вниз.

Джулиусу не нужно было смотреть. Он ощущал, как магия Алгонквин сжимается, будто она заняла духовный эквивалент позы эмбриона. Или это, или она накапливала силы для последней атаки. Это в любом случае было плохо, и ему нужно было забрать всех, кто был ему важен, подальше. Особенно сестру, которая делала все это с ребенком, держащимся за спину.

— Все еще не верится, что ты взяла в это ребенка! — закричал он ей.

— А что мне было делать? — отозвалась Челси. — Я не могла ее бросить! Она — кроха, а Боб неизвестно где. Как и Императрица-Мать.

— А брать ее в бой с Алгонквин лучше?

— Конечно, — сказала его сестра. — Она — дракон. Бой с твоей матерью было раньше ритуалом перехода. Если бы Амелия еще была жива, она рассказала бы тебе, какие глупости Бетезда заставляла их делать.

— Вообще-то, — Джулиус улыбнулся впервые с тех пор, как это началось, — я хотел сказать, что Амелия...

Он замолк, подавившись, глаза выпучились. Другие за ним охнули. Даже Цилинь замер, золотое тело дернулось.

Через секунду Джулиус понял, что это были не только они. Весь мир трясся. Воздух, земля, здания — все, что он видел, дёргалось и трещало, как в эпицентре землетрясения в девять баллов. Это было ужасно, но Джулиус чуть не упал с неба из-за того, что происходило внутри, в ядре его огня.

Боли не было, как и раны. Просто ужасное давление, которое сочеталось с осознанием, что что-то пошло не так.

— Джулиус!

Он заставил себя поднять голову. Челси парила рядом с ним, зеленые глаза были полны боли.

— Что это было?

— Не знаю, — выдавил он.

— Магия, — сказал Цилинь, его обычно спокойный голос был на грани паники. — Все бушует. Что происходит?

— Не знаю, — Джулиус заставил крылья двигаться. — Но Марси будет знать. Нужно к ней.

Челси нахмурилась.

— Я не знаю, есть ли...

Но он уже улетел, разогнался и сложил крылья, чтобы спикировать, пронесся мимо высохшего дна озера, сломанных стен, которые должны были защищать воду Алгонквин от Ямы. Другие последовали через миг, не отставая, пока они летели по уже не затопленному Подземелью, следуя за запахом Марси... а потом чуть не врезались в Марси, которая летела с Призраком им навстречу.

Джулиус был слишком рад, чтобы говорить. Он даже не был против ее холодного духа, когда приземлился и схватил ее своими крыльями.

— Ты в порядке?

— Сейчас? Да, — быстро сказала она. — А вообще — не очень.

— Что случилось? — спросила Челси, останавливая спуск крыльями.

— Самое глупое, — сказал раздраженный голос над ними.

Челси вскинула голову, а потом ее глаза расширились, огромный красный дракон с перьями из огня подлетел к ней и улыбнулся.

— Что? — сказала Амелия. — Без приветствия?

— Что ты тут делаешь? — заорала Челси. — Ты мертва!

— Так мне говорят, — Амелия рассмеялась. — Но придется объяснить позже. Истерика Алгонквин сломала печать Мерлинов, и на нас обрушится тысяча лет магии, если мы не поспешим.

— Куда? — безумно сказал Джулиус. — Это не звучит как то, от чего можно уклониться.

Он смотрел на Амелию, но ответила Марси.

— Это учтено, — она забралась на спину Джулиуса. — Лети к нашему дому.

Джулиус моргнул.

— Наш дом? Ты про тот, что в городе?

Она быстро кивала.

— Помнишь все чары, которые я наложила? Знаю, кажется вечностью, но мы отсутствовали полторы недели, значит, все еще работает. Если здание еще стоит, то и моя защита там. Но нужно спешить. Призрак оценивает, что у нас пара минут до удара волны.

— Меньше, — Пустой Ветер подтолкнул Джулиуса холодом. — Хватит болтать, лети.

Джулиусу не нужно было повторять. Он полетел как ракета, прижимая крылья, чтобы Марси не упала, пока он несеся по высохшей Яме.

— А другие? Мирон и остальные?

— Уже впереди, — закричала Марси поверх ветра. — Я сказала им, куда идти, пока не отправилась искать тебя.

В другой раз его сердце дрогнуло бы от этого. Но в этот раз Джулиус мог лишь лететь среди обломков Подземелья по памяти и инстинкту, пока он не добрался до спирали дороги, которая скрывала дом, который им дал Иен.

«Прошу, будь там, — молился он, нырнув в туннель, который вел среди спирали потрескавшихся дорог. — Прошу, не будь уничтожен. Прошу. Прошу».

Он вырвался из туннеля, раскрыл крылья, проверяя скорость, чтобы не врезаться в стену. Это все случилось так быстро, он ничего сначала не увидел, кроме пятна света и земли. Как только он понял, что не разобьется, он поднял взгляд и увидел то, что надеялся увидеть.

— Он еще тут, — сказал он, потрясенно глядя на их чудом уцелевший трехэтажный дом. — Он все еще целый!

— Кроме стены, которую пробил Конрад, когда Эстелла пришла за мной, — сказала Амелия, вылетая за ними. — Марси, помоги мне это исправить. Лучшие чары в мире не сработают, если спереди такая дыра.

Марси кивнула и спрыгнула, съехав с Джулиуса, чтобы побежать за Амелией. Челси, Фредрик и Цилинь тоже уже пикировали. Ворон уже был тут, еще и намного больше. Он едва влез на пострадавшее крыльцо, где он и Эмили стали быстро соединять куски стены и входную дверь, которые разбил Конрад.

— Нам это делать, сэр?

Джулиус оглянулся, Фредрик стоял за ним. И над ним, ведь Ф был в пять раз больше Джулиуса в этом облике.

— Что еще нам делать?

— Для начала: вернуться на гору Хартстрайкер, — Фредрик поднял когти, которые все еще были в его Клыке. — Бетезда еще там. Наверное, в своем бункере. Потребуется несколько ходок, но я смогу всех перенести к ней. Бункер под горой намного безопаснее...

— НЕТ! — заорала Амелия, появляясь над ними вспышкой красного огня, чтобы сбить ногти Фредрика на землю. — Никаких телепортов!

— Не кричи на него! — рывкнула Челси, встав между Фредриком и сестрой. — Это было хорошей идеей.

— Может, в нормальных обстоятельствах, — сказала Амелия. — Но в этом нет ничего нормального! То, что магия еще не раздавливает нас до смерти, не означает, что она не станет хуже. Знаешь, что будет, если мы откроем портал, пока... — она застыла, глаза стали огромными. — Мне нужно предупредить Свену.

— Если ты знаешь, что так лучше не делать, уверена, и Белая Ведьма знает, — Челси с облаком дыма убрала облик дракона, осталась нагой на лестнице с малышкой-драконом размером с добермана в руках. — Если тут пока безопаснее всего, мы остаемся. Все внутрь.

Другие драконы тоже изменились, побежали за ней в дом, кроме Амелии, которая осталась помогать Марси, Мирону и Ворону с крыльцом. Джулиус должен был последовать примеру. Он был маленьким, но его облик дракона все еще не пролезал в восстановленную дверь. В отличие от Амелии, он не мог наколдовать одежду, и все же он не мог себя заставить остаться голым перед таким количеством глаз, еще и в своем доме.

Пока все были заняты, Джулиус прыгнул в воздух, залетел за дом. Он опустился на крышу, открыл окно своей спальни когтем, поменял облик и нырнул внутрь. Как только он пролез, он схватил первую одежду, какую увидел, и стал натягивать на себя. Он все еще надевал футболку через голову, когда Челси ворвалась в комнату.

Он не знал, как она его опередила, но она была в одной из футболок Марси и джинсовых шортах. Она даже не попросила разрешения, прошла к шкафу Джулиуса и стала бросать вещи Фредрику и Цилиню, которые шли за ней. Ее дочь все еще была драконом, карабкалась по стенам, как ящерица, вбиваясь когтями в гипсокартон, чтобы подниматься, наслаждаясь хаосом.

— Я все восстановлю, — сказала Челси раньше, чем Джулиус мог возмутиться. — Просто спустись.

Джулиус кивнул и выбежал за дверь, минуя по три ступеньки за шаг, направляясь в гостиную. Он перепрыгнул перила под конец, когда все — Марси, Призрак, Мирон, Амелия, Ворон, Эмили и даже СЗД, ставшая большой крысой — ворвались в спешно починенную входную дверь. Амелия вошла последней, захлопнула деревянную дверь, покрытую заклинаниями, за собой как раз вовремя.

В окна Джулиус видел, как вокруг становится все ярче в их закутке. А потом, когда от яркости стало больно смотреть, свет разделился. Просто развалился на кусочки, похожие на снег. Мягкая сияющая буря бледного света всех красок, но не холодная и не падающая с неба. Кусочки поднимались с земли, и это было красиво.

— Это все? — сказал он, проходя к окну. — Этого мы боялись?

— Да, — мрачно сказала Амелия. — Не давай милому световому шоу обмануть тебя. Это чистая магия, какой эта сторона мира никогда не видела.

— Похоже, барьер между Морем Магии и физическим миром поглотил почти весь удар, — добавила Марси, подходя к Джулиусу у окна. — Это лучше, чем я надеялась, но магии все еще куда больше, чем физический мир когда-либо испытывал, — она прикусила губу. — Мы увидим странности после этого.

— Точно будет много новых магов, — сказал Мирон, хмуро глядя на красивое сияние за окном, стоя у камина. — Все, кто был на грани, будут подтолкнуты, и это не будет приятно.

— И звери, — сказала Марси. — Помните безумных мана-зверей, которые возникли после падения метеорита? Такое будет по всему миру. Детройту, наверное, достанется хуже всего, ведь СЗД сделала тут барьер тоньше, но вряд ли хоть кто-то защищен.

— Как долго это продлится? — спросил Джулиус, очарованный сияющими частичками,

поднимающимися с земли, как светлячки.

Амелия пожалала плечами.

— Кто знает? Даже я никогда не видела такой сильный магический всплеск.

— Думаю, не больше двух недель, — сказала Марси. — Они не были такими большими, но у нас были магические катастрофы раньше. Большая часть кошмара...

— Обычно успокаивается за сорок восемь часов, — закончил Мирон. — Но ты думаешь, что эта ситуация будет развиваться так же, как события, которые происходили на этой стороне раньше. Эта магия идет из Моря Магии, и у нас нет даты конца.

Марси задумчиво хмурилась, а потом повернулась и пошла к лестнице.

— Нужно лучше рассмотреть. У меня в лаборатории наверху круг наблюдения.

— У тебя есть телефон? — спросила генерал Джексон, спеша за ней. — Офис ООН в Нью-Йорке знает точные данные.

Это было хорошее замечание. Если подумать, все это: целый дом, сила, чары — казалось Джулиусу подозрительно совпавшим. В другой раз он переживал бы, но сейчас он мог лишь стоять и смотреть, как Марси поднимается по лестнице со всеми. Уходит от него.

Он все еще смотрел, когда ладонь опустилась на его плечо, и он повернулся и увидел рядом Челси и ее дочь, которая снова была в облике человека, а еще на ней была футболка Джулиуса, будто платье.

— Многие происходит, — тихо сказала она, ее зеленые глаза смотрели на лестницу, где пропала Марси. — Она сейчас занята. Это не значит, что ей плевать.

— Знаю, — Джулиус с дрожью вздохнул. — Она теперь Мерлин. Она делает то, что нужно, и я ряд за нее.

Он не звучал счастливо. Челси не обвинила его во лжи. Она просто сжала его плечо и пошла на кухню.

— Я проверю твой холодильник. Не ясно, надолго ли мы тут, а силы нам нужны. Лучше подкрепиться. Поможешь?

Джулиус пытался мгновение. Правда. Он даже смог пройти в двери кухни. А потом уже не мог. Вся ночь, все события он держался на адреналине. Теперь все вдруг успокоилось, и ничего не осталось.

— Прости, — сказал он, его тело дрожало. — Я... это...

— Все хорошо, — сказала Челси, оглянувшись. — Иди в свою комнату и делай, что нужно, чтобы взять себя в руки, потому что ты нам понадобишься.

Технически она не должна была ему указывать, но слова Челси не были приказом. Они были побегом, и Джулиус использовал шанс, повернулся и поднялся в свою комнату так быстро, как только мог, но не бежал. Он повернулся, чтобы запереть дверь, когда кто-то схватился за ручку с другой стороны.

Джулиус застыл, растерявшись. А потом смятение стало радостью, когда Марси вошла.

— Эй, — сказала она.

— Эй, — вяло ответил он, провел рукой по волосам. — Я думал, вы говорили о серьезных магических делах.

— Говорили, — она прошла в его комнату. — Но потом я подумала, что это надолго, а я не хотела сидеть и мешать, пока они звонят всем мгам в ООН, так что сказала им, что устала.

Он хмуро посмотрел на нее.

— Ты устала?

— Я была мертва четыре дня, — напомнила она ему, закрывая дверь, чтобы

прислониться к ней. — Так что да, я устала. Но я не хочу спать в своей комнате.

Она заперла за собой дверь со щелчком, и вдруг Джулиус понял, что происходило.

— О, — сказал он, сердце колотилось. — Это, то есть...

Он не знал, что имел в виду. К счастью, это было не важно. Марси уже пересекла расстояние, обвила руками его шею и притянула его для поцелуя.

Джулиус вздрогнул, когда их губы встретились. Чуть не выскочил из кожи. Она ожидала такое, потому что Марси крепче сжала его шею, прижимая его к себе, пока подталкивала их обоих к его кровати.

И тут мозг Джулиуса стал его подводить, а это было серьезной проблемой, потому что ему нужно было сейчас соображать. Это происходило слишком быстро. Марси только вернулась из мертвых. Они были посреди магического апокалипсиса. Ему нужно было все осознать, поговорить обо всем, что он не успел сказать, о том, как скучал по ней. Обо всем, что он неделю отчаянно повторял, обо всем, что грызло его.

Ему нужно было сказать это, но он не мог заставить себя отодвинуть Марси. Она была так близко. Тут, живая, целующая его, и... и...

Его мысли все еще запинались, когда они добрались до кровати. Когда его ноги задели матрац, колени Джулиуса согнулись, и они оба рухнули. Ладони Марси скользнули с его плеч к его груди, сжали его футболку, и Джулиус понял, что если он хотел что-то сказать, нужно было сделать это сейчас.

— погоди, — охнул он, сжимая ее ладони и садясь. — Остановись на секунду.

Боль на лице Марси вызвала у него панику.

— Не в том дело, — сказал он как можно быстрее. — Я хочу этого, но...

— Хорошо, — сказала она, отклоняясь с улыбкой. — Я тоже этого хочу.

Он схватил ее за руки.

— Марси, — с дрожью в голосе сказал он. — Ты была мертва.

— А почему я спешу? — раздраженно спросила она, борясь в его хватке. — Я уже все потерял раз. Я не буду тратить больше времени.

— И я, — пообещал он. — Но я не могу продолжать... не сказав...

Марси замерла.

— Не сказав что?

Джулиус сжал кулаки. Пришел момент.

— Я люблю тебя.

Она глубоко и радостно вздохнула.

— Ты меня любишь, — повторила она, смакуя каждое слово.

— И сильно, — добавил он. — И это не то, что я понял, только когда ты умерла. Я любил тебя уже долгое время, но не говорил, потому что не хотел вредить нашей дружбе и устраивать так много проблем для тебя.

Она смотрела на него, как на безумца.

— Почему твоя любовь вызвала бы у меня проблемы?

— Как можно так спрашивать? — завопил он. — Я устраивал тебе только проблемы!

Грегори пытался тебя убить...

— И я надрала ему зад.

— ...а теперь все стало хуже, и я — глава клана. Я чуть не умер три раза за четыре дня, пока ты была мертва. Я не могу просить тебя быть частью этого. Это по моей вине ты умерла.

— Ты меня не просишь, — гневно сказала она, вырвавшись из его хватки. — Я выбираю. Думаешь, только у тебя безумная жизнь? Я теперь Мерлин. Ты уже видел, как страшно это может быть, и ты не был на другой стороне. Это не тебя не пугает во мне?

— Нет, — тут же сказал он.

— Именно, — сказала Марси. — Так что хватит ожидать, что я другая, — она скрестила руки на груди. — Я в курсе опасностей жизни с тобой, Джулиус Хартстрайкер. Я все это видела, это не заставило меня передумать. Если у тебя так же, я бы хотела попробовать плюсы наших отношений, пока я не умерла снова.

Джулиус побледнел.

— Это не смешно.

— И не должно быть, — твердо сказала она. — Я говорю это, чтобы ты понял, что я иду в это с широко открытыми глазами. Я знаю, кто ты, знаю, что это значит, и это ничего не меняет. Я всегда хотела тебя. Ты никак не можешь меня переубедить, так что, хоть я знаю, что ты хочешь добра, перестань. Я люблю тебя. Я хочу этого. Конец истории.

Это было ясно, но Джулиус не сдержался:

— Ты меня любишь?

— Ха, — ее щеки покраснели. — Если поцелуй в отеле не был жирным намеком, то я в тебя была влюблена вечно.

Он улыбнулся как счастливый идиот, когда она закончила, и Марси закатила глаза.

— Это все смущающее, в чем ты хочешь, чтобы я призналась? Мы можем продолжать? Потому что я не знаю, сколько свободного времени у нас есть в этом кризисе, и я не хотела бы упускать, возможно, единственный шанс...

Джулиус притянул ее к себе. Она ответила, безумно целуя его, оттолкнулась ногами от пола, и они оба прокатились по кровати.

В тот миг Джулиус понял, что они пересекли точку невозврата. Марси теперь была на нем, ее запах и тепло были повсюду, пока она помогала ему снять с нее футболку. Следующей слетела его футболка, и она Марси вернулась на него, прижалась кожей к теплой коже, он подумал, что умрет.

Удивительно, но не от тревоги. Он несколько раз позволял себе вообразить этот сценарий, и он всегда немного боялся. Теперь это происходило, и то, что он был девственником и не знал, что делал, вдруг стало мелочью, по сравнению с восторгом от того, что Марси была так близко к нему. Это переполняло его. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Такая удача не должна была вызывать вопросов. Но, когда он успокоился, Марси застыла.

— Что? — спросил он, боясь, что сделал что-то не так, но она не смотрела на него. Она смотрела в окно.

— Там птица.

Джулиус сел в тревоге. Да, голубь сидел на подоконнике. Обычный городской голубь, но в шляпке с цветочком на пернатой голове, привязанной под углом.

Она клевала стекло, а, когда увидела Джулиуса, ее горло затрепетало от воркования с вопросом. Она все еще ворковала, когда Джулиус поднял руку и схватил шнурок жалюзи.

— погоди! — завопила Марси, когда жалюзи рухнули на окно. — Это не Боба...

— Да.

— Тогда почему ты...

— Потому что мне плевать, — Джулиус уткнулся лицом в ее шею. — Что бы он ни

хотел мне сказать, это может подождать.

— А если это важно?

— Не важно, — упрямо сказал он, приподнявшись, чтобы посмотреть на нее. — Мне надоело ставить другое выше нас, Марси. Когда я в прошлый раз выбрал Хартстрайкеров выше тебя, ты умерла. Я не забуду этот урок. Боб может потерпеть пару часов, но я не буду больше принимать тебя как должное.

Он сжимал ее крепко под конец. Но, когда он попытался отпустить, она не позволила. Она поцеловала его, водила губами по его губам, пока они не затерялись снова, укутанные в тепло в мире, где, хоть раз, они были самыми важными.

* * *

Высоко над высохшим дном озера Сен-Клер на последней уцелевшей стальной балке, которая когда-то была частью бульвара с изящными — и рухнувшими теперь — отелями у озера, сидел дракон, скрестив ноги, под защитным пузырем, созданным его огромным мечом в форме клыка, ел сэндвич с курицей и смотрел, как магия поднималась с земли, как перевернутый снегопад.

Было немного тесно — даже Клык Мага Хартстрайкеров с трудом справлялся с такой катастрофой — но Брогомир был доволен. Не каждый день он мог посмотреть на конец мира из первого ряда.

Он только доел сэндвич и тянулся в бумажный пакет за вторым, когда голубка в милой шляпке опустилась на его ногу.

Одна.

— Значит, это «нет»? — Боб печально опустил сэндвич.

Голубка качнула головой, прыгнула на его колено и клюнула сэндвич, который он опустил.

— Я подозревал, что он не придет, — сказал пророк, распаковывая сэндвич, чтобы ей было проще есть. — Но маленький шанс был, и я надеялся поговорить с ним нормально, пока не...

— До конца.

Боб поднял голову и увидел, как Черный Размах упал с неба. Не как дракон — все зашло не так далеко — его и его облик человека был плохим.

— Что такое? — раздраженно спросил Боб. — Я не против загадок, ведь они хорошо сложены, но тут не хватит места для двоих.

— Я ненадолго, — сказал Черный Размах, взял сэндвич из бумажного пакета рядом с окровавленной ногой Боба. — Выглядит серьезно.

— С моей сестрой всегда серьезно, — сказал Боб со смехом, но быстро скривился и замолк, потревожив ушибы на груди. — Даже с ее Клыком бой был бы риском. А без него... — он скривился. — Скажем так, я рад, что у меня остались все мои органы.

— Не так все и плохо, раз ты можешь шутить об этом, — сказал Черный Размах, разворачивая украденный сэндвич. — И я заметил, что твое оружие прибыло вовремя и спасло тебя.

Боб спокойно улыбнулся.

— Пунктуальность — один из многих плюсов Джулиуса.

— Я видел, — сказал старший пророк, пронзая его взглядом. — Это проблема. Я видел все, и я все еще не понимаю. Например, эта встреча, — он взглянул на голубку, радостно клюющую сэндвич на коленях Боба. — У тебя теперь есть все, что нужно. Чего ты ждешь?

— Если ты все видел, не задавал бы этот вопрос, — ответил Брогомир, погладил сложенные крылья голубки пальцем.

Черный Размах раздавил сэндвич в кулаке, и Боб вздохнул.

— Ты пришел просто испортить еду или...

— Зачем? — прорычал он, бросая сэндвич и опускаясь на колени перед младшим пророком, чтобы быть перед его лицом. — Я следил за каждым твоим шагом, ждал, что ты раскроешь себя. Удивишь меня. Но каждый шаг просто приводил нас ближе к неизбежному.

— Это проблема с неизбежными вещами, — сказал Брогомир. — Они всегда...

— ЗАЧЕМ? — взревел Черный Размах, указывая на пульсирующий шар воды, парящий над сухим дном озера Сен-Клер. — Твои планы только все ухудшили! Ты раздражал, уничтожал, и ради чего? Будущее такое, каким и было. Вся твоя работа, твои тайны и загадки — все это было зря!

— Ах, — Боб поднял палец. — Тут ты ошибаешься.

— Скажи мне, — потребовал старший пророк, схватив его за воротник. — Скажи, как это приведет не к катастрофе.

— Не могу, — Боб свисал в его хватке. — Ты сам сказал. Конец неизбежен.

Черный Размах оскалился.

— Тогда почему ты делаешь все, что в твоих силах, чтобы он пришел быстрее?

— Потому что мне это нужно, — Боб, наконец, посерьёзnel. — Мне нужен этот хаос, потому что это, — он кивнул на шар Алгонквин, — должно было произойти. Я всю жизнь смотрел на эти пути. Я прожил все варианты конца этой ночи, и мы выживем, чтобы увидеть завтра, только если все катастрофы дальше будут происходить на моих условиях.

Черный Размах отпустил его и вздохнул.

— В твоей логике изъян, — утомленно сказал он. — Завтра для тебя нет, Брогомир. Из-за твоих действий завтра может не быть ни для кого из нас.

— Ты это не допустишь, — уверенно сказал Боб. — Ты — Дракон, Видящий Вечность, страж будущего. Если у драконов не будет будущего, ты лишишься работы.

Черный Размах протер глаза.

— Я попробую, — сказал он. — Но тебе не приходило в голову, что я — конструктор, не божество?

— О, много раз приходило, — отозвался Боб. — Но не переживай. Я написал роль и для тебя. И большую, но я пообещал своей милой шоу, а я не могу разочаровать леди.

Он склонился и поцеловал голубку в голову, Черный Размах с отвращением скривил губы.

— Это не леди, — прорычал он. — Это...

— А-а-а, — сказал Боб. — Ни слова. Я не буду терпеть оскорбления моей супруги.

— Супруги? — Черный Размах фыркнул. — Ты — ее супруг, она использует тебя.

— Использовала бы, если бы я не был в курсе, — Боб отклонился на свой Клык. — Но я знаю, что происходит, потому что все это было моей идеей. Это не твое дело, но я спросил ее, так что, если ты думаешь, что я — невинная жертва, то брось. Я шел в это, широко открыв глаза.

— Тогда нужно было увидеть больше, — холодно сказал Черный Размах, повернулся к шару сжатой воды и огромной тени, накрывающей его, как туча. — Последний шанс, Брогомир.

Пророк Хартстрайкеров улыбнулся, встал и вытащил меч из балки, закинул огромный

клинок на плечо. Он забрал пакет сэндвичей следом. А потом с вежливым кивком он отпрянул, прыгнул с балки, как камень.

Он ловко приземлился, как кот, на тридцать футов ниже, попал на песок и грязь дна озера, не оставив и следа ног.

— Скоро увидимся, — крикнул он Черному Размаху, помахав ему мечом, а потом вернул клинок на плечо и пошел в Подземелье, используя Клык Мага как мачете, прорубая путь через густые нити сияющей токсичной магии, раскачивающиеся перед ним, как колосья.

— Еще раз, — буркнул старший пророк, склонился и взял ремешок потрепанной сумки, которую он нес с тех пор, как покинул гору Хартстрайкер. В ней — теперь, когда Брогомил не позволил ему уговорить его — хранилась их последняя надежда на будущее.

Мрачно покачав головой, Черный Размах сел на место, которое Брогомил освободил, чтобы смотреть, как сияющая магия начала окружать темнеющий шар сжатой воды Алгонквин, словно звезды вокруг черной дыры.

Эпилог

Было время, когда Алгонквин не верила в поражение. Когда ты жил вечно, ты не мог быть полностью побежден. Были отдачи, временные помехи, которые потом пропадали, и она снова была свободна и могла делать то, что нужно было.

Но не сегодня.

Она сжималась на дне своих владений, комок в песке, вода была притянута так близко, как только было возможно. Над ней Море Магии бушевало, как тайфун. Если бы она захотела подняться, она увидела бы, как оно наполняет сосуды Смертных Духов, но она не хотела. Она уже видела так много трагедий, включая ее. Все пропало: шансы, надежды, будущее. Все было украдено, и как бы долго она ни ждала, как бы ни боролась, это не вернется.

Но может вернуться.

Она подняла воду, увидела знакомый силуэт во тьме, где никто не должен был находиться.

Но и я тут живу, — мягко ответил Левиафан, поднял щупальца и погладил ее дрожащие волны. — Ты пригласила меня сюда. Я ответил на зов, Алгонквин. Я пришел на помощь, когда никто не пришел бы, и мы заключили сделку. Шестдесят лет я был твоим помощником, поддерживал все твои попытки забрать твой мир у неуправляемых сил человеческой магии. Я не думал, что ты преуспеешь, и я не желал тебе вреда, но, чтобы я мог тебе помочь, мне нужно было, чтобы ты стала такой.

— Какой? — прорычала она. — Побежденной? Лишенной надежды?

Пустой, — ответил он, голос разносился эхом. — Живые существа всегда полные. Ты была так набита гневом, надеждой, затеями, ожиданиями и мечтами, что не было места для чего-то еще. Только когда ты поняла, что все потеряно, когда ты сдалась, ты можешь потянуться дальше. Только в пустоте можно найти победу, которую ты не могла понять сама, ведь была слишком мала.

— Больше нет победы, — сказала она, погружаясь ниже. — Смертные Духи наполняются, и когда они поднимется, мы будем сокрушены. Даже если человечество умрет этой ночью, они вырыли слишком глубокие впадины в магии. Не видишь? — ее вода стала мутнеть. — Я никогда не буду свободна.

Так отпусти, — прошептал он. — Я обещал помочь тебе биться до конца. Пока

надежда не будет утеряна, и вот момент настал. Пора отпустить вчерашнюю войну и начать побеждать в следующей.

— Но я не могу! — закричала она. — Они слишком большие и сильные! Я не могу одолеть...

Я могу.

Безымянный Конец приблизился, его щупальца тянулись по полу ее сосуда, пока она не оказалась окружена.

Я больше всех твоих врагов, вместе взятых, — прошептал он, проникая в ее воды. — Дай мне поглотить тебя, и я уничтожу все, что стояло на твоём пути. Духов, людей, драконов — все, что причиняет тебе боль. Я съем их всех. Мне нужна только твоя жизнь. Дай мне свой неумирающий дух, свой сосуд как мою точку опоры, и я сотру все. Я уберу грязь, которая вредила тебе, из этого мира, и когда я закончу, твое измерение родиться заново. Пустая доска, чистая земля, где поднимутся новые духи. Чистые. Свободные души без оков, без прошлого или боли. Это я предлагаю, Алгонквин. Ты получишь свой рай, и цена — только ты.

Это было заманчиво, но...

— Что толку от рая, если я его не увижу?

Это тебе решать, — сказал он, поднял черный гладкий панцирь его лица к бурлящей магии сверху. — Хотя лучше спросить, что толку сейчас от твоей жизни? Что ты отдаёшь? Поражение. Потерю. Я возьму это, а взамен отдам тебе то, что сейчас невозможно: второй шанс. Лучшую жизнь для всех духов земли, которые будут после тебя.

— А духи, которые есть теперь? — спросила она. — Одно дело — моя жизнь, а деревья, звери и горы? Мы — земля. Если мы уйдем, что останется?

Не может быть нового начала без Конец, — тихо сказал он. — Пора сделать выбор. Или ты принимаешь это поражение на веки, до конца времён, или ты отдаешь себя мне и позволяешь все начать заново. Я буду поглощать без предрассудков или жалости, начав с тебя. Когда я закончу, твой мир будет концом, но обещаю, я не дам ему развалиться. Когда я закончу убирать его, я оставлю в твоём измерении достаточно магии для нового начала. Может, в этот раз получится правильно.

Алгонквин сжалась в шар. Его слова не были новыми. Таким всегда было их соглашение, но она не думала, что придется платить. Она была уверена, что сможет все исправить, преодолеть это, всегда так думала. Но в этот раз у Алгонквин не было выхода.

Даже в ее самый долгий период бодрствования Смертные Духи были там, бушевали на земле, которая была ее телом. Она и ее духи-товарищи будут страдать от прихотей безумных врагов вечность. И не будет шанса сбежать, надежды на свободу. Она видела только будущее, которое было живым адом. Неужели смерть была так плоха?

Смерть — это покой, — пообещал Левиафан, его щупальца сомкнулись над ней, как сеть. — Ты не устала?

Она устала. Устала, ей надоело. Надоели люди. Надоело бороться. Надоело так надеяться, чтобы снова и снова все терять. Все это надоело.

Так отпусти, — шептал он, его тьма сжалась сильнее. — Я позабочусь обо всем. Тебе нужно просто впустить меня.

Она отвернулась, посмотрела на себя в своей воде, на то, что она потеряет.

Уже потеряла, — терпеливо исправил Левиафан. — Это кончено, Алгонквин. Впусти меня.

Ей было нечего сказать. Он был прав. Как бы сильно она ни билась, она не могла победить сама. Уже нет.

Вздыхнув, Хозяйка Озер сдалась. Она расслабила сжатую воду, позволила ей течь по ее владениям и Левиафану, чьи черные щупальца уже погрузились в воду и пили ее. Его тени тянулись во все части, черные щупальца были как корни, а бессмертная Алгонквин, сама земля, начала умирать.

И в физическом мире, в ночном небе над дымящимся городом, горящим, как круг фейри с новой магией, тень Левиафана начала становиться реальной.